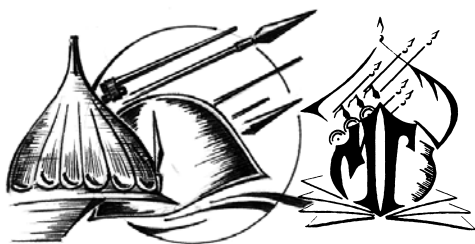

Россия, Русь! Храни себя, храни!

10
2010

Союз писателей России

Ежемесячный литературно-художественный
и общественно-политический журнал

Основан в 1922 году

В НОМЕРЕ:

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Александр МОЛОТКОВ. История неразрывна	3
Владимир АНИЩЕНКОВ. Державная поступь	146
Игорь ШАФАРЕВИЧ. Путь России	170
Альберт СЁМИН. Откровенный разговор	175
Владимир ОВЧИНСКИЙ. «Черный ящик» мировой политики	181

ПОЭЗИЯ

Юрий ВОРОТНИН. Я очнусь на заре. Стихи	8
Виктор ПЕТРОВ. Путник. Стихи	13
Стихи лауреатов Всероссийского поэтического конкурса имени Сергея Есенина:	
Алла ЛИНЕВА. По краешку неба. Стихи	197
Андрей ШЕНДАКОВ. В старинном городке. Стихи	200
Иван РУСАНОВ. Все это было. Стихи	203

ПРОЗА

Александр ПОЛЯКОВ. Великаны сумрака. Роман. Продолжение	16
---	----

Михаил ЕСЬКОВ. Черная рубаха . Рассказ	103
---	-----

ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА

Сергей КАПИЦА. Россию превращают в страну дураков	129
Владимир ПЕТРОВ. Миссия русского народа	133
Вадим БЕЛОЦЕРКОВСКИЙ. Егор Гайдар и людоедство	137
Валерий ХАТЮШИН. Вырождение российского спорта	141

НАШЕ ИНТЕРВЬЮ

Валентин РАСПУТИН, Владимир КОЖЕМЯКО. Время трагедий	207
Николай БУРЛЯЕВ, Владимир СМЫК. Кино – духовно-стратегическое оружие государства	217

ДОСЬЕ «МГ»

Валерий ШЕВЧЕНКО. Забывтые жертвы октября 1993 года	227
--	-----

НАЦИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Геннадий ШИМАНОВ. Правда о национализме	248
--	-----

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

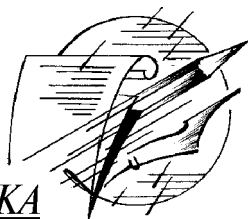
Владимир ДЕСЯТНИКОВ. Дневник русского	277
--	-----

ИСТОРИЯ НЕРАЗРЫВНА

Обострение православных дискуссий об «отношении к советскому прошлому» на двадцатом году «постсоветизма» само по себе удивительно и симптоматично. Похоже, пришло время задуматься о Советской эпохе более принципиально — не в духе диссидентского популизма либеральной революции, а с точки зрения реальной ответственности перед национальной историей.

Так как сама национальная история все настойчивее требует ясного представления о будущем, которое, словно мираж, постоянно тает на горизонте, несмотря на старательную имитацию властью государственного возрождения и вдохновенные призывы «Вперед!», будущее как потенциальное жизненное пространство русского народа и русской цивилизации с каждым годом по мере удаления от былого советского величия становится призрачным. Хоть считай это пространство в показателях демографической катастрофы, хоть в гектарах зарастающей лесом пашни, хоть в масштабах оставляемой китайцам Сибири.

Это говорит о том, что будущего в избранном властью направлении — попросту нет! Понимание этого обстоятельства и заставляет все чаще обращаться взором к советской эпохе, чтобы восстановить утерянный смысл истории. То есть вопрос о «сове-

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

тизме» вовсе не ограничивается духовной оценкой советского строя или проблемой позиционирования православного сознания по отношению к личностям Сталина или Власова, а несет за собой нечто значительно большее. За этим отношением сокрыта проблема Будущего!

Осознание советского опыта — это прежде всего цивилизационный вопрос, который национальное сознание и, в первую очередь его православное ядро, должно разрешить на рубеже нынешнего исторического выбора. Этот выбор, несмотря на видимую активность кремлевских реформаторов, все еще не состоялся. Осуществляемый ими западно-либеральный «выбор России» — и по форме, и по существу фиктивен, так как сделан в обход общественного сознания. Никакого мировоззренческого осмысления и тем более стратегического выбора либерально-рыночной парадигмы на уровне национального сознания не было! Операцию провели под наркозом СМИ методом «шоковой терапии», и пациент просто не успел осознать, что же произошло. Поэтому новое обращение к советской эпохе — не просто ностальгия по прошлому, а потребность в адекватном понимании настоящего. Ибо главной проблемой нашего времени является, конечно, не Власов или Сталин, а острый кризис национально-исторической идентичности и неспособность общества (и православного сообщества в том числе) прямо смотреть в глаза будущему.

Мы принципиально не можем решить эту проблему вне советской эпохи, выводя ее за скобки русской истории как нечто досадное, ложное и никчемное. Отрекаясь от нее как ближайшей опоры истории, мы оказываемся в том странном внеисторическом пространстве нынешней «Единой России», где катастрофически иссякает настоящее и нет надежд на будущее. Это пространство исторической пустоты — невосможность свободного падения. Здесь уже неуместна запоздалая рефлексия антикоммунизма, здесь встает задача практического национально-исторического выживания. На фоне обвальной деградации государственности, экономики и общества опыт советского строя предстает как ближайшая в историческом, экономическом и политическом смысле социально-мировоззренческая альтернатива нынешней ситуации. И этот фактор становится сегодня определяющим.

Ведь по-прежнему ничего более позитивного не просматривается — ни в теории, ни в практике. За двадцать лет реформ та же «православная оппозиция» не смогла предложить никакого сколько-нибудь реального социально-государственного проекта по выходу из исторического кризиса. Все ограничивается отвлеченными мечтаниями об «идеале пра-

вославленной монархии» непонятно какого образца с безвольным признанием диктата рыночно-капиталистических отношений во всех сферах общества. А сам вопрос о национально-государственном возрождении уходит в туманную перспективу «постепенного воцерковления» общества, народа и власти. Предельно идеализированные ожидания.

Пора наконец признать, что для предметного построения современной православной историософии недостает одного исторического звена, и это звено — советский социализм! Только тогда все встанет на свои места и можно будет думать о реальной стратегии возрождения. Именно прямолинейный и поверхностный антисоветизм, владевший православным сознанием все постперестроечные годы, делает нас исторически слепыми. Не случайно именно антисоветизм был и остается главным принципом информационно-идеологической политики нынешнего режима. Нас явно держат на игле антисоветизма, чтобы мы никогда не смогли воссоединиться со своей реальной историей!

В многочисленных дискуссиях вновь и вновь обнажаются болезненные моменты XX века. Это естественное подтверждение незавершенности и недосказанности русской истории, эхо гражданской войны, которое, конечно же, не отменишь по одному благову пожеланию. Оно будет присутствовать в национальном самосознании, пока не состоится полное искупление братоубийственной трагедии нашей истории в новом воссоединении ее частей — советской и русской. Простой декларацией «народного единства» здесь ничего не изменишь. Именно эта задача остается сегодня главной, и мы будем до тех пор выходить «стенка на стенку», пока не произойдет это новое воссоединение — мировоззренческое, историческое и политическое.

И можно сказать, этот процесс уже начался! Как ни странно, его началом явилась дискуссия на телевидении о генерале Власове, всколыхнувшая не на шутку церковное сообщество и заставившая задуматься о некоторых парадоксах и противоречиях современного православного патриотизма. Симптоматично, что церковное сообщество в большинстве своем категорично воспротивилось попытке реабилитации генерала Власова в качестве «патриота» России. Это тот рубеж, дальше которого отступать под напором оголтелого либерального антисоветизма стало уже невозможно! Сам инстинкт национального духа, сама народная память и правда, словно голос отцов и дедов, восстали против вопиющего абсурда. И именно с этой точки начинается обратный отсчет времени — отступление антисоветизма и восстановление целостного отношения к советскому XX веку.

История XX века — это единая история. Попытки разделить ее на русскую и советскую — бессмысленны и спекулятивны. Наоборот, чем глубже и полнее мы осознаем советское как русское, тем скорее встанем на путь национального возрождения. Это вопрос о принципиальных координатах истории. Потому и буксует национальное самосознание, что этот вопрос требует полновесного, а не половинчатого решения, сознательного цивилизационного выбора, а не пустопорожного перебирания грязного белья истории.

Антисоветизм является здесь главной помехой. В его самоуверенной природе проступает «хамское» самоотречение от Отечества, неизбежно ведущее к утрате права на будущее. За мишурой антисоветских штампов теряется смысл истории. Грандиозное значение эпохи умалется до пресловутого «совка», не имеющего ценности. Подвиг народа, потом и кровью создавшего великую Советскую цивилизацию, обращается в прах. Но именно последнее невозможно! Подвиг народа вечен — это сама суть истории! Не случайно общественное сознание категорически против унижения символов Великой Победы — последнего бастиона советской эпохи, не позволяя всяким «погребиникам» отрицать святую правду пролитой за Родину крови. Это говорит наша совесть, не дающая окончательно столкнуть советское время в область абсурда. Это инстинкт самосохранения народа отстаивает единство своей истории.

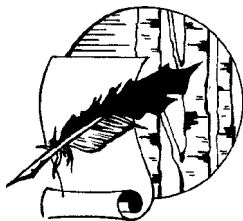
История всегда абсолютно права только потому, что она единственная История! Никакие «если бы» здесь неуместны. Поэтому принять или отвергнуть эту историю мы можем лишь кардинально — оставаясь с ней или выходя из нее. Когда прот. Г. Митрофанов возводит генерала Власова в ранг русского патриота, сам он оказывается патриотом этой «не бывшей России», как и множество других убежденных его сторонников, на дух не переносящих «совдепию». Ошибка лишь в том, что фактическая Россия XX века была не «белой», а советской! И именно по отношению к ней определяются критерии истинного патриотизма — не иллюзорные и рафинированные, а реальные и подлинные. Здесь молчаливый труд по созиданию могущества реальной России и ее народа, как это делали множество известных и неизвестных «подвижников благочестия», оказывается несоизмеримо подлинней любых псевдопатриотических измышлений.

Может быть оправдан антикоммунизм как несогласие с марксистской идеологией, но не может быть оправдан антисоветизм — как непризнание общенародного советского выбора, ставшего новым историческим воплощением русской

цивилизации, олицетворением Родины и Отчизны. Здесь любой антисоветизм оказывается предательством — политический и либеральный, зарубежный и почвенный, националистический и православный. Ибо предается сама национальная история в ее Реальности, отрицается Промысел Божий, ее определяющий.

Либерально-православные вдохновители антисоветизма зеркально повторяют ошибку большевиков, пытавшихся разорвать отношения с национальным (дореволюционным) прошлым путем его исключительно негативной интерпретации. Но если тогда за этой попыткой стоял откровенный волюнтаризм, то нынешняя либеральная революция надежно прикрыта апелляцией к прошлому. В этом двусмысленном либерально-православном тандеме сокрыта сегодня вся ложь эпохи: либералы прикрывают антисоветизмом устроенную ими разруху, а православные принимают это за «православное возрождение», придавая процессу видимость легитимности! Именно инерция антисоветизма, заданная либералами, загоняет русскую историю в тупик небытия, в ту систему координат, откуда нет выхода! Парадоксально: бывший отсталый Китай, мудро сохранивший во «времена перемен» свое «советское» прошлое, уверенно выходит в мировые лидеры, а еще недавно могучая Россия, упорно отрекаясь от него, — умирает и вырождается. Что может быть нагляднее?!

Антисоветизм был актуален (и даже позитивен) в контексте критики существовавшего советского строя, как необходимое внутреннее условие его развития. Но сегодня предельно актуален иной контекст — выход из национально-исторического тупика и преодоление либеральной разрухи. И в этом контексте антисоветизм становится принципиально деструктивным фактором. Не неся уже никакого позитивного смысла относительно будущего, он целиком направлен на дальнейшее уничтожение прошлого — бессмысленно разрушая все мосты и переходы, связывающие историю, общество и культуру. Все постперестроечные годы именно антисоветизм остается главным энтропийным фактором, непрерывно умножающим хаос общественного сознания, не позволяя ему восстановить стабильный вектор национально-исторического развития. Отказ от антисоветизма — первое и принципиальное условие возрождения!

Юрий ВОРОТНИН

Я ОЧНУСЬ НА ЗАРЕ...

* * *

Он со мной говорил, как слова доставал из колодца,
И заплакал потом, и давай причитать, голосить,
Будто горло пробил наконечник стрелы инородца,
И рванула из горла тоска и печаль по Руси.

Не по родине плач, что гремела державным железом,
По Руси, — гой-еси, что лишь в гусельных сказах жива,
Где семь верст до небес, только семь, но все лесом и лесом,
И за каждым кустом — колдуны, шатуны, татарва.

Он плетет языком, но какие узлы расплетает!
Отмывает слезами, что жизнь накопила во мне.
Красно Солнце встает, Ясный Сокол с запястья взлетает,
И в воде не тону, и опять не сгораю в огне.

Я семь верст пролечу, отобьюсь, отмолюсь по дороге,
Меч заветный в руках, сапоги-скороходы не жмут.
И увижу свой дом, и узнаю родных на пороге,
И услышу, как птицы и ангелы вместе поют.

* * *

Нет, не всегда, лишь от случаю к случаю,
Вижу, сжимая виски:
В небе смиренном за тучей тягучею
Бабушка вяжет носки.

Нет, не всегда, только изредка-изредка
Вижу: со звездных крылец
Смотрит в печали, как будто сквозь изгородь,
С неба на землю отец.

Там, в небесах, перед взорами Божьими,
В вечной тоске по родным,

Молят они, чтоб родные, пригожие
Дольше не ехали к ним.

* * *

И заснешь на земле, а проснешься над облачным небом,
Невесом на весах и свободен от боли и слез,
И ружейный салют за тобой не раскатится следом,
И грачиная стая не рухнет с макушек берез,

И не дрогнет свеча, отделившая сумрак от мрака,
Не раскается друг, не накроют поспешно столы.
Лишь живущая рядом с тобою родная собака
Вслед завоет, но вой не дотянется дальше луны.

Да развесистый сад, что на старость растил и лелеял
Колыхнется, до срока рассыплет плоды по траве.
«Вот и все, — говорю сам себе. — То пожал, что посеял».
Засыпаю над небом, проснусь, может быть, на земле.

* * *

То в звездном механизме,
То в птичьих чертежах
Ищу основы жизни —
Бессмертия рычаг.

Но вечность эту тайну
Надежно бережет,
И мерзлое дыханье
Усердных обожжет.

В СТАРОМ ДОМЕ

Часы не идут. Вязнет сырость в углах.
И окна крест-накрест забиты.
Но скрипнула дверь, будто соль на зубах,
Душа поднялась до молитвы.

Качается месяц сквозь доски в окне,
Полы лунным светом протерты.
И силы мои возвращаются мне,
И жизнь возвращается мертвым.

Как бы жизнь меня ни гнула,
Я сорвусь средь бела дня
И уеду в город Тулу.
Тула — родина моя.

Там казенные дороги,
Как засада на врага,
Там родимые пороги
Заросли, как берега.
Мне по ямам и по кочкам —
Не впервые с ветерком.
Встретит родина сыночка
Незлобливый матерком.

Встретит друг меня заочный,
Разговоры заведет,
Он давно в тоске бессрочной
Горько ест и сладко пьет.

Другу я не поперечу,
Будут рюмочки гулять,
А не выйдет он навстречу,
Сам пойду его искать

В переулочках заречных,
Где народец испокон
В темных комнатках запечных
Пьет горячий самогон,

В чистом поле, в темном лесе
На пронзительном ветру,
По стихам его, по песням,
По соломинке во рту.

Вот он след, еще горячий,
Кликну друга моего,
Только Тула вдруг заплачет:
«Схоронила я его».

И уеду я обратно,
Недоев и недопив,
Станет близким и понятным
Неразгаданный мотив.

Я комок землицы тертый
Буду долго мять в горсти,
И знакомая скатерка
Земляникомой угостит.

* * *

Успокоится совесть к утру.
Прикурю от зари сигарету.
Шестеренки часов перетрут
В пух и прах нас и пустят по ветру.

Не старайся за мною вослед.
Я неправильно годы толкую,
Трачу время, которого нет,
Чтоб разглядывать даль вековую.

* * *

Лунный свет затерялся в траве,
Звездный свет проникает под землю.
Свету Божьему сладостно внемлю
И молю, чтоб прижился во мне.

* * *

Живу не только хлебом —
Любовью дорожу,
Но перед звездным небом
Растерянно дрожу.
Не перед вечной бездной
Наматываю страх,
Не от лучей железных
Чечетка на зубах.
Боюсь, что вдруг случайно
Сознание распалю,
И бремя Божьей тайны
Вольется в кровь мою.

ПРАЖСКАЯ ВЕСНА

В этом городе пиво дешевле, чем чай,
А зимою зимы не бывает.
И орган поднебесный чужую печаль
По сердцам, как вино, разливает.

В этот город весенний из лютой пурги
Я как будто бы с неба свалился.
И по каменным плитам чеканя шаги,
Не жалею, что здесь не родился.

А люблю и жалею родимый свой край,
Где чуть дождь, — сразу грязь по колено,
Где в суровой надежде на будущий рай
В молотилку летят поколения.

Где тоска по ночам — хочешь плач, хочешь вой.
Где для всех неделимая доля.
Я из пражской весны возвращаюсь домой,
Как бегут из свободы на волю.

* * *

Я очнусь на заре и уже не заснуть, не проснуться...
Может, — верю еще? Но давно не надеюсь, не жду.
И в провалах сиротства, беспамятства и безрассудства
Мне приснился отец, понимаю, что сон мой к дождю.

Мне приснился отец, выбегаю встречать за ворота!
Я ему расскажу, что наделало время со мной.
Только шаг до него, но опять на окрестных болотах
Начинается дождь и встает между нами стеной.

Через дождь, через снег, через годы, промытые кровью,
Через пласт земляной, где подмешана глина к песку,
Я к отцу с каждым днем все сильней наполняюсь любовью,
Но любовь не избыть, и она переходит в тоску.

Нам плечо бы к плечу, нам за стол и чтоб водка, как пламя,
Завела разговор на понятном для всех языке.
Выбегаю встречать, пустоту на ходу обнимая.
И опять на заре просыпаюсь в тяжелой тоске.

И терзает тоска и болит, как от холода зубы,
Как от вечной дороги суставы ночами болят,
Как деревья болят, превращаясь в точеные срубы.
Рубят лес по зиме, только щепки и летом летят.

Нам плечо бы к плечу...

* * *

Осенний легкий свет, как дым от папиросы,
Чуть голову вскружил, и след его простыл.

И тучи на меня надвинулись вопросом:
Рожденный, чтобы жить, я жил или не жил?

И если я не жил, откуда эта память?
Откуда эта даль, откуда эта высь?
Как яростно гудит во мне тугое пламя
И в темные углы бросается, как рысь.

А если я живу, беспаятство откуда,
Безверие — за что, и долгий путь — куда?
Опавшая листва засыпала запруду,
Накинула покров, и замерла вода.

И не найдя ответ, не соизмерив сроки,
По листьям, по воде, как посуху, иду.
И глубока земля, и небеса высоки,
И яблоки горят, как солнышки, в саду.

Виктор ПЕТРОВ

ПУТНИК

* * *

Огромной ледяной косою
Простерлась мерзлая страна.
И тундра пестрой полосой
Дыханьем льдов уязвлена.

Там, где сегодня гул столичный,
Клубились мамонтов стада,
Где Дон течет многоязычный —
Шерстистые брели стога.

И люди на охоте славной,
На холоде, из года в год
Творили Слово неустанно,
Что и поныне в нас живет...

Забудешься во сне жестоком —
Из потаённой глубины
Вдруг хлынут режущим потоком
Реченья канувшей страны.

* * *

Жить хочу я в старинной русской стране,
Сарафан расписной очень нравится мне,
И кисель овсяной, и метель за спиной,
И гонец, что приехал от князя за мной.

Мне по нраву, что знаю я всё наперед,
В свой черед, что положено, произойдет,
И прекрасный узор не рассыплется вдруг,
И на помощь придет мой испытанный друг.

Жить хочу я в старинной русской стране,
Что привиделась нынче в закатной волне.

* * *

Ветер пыль поднимет, понесет,
Тонким слоем вызолотит землю.
Оглядится путник, припадет
К другу необманчивому, зелью.

Прошлое из фляжки заструит
С бульканьем и крепким состраданьем,
И с последней каплей, без обид,
Упадет на землю старый странник...

Жук раздавлен, умер человек,
Ветка сломана, — и всё ушло в пылинки...
Спит страна меж двух забытых рек,
В клобуке монашьем, по старинке...

Спят ли те, кто весел был и жив?..
Нам легко, мы все в лучах танцуем.
Жук летит, и человек дрожит,
Воскрешённый звездным поцелуем.

* * *

Я еще казак на марше
С сединою молодой,
Сыт ржаной походной кашей,
Ледяною пьян водой.

Далеко курень, далече
Недорога увела,

Раны мне река залечит
И ружьишко в два ствола.

Поохочусь, и остынет
Жар, что мучает меня...
И качается на тыне
Голова средь бела дня.

* * *

В одном из миров параллельных,
Что снится мне каждую ночь,
Любви не узнал я, наверно,
Ничто мне не сможет помочь.

И странно: там нет алкоголя,
А я не могу протрезветь.
О чем-то бессильно глаголя,
Не чую привычную твердь.

Парю над прозрачной громадой,
Влетаю в покинутый дом.
Но даже родные не рады,
И окна подернуты льдом.

До боли, до крика, до пота
Ищу заповедную дверь.
На волю! На волю охота!
И вою, как загнанный зверь...

ВЕЛИКАНЫ СУМРАКА

РОМАН

Глава шестнадцатая

Широко и радостно прошагивал комнату Саша Михайлов. Сегодня он был особенно оживлен и весел, словно на благотворительном балу. В руке Дворник держал серый листок бумаги, с которого читал, чуть заикаясь от нахлынувшего восторга.

— Послушайте! «У гроба». Посвящается поразившему Мезенцева.

Далее пошли стихи.

*Как удар громовой всенародная казнь
Над безумным злодеем свершилась.
То одна из ступеней от трона царя
С грозным треском долой отвалилась.
Бессердечный палач успокоен навек —
Не откроются мертвые очи...*

Тихомирову стихотворение понравилось. Особенно то место, где про-
ститься с генералом Мезенцевым
пришел сам царь, который красиво
назван поэтом деспотом Полночи. И

Продолжение. Начало в №7-8 за 2010 г.

ПРОЗА

страшные, укоряющие тени роem кружат вокруг пышного гроба: кто в каторжных цепях, кто с прострелянной грудью, кто со вспухшей от плетей черной спиной, кто с веревкой на шее...

Впрочем, с царем все не так-то просто. Стоило Льву подступиться к решительной мысли, что российские муки и нестроения происходят именно от самодержавия, как тотчас, откуда ни возмись, всплывало из прежней гимназической памяти маленькое заплаканное лицо учителя русского языка Решикова: «Господа, Каракозов... 4 апреля — черный для России день! Русский стрелял в помазанника Божиего. Какое несчастье, господа! Какое несчастье...»

И это тревожило, мешало. Ведь благоговеющего перед царским принципом Решикова он уважал и любил, хотя и посмеивался над учителем вместе со всеми. Но то, что его, Тихомирова, выпустил под настроение на волю сам Государь, и он, измученный одиночкой узник, не отверг, он принял со слезами великодушный дар свободы, — вот что по-прежнему лишало покоя. Все это напоминало приступы какой-то неотвязной болезни. В такие минуты он ненавидел себя за слабость. В такие же минуты он ненавидел и царя — за ту улыбку, за то почти ласковое, какое-то отеческое удивление, за благородный жест: иди, заблудший, вот тебе воля... Подарили свободу и отняли любовь, Соню.

И тут же в глубине души отзывалось потаенно: а может, и хорошо, что отняли, а?

Нет, с жандармом Мезенцевым — здесь все было понятно. Он не жалел генерала. Пару раз Тихомиров даже видел его: высокомерная поступь, надменная осанка. Но слезы Решикова. И странное лицо одноклассника Желябова — тогда, в Керчи, очень давно.

И еще теперь этот убитый в Киеве капитан фон Гейкинг, которого он никогда не видел.

Именно — потому, что никогда не видел, ничего не знал о нем. Не в этом ли дело? Какая-то заноза засела в сердце, тоска донимала под утро. И понять Лев ничего не мог. К тому же Гейкинг был капитаном, как и отец, военврач Береговой линии. Досадное, раздражающее совпадение...

А может, просто надо съесть мышшь? Он вспомнил оглохшего студента-молотобойца Зборомирского. В ночном бреду кривилась, гримасничала из угла его скуластая физиономия: «Шалишь, Тихомиров! Читая враля Флеровского, социалистом не станешь. Революция — это когда переступаешь через привычное... Какой ты радикал, коли мышшь пожарить да съесть не можешь? Ха-ха!» — «Прочь, Зборомирский! Прочь...» — махал вялой рукой в темноту. «Пора вам, пора! Вот Грыцька съел, и

Кравчинский съел! Переступили. Это только начало...» — жарко шептал из черноты бывший товарищ по университету.

Стихи же — хороши, очень хороши. Рядом с возбужденным Дворником стоял автор, хрупкий человек без возраста — известный адвокат Ольхин, защитник на громких политических процессах.

— Это надо печатать в первом же номере «Земли и Воли!» — нетерпеливо передал Михайлов листок со стихами «литературной силе», Тихомирову и Морозову.

Польщенный вниманием Ольхин поблагодарил кивком тщательно причесанной головы. Он побледнел и засобирался уходить лишь тогда, когда ворвавшийся в квартиру Кравчинский стал зачитывать наброски статьи «Смерть за смерть»; Сергей сказал, почти крикнул, что посвящает эти строки светлой памяти Мученика (в тексте так и будет: Мученик — с большой буквы) Ивана Мартыновича Ковальского, расстрелянного опричниками за защиту своей свободы, 2 августа 1878 года в Одессе.

Конечно, у адвоката и без того голова шла кругом от собственной смелости. И эта смелость заключалась в строке про ступеньку от царского трона, отвалившуюся вместе со смертью безумного злодея Мезенцева. Но в конце концов, это всего лишь *licentia poetica*, поэтическая вольность, как «облак» у Тютчева, как нарушение трех единств у Корнеля, как, наконец, пушкинская музыка. А тут пошло совсем другое. Тут пахло кровью и тянуло, похоже, на длительную ссылку не в Вологодскую губернию и даже не в Пермскую, а куда подалее — к примеру, в таежные поселения Восточной Сибири. И только за одно слушание и недонесение.

Адвокат Ольхин сразу же засобирался — по неотложным делам. Он радостно сбегал вниз по лестнице, а в конспиративной квартире гремел «мавр»:

«Объявляем также, что убийство это как не было первым фактом подобного рода, так и не будет и последним, если правительство будет упорствовать в сохранении ныне действующей системы. Мы — социалисты. Цель наша — разрушение существующего экономического строя, уничтожение экономического неравенства, составляющего, по нашему убеждению, корень страданий человечества...»

Ближе всех за столом к Кравчинскому сидел Лев, и ему казалось, что он слышит бешеный стук сердца удалого кинжальщика.

Да ведь это правда, думал Тихомиров: мы, русские, долго были нацией, склонной воздерживаться от политической борьбы, а тем более от всяких кровавых мер, к которым не

могли нас приучить ни наша история, ни наше воспитание. Само правительство толкнуло нас на кровавый путь...

«Само правительство вложило нам в руки кинжал и револьвер. Убийство — вещь ужасная. Только в минуту сильнейшего аффекта, доходящего до потери самосознания, — срывал голос Кравчинский, — человек, не будучи извергом и выродком человечества, может лишиться жизни себе подобного. Русское же правительство нас, социалистов, нас, посвятивших себя делу освобождения страждущих...»

— То, что надо! Bravo, Сергей! — возбужденно заходил по комнате Дворник.

Кравчинский перевел дыхание, окинул пылающим взглядом лица товарищей, продолжил в тишине: «...нас, обречших себя на всякие страдания, чтобы избавить от них других, русское правительство довело до того, что мы решаемся на...»

«Мавр» набрал воздуха в широкую грудь, замер на мгновение, как перед прыжком в холодную воду, и — прыгнул:

— Да, мы решаемся! Мы решаемся на целый ряд убийств, возводим их в систему!

— Кто это «мы»? — услышал Тихомиров надтреснутый голос Плеханова.

— Вот, вот... Извольте объясниться! — раздался из угла тенорок Осипа Аптекмана, три дня назад приехавшего из тамбовского поселения.

— И мы с Поповым этого не понимаем, — негромко произнесла Перовская, и сердце Левушки опять сорвалось с геленджикского обрыва. Сидевший рядом с ней Михаил Попов кивнул лобастой головой.

— Неужели тебе не ясно? Началась другая борьба... — не выдержал Тихомиров и тут же почувствовал как нервно напряглась Соня.

— Ты, Тигрыч, просто зол! — побледнела Перовская. — Ты злишься на правительство за то, что просидел в одиночке! И потому оправдываешь все эти ужасные кинжалы, револьверы-«медвежатники». И сам готов мстить...

Задохнувшись от негодования, он тотчас хотел ответить, но вскочивший со стула Морозов опередил его.

— А я поддерживаю Кравчинского! — запальчиво выкрикнул он. — Ты, Соня, не права. Все эти факты, покушения... В серой, тусклой жизни России производят громадное впечатление, особенно на молодежь. Мы нащупываем новый путь революционной борьбы. По примеру Шарлотты Кордэ и Вильгельма Телля.

— Вы хотите самовольно поменять местами две стороны нашей программы? — насупился Плеханов. — Когда мы со-

брались в организацию, то решили, что центр тяжести полагается в деревне, в подготовке народного восстания. А удар в Петербурге, по правительству — уже потом... В зависимости от состояния крестьянских масс...

— О чем ты, Георг? — Михайлов навалился на застонавший стол дородным телом. — Все мы побывали в деревне. Кроме Тигрыча — он в крепости сидел. И что же? Я даже не о том, что нас заарестовывали. Просто... Просто народник, ставший сельским учителем, волостным писарем или сукновалом — он этим сукновалом скоро и вправду делается. Быт его заедает. Он втягивается в крестьянскую жизнь. И уж какая там пропаганда!

— Верно! — поддержал Дворника Кравчинский. — Вот мы звали: в народ! в народ! А теперь надо звать: к делу! к делу!

— По-вашему, к делу — значит, убивать, мстить, лить кровь? — вскинулся Аптекман.

— А если б и так! — «Мавр» развернулся к Осипу своей красивой головой. — Мы ведь вели мирную пропаганду социалистических идей. И за это нас — по тюрьмам и острогам. Что ж, мы вполне революционизировались, извольте. Скажи, Тигрыч!

Тихомиров кивнул, и серые глаза его, как всегда от раздумий, пустились в привычную беготню.

— Лично я — да, — сжал плотно губы. — Крепость и домзак — отменные места для революционизирования, — и кинул снисходительный взгляд на Соню и Попова: эх, вы, мол, мои карасики, хоть и гоняла вас полиция, да не сидели вы четыре с лишним года под замком; а посидели бы, смотришь, и иначе бы заговорили...

— Ужасно, ужасно... — вздохнул с неожиданно вырвавшимся всхлипом Плеханов. — Я еще понимаю — аграрный террор. Когда наказываются те, кто притесняет крестьянина. Но в городе... Радикальные акции вызовут кровавые репрессалии со стороны правительства. Нас сметут...

— Жандармы заарестуют всех, кто еще остался в деревне! — почти крикнула, затянувшись «Вдовой Жоз», Перовская.

— Ужасно? — откинул назад тяжелые волосы Кравчинский. — Впрочем, да: террор — ужасная вещь. Но есть только одна вещь хуже террора. Это — безропотно сносить насилие!

— Верно. Мне кажется... — заговорил, трудно подбирая слова, Михайлов. — Мы еще до конца не осознали... То, что совершил Сергей... То, что совершили в Киеве, в Одессе наши товарищи... В конце концов, террор освобождает от гнета оскотинивающего страха. Это — единственное средство нравственного перерождения холопа в человека-гражданина! Понимаете?

— Хороша диатриба, Дворник! — скривился Плеханов. — Да ведаешь ли ты...

Слова Георга утонули в многоголосном гвалте. Кравчинский, рассекая плечом едкое марево табачного дыма, двинулся прочь из комнаты. Проводить друга до квартиры вызвались Морозов и Тигрыч.

Ехали на конке, потом весело сбегали к Неве; в старой лодке качались на толчее беспорядочных зеленых волн, и Тихомиров привычно греб к другому берегу ровными рыбацкими гребками (эх, плавали когда-то на вертких каюках с забродчиками, тянули сеть-вентерь, набитую тяжелыми севрюгами!). Морозов задумчиво всматривался в кипение речных струй, а белозубый «мавр» зорким взором прощупывал удаляющийся причал — совершенно безлюдный, и это означало, что за ними нет никакой слежки.

Хохотал, запрокинув голову: моя, дескать, придумка — всякий раз выбирать квартиры так, чтоб через реку переправляться. Однажды сомнения одолели: то ли идет по пятам филер, то ли нет — вдруг почудилось: расстроенные нервы, напряжение последних дней... Да помогла Нева-Невушка! Оказалось, шел за ним секретный агент-доводчик, плотно шел, но и ловко, скрытно. А как поплыл Кравчинский, так все и обнаружилось. Больше-то лодок не было. Вот и заметался, забегал «гороховое пальто» по бережку, выдавая себя. Еще бы: ведь на глазах уходит социалист, и что подделаешь? Не саженками же в казенном платье за ним пускаться? По студеной апрельской воде...

А социалист-каналья вдобавок рожу состроил: накося выкуси, дяденька!

Дальше плыли, хвалили Дворника за находчивость. Это он вспомнил про мифически-грозный исполком Валериана Осинского и очень хитро придумал: в кровавых делах терроризации действовать от имени комитета. Тем самым убивали двух зайцев: кружок землевольцев оставался как бы ни при чем и, кроме того, решение о покушении на очередного сатрапа можно было принимать почти единолично. А для исполнения — привлекать самых отчаянных членов организации, используя их порыв втайне от других товарищей, особенно от дотошных «деревенщиков», упрямо не желающих бороться с правительством револьверами и кинжалом.

Не раз потом Тихомиров отмечал про себя: умеет с виду простодушный Михайлов жар загрести чужими руками; конечно, не для себя лично загрести — для революционного дела. Но то, что Дворник ловко стягивал в работу сторонних для «Земли и Воли» людей — и сорви-голов, и рассудительных —

тут уж у него не отнимешь. Правда, он и к чужим относился с особым попечением. Особенно, если от них была польза основному кружку. Взять хотя бы Коленьку Капелькина, который водворен агентом в III Отделение. Или недоучившийся студент-медик Леон Мирский: чуть ли не плакал, бедняга, когда узнал про смерть Мезенцева — не он, видите ли, убил! И уж теперь-то своего не упустит — лично прикончит нового шефа жандармов генерал-адъютанта Дрентельна.

В вечерний час, когда фешенебельное общество собирается на Морской, Тихомиров, очутившийся тут случайно, вдруг увидел Мирского. Да и как не увидеть: над праздной толпой, над богатыми открытыми колясками возвышалась нервная английская кобыла, на которой в наряде изысканного денди ехал нигилист Леон Мирский, и такой стройный и красивый, что все дамы, светские и полусветские, заглядывались на него в свои лорнеты. Левушка раскрыл рот от удивления, но догнавший его Дворник конспиративно ткнул товарища в бок: иди, иди, не оборачивайся...

Затем появился молодой самарский учитель Соловьев — с линиялым пледом на сутуловатых плечах и странным мраморным блеском бесцветных глаз. Этот сразу потребовал револьвер.

Впрочем, учитель был не одинок. Время от времени к Дворнику приводили странных молодых людей, как правило, угрюмых и нервных. Приводящие сами говорили за них: «Вот он желает сложить голову. Ничего делать не хочет, а только умереть. И непременно на каком-нибудь террористическом деле. Не найдется ли ему помещения?» Так появился и Коля Капелькин, но его определили в «шпионы», в логово III Отделения.

— Нет, ты только вообрази, Тихомиров! — ерошил свои жидкие волосы Соловьев. — Ведь это был простой ганноверский аптекарь... Фридрих Сертюрнер. И он... Ему удалось... Да-да, удалось — разложить опиум и выделить белый кристаллический порошок. Волшебный порошок — морфий!

Тигрыч пришел к Александру Соловьеву по поручению Дворника. Узнать, где живет, чем дышит. Впрочем, и без того было ясно: провинциальный учитель дышит царевубийством. Но тут он забегает вперед, общество не готово. Ибо даже сам Герцен перед кончиной высказывался о невозможности антимонархической революции в России, о невозможности бунта русского человека против Государя. Почему-то Тихомиров вспомнил решительных декабристов... Ведь и предводитель их, Пестель, говорил, что после кровавого дела он примет схиму в Киево-Печерской Лавре: грехи замаливать? И

когда задумывали в случае успеха истребить весь Царствующий Дом, — как волновались, как спорили: «Но это противно Богу и религии...»

— А жил такой вот замечательный человек, Левушка! И звали его, представь себе, Шарлем да еще Габриэлем да к тому же Правазом... — хихикал учитель. — Слышал?

— Что-то с медициной... — попытался вспомнить Тихомиров.

— Стыдись! Ты ж учился на экс... На эскулапа! — Соловьев перевел на него слегка расплывающиеся глаза. — Праваз изобрел шприц для инъекций. Гений! Это усилило... Сразу в кровь...

Какая-то тяжелая мраморная пустота ворочалась в расширенных зрачках Александра. Тихомирову стало не по себе.

— Кровь... В кровь... — бормотал Соловьев. — Великий Пассананте, который хотел убить короля... Он любил повторять изречение Робеспьера: «Идеи воспламеняются от крови». И я должен... Должен пустить кровь самодержавного деспота. Дабы воспламенить идею социальной революции... Разумеется, это самоубийство, Тихомиров! Но меня узнают! Мое имя будут повторять...

«Боже, да он морфинист!» Лев еще раз оглядел бедную комнату учителя.

«О покушении несчастного Пассананте, помнится, писал Ламброзо, посвятивший свою жизнь раскрытию психофизических тайн личности. И повод к совершению преступления — нищета в соединении с громадным, ненормально развитым тщеславием. Помощник повара Пассананте negliжировал своею обязанностью мыть кастрюли, учитель Соловьев не хочет учить детей. Для них важно совершить нечто необыкновенное, пусть даже страшное... Опять Зборомирский? Съесть мышь? Причем съесть ее с хрустом на глазах у потрясенной публики... Нет, не совсем то...»

Тигрыч встал с готового рассыпаться стула и шагнул к двери. Соловьев в два судорожных прыжка преградил ему путь.

— А-а-а, да ты лазутчик? Шпионить ко мне подослали? Достоин ли я?

— Успокойся, Саша! — Лев положил руку на вздрагивающее плечо Соловьева. Почувствовал его почти детскую хрупкость. — Это не так.

— А я верю тебе. Ты — Тигрыч! И ты тоже против этого гнусного докторишки Бенгли... — пена с уголков учительского рта противно летела Тихомирову в лицо.

— Кого? — отстранился он.

— Бентли. Я в газете прочел, — зачастил Александр. — Ишь, чего выдумал: распространять кокаин для борьбы с морфием. Но нет, тысячу раз нет! Морфий — это инсurreкция. Это возникающие очертания справедливого общества. Морфий в крови — вполне революционно. А революция... Это приближение Страшного суда...

— Мне пора. Прощай, — сбросил дверной крюк Лев.

— Если я уцелею. Если чудом только... — кричал вслед Соловьев. — Я сбегу во Францию. Буду пить абсент. Он настоен на полыни... И это дает поразительные видения...

Но видение в образе всадника на непомерно высокой темно-гнедой лошади возникло на сей раз перед взором нового шефа жандармов генерал-адъютанта Дрентельна. Дело было 13 марта 1879 года. Александр Романович ехал вдоль Лебяжьего канала, торопясь на заседание Комитета министров. Неизвестный юноша, скакавший в карьер, то обгонял генерала, то двигался рядом, порой с какой-то напряженной улыбкой заглядывая в окно кареты. Дрентельну было не до всадника. К тому же, навязчивость раздражала. «Шел бы ты, братец, куда...» — только и успел проворчать он. И в эту минуту раздался выстрел. Пуля, продырявив стекло, прожужжала над головой и впиалась в стенку кареты. Генерал увидел, как юноша, опередив экипаж сажень на шесть, резко развернул лошадь навстречу и снова выстрелил. Пульсирующий жар ударил в лицо, подумалось: «Как в венгерском походе... Или в Польше... Тоже бьет в упор...»

По счастью, нападавший опять дал промах.

Главноуправляющий III Отделением — старый вояка, да и не робкого десятка. Он в раннем возрасте потерял родителей, и уже в семь лет был помещен в малолетнее отделение Александринского сиротского кадетского корпуса в Царском Селе. С той поры ревностно тянул армейскую лямку, стремительно вырастая из лейб-гвардейского прапорщика в командира гренадерского Самогитского полка, затем Измайловского, а после — начальника Первой гвардейской пехотной дивизии. На смотрах и маневрах полковник Дрентельн не раз представлял своих воинов Государю, и тот выражал усердному офицеру свое благоволение.

— Благодарю за службу, Дрентельн, — ласково улыбался Александр II. — Вижу, крепко усвоил ты не одну формальную сторону военного дела, но и самую суть его полезных требований. К тому же умственное брожение... Оно проникает повсюду, и в армию... А посему во главе гвардейских полков должны находиться командиры с особенно сильным характером, преданные долгу службы... Мне доносили — не всем офицерам твоя твердость пришлась по нраву?

— Не всем, Ваше Величество, — смутился Дрентельн. — Иные оставили полк.

— Не беда, — тронул его за плечо Государь. — Но известно мне: остальные гвардейцы, тактом и сердцем своего командира сплоченные в дружное целое... Да-да, они оценили твои служебные и душевные качества, создавшие тебе в полку прочные симпатии. Ведь ты передал преемнику своих самогитцев в блестящем состоянии. Хвалю. И... — Александр II помолчал и растроганно завершил: — Да хранит тебя Господь еще на долгие лета на пользу нашей матушки России...

Но теперь было не до того. Красавец-всадник с револьвером, погарцевав, вдруг с криком поскакал в сторону Дворцовой набережной. Сквозь пробитые пулями стекла кареты шеф жандармов услышал этот странный крик: «Держи! Держи!»

— Вот шельмец! — рассвирепел Дрентельн. — Вор орет «держи вора!» Ну-ка, братец, за ним! Догоним... — приказал он кучеру.

Нет, не зря Леон совершал изысканные конные променады по вечеряющей Морской. Не зря брал конкуры в татарсале. Пусть стрелок он оказался скверный, зато наездник каких поискать. И, конечно, схема Дворника — всех улочек-переулочков, и главное — проходных дворов и домов; таких в Петербурге было 305. Хотя Мирский и не состоял в «Земле и Воле», тем не менее Михайлов попросил Тигрыча передать рисунки-чертежики нетерпеливому Леону. К слову сказать, сам Тихомиров знал схему на память.

— Давай, братец! Скорее! — загорелся погоней генерал, сияя гвардейским боевым взором. — Возьмем нигилятину...

— Возьмем, ваше высоко-пре-схво! — азартно отозвался кучер; кучеру некогда было выговаривать «высокопревосходительство». Пока скажешь, так ведь и скроется под сурдинку злоумышленник. Ищи после...

И все же оторвался, ускакал Мирский. С набережной он резко свернул в Самборский переулок, промчался по Шпалерной, по Вознесенскому проспекту. Тут лошадь споткнулась, упала. Молоденький городской подбежал, помог подняться. Леон передал ему поводья и, прихрамывая, кинулся к извозчику. Еще заворот, еще...

На Захарьевской расплатился с извозчиком. В табачной лавке Терентьева купил папирос. А далее уж — она, михайловская схема-выручалочка. Один проходной двор, другой... Вот и через доходный дом Фрессера прошел, и через следующий.

В каком-то тесном дворе буквально наткнулся на господина в светлом пальто. Боже мой, да это же Саша Михайлов!

— Иди в переулок, — сказал тот торопливо. — Там стоит извозчик. Держи адрес... (Сунул бумажку). Ничего, теперь не вышло, после выйдет... — утешающе обнял Леона за дрогнувшие плечи.

Квартиры пришлось менять часто. Леон тосковал о Леночке Кестельман, пылкой любовнице, с которой он сошелся еще в пропахшие морозной хвоей рождественские дни. Но к ней его не пускал нудный конспиратор Дворник, да и внедренный в канцелярию III Отделения агент Николай Капелькин сообщал в поспешных секретных донесениях:

«18 марта. Любовница Мирского Елена Кестельман: Новая улица, 9, кв. 39, знакомые ее: Абадиев, Шиманский, Бачинский, Златогорская, Рубинский, Трахман... Прошлую ночь и сегодня они арестованы; в квартирах их западни... За этими лицами и для Мирского назначены шпионы. Старший — агент наружного наблюдения Елисей Обухов...

25 марта. Приготавливают портреты Мирского для раздачи агентам.

Агенту Ритво приказано иметь за Кестельман самое тщательное наблюдение и каждый день представлять донесения...»

Дворник с Тигрычем успокаивали Мирского: ничего, мол, скроешься в валдайских лесах, в Тугановичах; к тому же и паспорт скоро выправят — на имя потомственного почетного гражданина Федотова.

— Тугановичи — имение Семенского, — пояснял Михайлов. — Вячеслав — судебный пристав окружного суда. Ты его знаешь.

— Станешь отпрыска Семенских к экзаменам готовить, — прибавлял Тихомиров.

— Хорошо, — соглашался Мирский, но думать о роскошной Кестельман не переставал.

— Рачковский тебя отвезет. Они с Вячеславом не разлей вода... — завершал разговор Дворник и вставал, чтобы уйти. Но не тут-то было.

Похоже, от пережитого, от неудачи с Дрентельном и, конечно, от невозможности утонуть в перинах с милой Helen, на взбудораженного Леона вдруг накатила болтливость. Он почти бегал по конспиративной комнате от Дворника к Тигрычу, и говорил, говорил.

О том, что, выйдя из крепости, был возмущен тем, что предпринималось против молодежи, против социально-революционной партии. Все эти высылки в Сибирь, история в Петербурге, когда казаки били студентов нагайками. И еще — стеснительное содержание заключенных...

Здесь он почти наваливался на ерзающего на стуле Тихомирова, пытаясь счистить с его пиджака пятно от александровских шей, которые тот ел вчера в трактире на Аптекарском. Пятно не поддавалось, и Мирский продолжал открывать душу.

Да, это возмутило его против подобного порядка вещей. И само собой, — шефа жандармов. Хотя, нет. Лично к Дрентельну он ничего не имел.

При этих словах Дворник сделал удивленное лицо и бросил выразительный взгляд на Тигрыча.

О чем это? То есть, конечно, имел, спохватился Леон. Как же! Ведь он просил Дрентельна о дозволении продолжить курс в Медико-хирургической академии. И получил отказ. Впрочем, отказ не был для него особенно важен. Плевал он на отказ! Ибо все одно готовился к высылке в Сибирь. И даже и не рассчитывал окончить курс...

Мирский снова запутался. Теперь уже Тихомиров пожал плечами.

— Да, не рассчитывал! — запальчиво вскричал Леон. — И все же я желал пользоваться званием и видом студента. Даже в ссылке... Понимаете? А он не позволил и такой малости. Дрентельн задел мои интересы. И интересы моей партии...

— У тебя есть своя партия? — хмыкнул Тихомиров.

— Спокойно, — поднялся Михайлов. — Расходимся. За тобой, Леон, завтра заедет Рачковский.

Глава семнадцатая

С одной стороны, Петру Рачковскому повезло: мадам Шарле все-таки оставила его в покое, найдя жениха побогаче. А с другой...

Дело в том, что летучему отряду агентов наружки под началом Елисея Обухова удалось выйти на след Мирского. Полиция нагрянула в Тугановичи, но арестовать удалось только Семенского, хозяина имения: Леон, как чувствовал, — внезапно уехал в Петербург, отчаянно отозвался на зов сердца — к ней, неотразимой Кестельман. В тайной квартире, которую без прописки сняла подруга Мирского на тихой Бассейной улице, влюбленные провели три безмятежных дня, и снова Леона будто что-то толкнуло: пора, иначе пропадешь...

С фальшивым паспортом на имя екатеринославского помещика Плетнева он срочно выехал в Таганрог.

Но через арестованного Семенского скоро вышли на Рачковского. Петра Ивановича увезли ночью, и вскоре следо-

ватель взял его в серьезный оборот. Не помогли и влиятельные родственные связи. Начальник «черного кабинета» Антон Иванович Лидерс и пальцем не пошевелил, чтобы заступиться за племянника. Проворчал: «Вот бестия! Доигрался с социалистами. Еще с Одессы, с Пинеги тянется... Хорошо, что Мезенцев не успел оказать протекцию. Сраму-то было бы! Инсurreкции им, республики... Выпороть на воздухах...» И снова принялся чиркать карандашиком по бумаге, а на бумаге — чертежик: улучшенное приспособление для вскрытия подозрительных писем; ночью минувшей опять приснилось — точно наяву...

А в это же самое время учитель Соловьев готовился к акции. Сомнения Тихомирова относительно кандидатуры (да и самого покушения) Дворник решительно отменил. Вообще, в подобных случаях Михайлов действовал самовластно, порой тайком от других землевладельцев. С точки зрения кружковой легальности это было, конечно, в высшей степени незаконно. Прежние чайковцы долго не могли привыкнуть к такой практике. Особенно Дмитрий Клеменц, не терпящий над собой никакого генеральства. Тем не менее, револьвер-«медвежатник», спрятанный после харьковского дела у доктора Веймара, Клеменц принес и передал Дворнику.

Собрались на радикальской квартире.

— Наш товарищ, приехавший из Саратовской губернии... Просит довести до сведения кружка о своем решении во что бы то ни стало пойти на убийство Александра II... — счит нужным оповестить собратьев Михайлов.

— Да ты в своем уме? — побагровел Плеханов. — Хочешь загубить организацию из-за иллюзий: Александра II просто поменяют на Александра III. Вместо двух палочек к имени Александра будут поставлены три. Так?

— Нет, не так, Жорж! И ты это знаешь! — парировал Дворник.

— Но ведь странно: мы убиваем царских слуг, творивших его волю, и не трогаем господина, — поддержал его Квятковский. — Пора и до него добраться...

— Вот-вот... Политические убийства фатально привели к цареубийству. И здесь мы ломаем себе шею. Народ отвернется от нас... — крикнул Попов. — Этого вашего... приехавшего... Да его надобно просто связать и вывезти вон из Петербурга! И я это сделаю...

В этот момент дверь в соседнюю комнатку с треском распахнулась, и из полумрака выскочил сам Соловьев, по договоренности с Михайловым тихо ожидающий решения. Тигрыч, сидевший ближе всех, узнал этот мраморно-ледяной жар

беспокойных разъезжающихся глаз. Правую руку саратовского учителя оттягивал тяжелый «медвежатник», опрометчиво оставленный Дворником на подоконнике. Тихомиров не стал ждать. Он тихо позвал: «Саша!», и когда Соловьев повернулся к нему, тут же вырвал револьвер и спрятал за спину.

Тигрыч с Морозовым схватили его за руки. Соловьев бился, извивался легким пружинистым телом.

— Ты Каракозов! Нет, хуже... Ты — сумасшедший! — подскочил Попов. — В смирительную рубашку, к умалишенным тебя!

— А ты, Миша, конечно, Комиссаров? — полез в драчку вспльчивый Квятковский. — Который помешал Каракозову, за что и дворянство получил...

— Уж лучше Комиссаровым, чем... — взмахнул рукой Попов.

— Если Комиссаровым будешь ты, я тебя... Я тебя застрелю! — задохнулся Квятковский.

— А я... Я сам убью и тебя, и губителя... — Попов зыркнул на Соловьева; Тихомиров цепко держал учителя. — И губителя нашего народнического дела. Слышите?

— Тише, прошу вас, тише! — в отчаянии обхватила голову тонкими пальцами Перовская. — Прислуга услышит. У нее как раз дворник в гостях. Чай пьют.

Но на вскрик Сони никто не обратил внимания. Взоры устремились на вошедшего мягкой поступью невысокого молодого человека с пламенем в темных глазах. Это был сын бердичевского суконщика Григорий Гольденберг, распространитель социалистической газеты на древнееврейском языке «Эмес», то есть, «Правда», отличившийся в Харькове: девятю февраля сего года смертельно ранил губернатора князя Дмитрия Кропоткина (к слову, кузена сбежавшего за границу Петра) и успешно скрылся на конспиративной квартире мадам Волкенштейн.

Тигрыча познакомил с убийцей губернатора сам Михайлов еще несколько месяцев назад. Льву этот Биконсфильд (кличка) показался человеком недалеким; Дворника ел глазами и преданно смотрел в рот. И все нарочито, как-то чересчур, порой шумно — точно что-то недоговаривал, что-то хотел скрыть в поднятом гаме, в пылающей глубине черных пронзительных глаз. А Саше Михайлову — и это было видно — такая преданность нравилась. Ведь он теперь прочно занимал место руководителя крупнейшей революционной «фирмы», с которой сопрягали свои действия и разрозненные радикальские кружки, и яростные, рвущиеся хоть к какому-то делу одиночки. Но самое главное — правительство; да-да, прави-

тельство — оно отныне тоже жило с оглядкой, поверженное в ужас от новых и новых акций, чувствуя нарастающую силу организации, загадочного Исполкома, вынашивающего в неуловимом подполье дерзкие карающие замыслы.

При всей его практичности, при всей его строгой теории конспирации, голова у Михайлова все же пошла кругом. Что ж, было от чего.

И Тигрыч, и Дворник прекрасно знали, что Гольденберг разыскивается по специальному циркуляру Департамента полиции, знали каждую пламенную строчку его статьи «К обществу. Письмо социалиста-революционера, взявшего на себя казнь Кропоткина», с ходу помещенной в № 4 «Земли и Воли». Но не ведали они, что еще в 1876 году в центре Лондона, в прохладном полумраке дочерней ложи «Великого Востока» трое молодых людей — Либерман, Цукерман и Гольденберг разработали план убийства русского Царя.

В первых числах марта 1879-го Гольденберг приехал в Санкт-Петербург. И вот сейчас он вошел в прокуренную комнату, чтобы оспорить право стрелять в Александра II.

Началась новая буча. Соловьев никак не уступал. И все посматривал на Тихомирова, который почти что сидел на длинноствольном «медвежатнике». Пару раз самарский учитель просительно протягивал руку (верни, мол!), но Тигрыч был неумолим. Сильно ажитированный успешным покушением в Харькове Биконсфильд тоже гнул свое.

— Я энергически против участия Гольденберга! — выкрикнул из своего угла долго молчавший Зунделевич. — Я знаю... Эта склонность христианского мира приписывать еврейской нации преступления, совершенные одним из ее представителей. И гнев падет на голову всех евреев...

— А Мирский? Он же поляк. И ничего... — возразил Гольденберг.

— Сравнил! Дрентельн и Царь. Царизм для верноподданного — он мистики полон... — не уступал Арон. — Этот ужасный Победоносцев... Статью тиснул — про заговор кинжальщиков. Так и пишет: первое орудие революции — жиды.

Опять зашумели.

— А Победоносцев — кто? Учитель наследника трона! — выдернул изо рта окуроч Попов. — Такого же и выучит. Прав Плеханов: было две палочки у царского имени, станет три. Да только...

— Только из-за вас... — с горькой торжественностью подхватил Плеханов. — Из-за ваших затей наша организация будет покидать прежние области деятельности. Как некогда Рим покидал одну за другой свои провинции под напором варваров.

— Довольно. Я буду стрелять, — жутковато, почти шепотом сказал Соловьев. — И никаких мне помощников. Это единоборство. Или я, или Царь. Я хотел лишь заручиться вашей санкцией. И... Оружие дайте. Яд у меня есть. Цианистый калий. В орехе. Поверьте, для покушения у меня нет личных причин...

Тигрыч вдруг вспомнил, что еще сообщил ему Соловьев — тогда, в своей бедной комнате, рассуждая о преимуществах морфия перед кокаином. Почему-то уже на пороге, вцепившись в пуговицу чесучевого тихомировского пиджака, Соловьев горячечно заговорил о своем отце, лекарском помощнике придворного ведомства, прослужившем до самой кончины в имениях Ее Императорского Высочества Великой княгини Елены Павловны. Старый лекарь был щедро вознагражден княгиней. А когда отца не стало, августейшая покровительница взяла заботы об осиротевшей семье на себя. Все дети получили воспитание за счет сумм Ее Высочества. И Саша, Сашенька Соловьев... Вот уж кто воспользовался наибольшей долей благоденствий, сыпавшихся с избытком на всех домочадцев: в качестве казенного пансионера окончил полный курс гимназии, на деньги Елены Павловны учился в университете. Потом обратился к ней же — с ходатайством о предоставлении ему должности, и в этом ему не было отказано...

И что же теперь — он будет стрелять? В ближайшего родственника своей благодетельницы, в ее племянника, в Александра II? И очень может быть — убьет его?

Тигрыч задохнулся от нахлынувшей тревоги. Увиделось ему, почудилось: вот горько плачет в тени аллеи маленький гимназист, как жалко вздрагивают детские плечи; но что это? Теплая августейшая ладонь ложится на эти плечи, и они уже не так вздрагивают. Ласковый (точно у покойной бабушки!) голос утешает Сашеньку: «Христос с тобой, друг мой! Идем-ка лучше чай пить...»

Ведь говорил, говорил Соловьев в тот день, и об этом говорил!

Хорошо, а он, Тихомиров? Выпуская его из крепости, Александр II тоже вспомнил отца, его отца, военврача Береговой линии, кавалера Анны III степени, отличившегося в экспедиции на Вулканке. Ах, эта мелочь, подробность чужой жизни, произнесенная царскими устами... Не оттого ли и он заплакал? После, когда снова остался один в камере. Плакал, не чувствуя слез, просыпая песок из ослабевших ладоней на разбитые тюремные бродни.

Дворник, Кравчинский, Морозов, Квятковский, Арончик, да и не только — эти за револьверы с кинжалами; убеждены:

кровавые акции дезорганизуют правительство, ослабляют его, увеличивая возможность скорой социальной революции. А он, Тигрыч, согласен с ними? С заботливым и строгим Сашей Михайловым, чья схема дворов не однажды спасала и его. Согласен?

Мысли путались.

Если честно, ему хотелось чего-нибудь покрупнее. Хотелось бы, чтобы внятно прозвучала цель — переворот, а после создание социально справедливого общества, опирающегося на крестьянские миры. Но без бакунинской анархии, без нечаевской страсти к разрушению. Нет, и после победы должна четко работать центральная государственная власть — при поддержке всего деятельного, думающего общества. А пока? Да, пока борьба с правительством под знаменем четко оформленной политической программы.

— Поймите, мы лишь посредники! — услышал Лев голос Дворника; тот, как всегда от волнения, заикался сильнее обычного. — Вопрос жизни и смерти... Мы просто не готовы к самопожертвованию, а он готов... У нас нет нравственного права остановить Соловьева...

— Хорошо, — сказал Морозов. — Если хочешь попасть в голову, надо целить в ноги. Таков уж дальнобойный «медвежатник»...

Соловьев кивнул. Сутуловатая фигура учителя невесомо струилась в дыму, точно готовясь к отлету, и этому отлету мешал только тяжелый револьвер с непомерно длинным стволом..

Да, терроризм слишком груб и узок, но уж, наверное, от него больше толку, чем от народничества, от пропаганды в крестьянской избе, на полатах. Это глупое хождение в народ. Чего они выходили — и Морозов, и Кравчинский, и Соня? Или те, которые заделались волостными писарями, учителями или фельдшерами. Чем больше они обживались в деревне, чем теснее сходились с мужиками, тем менее помышляли о бунте, теряли революционность.

А хитрованы-землепашцы, эти сеятели и хранители, весело рвали на самокрутки «Сказку о четырех братьях»; его, Тихомирова, сказку, о которой так восторженно говорила Соня, а потом... Потом жестоко смеялась. Мужики покуривали в тени под телегами, и просили еще: эх, вкусно дымит, бумажка-то!

Пусть идет Соловьев, пусть. Морфий сделал свое. Все равно ничего другого бедный учитель делать уже не сможет.

— Ах, если так... — вскинулся разъяренный Попов. — Если наши дезорганизаторы не унимаются. Тогда... Надо напи-

сать письмо... Да-да, письмо Александру II, и посоветовать ему не выходить из дворца. В виду готовящегося покушения...

— Что?! — зарычал Квятковский. — Это же донос! И мы с вами будем поступать, как с доносчиками. Ты понял, Михаил?

— А-а-а, не хотите ли вы нас убивать? — зло рассмеялся Попов.

— Доносчиков убивают. Ты знаешь...

— Ясно. Но не советую забывать, что и мы стреляем не хуже вас!

Наступившую тишину пронзил резкий, длинный звонок. Все замерли, повернувшись к Михайлову.

— Господа, полиция! — взвел тот курок «бульдога». — Тигрыч, ты с оружием?

— Как всегда, — кивнул Лев.

— Надеюсь, мы будем защищаться?

— Разумеется! — и народники, и дезорганизаторы потянули из карманов револьверы.

Михайлов медленно вышел в переднюю. Колотились сердца. Ждали. Минута — и раздался бы залп.

Саша вернулся, сложился от смеха пополам:

— Дворник-каналья... Настоящий... Вернулся, за водкой ходил!

Напряжение спало. Грянул другой залп — молодого безудержного хохота.

Тигрыч смотрел на своих шумных веселых друзей и чувствовал (возможно, обостренным чувством узника одиночки), знал наверняка, что смеются они вместе в последний раз. Что раскол неотвратим. Что дни «Земли и Воли» сочтены. И еще знал, что останется с Сашей Михайловым...

Пока они так смеялись, осунувшегося Петра Рачковского жандармы с саблями наголо выводили из черной арестантской кареты. Вот снова серый трехэтажный дом со старомодными деревянными ставнями, узкие двери, печная труба с выбоинами по углам. Допрос, еще один.

Следователь скрипит пером, заполняет «Особую полицейскую ведомость». Успел разглядеть: № 2739. «Характер обвинения — политическая неблагонадежность».

Рачковский знает, что это такое. Выходит, конец всему — карьере, планам. А ведь он уже три года состоит при Министерстве юстиции. Как жаль, как жаль... И эти сомнительные связи в студенческих кругах, где Рачковский числится выдающимся пропагандистом, и знакомство с подозреваемыми революционерами, в частности, с Морозовым, Михайловым, Тихомировым, Бухом. Да еще длинный список адре-

сов, отпечатанный на том же станке, что и подпольное издание «Земля и Воля».

Плохи дела, очень плохи.

Но вдруг протоколы допросов меняются. Все идет как по маслу. Точно не взыскательный следователь вытягивает из нигилиста признания, а беседуют два задушевных приятеля, когда строгость дознания — для отвода глаз, и вопрос задается так, что в нем уже заключен простой и доказательный ответ.

Выходило, что со студентами Петр Иванович дружил только потому, что хотел подыскать актеров-любителей для постановки пьесы в университетском театре. Жизнь революционеров изучал для разоблачительных публикаций в газете «Русский еврей». И социалистических идей никогда не придерживался...

Словом, протоколы составлены, дело подшито. И предупредительная мера пресечения — содержание под арестом — изменена. Разлапистая резолюция гласила: освободить!

Освободить, потому что на волю вышел не просто социалист, но социалист, согласившийся оказывать государственной полиции агентурные услуги. Правда, еще приписка была: наблюдение продолжить. Наблюдение же вменили опытному филеру Елисею Обухову. Тут рисковать нельзя: Рачковскому поручили укрепить связи с верхушкой радикальской организации «Земля и Воля», стать своим в доску, а после — разворошить гнездилище крамольных замыслов. Без призора никак.

Но скоро все вокруг завертелось, вспыхнуло ослепительными меняющимися картинками, точно в причудливых линзах волшебного фонаря, огромного магического скиоптикона; и страшные картины вытеснялись еще более страшными, и смятенные зрители, затаив дыхание, вглядывались и вслушивались, потрясенно ожидая гибельных перемен.

Картинки-вспышки. Эй, кто там крутит щелкающую ручку фонаря?

Утренний моцион Государя — вдоль Зимней Канавки, мимо Певческого моста, к Дворцовой площади;

подрагивающий от волнения и недосыпа (ночь провел у проститутки, морфий опять же) Соловьев — в черном пальто, в фуражке козырьком на глаза, руки в карманах;

жандармский штабс-капитан Карл Кох, нутром ощущающий нарастающую тревогу;

снова Соловьев, с панели неловко, помимо воли, вдруг отдающий честь Царю;

и сразу же — за «медвежатник», и сразу же — ледяным пальцем на курок: раз, другой. Ухает тяжелый револьвер, воют

пули. И, кажется, — замирают, зависают на миг в квадрате фантаскопа, где золотятся в луче пылинки; мечутся в сером воздухе ветреного дня;

и Александр II, уходящий от пуль как-то слишком спокойно, боевыми зигзагами, точно бывалый офицер на поле брани;

и царский «личник» Кох, сбивающий палящего злодея ударом сабли плашмя по затылку. И еще один выстрел — тоже мимо. Нет, кажется, пуля продырявила полу шинели;

и надрывный вопль Соловьева: «Он убежал! Я! Я заставил Царя бежать! От кого?! От меня!»;

и еще один выкрик, рыдающий, горький: «Я забыл! Забыл... Меня же учили: если хочешь попасть в голову, надо метить в ноги... Все пропало!»;

седой дворцовый камердинер шепчет сухими старческими губами: «Вот как это было: злодей целится, целится, а Его Величество все милостивейше клоняется...»

С помертвевшим лицом у окна стоит Дворник, дородным своим телом заслоняя дневной свет. Молчит, и все молчат. Впрочем, нет, близко сидящий Тихомиров слышит сдавленный шепот руководителя «Земли и Воли»:

— Пропало... Пропало...

Тяжелым кулаком Михайлов вдруг бьет по подоконнику, да так, что горшки с геранью летят на пол. Он поворачивается к Тигрычу, цепко хватая его за пиджачное плечо, мощной ладонью терзает, почти рвет ткань.

— Соловьев у них в руках! В руках у Дрентельна! Они его станут мучить... Морозов... Нет, ты Лев... Пиши. Немедленно. Мы пошлем по почте... Чтобы они не смели!

И вот уже перо рвет бумагу. Неистовая, злая волна накрывает и Тигрыча. Думать некогда. Словно когда-то в драке на керченской Миллионной, где они с Желябовым — спина к спине — отбивались, сплевывая сукровицу, от свирепых «шарлатанов», драчунов с Соляной Пристани. Драчуны сильнее, их больше, удары сыплются, но боли уже не чувствуешь. И страха нет. Как сейчас?

«Исполнительный комитет... (Нет-нет, Комитет тоже с заглавной!) ...имея причины предполагать, что арестованного за покушение на жизнь Александра II Соловьева, по примеру его предшественника Каракозова...»

К чему этот Каракозов? Хотя... Пусть будет! Но если Каракозов, то и Николай Иванович Решиков тут как тут. Ничисто обритый, худой, в чистеньком вицмундире — учитель русского языка; он снова и снова плачет: стреляли в Госуда-

ря! Смешной, нелепый Решиков. И чем смешнее он, тем почему-то тоскливее щемит сердце.

Тигрыч надавил, перо сломалось. Дрожащими пальцами вставил другое.

Все-все, прочь, Решиков! Не до вас. Вы — в прошлом. Начинается иная жизнь. Начинается большая драка: кто кого? И противник — не лихие керченские «шарлатаны».

Перо снова закрипело, взрывая бумагу в конце падающей строки.

«...по примеру его предшественника Каракозова, могут подвергнуть при дознании пытке, считает необходимым заявить, что всякого, кто осмелится прибегнуть к такому роду выпытывания показаний, Исполнительный Комитет будет казнить смертью. Так как профессор фармации Трапп в каракозовском деле уже заявил себя приверженцем подобных приемов, то Исполнительный Комитет предлагает в особенности ему обратить внимание на настоящее заявление...»

Подумал, приписал:

«Настоящее заявление послано по почте на бланках, за печатью Исполнительного Комитета г.г. Траппу, Дрентельну, Кошлакову и Зурову».

— Верно, — кивнул Морозов.

— Незамедлительно — послать! — достал конверт Дворник.

Потом сокрушенно удивлялись: отчего же не подействовал цианистый калий, спрятанный Соловьевым под ореховой скорлупой? Ведь Капелькин доносил из недр III Отделения: их товарищ успел раскусить скорлупу, но ничего не вышло.

Этот же вопрос задавал шеф жандармов генерал-адъютант Дрентельн профессору Военно-медицинской академии Юлию Карловичу Траппу, автору множества фармакопей и главное — работ по исследованию ядов. В генеральском кабинете на Гороховой сидел также кряжистый военврач Кошлаков, известный специалист по внутренним болезням, составивший «Руководство по анализу мочи».

— Все просто, любезный Александр Романович, — чуть снисходительно сказал Трапп, знающий себе цену. — Вопрос во времени, в этой быстротекущей субстанции, обладающей печальным свойством никогда не поворачиваться вспять...

— Не томите, Юлий Карлович, — вежливо остановил говорливого старика генерал. Приходилось терпеть: профессор обласкан при Дворе, особенно после успешных опытов по нитроглицерину.

— Я знаком с протоколами допросов этого... маттоида-революционера. Согласно классификации Ломброзо... — сно-

ва заумничал академик, но осекся, встретившись со стальным взглядом Дрентельна, озабоченного в последние дни совсем другим. — Вопрос во времени. Цианистый калий был куплен в Нижнем полтора года назад. Злодей держал его в стеклянном пузыре. Если бы он разбирался в химии, то знал бы, что синильная кислота имеет свойство быстро улетучиваться из всех своих соединений...

— И из цианистого калия тоже, — добавил Кошлаков, тронув широкую купеческую бороду. — Негодяй ждал смерти, но на ту пору не вышло.

Соловьев все же дождался смерти. 28 мая в десять часов утра он был казнен на Смоленском поле в присутствии четырехтысячной толпы. Перед виселицей бормотал про какого-то ганноверского аптекаря и просил морфия. Ему отказали.

Дрентельн поднял на ноги всё «лазоровое ведомство». Сотни арестов, высылки из Петербурга. Многие кружки разгромлены, особенно студенческие. Разбит и только встающий на ноги «Северо-русский рабочий Союз». Жандармы ворвались в конспиративную квартиру «Земли и Воли»; чуть не попались ее хозяйка Анна Якимова-Баска, и Осип Аптекман, который у самого дома на лету поймал настороженный взгляд дворника и обратился вспять.

Плеханов ворчал: «Молодежь угнетена покушением. Она теряет почву.. Никакого плана, теперь один сумбур в умах...»

Морозов и Дворник запустили фразу: «Политическое убийство — это осуществление революции в настоящем»; они были бодры и высоко держали головы.

Это действовало завораживающе и на Тигрыча. Он повторял грозные и прекрасные слова, почти не вдумываясь в них. Да и что тут думать: ведь он ждал революции, грезил социальным бунтом. Так? Так. Но когда это сбудется, и сбудется ли на его веку? А теперь мечта — вот она, руку протяни; мечта врывается в тусклую жизнь, будоража ее, освещая блеском кинжала и пороховыми револьверными вспышками. Сейчас, сегодня, в это ослепительное мгновение. В неповторимую, звонкую, почти алмазную секунду...

А у Дрентельна «заработал» отнятый у Соловьева «смит и vesson», дулом своим с ясно выбитой меткой указывающий на тех, кто им владел. Прежде всего, на обаятельного «цесаревнина доктора» Веймара, купившего револьвер в «Центральном Депо оружия» и позже подарившего его Клеменцу: не помогли дворцовые контрдансы с супругой наследника Марией Федоровной — Ореста взяли и обходились очень строго. Револьвер мог указать и на Клеменца, передавшего «карманную пушку» Морозову, — для участия в освобождении

Войнаральского, как известно, неудавшегося. А там и на Сашу Михайлова...

Против Веймара возникло обвинение в соучастии с цареубийцей Соловьевым, которого он и в глаза не видел и, конечно, о замыслах которого ничего не знал. И тут «медвежатник» прекратил сотрудничество со следствием. Потому что доктор уперся, никого не выдавал.

Он погиб затем на карийской каторге, так как не захотел назвать Клеменса. Погиб, хотя и не состоял ни в какой революционной организации.

Тигрыч так и не смог понять, почему же весельчак Клеменц, любитель разымчивого вина, бесстрашно распеваящий песенки про пьяного кормщика-царя, ничего не сделал, чтобы выручить близкого друга, пропадающего из-за него. Что следовало сделать, Лев не знал. Но надо бы, непременно надо... Ведь Веймар сидел в кандалах, а Клеменц как ни в чем не бывало спорил с Дворником о новых пунктах программы.

Тут Тихомиров спотыкался; сердце ворочалось тяжело и тоскливо. К тому же Клеменц, избежав петли, затем отделался весьма легко — административной высылкой в Минусинск. Веймар умер 31 октября 1885 года в лазарете рудника на берегах Кары от скоротечной чахотки. Революционер Клеменц жил долго, писал воспоминания, занимался этнографией.

Снова и снова Тигрыч будет мысленно возвращаться к этому делу — в санных бегах от жандармов по заснеженной России, вздрагивая в полутемном купе перед самой границей, на берегу Женевского озера, в бедной парижской квартирке на rue Daug. И после, когда уже навсегда вернется домой.

Он так и не избавится от мучительного вопроса. И не найдет ответа на него.

Глава восемнадцатая

Вагон конки, подрагивая и скрежеща, сворачивал с Невского на Садовую. Тигрыч стоял на задней площадке и шурился от июньского солнца. Конка замедлила ход, и Лев сразу же увидел Перовскую и Верочку Фигнер, недавно вернувшуюся из Цюриха, где она училась на медицинском факультете. (Рассказывали: состояла в пропагандистском кружке «фричей»). Барышни неторопливо шли и о чем-то оживленно беседовали.

Он уже собирался соскочить с подножки, предстать перед подругами — весело, неожиданно, и словно бы, между прочим, вручить им свежий номер «Земли и Воли» с его статьей,

заранее зная, как вспыхнут женским интересом карие глаза Веры, как заиграют трогательные ямочки на ее нежных щеках. Что ж, и хорошо, и пускай вспыхнут, и заиграют пускай; а Соня, мучительница Соня, это увидит.

Само собой, вручить скрученный в трубочку номер он намеревался с соблюдением всех уловок михайловской конспирации. О, далеко не всякий способен к тайно-заговорщической деятельности. Это он знал. Чем меньше людей осведомлено о тайне, тем она неуязвимее. И поэтому...

Но о конспирации как следует Тигрыч поразмыслить не успел. Рядом с подругами вдруг остановился экипаж, и из него легко выскочил изящный молодой человек в светлой летней паре. Лев, помедлив, тоже спрыгнул на мостовую.

— Соня! Боже мой, сколько лет, сколько зим! — услышал он зычный, низкий голос незнакомца; голос, надо сказать, вовсе не подходил утонченно-нежному облику юноши.

— А-а-а, Николай! Коля... — сухо ответила Перовская, отвернувшись к Фигнер. — Вот, Вера, это Николай Муравьев... Товарищ детских игр.

Тихомиров подошел еще ближе и сделал вид, что изучает афишу цирка Чинизелли. Удивительно: тот самый цирк! Это его размалеванные клоуны снились ночами в душевной камере, гнались в бреду за ним, пританцовывая и кривляясь. А Лев еще пытался их усюветить: «Зачем вы высмеиваете людей? Ведь каждый несет в себе образ Божий... И кого же вы высмеиваете тогда? Остановитесь!»

Мысль споткнулась, непрошено забеспокоилась. Хорошо, а как же тогда этот злосчастный градоначальник Трепов, как же убитые — шеф III Отделения генерал Мезенцев, барон фон Гейкинг, товарищ прокурора Котляревский, губернатор Кропоткин, жандармский полковник Кноп? Они — несли образ Божий? Или... Нет-нет, довольно! Все в прошлом. И сны в равелине, и докучливые клоуны. Сомнения тоже в прошлом.

Повернул голову, прислушался. «Зачем я это делаю? Что мне до Сони? Пора уже, пора...»

— Что ты? Где ты теперь, Соня? — восторженно рокотал Муравьев. — Помнишь ли желтые иммортели, которые я тебе дарил? И отчего... Отчего вы так одеты?

— Ты настоящий прокурор! — усмехнулась Перовская. — Если интересно, мы с Верой... Мы учительствуем в деревне, под Рязанью. А одеты...

— Как славно! Я прежде служил помощником прокурора в окружных судах. Во Владимире, а после тоже в Рязани... Ты разве не слышала про дело «Червонных валетов»? — продолжал радоваться молодой прокурор.

— Нет, — вздохнула Соня, не скрывая раздражения. — Прости, нам пора. Спешим на поезд...

— Странно. Об этом деле писали в газетах. Я был обвинителем. И говорил речь. И знаешь, сколько говорил? Два дня! — хохотал Муравьев. — Ах, прости! Как здоровье Льва Николаевича? Варвара Степановна все так же в Крыму?

Не отвечая, Перовская зашагала прочь. За ней кинулась изумленная Верочка. Ничего не понимающий, когда-то влюбленный прокурор кричал вслед:

— Ты живешь там же? Я найду... Я много думал... И о тебе. Ты — народная учительница... Как славно! Так много жестокости в мире...

«Вот плутовка! Выдумала — учительница она...» — спрятался за тумбу Тихомиров.

— Я хочу рассказать, милая Соня... Нужна судебная реформа. Моя магистерская работа посвящена отмене жестоких телесных наказаний для каторжных и ссыльных...

Лев увидел, как на Невском барышни взяли извозчика и умчались и вправду в сторону Николаевского вокзала. Он в три прыжка нагнал следующую конку. Смотрел с площадки на прокурора Муравьева, удивленно отъезжающего в добротном экипаже.

Первое, что Тихомиров услышал в тот день от Дворника, это дурное известие: взяли Мирского! Глупо попался. Вместо того чтобы затаиться в Таганроге, Леон и там разговорился — решил создать подпольный кружок. Сошелся с прапорщиком пятой батареи резервной артбригады Тарховым, бомбардиром Щетинниковым, который и донес о нем до сведения помощника начальника губернского жандармского управления капитана Карташевского.

Михайлов показал Тигрычу свежее сообщение агента Николая Капелькина. Бисерным почерком на клочке бумаги тот писал, что Мирского арестовали прямо у его квартиры, в доме доктора Ромбро. Леон трижды стрелял в капитана, но неудачно. Кроме подложных документов, при нем найдено его письмо к отцу на польском языке, где Мирский заявляет, что это он покушался на Дрентельна и теперь скрылся в Швейцарии. Но когда вернется, снова примется за труд в пользу революции. И еще просит прислать ему 500 рублей. И поскорее.

— Дурак! — огорчился Тихомиров. — Ишь ты: за труд в пользу революции... Боюсь, многих выдаст.

Хотелось добавить: «Эх, Саша, Саша! Вот она, твоя манера таскать каштаны из огня чужими руками. Втягивать в большие дела случайных людей...» Но промолчал. Видел: и без того тяжко Михайлову.

— Должно быть, тоже мышшь съел... — буркнул под нос.

— А? Какую мышшь? — отрешенно спросил Михайлов.

Лев не ответил. Махнул рукой.

Он точно в воду глядел. Мирского перевезли в столицу, заключили в Петропавловку. Вскоре арестовали художницу Малиновскую, возлюбленную Кравчинского, который успел сбежать за границу. Александре удалось передать письмо из крепости. Она писала: «Кстати, Мирский признал себя членом Исполнительного Комитета и сказал, что их всех членов около 200 и друг другу они известны лишь по номерам. Вообще он наплел много небылиц, — вот охота! При всех его достоинствах он страшно болтлив».

А дальше — больше. Из-за болтливости Леона «Алфавит лиц, политически неблагонадежных» заметно пополнился. Едва избежал ареста Плеханов. Но многие не избежали, особенно те, кто укрывал беглеца, предупреждал об опасности.

Потаенное ведомство Антона Ивановича Лидерса, «черный кабинет» работал с полной нагрузкой — ну, просто дым стоял.

Но и Дворник не дремал. «Земля и Воля» то и дело меняла подпольные квартиры, типография организации перебиралась с места на место. Все чаще сходились в Лесном, на даче.

Помощник делопроизводителя канцелярии III Отделения Клеточников, имея доступ к секретным бумагам своего начальника полковника Кириллова, по-прежнему оставял в услуженном месте записки для Михайлова и Тигрыча.

«Мирский, говорят, упал духом и сознался... За Кестельман зорко следят агенты Янов и Полеводин... Ими руководит Елисей Обухов...»

Перед процессом Леон вдруг потребовал, чтобы в равелин ему была доставлена фракная пара. Возможно, заскучал по роскошной девице Кестельман, и теперь хотел предстать перед возлюбленной во всей красе? Потом рассказывали Тихомирову, что этот фрак пролежал в тюремном чемодане Мирского многие годы. Время от времени узник щеголял в нем, веселя зрителей: фрак мало подходил к кандалам, тяжелым бродням и совсем не праздничным брюкам. К тому же нередко надевался на голое тело.

Военно-окружной суд приговорил Леона к смертной казни. Но возможно, очень возможно, что фрак сохранил ему жизнь. Потому что, узнав про гардеробные фантазии юного социалиста, генерал-губернатор Гурко рассмеялся до слез и сделал все для смягчения приговора.

— Помилуйте, господа, — басил Иосиф Владимирович, раскуривая сигару в Дворянском собрании. — Это же мальчишка, не закоренелый злодей... Просто сбили его с толку пропагандой. Фрак ему..

— Славу Богу, не револьвер! — нахмурился генерал Дрентельн. — Пускай бы в камере стрелять поточнее поучился. Смотришь, старого барона Майделя и прикончил бы. Комендант крепости, но тоже из добрых. Недавно распорядился с Нечаева кандалы снять... Со злодея, с убийцы!

Смертный приговор Мирскому был заменен каторжными работами. Государь, недовольный мягкостью генерал-губернатора, наложил на докладе Дрентельна насмешливую резолюцию: дескать, действовал Гурко под влиянием баб и литераторов...

Мирский поступил в камеру № 1 Секретного дома Алексеевского рavelина. Потом сотрудничал с охранкой, писал рапорты на заключенных народовольцев. Выдал сношения Нечаева с волей — через ефрейтора местной команды Ивана Тонышева, тем самым сорвав побег главаря «Народной расправы», автора «Катехизиса революционера», вскоре умершего в одиночке.

Капризничал, писал письма новому коменданту крепости Ганецкому: «Умоляю Вас, мой Благодетель, прикажите вставить один вентилятор в левом углу окна, так чтобы одновременно действовали два вентилятора в окне и один в стене. Притом я бы просил, чтобы в новом вентиляторе дырочки были хоть сколько-нибудь побольше...»

Вставляли. С большими дырочками. Приток воздуха освежал голову, вспоминались имена и явки. Строки доносов ложились на бумагу легко, точно стихи.

Летом 1883-го отправлен на Кару. Спустя двенадцать лет вышел на поселение. Оживился в революционные дни 1905 года: строчил подстрекательские статьи. За это судился карательной экспедицией Ренненкампа. Приговорен к смертной казни, снова замененной бессрочной каторгой. Затем — поселение, по «богодульской комиссии». Дожил до октябрьского переворота — до результата своих «трудов в пользу революции». И очень боялся: а вдруг отыщут доносы, придут? Умер в Верхнеудинске не то в 1919-м, не то в 1920-м.

Все это станет известно Тихомирову еще не скоро. Что-то расскажет в Париже самоуверенный искатель приключений Рачковский, что-то — перепуганный отставной штабс-капитан артиллерии Дегаев, омерзительный в своей откровенности. О чем-то он не узнает никогда.

Но кто же произнес чуть слышно: «Дьявол начинается с пены на губах ангела, вступившего в бой за святое и правое дело»? Кто? Он попытается вспомнить — да-да, вот сейчас... Сейчас он вспомнит.

Не вспомнилось. Хорошо, после. Непременно. Теперь так много дел.

В типографии на Николаевской был отпечатан пятый номер «Земли и Воли», оказавшийся последним. Там говорится: «Правительство объявляет себя в опасности, объявляет открытую войну уже не одним революционерам, а всей России... Мы знаем — много отдельных личностей из нашей среды погибнет... Мы принимаем брошенную нам перчатку, мы не боимся борьбы и в конце концов взорвем правительство, сколько бы ни погибло с нашей стороны...»

Тут уже «деревенщики» запротестовали вовсю. А громче других — Плеханов, Аптекман, Попов, Перовская. Тогда разгневанный «террорист-политик» Морозов рубанул сплеча: поскольку, мол, разрыв неизбежен, то лучше окончить его как можно скорее, чтобы развязать руки другой фракции для практической работы.

Тигрыч поддержал его. Его давно удручала путаная публицистика «Земли и Воли». Да, теперь он тоже был за террор, который, однако, нравился ему, как первые революционные стычки, как передовые аванпостные бои. И только. А дальше — время покажет. Морозову же террор виделся новой формой революции; и ей следует отдавать все силы кружка. Кравчинский держался мнения, что террор — лучшее средство вынудить к уступкам.

Сам Дворник не любил теории. Он был человеком чутья. И за террор стоял, потому что чувствовал: ничто другое — революционное — сейчас невозможно. А без революционного жить он уже не мог.

Михайлов дольше всех не хотел разделяться; ему очень хотелось сберечь название «фирмы», которая приобрела известность.

Увы, ничего не вышло. Тогда Дворник потребовал, чтобы название «Земля и Воля» было вовсе уничтожено: пусть не достается никому. А уж дело разделившихся групп придумать что-нибудь новое.

Разделяться решили в Тамбове.

Сперва плавали по Цне, выискивая в городских предместьях укромные береговые поляны. Смуглое, подрумяненное солнцем лицо Верочки Фигнер было совсем рядом, ее смородиновые глаза смотрели на Тигрыча в тревожном ожидании, а он толкал лодку вперед умелыми сильными гребками, чувствуя шумящей молодой кровью, всем естеством своим, как отзывается ее легкое, упрятанное в шелковые складки тело на каждое его движение. И если она отводила вдруг взгляд, то лишь для того, чтобы он — знал Лев, знал! — лучше разглядел ее нежную шею с маленькой родинкой, и шея с такой трогательной беззащитностью тянулась к небу из высокого

белого воротничка. Речь ее и без того лилась, как музыка, а когда она запела, Морозов и вовсе позеленел от ревности (что-то у них было, кажется, еще в Цюрихе; уж очень влюбчив этот бегающий вприпрыжку юноша).

«Бурный поток, чаща лесов, голые скалы — вот мой уют...» — едва ли кто мог соперничать с Верой в исполнении этой песни. Разве что Липа Алексеева, отправившая в сумасшедший дом своего мужа, богатого помещика, когда-то своим грудным конральто растревожившая сердце начинающего нигилиста Морозова. Казалось, Вера пела лишь для него, Тигрыча.

Они плыли дальше, шлепали весла, запахи теплой воды и свежей рыбы уносили в детство, а берега Цны, тем временем, заполнялись толпами гуляющих тамбовцев, привлеченных прекрасным голосом, который можно услышать, пожалуй, только в хорошем театре; горожане провожали лодки с этими странными чужими людьми, шли за ними вдоль розовой вечеряющей реки с сияющими от новых впечатлений глазами.

Но именно пение чуть было не погубило землевольцев. Потому что голос Фигнер подействовал не только на публику, но и вызвал интерес у полиции: что за неведомо откуда взявшиеся люди, и что за артистка такая? На обратном пути филеры проследили их, и вечером в номера нагрянули: дескать, предьявите паспорта!

Ясное дело, паспорта у всех были подложные. Поутру пришлось спешно выехать, оставив тамбовскую полицию заниматься фальшивками. Не наигравшийся в индейские сарбаканы, отважный, точно испанский партизан-гверильяс, Николай Морозов задержался у гостиницы «Минеральные воды» и видел из засады, как здание окружают жандармы.

В Липецке уже не пели. Хотя тоже были и лодки, и катанья по озерцу с длинной гатью; в озерце стояла невероятно прозрачная вода, в которой не плавало ни одной рыбешки. От поверхности исходил какой-то холодновато-хрустальный свет, за кормой растекались чистые безжизненные струи.

— Ведаете, кто запруду ладил? — хитровато сощурился худощавый крестьянин, у которого брали лодки.

— И кто же? — протянул ему деньги Лев.

— Антихрист! Не по разуму человекам такую-то насыпь насыпать. Вот... Потому, стало быть, тут и мертвое все.

Тигрыч видел, как напряглись, посерели лица товарищей. Как они поежились — Дворник, Баранников-Савка с Машей Оловенниковой, Квятковский, Миша Фроленко... Только Андрей Желябов, приглашенный на съезд как представитель южных бунтарей, желая развеять тягостную минуту, полез к старому приятелю со спором.

— На полдюжины водки, хочешь? — скалился Желябов, азартно закатывая рукава. — Пролетку подыму за заднюю ось. И с седоком, само собой. Спорим, Тихомиров?

Льву было не до споров. Ведь в Липецке «террористы» собрались втайне от идейных противников, чтобы все обдумать перед тем, как дать бой «деревенщикам» на общем землевольческом съезде в Воронеже 18 июня 1879 года. Но среди десяти «деревенщиков» были Соня, Верочка Фигнер, Плеханов, Попов... Собратья, с которыми не один пуд соли съел. Это мучило, лишало покоя.

Была еще какая-то Екатерина Сергеева. Говорили, прилежная выученица старого якобинца-ловеласа Зайчневского, призывавшего во-о-он еще когда — в 1862-м — «в топоры». Не потому ли и сама сия барышня состоит в кружке «Свобода или смерть»? Мороз по коже! И кто же ее привел? Конечно, Маша Оловенникова. Закадычные подруги, по Орлу еще. Но почему тогда — Маша с нами, а та — в «деревенщиках»? Нет, женщины непременно все запутают...

«Мертвое все, мертвое...», — засело в голове у Тигрыча. Вокруг озера — ни души. Никто не купался, никто не сидел с удочкой. И только они, избравшие террор, тихо плыли по прозрачной, с железным отливом воде, в которой не было никакой жизни.

Плыли. Обсуждали проект Михайлова и Тихомирова — проект боевой группы. Желябов ликовал: теперь он будет действовать в столице! Тут же, на мертвой глади, выбрали редакторов печатного органа будущей организации — Тихомирова и Морозова. В состав распорядительной комиссии Исполнительного Комитета также вошли Лев, Дворник и Саша Квятковский.

В последний день говорили о Государе. Сладковато кружилась голова: надо же, они решают судьбу всемогущего русского Царя!

— Да, Александр II в начале жизни совершил два хороших поступка, — поднял руку Михайлов. — Первое — отменил крепостничество. Второе — судебные реформы.

— Маловато что-то, — хмыкнул Желябов, крестьянин по рождению. — Задать копотю!

— Я и хочу спросить: должно ли ему простить за это все то зло, которое он совершил и еще совершит?

Все закричали «Нет!». И Тигрыч кричал «Нет!». И кричал очень громко.

Спустя несколько лет он вдруг потрясенно поймет: террор — мертвое дело, создавшее силу из бессилия. И тут же вспомнит странное озеро. И кристальную бездну под днищем —

безмолвно-жутковатую, из ясной толщи которой не поднялось ни одного живого пузырька. Антихристово место, где даже эхо не отзывалось на грозное: «Нет! Не прощаем!»

А в Воронеже собрались уже все вместе. И тогда веселый Желябов кинулся к подкатывающему экипажу, на котором восседал мещанин в синей суконной свитке, схватил за ось и приподнял; при этом остановил заржавшую лошадь, бежавшую размеренной рысью. Мещанин был близок к обмороку. Колесо вертелось в воздухе, лошадь смешно и беспомощно двигала копытами.

— Так и Россию мы вздыбим, — выдавил побагровевший Желябов. — И ничего они с нами не сделают. Будут крутиться, как это колесо, да все зазря...

Грянули аплодисменты. Обычно сдержанная Перовская не жалела своих ладошек. Тигрыч отметил, как оживилось ее лобастое личико, в глазах вспыхнул знакомый синий пламень; она, не отрываясь, смотрела на Желябова. И тот это почувствовал. Он знал женщин. И не только насурмленных лореток Капу с Антуанеттой, обитательниц керченской Миллионной. Говорили, что в него без памяти влюбилась дочь какого-то богатея-сахарозаводчика, они обвенчались, потом он бросил жену с ребенком — конечно, во имя революции.

— Преспорил? Преспорил, Тигрыч! — Андрей, хищно зыркнув на Соню, вынул из пакета шесть бутылок водки. Изящными движениями любимца публики стал раздавать горькую обрадованным извозчикам.

— Ну, и силен, барин! — урчали они. — Такого еще не видели. Навроде и стати-то не богатырской, а поди ж ты... Благодарствуем за угощение!

На съезде Желябов кружил над раскрасневшейся Соней, как коршун. С одобрения Дворника делал все, чтобы перетянуть ее к себе, а за Перовской, смотришь, оставила бы «деревенщиков» и Фигнер. Тихомиров понимал, почему Соня упорствует, спорит до слез с «террористами»: во многом из-за него, Тигрыча; не только, конечно... Но Лев знал: останься он с Плехановым и Поповым — Перовская тотчас же переметнулась бы к Дворнику. Да, переметнулась бы — назло ему.

Не раз Желябов, откупоривая пиво в Архиерейской роще, жаловался Тихомирову; при этом как-то по-детски пожимал костистыми плечами:

— Нет, с этой Перовской, с этой бабой... Как тяжело-то!

«Вот-вот — с бабой! Именно! — ликовал Лев. — Хорошо, что я не позволил бабе вертеть собой. И все же — прицепилась. Точно хихорадка-кумоха... Эх, не по зубам она тебе, Андрияша...»

Тут он ошибся. Прошло совсем немного времени, и Соня, своенравная Соня Перовская подчинилась Желябову. Столбовая дворянка, чей родитель любезно принимался во Дворце, пылко влюбилась в дворового крестьянина Феодосийского уезда.

Однако эта новость почти не тронула Тихомирова: женственная, внешне уступчивая Катюша Сергеева стремительно и мягко вычеркнула неподатливую Соню из его опасной жизни. И вписала себя. Даже красивая умница Фигнер ничего не успела сделать. Возможно — как знать? — Верочке помешал золотой шифр Родионовского института благородных девиц, где учили манерам, но не соперничеству. Но что-то осталось. Осталось в ее сердце на всю долгую жизнь...

А в последний воронежский день Тигрыч увидел, как плачет суровый Георг Плеханов.

Это потрясло его. Ведь, что греха таить, Дворник, Морозов и он прибыли сюда без уверенности на победу. Более того, побаивались даже: а как изгонят их из «Земли и Воли» за раскол? И Плеханов смотрелся молодцом. Твердил: «Или агитация в народе, или террор. То и другое — невозможно». Наседал на Дворника: «Пойми, Саша, на кончике кинжала нельзя утверждать здания парламента!»

Отчитывал Морозова, точно расшалившегося школяра, по строчке разбирая его статью в Листке «Земли и Воли», где Николай пел гимн политическому убийству, называя террор — одним из лучших агитационных приемов.

— И это наша программа, господа? — уперся плечом в раскидистый дуб Георг. — Так ли нужно писать в нашей газете?

Наступила тишина. Поскрипывали сосны, высоко пели птицы. Похоже, напористый Желябов поработал не с одной только Перовской.

Насупленный Квятковский молча вырезал ножом на стволе: «Здесь заседал конгресс землевольцев».

— Да только так и следует писать! — внезапно крикнул Фроленко. — Молодец Морозов!

— Соня, скажи! Почему ты молчишь? — быстро повернулся Плеханов к Перовской.

Лицо Сони потемнело. И она заговорила, тяжело роняя слова:

— Ты знаешь, Георг, я в принципе террора не одобряю. Но... Но если уж иные предприятия начаты, то... То их следует закончить...

Ее глаза равнодушно скользнули по лицу Тигрыча и, вспыхнув, остановились на Желябове. Тот, выждав, когда Перовская отведет взгляд, украдкой подмигнул Льву: оцени, мол, брат, мои труды... Тихомирова передернуло.

Напрасно горячился Плеханов, доказывая Соне, да и всем собратьям, что одно предприятие будет сменяться другим, и завершить их можно только отказавшись от всякой деятельности в крестьянстве. Тут уж полез в драку Желябов. Георг ответил — зло, упрямо.

— Признаюсь: я порой несдержан, — засопел Андрей. — Но в тебе, Жорж... В тебе сидит татарин!

Попытались рассмеяться, но не вышло. «Деревенщики» поддерживали своего идеолога уж очень вяло. Плеханов резко оттолкнулся плечом от дуба. Он был бледен, как полотно.

— Вот как? — вымучил улыбку. — Неужели вы все считаете, что Морозов прав в своей статье? И признаете это общим методом?

Что-то невнятное пробормотал Аптекман. Раздались еще два-три слабых возгласа «деревенщиков». Короткевич глухо сказал о необходимости примирения.

— Тогда... Тогда, господа, мне здесь больше нечего делать! — чужим голосом произнес Георг. — Прощайте!

Сгорбившийся Плеханов тяжело повернулся и, качнувшись, медленно двинулся по поляне в сторону леса. Когда трепетной, почти стариковской походкой он проходил мимо Тигрыча, тот заметил: в подглазьях у Георга блеснула непрощенная влага. Льву показалось, что их товарищ по кружку едва держится на ногах.

Все молчали, а Плеханов уходил все дальше и дальше.

— Нужно вернуть его! — не выдержал Тихомиров; встал, рванулся, оскальзываясь подошвами на вздыбленных корнях.

— Непременно, господа! Непременно! Ведь мы... — взволнованно пропела Фигнер.

— Нет! — схватил Тигрыча за рукав Дворник. — Нельзя... Мы не должны... Мне жаль, но пусть уходит. У него другой путь.

Попов, Короткевич и Осип вскочили было со своих мест, чтобы пойти за Георгом, но, уныло потоптавшись, снова сели, несколько смущенно переговариваясь между собой. Никто не покинул собрания, никто не бросился вслед за идеологом «деревенщиков».

Стало быть, победа? «Террористы» могли торжествовать. Но что это, что? Отчего так пусто на душе? Смутные, тревожные предчувствия томят ее...

Нет, им не удалось избежать раскола.

15 августа 1879 года в Лесном прошел последний съезд «Земли и Воли». Организация распалась на два кружка — «Черный передел» (революционно-теоретический) и «Народная Воля» (революционно-террористический).

Спустя несколько дней все на той же конспиративной даче Тигрыч вывел на сером листе: «Царь Александр II — главный представитель узурпации народного самодержавия, главный столп реакции, главный виновник судебных убийств, должен быть казнен». Это было первое решение Исполкома «Народной Воли» — смертный приговор Государю.

И в те же самые минуты в гулком дворцовом кабинете в Ливадии прибывший сюда шеф жандармов генерал-адъютант Дрентельн, одолевая болезненный стук крови в висках (день был жаркий, на море — штиль) просил Государя:

— Ваше Величество, злокозненные замыслы радикалов позволяют предполагать...

— О чем ты, любезный мой Дрентельн? — Большие голубые глаза Царя приветливо светились.

— Благодарю верноподданейше, что... Что вняли моему скромному совету и теперь на променадах несет службу личная охрана Вашего Величества. Штабс-капитан Кох, отвечающая за Вашу безопасность...

— Да, он славный малый, и воистину спас меня 2 апреля. Мы, помнится, наградили его?

— Наградили, Ваше Величество, но... — вконец разволновался Дрентельн.

— Что еще? Поспеши. Через четверть часа у меня прием... — нетерпеливо поднялся из-за стола Александр II.

— Найдена записка с планом Зимнего дворца. Крестиками обозначены спальня Вашего Величества, столовая... Не готовят ли социалисты чего? Кроме того, по возвращении в Петербург следует усилить охрану Вашего Величества при проезде по городу... — заспешил генерал, уже не подбирая слов.

— Вот как? — загорелое лицо Царя затвердело. — Этому не бывать! Я не стану прятаться от нигилистов! И прикрываться охраной от собственного народа...

Глава девятнадцатая

И вправду сказано: родись, крестись, женись, умирай — за все денежку подавай.

А революция — да разве устроишь ее задаром? Кинжалы, револьверы с порохом, гремучий студень взрывчатки, подделка паспортов, разъезды-переезды, приклеивание усов-бород, аренда квартир для потаенных типографий и конспиративных сходов, подкуп тюремных стражников, устройство побега попавшего под замок товарища по борьбе. Да что там: случилось, целый дом покупали — и все для одного дела, для

одной, давно задуманной акции. Допустим, царский поезд взорвать. А из подвала — так легко прорыть ход к самому полотну железной дороги. И там динамит подложить: тоже недешево стоит.

Деньги — оселок террора. Выше возьмем. Деньги — его крылья.

Тигрыч знал, что прежде за крылья отвечал Дмитрий Лизогуб. Вернее, не то чтобы отвечал — просто еще в петербургскую студенческую пору сошелся от скуки этот богатый черниговский помещик с веселыми нигилистами в синих очках, что вместо учебы попивали дешевое пиво в трактирах, закусывали печеными яйцами и селедкой на синей сахарной бумаге и вели разговоры, от которых бежали мурашки и кружилась голова. Помнится, незадолго до тихомировского ареста встретились они за Невской заставой, а после шли вместе аж до Английской набережной; там находился банк — не то Акционный, не то Русский азиатский, где у Лизогуба лежали какие-то деньги. Деньги эти Дмитрий намеревался взять, чтобы отдать на нужды пропагандистского кружка.

Наслышанный о состоянии молодого помещика, Лев все порывался взять извозчика (к тому же натер ногу!) или, на худой конец, проехаться на конке, но богач отказался потратиться даже на это. Сутулый, в мешковатом пиджаке на костлявых плечах, он рыскал по сторонам серыми, навывкате глазами, скрипел протяжно и нудно:

— Я, Тихомиров, всякую копейку нынче берегу. От уроков музыки отказался. Из квартиры с лакеем и кухаркой в комнату перебрался, на Петербургской... Пять рублей плачу. Щей себе горячих не позволяю...

— Ну, уж щей-то... Щей-то, поди, можно? — вытаращился Лев: как же без них, без александровских — с пылу, с жару?

Он удивился тогда: на голове у Лизогуба лихо, вполне рабочему, сидел кожаный картуз, но из-под мышки торчал парадный складной цилиндр. Перед входом в сверкающий стеклом подъезд банка помещик вынул из кармана еще и перчатки, тоже пепельного оттенка, под цвет сложенного головного убора, похоже, щегольского.

Тихомиров все ждал, что перед приемной управляющего Дмитрий, наконец, раскроет цилиндр, но не дождался: шляпа так и осталась в своем прежнем виде; Лизогуб надел лишь перчатки и сунул картуз Льву.

Деньги ему выдали. Он тщательно пересчитал их, а после, уже в скверном трактире, все тем же скрипучим голосом, рассказал Тихомирову, что с год тому назад в цилиндре поломалась пружина, и он никак не может собраться отдать ее в

починку. Вот и входит в приемные и гостиные со сложенной шляпой под мышкой: ни дать, ни взять — вылитый денди, светский лев, только что, как и положено по этикету, свернувший роскошный цилиндр.

— Знаешь, Тихомиров, мне жаль двугривенного на пружинку, — давился печеными яйцами толстосум. — Уж лучше я его употреблю на дело революции. А цилиндр буду для важности держать под мышкой...

— Угу... — кивал Лев и продолжал уписывать горячие щи, тщетно сиюсь уберечь при этом пиджак от соскакивающей с ложки капусты.

— Или перчатки... Я придумал способ, как их сохранить! Четвертый год ношу, и точно новые...

«И это человек, состояние которого простирается до 200 тысяч рублей! Разве скажешь?» — вытягивал Лев мясо из дымящейся тарелки.

Теперь все было иначе. Лизогуб уже несколько месяцев сидел в одесской тюрьме. Тигрыч знал, что тот дал полную доверенность старому другу дворянину Владимиру Дриго, тоже социалисту, — на продажу всей недвижимости. Деньги поверенный должен был передать в Исполком «Народной Воли». Денег требовалось много: начиналась охота на русского самодержца. Но Дриго давно не подавал никаких вестей. Дворник с Желябовым места себе не находили.

Дворник срочно выехал в Одессу, потом в Чернигов. Тихомиров по поручению Исполкома работал над программой и уставом организации. Составлял секретную инструкцию: создать центральную боевую организацию, способную начать восстание; создать провинциальную революционную организацию, способную поддержать восстание; обеспечить поддержку восстанию городских рабочих; подготовить возможность привлечения на свою сторону войска; заручиться содействием интеллигенции — главного источника сил при подготовительной работе; склонить на свою сторону общественное мнение Европы.

И ни слова — о деревне, о крестьянстве. Не потому ли, что помнил, не забыл, не потому ли, что засело в сердце — сперва Сонин восторг, а после ее же насмешка над «Сказкой о четырех братьях», которую хитрющие костромские оратаюшки-землепашцы растаскивали на самокрутки?

Впрочем, тогда он об этом не думал. Не успел подумать.

— Пиши скорее, — потребовал перед отъездом Михайлов. — Программу нужно обсудить. Будем рассылать проект в провинциальные группы.

— Еще пару-тройку дней... — кивнул Лев. — В черниговский кружок сам привезу. Встретишь?

— Ясное дело. Но будь осторожен. На юге арестованы Дебагорий-Мокриевич, Попов, Башуцкий, Осинский. А еще раньше — Стефанович... Это некий Судейкин развернулся. Выучку прошел у главного киевского жандарма Новицкого. Чую, далеко сей капитанишко пойдет...

А поверенный Дриго и в ус не дул. Он уже вошел, как говорили, в стачку со старшим братом Лизогуба, и теперь компания ловко и быстро обращала состояние несчастного узника в свою личную собственность. Разумеется, о поддержке революции не было и речи. Уж лучше бы Лизогубу потратиться на пружинку в цилиндре и на новые перчатки нежного пепельного тона, да и от шей с говядиной не отказываться — хотя бы по воскресениям.

Появление Дворника для Дриго было, как гром среди ясного неба. Он только-только начал обставлять свое новое имя Довжик стоимостью в сорок тысяч, за которое не заплатил ни копейки. Но Михайлов взял хитреца в оборот.

— Про террористов слышали? Про кинжалщиков? — трепал он манишку Дриго, тыча тому в побелевшее лицо гневное письмо от Лизогуба. — Для нас мерзавца продырявить — что семечек погрызть...

— С превеликим удовольствием... — тряс лысеющей головой вор. — Но на квартире опасно. Ко мне приезжал полицеймейстер... Встретимся завтра, когда стемнеет, на площади у почтовой станции.

Несколько тысяч все же удалось забрать. Утром с фальшивым паспортом приехал Тигрыч: как всегда, со старого бланка смыли белильной известью и щавелевой кислотой прежние чернила и вписали новое имя. На встречу решили пойти вместе. Дворник возбужденно ходил по гостиничному номеру, потом вдруг вскочил, точно ужаленный: пора! Лев недоуменно глянул на часы: до встречи еще два часа.

— Идем, идем! — торопил его Михайлов. — Чую, так надо...

Тягучие южные сумерки уже накрывали город. Тигрыч с Дворником мягко прошли в тени каштановой аллеи и, перемахнув через забор, укрылись в самом отдаленном углу площади. Пространство перед станцией было, точно на ладони.

И вдруг...

Верно, как верно сказано: всякий человек от природы словно бы зашифрован сам в себе. Нужно научиться дешифровать его безошибочно и точно. И тут-то едва ли поможет даже «черный кабинет» проницательного Антона Ивановича Лидерса с разгадывателем криптограмм Ратаевым. Только она — ясновидящая интуиция, присущая редким людям.

Таким, как Дворник, — генерал конспирации, хозяин, недремлющее око встающей на ноги «Народной Воли». Он все понял про Дриго...

Тихомиров потрясенно увидел, как из темноты на площадь въехали полицейские экипажи. Прав оказался Саша, ох, прав!

— Я ж говорил! — сипло шептал Дворник. — Бьюсь об заклад: Дриго уже снюхался с Судейкиным, агентами охранки. Его почерк — видишь, как быстро развернулись?

Высадив жандармов и полицейских, черные экипажи тотчас же исчезли; вскоре место их встречи с Дриго было окружено. Под тучами мрак становилась все гуще, но вот в просвете блеснула луна, и сразу появился Дриго. Он нервно заходил взад-вперед под тусклым фонарем. Тигрыч почувствовал словно какой-то гальванический разряд в груди: сердце забилося горячо, зло, мстительно.

— Револьвер взведен? — ткнул, не помня себя, Дворника. — Достанешь предателя?

— Стрелять? А ведь попадемся... — пробормотал тот, все же вытягивая из кармана «смит и vesson». — Эх, Морозова бы сюда! Половчее будет...

Револьвер полыхнул в темноту пламенем, опередившим хлесткий пороховой удар, сбросивший с веток ночных птиц, пробудивший во дворах хриплых цепных псов. И сразу — крики, топот сапог, ледяное звяканье приготавливаемого к схватке оружия.

Бежать, скорее! Сердца уже рванулись, но тела еще медлили, руки цеплялись за забор, глаза до рези всматривались в мутное пятно под фонарем: что там? убит негодяй? или?..

Заскрипели зубами, увидели: жандармы бегом уводили предателя — рыдающего, но невредимого.

Тогда уж ринулись — через заборы, к водокачке, за нее, к садам, мешанским дворикам. Кто-то рослый, с тяжелой поступью выскочил наперерез, у ворот пальнул из револьвера почти в упор, но пуля взвизгнула выше, сшибла с головы Дворника шляпу (а может, веткой сбросило?); Тигрыч, не останавливаясь, ткнул кулаком в мокрое усатое лицо, а Дворник, утробно рыкнув, закончил дело точным выстрелом.

— Не отставай! Я знаю... — прохрипел, задыхаясь, Михайлов. — На третьей улице... Там поворот... Потом тупик...

— Что? Что — знаешь? — Лев оторопело хватал ртом приторно-теплый воздух. Ноги упруго несли вперед, смешно шлепали по ягодицам задниками разношенных ботинок. — Откуда знаешь? — выдохнул, скользя по затравевшему склону.

Впрочем, мог и не спрашивать. Ведь это был Дворник, опытный конспиратор, приехавший в Чернигов заранее, и времени здесь даром не потерявший: не только рвал манишку вороватого Дриго, но и изучил окрестности, сквозные дворы у водокачки, переулки и тупики. Наверное, и схему нарисовал. Как в Питере или в Москве.

Само собой, у тупика подремывал на облучке возница-еврей; он и отвез беглецов на соседнюю станцию. И взял — всего ничего: рад был нечаянному заработку.

А пока они бежали, ночь наступила и в Киеве. Однако в здании губернского жандармского управления два или три окна светились, проливая на листья старых каштанов неяркие желтоватые лучи.

В одном из кабинетов за столом сидел жандармский капитан, моложавый мужчина плотного сложения, с тронутым южным загаром широким умным лицом и короткой военной стрижкой, подчеркивающей массивный, с поперечной складкой лоб. Это был Георгий Порфирьевич Судейкин — из обедневших дворян, в свое время окончивший Смоленское юнкерское училище. Как лучшего офицера его в июне 1878 года приняли в Отдельный корпус жандармов и направили в Киевское управление — на бунтующий юг, постреливающий из крупнокалиберных револьверов.

И не зря направили. В результате розыскной деятельности были арестованы 157 нигилистов, 70 из них осуждены за государственные преступления, а из этих семидесяти — 8 человек казнены через повешение; вздернули бы и больше, но шестерым виселица заменена каторжными работами. (Шум, газетная трескотня, кривлянье либералов; а адвокатишки, эти паршивцы твердят: изгнанники науки! Это о бунтарях, с кинжалами-револьверами...) Кроме того, почти 90 социалистов выслали административным порядком за пределы губернии.

Капитан машинально перебирал какие-то бумаги и тихо плакал. На него во все глаза смотрел, раскрыв рот, сидевший напротив арестованный революционер Яков Стефанович, тот самый, что заварил Чигиринское дело — с «Тайной дружиной», с фальшивой «Высочайшей грамотой», будто бы написанной самим Царем, с хитрым самозванством.

— Ах, Яков Васильевич, Яков Васильевич! — поймал Судейкин слезу белоснежным платком. — Воистину, я желаю знать, что делается в радикальских кружках не из жандармского интереса. Верите ли?

— Поверить? Вам? — стряхнул оцепенение Стефанович. — Гм...

— Именно, именно! Потому как сожалею, что жизнь толкнула меня на сыщицкое поприще...

Яков от удивления даже подскочил на стуле; заморгал покрасневшими глазами, точно соринка под веки попала.

— Да, сожалею, друг мой! — искренне воскликнул капитан. Он вдруг привстал и, перегнувшись через стол, жарко прошептал: — Я остро чувствую все передовое. И признаюсь вам: я сам рожден быть членом тайного кружка, ибо... Ибо ощущаю потребность всюду проникать, все выведывать. Но — как грустно, как грустно!

Судейкин взволнованно заходил по кабинету; тень его причудливо заметалась по стенам, множась неповторимыми очертаниями.

— Что, грустно? — зачем-то спросил Стефанович. — И эти слезы...

— Увы, поздно возвращаться назад, — снова полез за платком Георгий Порфирьевич. — Мне приказали, направили служить. Но я прогрессист, с изобретательным умом... Если бы не стал жандармом, то стал бы... Эдисоном. И что за чудо, его фонограф! Помните?

Стефанович безмолвно шевельнул чувственными губами.

— Поразительно! Мы с вами говорим, и это можно записать... А после — послушать! — восторженно вскричал Судейкин. — Пройдет время и уже не будет нас, а голоса наши достигнут слуха далеких потомков. Разве не чудо? А всего-то — пустячный валик, обернутый оловянной фольгой. Нет фольги — пожалуйста, можно и бумажной лентой обойтись. Только воском покрыть... А после иголочку, да мембрану... А иголка-то — вот бестия — вычерчивает, знай себе, винтовую канавку. В сей канавке-то, любезный Яков Васильевич, и вся соль...

— Наверное. Я не очень разбираюсь.

— И напрасно! Ведь вы, революционеры, такие канавки-завитушки выписываете. Дух захватывает... — остановился капитан под портретом Государя. — Взять вас... Какой замыслили план! Гениально — по соединению смелости с бесстыдством, практичности — с полной беспринципностью. Надо же: крестьян взбунтовать на существующий порядок в империи и даже на самого Царя — во имя Царя...

— Мы шли не против Царя. Мы — за него... — устало вздохнул узник.

— Да вы монархист? А вот товарищи ваши — нет... — вернулся за стол Георгий Порфирьевич. — Убить задумали. Не желаете ли чаю?

— Пожалуй... — Яков почувствовал, как пересохло в горле.

Капитан сорвался с места и, распахнув дверь, зычно крикнул в коридор:

— Загнойко, чаю нам!

Легконогий унтер на удивление скоро внес поднос с дымящимися стаканами. Молча ждали, когда служака расставит чай, пододвинет вазочки с наколотым мелко сахаром, с дольками малиновой пастилы. Яков набросился на пастилу, запивая лакомство жадными глотками.

— Любите? — улыбнулся Судейкин без улыбки. — Я же насчет канавок-завитушек... Тихомирова вашего возьмем, по прозванию кружковскому — Тигрыча...

Стефанович поперхнулся, закашлялся. Капитан, обежав стол, заботливо постучал его по спине.

— Полегчало? Ну-ну... А Тигрыч ваш — так он пастилы малиновой не выносит. В малолетстве маменькой был перекормлен. Не знали? А я знаю. Поскольку люди кругом... А мозг человеческий — почище эдисоновского фонографа. Такое запишет, а после и передаст...

— Я устал. Ночь уже. Спать хочется, — отодвинул пустой стакан Яков.

— А Михайлов, по кличке Дворник? — будто бы не услышал его Судейкин. — Тоже по части канавок-витеек мастер. Следы путает. Конечно, в Петербурге, но и в наших теплых краях гость нередкий. Кто они теперь: «Народная Воля»? Ну, и южные бунтари — Желябов, Фроленко... Люди передовых идей. Поспешествуйте снестись, а, Яков Васильевич? Ради спасения русского общества от реакции...

Какие слова! Искренность подкупала. В горле у чигиринского предводителя запершило, но последним усилием он овладел собой и снова, уже настойчивее попросил:

— Право же, отправьте в камеру. Не могу...

Сжалился Судейкин, вызвал все того же унтера. Увели Стефановича.

Ничего, еще поиграем с тобой, оставшись один, думал жандарм. Ишь ты, всех вокруг пальца обвел. Двенадцать тысяч в дружину записалось. А ведь цена тебе — синюга. Крестьяне, рассказывают, обиделись: заманил нас на бунт обманом. Лучше бы правду сказал, мы б тогда пошли... Ничего. А коли уж с этим самозванцем не выйдет, есть на примете один юноша. Кажется, неплохой материал, хотя и молод...

Капитан вышел из управления. Близился рассвет. В густом сыром воздухе струился волнующий, как в юнкерской молодости, тонкий аромат каштанового цветения. Георгий Порфирьевич вспомнил о юной жене, которая, должно быть, не сомкнула глаз, и решительно зашагал в сторону дома.

А в десятках верст отсюда розовеющий туман с лязганьем и свистом рвал тяжелый паровоз, увлекая за собой состав

желто-сине-зеленых вагонов. Дворник похрапывал, забившись в угол купе. Тихомирову не спалось. Разбудил его странный сон — почему-то привиделся Стефанович. Яков что-то врал ему и врал, как обычно, без надобности — просто так. Лев отмахивался от него, но лгун снова и снова нес небывлицы, находя удовольствия в любом обмане. Во сне он лез, приступал: «А вот идет Перовская!» Кто сидел в комнате, было не разобрать, но все верили и ждали появления Сони. Однако Соня не приходила, и Яков, ухмыляясь, признавался, что пошутил. И снова брался за свое: «А вот идет Катя Сергеева!»

Надо же: Катя... И почему вдруг — Катя, Сергеева Катюша? Вспомнил ее взгляд исподлобья — пристальный, изучающий. В Воронеже этот взгляд он не раз ловил на себе. Смешно: милая, хрупкая барышня и вдруг: «Свобода или смерть». Только этот старый бонвиван Петр Зайчневский... Вместе с приятелем Оболенским, рассказывали, всё дамам куры строили. Хоть и написал Зайчневский свою «Молодую Россию», мечтал о диктатуре революционной партии, а погорел — вот чудеса! — на дочери жандарма Слезкина, прехорошенькой Ниночке. Это уж как анекдот: задал генерал крепкую трепку выдавшему виды якобинцу... Тихомиров довольно улыбнулся. Конечно, жандармов он не любил, но раздражала, вызывала неприязнь порочная атмосфера орловского радикальского кружка.

Дворник замычал, проснулся, цепко осмотрелся вокруг. Тигрыч тут же прикрыл глаза, сделал вид, что спит. Захотелось еще подумать — не о деньгах для революции, не о программе «Народной Воли», не об объявленной охоте на Александра II... Нет, о чем-нибудь совсем ином. Жаль, что кончился сон, и он не узнал, пришла ли Катя, или Стефанович опять соврал. Хорошо бы пришла... Сердце дрогнуло, заныло. Ревность? Ну-ну, признайся, признайся же! Признайся, что тебе мешает этот сластолюбивый говорун Зайчневский. Мешает, злит, потому что там, совсем рядом, была Катя. И быть может, зачитывая вслух самые смелые места из прокламации, якобинец успевал задержать взгляд на тонком стане вчерашней гимназистки.

А если и успевал. То, что из того? Что?

Лев резко открыл глаза.

— Проснулся? — прошептал Михайлов. — Подъезжаем. Я выйду через соседний вагон. А ты здесь...

Первое, что он сделал по возвращении в Петербург, — пошел в тайную печатню в Саперный переулок. Квартиру подыскал конспиратор Дворник, и теперь роль супругов Лысенко, свивших уютное гнездышко семейного счастья, иг-

рали представительный Николай Бух и милая Соня Иванова-Борейша по прозвищу Ванечка, с ее всегдашними замысловато-высокими прическами, подвязанными лентами и певучим голосом доброй барыни. Разве подумаешь, что эта 23-летняя голубоглазая девушка — опытейшая наборщица, работавшая еще в подпольной типографии Ипполита Мышкина, не однажды арестованная, посидевшая в домзаке и сбежавшая из архангельской ссылки весной прошлого года.

Но какое же семейное счастье без вкусно стряпающей кухарки? И вот на эту-то должность определили обаятельную курсистку Аннушку Барабанову — если по паспорту, выпущенному в «небесной канцелярии», — так называли паспортное бюро «Народной Воли», которым по поручению Квятковского заведовал дотошный Владимир Иохельсон. На самом деле Аннушка была не Аннушкой, а все той же Катей Сергеевой.

Тигрыч спешил. Правда, статья в номер газеты была еще сырой, правку в программу он тоже не успел вписать, но ноги сами несли по булыжнику Саперного, мимо дровяного склада, мимо хитро улыбающегося дворника к крыльцу парадного. Спешил и не хотел себе в этом признаться.

Заметил сигнал на подоконнике: горшочки с геранью стоят посередине, притиснуты один к другому. Стало быть, в дальней комнате работает печатный станок. Вернуться? Нет, дворник заподозрит. Войду. И... Увижу Катю.

Лев легко избежал на пятый этаж. Дверь в девятую квартиру была приоткрыта. Он услышал голоса.

— Вот спасибо, Дарья Петровна, за бельишко! Хорошо, вижу, постирали... — узнал он зазвеневший бесхитростным колокольчиком голос Кати. — Ни пятнышка. Хозяйева придут, довольны будут.

Брякнули монеты.

— Благодарствую за щедроты. Я ж отбеливаю как? Господам попроще — навозом свиным. А к тебе, Аннушка, поскольку со всем интересом, то... То соком лимонным, — затараторила прачка. — Иные и мочой, да не говорят, — прыснула она.

— Ой! Да ну? — расхохоталась Аннушка-Катя. — Мочой? Из горшка?

— Не знала? Молода больно. Век живи, век учишь.

— Дураком помрешь!

Тут уж грохнули обе. Губы Тигрыча невольно расплзлись в широкой, почти детской улыбке.

Как же славно: ведь в Кате нет никакой нелегальщины, конспиративного вида, нет никакой революционности, при-

вычной для барышень радикальского окружения. Но почему его, прожженного нелегала-заговорщика, вдруг потянуло к этой девушке, которая не цепляла на курносый носик синих очков-консервов, не дымила в раздумьях о социальной перевероте и народном благоденствии «Вдовой Жоз», не грезила судьбой Шарлотты Кордэ, не насканивала на мужчин-кружковцев, упрямо стремясь перетянуть на свою сторону.

— А жирные пятна — так я мелом извожу, — продолжила болтливая прачка. — А ежели от травы зелень — спиртом, им самым. Во-о-от, Аннушка! Или кровь приключится. Тогда уж керосин, без него никуда...

— Как? Кровь — керосином? Кровь... И без следа? — заинтересовалась Катя.

«Ага, — хмыкнул Тихомиров. — Выдала себя, вертунья. Ясное дело: «Свобода или смерть». Не обойтись без крови-то...»

Голоса стали удаляться. Видимо, прачка и Катя ушли в глубину квартиры. Он шагнул в прихожую, хотел кашлянуть, чтобы обнаружить свое присутствие, но в этот момент снова грянул смех.

— Ой, Аннушка, дай Господь жениха тебе справного! Ой, повеселила старуху... — раскашлялась Дарья Петровна. — А мне невдомек: чего это дверь при замке, да еще и столом заставлена. Запирается, значит, хозяйка от своего-то?

— Ну, да! — прыснула Катя. — Как поцапаются, так она его к себе и не пускает.

— Ишь ты! И часто?

— Бывает. И то: старый хочет спать, а молодой гулять. Хозяшка молоденькая, а он старик. Ей бы в театры или поплясать в собраниях, а он не пускает. Ну, и пошло-поехало...

Слово «старик» покорило Льва. После тюрьмы, наряду с Тигрычем, приклеилась и другая кличка: Старик. Особенно любил его так называть румяный скороход Николай Морозов, второй редактор «Народной Воли», ершистый, точно гимназист, спорящий с Тихомировым по любому поводу, замороженный методом Вильгельма Телля (террором), как пьяница хмельной разгульной песней. Второй редактор, который хочет быть первым...

Катя говорила нарочито громко, почти кричала, и Тихомиров понимал ее: там, в потаенном полумраке дальних комнат, на станке американской системы бледные Соня Иванова и Бух прокатывали пробные оттиски его еще неотделанной статьи, и умная «кухарка» предупреждала товарищей: не выходите, у нас чужой...

Потом Бух и Борейша долго отмывали руки от типографской краски, потом все шумно усаживались за круглый стол,

и Тигрыч почти открыто любовался Катей — до чего же быстро и ловко та заваривала чай, приносила закуски и сладкое. И хорошо еще, что не было тут малиновой пастилы. Очень хорошо.

Порой они встречались взглядами, и Лев замечал, как вспыхивают щеки Катюши, тягуче замедляются движения, и ей непременно нужно потряхнуть золотистыми локонами, чтобы на миг освободиться от нахлынувшего волнения. Сердце Тигрыча — вовсе не Старика, нет! — билось гулкими тяжелыми ударами, на доли секунды срываясь с прогретого морским солнцем геленджикского обрыва, но возвращалось назад, спасенное в последний миг, когда уповают на чудо, нежно наплывающим голосом Кати.

Через годы и годы, когда в России уже свершится чаемая народовольцами революция, в полуголом сергиево-посадском житье Тихомиров напишет слабеющей, но благодарной рукой. Про нее напишет, про Катю:

«Я увидел настоящую женскую личность, сильную не мужскими, а женскими качествами: сердцем, любящим отношением к жизни, инстинктивным пониманием множества тонкостей, столь трудно дающихся рассудку, а вместе с тем той непосредственной скромностью, которая составляет лучшую красоту женщины. В сравнении с Катей С.Перовская совершенно исчезла для меня. И благодарю Господа, что спас меня от типичной «революционерки» и свел с истинной женой и другом...»

Статья в первый номер «Народной Воли» шла трудно. Конечно, дело тормозил вездесущий Морозов, лезший со своей правкой. Но не зря, наверное, соратник Плеханова строгий Осип Аптекман с неохотой выдал: «Звезда Тихомирова как признанного идеолога революционной партии стояла весной 1879 года очень высоко. Его читали, слушали, преклонялись перед ним».

И не только весной, но и летом и осенью. И после — еще долгие годы, пока...

Увлекающийся Морозов жил теперь на Лиговке с огневой, чем-то на него похожей, Ольгой Любатович. Они повсюду бегали (именно — бегали!) вместе, вместе же появлялись и в типографии. И пока Аннушка-Катя у крыльца занимала разговорами дворника, Николай спорил с Тихомировым до хрипоты. Ольга поддерживала своего возлюбленного.

Камнем преткновения были два пункта. Морозов доказывал, что главная задача ИК «Народной Воли» — дезорганизация правительства непрекращающимся террором; и тогда

перепуганная власть пойдет на уступки, будет вынуждена предоставить народу право выражать свою волю и переустроить страну. Тигрыч отбивался: комитет, настаивал он, должен путем заговора захватить власть, ввести сверху конституцию и тогда уже передать власть народу. Само собой, с декларированием социально-экономических преобразований в интересах широких слоев населения. (Лев уже знал: заговорщицкая идея нравится и Катюше и ее подруге Маше Оловенниковой; это радовало, невольно укрепляло в спорах с неистовым «городским партизаном» Морозовым).

Первый номер «Народной Воли» вышел с заявлением о смертном приговоре Александру II. Но тут же была и передовая статья Тигрыча, которая говорила о другом, сообщая идеи, идущие вразрез с пылающей, почти маниакальной установкой новой организации: серия покушений с беспощадным апогеем — цареубийством! Нет, он не отрицал террор, но шел дальше. Если многие сотоварищи полагали, что основная задача дня — меткий выстрел или удачно подложенный динамит, то как же странно, одиноко, но удивительно спокойно звучала его публикация: «...одним из важнейших чисто практических вопросов настоящего времени является вопрос о государственных отношениях. Анархические тенденции долго отвлекали и до сих пор отвлекают наше внимание от этого важного вопроса... А именно в России особенно бы не следовало его игнорировать».

В России, да, в России... В той, которая будет.

Казалось, он только нащупывал, искал какую-то главную мысль, которая бы оправдала его подпольную жизнь; в полуночном исступлении за залитым чернилами колченогим столом терзался, ждал и терял эту мысль, понимая, что под знаменами «Народной Воли» сошлись совершенно разные люди, озаренные лишь будущим динамитным пламенем под царской каретой.

А он писал об особенностях российской империи, о повышенной роли государства, о том, что наше государство — совсем не то, что европейское. Тогда писал, 27-летним еще...

Вначале накинулись анархисты. Морозов рвал и метал. Князь Кропоткин и Сергей Кравчинский прислали из-за границы раздраженные записки. Откликнулись даже великие: Бакунин, Ткачев. Потом наддали жару и республиканцы (их тоже было немало) — те, что полагали: европейский парламент, демократические выборы — вот идеал общественного устройства. Но Дворник, умный и дальновидный Саша Михайлов, решительно поддержал Тихомирова. Впрочем, была и еще одна поддержка — неожиданная, трогательная.

В тот день ему показалось, что следом увязался филер. Поэтому в типографию пошел не сразу, сперва заглянул в бакалейную лавку. И тут увидел Катю. Похоже, и она заметила его, но виду не подала. Лишь заалели ушки из-под золотистых прядок.

— Ах, и добрейшей души вы человек, Демьян Иваныч! — пела она лавочнику. — Только у вас теперь покупать и стану.

— Вот и славно, вот и славно, Аннушка! — вторил ей тот, сладко шурясь. — На турецкий-то манер оно ведь как: бак-ала. Стало быть — гляди да бери. Бакалея, значит. А что — всякая всячина, товар налицо, покупай любое.

— Неужели? Занятно! — искренне удивилась Катя.

— А это тебе... — лавочник снял с полки большую коробку с монпансье. — Дарю на первый случай. Потом, смотришь, и еще чего... На угол не ходи, у меня бери. Сговоримся...

— Как можно, Демьян Иваныч? — деланно возмутилась Катя, радостно рассматривая подарок. — Ой, мои любимые! Что ж, тогда... Прибавьте еще сыру пошехонской закваски, изюма с черносливом, балыка и икры. И бутылочку вина прибавьте...

— Гости у хозяев будут?

— Ждем-с. Гитару настраивают, — кивнула девушка.

— Хорошие люди, коли гость приходит, — суетился за прилавком лавочник.

Лев сделал вид, что заинтересовался финиками, горкой лежащими под стеклом у окна. На улице было пустынно, ничего подозрительного. Наверное, показалось. Он бесшумно и быстро вышел из лавки.

И снова сцепились с Морозовым. И вдруг сзади к Тигрычу подошла Катя, спокойно и просто положила легкие ладони на его плечо. Сказала — внятно и негромко:

— Лев прав. Одним террором каши не сварить.

— Вот и вари, Катерина, кашу. Ты ж кухарка, — взвился Морозов.

Но Сергеева и бровью не повела. Продолжила, будто и не слышала.

— Эх, Коля, петушок ты, золотой гребешок... — снисходительно, почти надменно улыбнулась. — Разве мы не должны строить наши планы исходя из исторической самобытности русского государственного организма? А именно: через захват структур власти осуществить идею справедливого социального переустройства жизни простого народа...

От удивления округлившись глаза Тигрыча пустились в привычную беготню. «Ай да Катюша-Аннушка! Ай да стряпуха у приличных, любящих гостей хозяев! Определенно школа старых орловских яковинцев. Но как же хороша, как хороша! Актриса...»

И почему же стало так легко? Почему ночные терзания враз кончились, и то, что несмело таилось в причудливых извивах разума, что не давалось изнемогающему сознанию, теперь открылось в живой и ясной полноте, и статья во второй номер газеты почти без помарок ложилась на бумагу.

В чем дело? Вернее, в ком? Катя?..

Конечно, тогда он не думал об этом. Не желал думать. Ему, почти уже признанному идеологу «Народной Воли», и без того было над чем поломать голову. Дворник не любил теории и, по сути, Лев формулировал стратегию борьбы нелегальной организации. Странно, но выходило, что он развивал, продалжал сказанное смешливой «кухаркой Аннушкой».

«...ниспровержение существующих ныне государственных форм», «...подчинение власти народу», «...главнейшие задачи социально-революционной партии».

Он искренне верил: царизм слаб, консервативен, правительственные круги некомпетентны. Вот почему для установления твердой власти, которая бы пользовалась поддержкой всего общества, требуется насильственный слом старой государственной машины.

Заговор. Переворот.

В эти дни Тигрычу почти не мешали. Возбужденные «неопартизаны»-террористы охотились на Александра II. На смежную револьверу и кинжалу пришел динамит: от греческого «динамис» — сила. Сила была что надо. Где-то альпийский туннель пробили, проложили Коринфский канал, удалили подводные скалы в Ист-Ривер, расчистили русло Дуная.

Пора было расчищать путь к свободе. Но тут на пути стоял русский Государь.

Динамиту требовалось все больше. Взрывчатка стоила дорого. Значит, деньги...

Дворник через одесских кружковцев снесся с уголовником Климом, сбегавшим из арестантских рот, не раз бравшим ценности и товары через подкуп. Решено было снять квартиру и из нее вести подземную «мину» напрямиком к Херсонскому казначейству. По заданию Исполкома на юг выехал Фроленко, уже проявивший себя в переделках.

Что ж, социальная революция — не дешевое предприятие.

Глава двадцатая

Одна капля глицерина, вторая, третья... Сосуд, в котором перемешаны азотная и серная кислоты, стоит в холодной ванне, куда то и дело подбрасываются куски льда.

Лед кидает техник динамитной мастерской Степан Ширяев, ученик самого Павла Николаевича Яблочкова, придум-

мавшего ослепительную свечу, дуговую лампу; и гирлянды этих ламп уже вспыхнули в Париже, Лондоне, Нью-Йорке. Горят они и в Петербурге, не на всякой улице, конечно. Это находчивый Яблочков подсказал — впервые установить на царском поезде прожектор с регулятором Фуко, и сам ехал на паровозе в Крым, мощным лучом освещая путь гудящему локомотиву, меняя по дороге дуги и протирая стекло от налипшей грязи и мошкары. Дабы Государь добрался до Ливадии скоро и безопасно.

Зато ученик его Ширяев — совсем другое дело. Вместе с Николаем Кибальчицем они тоже подумывают о царском поезде. Столько бы капелек глицерина накапать из стеклянного крана (ошибешься — бабахнет!), смешать едкие кислоты с магнезией, прибавить еще и угольного сахара, дабы получился не простой, а черный динамит особо разрушительного действия. И тогда... И тогда подложить мину под какой-нибудь мосток, под стрелку, где состав замедлит ход, и так рвануть, чтобы истребить в одночасье приговоренного к смерти Александра II, а заодно и его семейство. Корчевать, так уж под корень...

Впрочем, говорили, что изобретатель Яблочков предсказывал технику Ширяеву блестящее будущее.

Во все глаза смотрит Тигрыч на большие трепетные руки Кибальчица. Дворник, занятый поиском денег, казначейством в Херсоне, попросил Льва на минуту заглянуть в мастерскую: пусть, мол, поскорее сбивают свое «тесто», уж стряпать шанежки давно пора; полученный динамит и впрямь походил на жирную массу, которую можно мять руками.

К тому же потери. При пересадке с поезда на поезд в Елисаветграде жандармы взяли Гольденберга, того самого, что оспаривал у Соловьева права стрелять в Царя. Григорий тащил по перрону тяжелый чемодан, от которого исходил запах аптеки. А в чемоданчике том — без малого полтора пуда динамита.

А еще раньше — Каблиц, анархист и большой хитрован, обожающий «апостола разрушения» Бакунина; это он, Каблиц, на сходках во флигелях Петербургской стороны, будучи нелегальным, развивал свою любимую идею революционизирования народа путем упражнения его в стычках с властями и мелких бунтах. Иосиф был давним певцом динамита. Думал, что взрыв происходит от простого сотрясения. Потому и предлагал подвести к Аничкову или Зимнему дворцу нагруженный взрывчаткой воз и опрокинуть его у дверей. Но в России динамит не производился, даже на Пороховых. Поэтому ему дали денег и отправили в Англию. Там он со-

шелся с судовладельцами, которые страховали ветхие, негодные корабли, а после сами же и взрывали их динамитом, применяя часовой механизм. Каблиц был так потрясен придумкой мошенников, что позабыл про задание — изучить фабричное производство взрывчатки. Словом, деньги он истратил без толку, сильно разгневал Дворника и до поры затаился в Англии...

Струйки едкого дыма поднимаются над сосудом. Кибальчич колдует в этом сером мареве. По пути Тихомиров прикупил в аптекарском магазине Штоля две бутылки кислоты. Николай выливает кислоту в сосуд и снова открывает кран. И снова грозно падают тяжелые капли глицерина. Раз, два...

С непривычки слезятся глаза. Сквозь мутную радугу слез Тигрычу видится что-то мефистофельское в бескровном профиле Кибальчича, в его черных горящих глазах, в застывшей гримасе — не то плача, не то улыбки. Кажется, искуситель доктора Фауста сам готовит снадобье «гиппократов рукав», какой-нибудь эликсир «великий магистерий», превращающий свинец в чистое золото.

Но что-то не получается. С золотом пока плохо.

Поэтому где-то в Херсоне вор Клим вместе с народовольцем Фроленко и юной сильной радикалкой Роскиковой, обливаясь потом, роют подкоп к казначейству; роют копьеобразным резцом, землю складывают в жестяной ящик с гладким дном (придумка уголовного), который тянут вдоль «мины» — десяти вершков в ширину, одного аршина в высоту. Воздуха не хватает, и свечи горят только под углом; Фроленко подвязывает их к ручкам вилок, втыкает вилки в стены...

Тихомирову тоже не хватает воздуха. Сквозь едкий дым словно бы опять пробиваются, надтреснуто звучит голос Кибальчича: «Даю слово, что все мое время, все мои силы я употреблю на служение революции посредством террора...» Нет, это ему кажется, это Николай говорил прежде, когда его привел к ним Желябов. Или Квятковский? Забыл; наверное, просто от ядовитых паров кружится голова. И еще говорил Кибальчич: «Я займусь такой наукой, которая помогла бы мне и товарищам приложить свои силы самым выгодным для революции образом...»

— А знаешь, Тигрыч, у изобретателя динамита Нобилиа был отец, Иммануэлем звали, — наконец завинчивает кран Николай. — И что придумал?

— Что же? — дышит ртом Лев. Дышит, точно попавшая к забродчикам в вентерь черноморская барабулька.

— Гроб смастерил. И не простой, — крутит большой головой Кибальчич. — Бывает, думают, помер человек, а бедняга

в летаргическом сне. А в гробах тех штука: повернул изнутри и, пожалте, вентиляция, воздух пошел... Тут же и сонетка имеется, можно подать сигнал наружу. Живой, дескать, я, откапывайте поскорее... Скажи, хороша выдумка?

Тихомиров мычит. Ему тоже хочется дернуть за какую-нибудь ручку, чтобы пошел свежий воздух. И комната здесь — на гроб похожа.

— Воздуху в России мало! Воздуху! — хрипит Николай.

Кибальчич — сын священника. Тихомиров — внук. Анна Якимова (она тоже помогает в мастерской) — дочь протоиерея; стала революционеркой после епархиального женского училища.

Могучая проповедь шестидесятников... Обильные и прекрасные плоды. Ведь вот оно, вот же: «чистое, как хрусталь, настроение, цельное, почти религиозное чувство охватило молодежь...», и она добрая, светлая, глубоко верующая в идею евангельского социализма пошла в народ.

Или еще — подпольная типография пропагандиста Долгушина, и там, в углу на полке — большой православный крест, на котором написано: «Во имя Христа». Лев вздрогнул. Нахлынуло, вспомнилось — тот давний разговор в Кушелевке с Кропоткиным, Клеменцем...

Да, во имя Христа. А рядом, на поперечной перекладине: «Свобода, равенство, братство». Великая французская революция с ее потоками крови. Массонский призыв. И крест. Гремучая смесь — пострашнее нитроглицерина с кислотой! — которая может разнести не только эту квартирку в Басковом переулке, но и взорвать неокрепший ум, растущую душу.

И ничего не смутило бодрые сердца. А что особенного: крест — символ искупления, а революция — разве не выражение святого гнева «малых сих»? Сколько раз ему, Тигрычу, рассказывали Морозов и Кравчинский, ходившие с товарищами в народ в то шальное лето 1874-го, когда он сидел в одиночке; о курсистках рассказывали, о благополучных домашних барышнях, которые ехали в глухие деревни и горько плакали в вагонах третьего класса, в мужицких телегах. Плакали, потому что читали Евангелие, и юные души томилась, готовые страдать, трепетали, разбуженные «благой вестью». (И Соня плакала, да только не хотела в этом признаться).

Но ведь и Господь научает не лениться, а обходить по всем селениям и проповедовать. То, что Он проповедовал не о мирском переустройстве, не о земных благах, но о Царстве Небесном, на это как-то не обращали внимания. Главное — за Господом следовали и жены, дабы мы, пугливые человеки, знали: и женскому полу слабость не препятствует последо-

вать Христу. И еще — почти все они, будучи богатыми, хорошо устроенными в жизни, избрали бедность ради Христа. А разве не так? Наручники кандалов вместо золотых браслетов. Ледяные одиночки равелинов вместо уютных спаленок в родительских особняках. Там, где до сих пор не увядают желтые иммортели на мокрых от дождя подоконниках. Букетики, тайно принесенные кудрявым мальчиком Колей Муравьевым для прехорошенькой соседки Сони Перовской. Вот уж смеху-то: влюбленный прокурор преподносит цветочки радикалке, нацеленной на царевубийство...

Дым темнеет, бьет из ставшего тесным сосуда горячими отравляющими струями. Нос взбудораженного Кибальчича заостряется, делается совсем уж мефистофельским.

— Льду! Побольше, скорее! — прожигает он черными алмазиками глаз замешкавшегося Ширяева. — Тихомиров, помогай!

Пошатываясь, Лев тащит ведро со льдом, от которого пахнет свежестью и спасением. Перед глазами плывут желтые круги, вырастая и лопаясь с каким-то нежным обморочным звуком; похоже, с такими кругами дурачились в цирке Чинизелли клоуны, а после в ночном тюремном кошмаре гнались за ним. А он почему-то увещевал кривляк в неподвластном сознанию сне: «Вы же люди! И каждый несет образ Божий в душе... И если вы высмеиваете другого, то оскорбляете и Его...»

Но ведь он об этом не думал. Какой странный сон.

Впрочем, много странного: собратья-революционеры с их трезвым реализмом и тут же — жгучая проповедь евангельских заповедей; упоение «разумным эгоизмом» Спинозы, Гельвеция, Чернышевского, наконец, и высокий, граничащий с самопожертвованием альтруизм; отрицание политики и гибель сотен бойцов в политической схватке с царизмом...

Кумир читающей юности Берви-Флеровский пришел к мысли, что успех революции можно обеспечить только одним путем — созданием новой религии. Он пытался создать религию равенства и звал молодежь стать ее апостолами. Нужно, чтобы убывающие ее ряды пополнялись все новыми верующими, которые, подобно первым христианам, горели бы возрастающим энтузиазмом.

К тому же Иисус был не только коммунист, но и анархист, «мститель бедных против могущественных». Его учение уничтожает государство со всеми магистратами, учреждениями, законами. Это уже Николай Соколов, поклонник Прудона, подполковник-бунтарь из Генштаба, для которого Царство Божие — господство нищих. Как сильно он подражает в сво-

их «Отщепенцах» древним проповедникам: «Горе вам, деспоты и угнетатели народов. Ваш час пробил. Народ помнит о ваших грехах, и скоро наступят ваши мучения, ваша боль и ваша смерть: все сожгут в революционном огне, потому — велика сила ненависти революционного народа, который будет вас судить. Социальная революция приближается... Вавилон падет. Близится час страшного суда. О, беспощадная революция!..»

Трудно в России идти против Царя. Почти невозможно: Помазанник Божий! И потому надо спешить, надо выдумать другую религию — без Бога и святых; религию — против Царя и правительства. Составить катехизис и молитвы. И твердить их, твердить — денно и ночью. Пока...

Пока не взорвется Кибальчичева бомба, перед которой померкнет образ Помазанника.

Но вот на что не обратили внимания, вот чем пренебрегли: сущий от земли и говорит, как сущий от земли, а Приходящий с небес, что видел, о том и свидетельствует. Просто, совсем просто. Громогласные пророки революции говорили лишь о земном, о торопливо-суетном мирском переустройстве. Эта мысль, истолкованная блаженным Феофилактом, пронзит Тигрыча. Не сейчас, а позже, гораздо позже.

Пока надо просто сыпать в ванну рассыпающиеся куски льда.

— И моя тут капля меда есть! И моя! — кричит в дыму Кибальчич.

«Какой мед? Так едко, горько...»

— Это образуется нитроглицерин. Жидкость дымится от самонагревания... — Николай склоняется над сосудом и вдруг, побледнев еще сильнее, шарахается от ванны.

— Что? Что случилось? — вцепляется в его руку Лев.

— Назад! Слишком много капель... Может случиться взрыв!

Отравленная испарениями Якимова сползает по стене: обморок. Тигрыч с Ширяевым подхватывают ее, почти бегом несут к дверям. Кибальчич пятится, не сводя глаз со страшного сосуда: сейчас, через секунду, вздыбится все, полыхнет...

Но взрыва нет. Ни через минуту, ни через пять. Испуганные, с почерневшими вдруг лицами наблюдают они из передней, как слабеет бьющая струя, стихает бульканье, рассеивается дым, поднимаясь желтеющим облаком к потолку.

Откашливаясь, разгоняя марево руками, Кибальчич рывком распаивает форточки. Ядовитые пары струятся из окон. Тихомирова подташнивает, и он не понимает, почему никто до сих пор не заметил дыма — ни прохожие, ни дворник, ни городской.

— Квартиру Михайлов верно выбрал. Почти все окна — на пустырь, — словно бы отвечает ему Кибальчич. — Вот и не видят...

Потом, тихо ступая, вошла Катя, разглядевшая бьющие из форточек пары; с тревогой кинулась к Тигрычу. Следом появились Перовская с Желябовым. Очнулась повеселевшая Якимова. И всем захотелось есть. Кибальчич сам вызвался принести что-нибудь из ближайшей лавки. Пропадал он долго. И принес — целую корзину красной смородины, разумеется, истратив все выданные на съестное деньги. Хохотали все.

— Смородина! Ой, не могу... — заходила в смехе Катюша.

— Нам бы окорока тамбовского... А он... — гремел Желябов.

А Кибальчич был доволен. Набив рот ягодой, не обращая внимания на стекающий по бороде сок, он тянул Тигрыча с Желябовым к дощатому столу, где в ящике лежала спираль Румкорфа, рядом гальваническая батарея, тут же цилиндрические корпуса мин — медные, длиной в полтора аршина.

— Важно, крайне важно, — наседали на Андрея, — чтобы швы легли плотно, герметически, понимаешь? Иначе нитроглицерин будет просачиваться, и убойная сила погаснет.

— Ясно, — кивнул Желябов.

— Ясно ему... — почему-то обиделся Кибальчич. — Нужно, чтоб после сказали: мина так сложена, что лучше ее не отдал бы офицер артиллерийской академии. Осознал?

— Уж лучше бы не говорили... — усмехнулся Тихомиров; рожденные удушливым дымом непрошенные, обморочные тревоги рассеялись, и он снова был спокоен.

— А вот и нет! Это, братцы, наука. Поймите, мне удалось изрядно увеличить взрывную силу динамита, — почти восторженно крикнул Кибальчич. — Что у Нобилия — всего-то 25 процентов нитроглицерина. А у меня... Я рисковал, но довел его содержание до 75 процентов! Вдумайтесь: создано вещество в несколько раз сильнее заграничного динамита, в двадцать раз мощнее артиллерийского пороха. Каково?

Черный динамит в жестяных банках из-под конфет разносили по другим подпольным квартирам — на Лиговку, Невский, в Саперный переулок, на Тележную, Малую Садовую: если раскроют одну явку, то взрывчатка сохранится в других.

Шли, смеялись, что-то шептали на ушко милым спутникам-радикалкам, изящно поигрывая яркими баночками, под крышками которых невидимо подрагивала пахучая студенистая смесь, пока не начиненная отравленными шариками.

Тигрыч был влюблен. И какое же счастье, что это не любовь-борьба, а просто — любовь. Сердце перегоняло звон-

кие, словно бы о чем-то поющие потоки крови, и он восторженными мгновениями вдруг понимал это незнакомое прежде пение, еще сильнее вращались его серые глаза, упруго несли не устающие ноги, и идеолог страшной для правитель-ства организации в тяжелом пальто (от корректур, свернутых прокламаций и нелегальных газет) легко взлетал на второй этаж, где в полутемной передней его обнимала Катя. Удивительно, что квартиру Катюша снимала вместе с Перовской. Барышни жили вместе, жили дружно, пока не появился Желябов. Теперь Соня пропадала у него. И это тоже было кста-ти. Иной раз, правда, Тихомирову под руку попадались ка-кие-то мелкие вещи Перовской, неподвластно вздрагивала душа, но Катя, все замечающая, решительно и быстро уст-ранила и это препятствие.

Жаль, что провалилось дело в Херсоне. Подкоп и пролом стены в казначействе удался — вор Клим и вправду понимал толк в подобных предприятиях. Революционеры взяли в ту ночь более полутора миллионов рублей — огромная сумма! Но сохранить смогли только 16 тысяч. Все остальное поли-ция раскопала в тайнике под деревней Алешки.

Жаль? Мысль путалась. Конечно, деньги намечалось упот-ребить для устройства побегов попавших на каторгу товари-щей. И главное — для покупки заграничного динамита. Од-нако кража оставалась кражей, как ни крути. Что бы сказа-ли мама, отец, о которых Тигрыч старался не думать, но о которых непременно вспоминал почему-то именно в такие минуты. И тотчас же всплывал из суетной мути лучезарный лик Святителю Митрофана Воронежского; какое-то стран-ное беспокойство охватывало Льва: где образок? в какой ра-дикальской квартире он забыл его? найти бы... Найти? Но — зачем?

Уж лучше с оружием в руках открыто напасть на банк, а тайное похищение... Нет, был тут какой-то неприятный при-вкус. Чуть не сказал: малиновой пастилы.

Михайлов только отмахнулся. Не до того ему. Хорошо хоть Кибальчич — умница, гений! — уже выработал достаточное количество динамита. К тому же придумал взрыватель для метательных мин. Худой, позеленевший над кислотами изобре-татель не раз пытался объяснить Тихомирову, занятому оче-редным номером «Народной Воли», устройство снаряда, но тот, удаляя следы обеда с лацкана, запомнил только какие-то трубки и трубочки, что-то про напудренные смесью берто-летовой соли и антимония фитили, цилиндрики с пирокси-лином, капсулю с гремучей ртутью. Поразило: смесь мгно-венно воспламеняется от одной капли серной кислоты...

Дворник так обрадовался, что повел Кибальчича в Гостиный, где купил ему новое пальто и щегольскую трость.

И вдруг снова замелькали, наползая друг на друга, ослепительные картинки магического стробоскопа.

Южные агенты сообщили: из Крыма Александр II на яхте выйдет в Одессу, откуда поездом отправится в Петербург. В Одессу загодя прибыли Верочка Фигнер и сам Кибальчич. Спешно свозили динамит, а сбежавший из Херсона Фроленко устроился путевым сторожем на станции Гниляково. Напрасно. Царь изменил маршрут. Террористы вернулись в Питер.

Это была первая попытка — не одиночек уже, а целой организации, грозной «Народной Воли».

Следом — у Александровска. Желябов под именем купца Черемисова даже землю купил — якобы для строительства кожевенного завода. Просверлили полотно, заложили мину: граммотно, на 20-метровой насыпи, да так, чтобы рвануло под паровозом и последним вагоном. Состав сбросило бы вниз... Окладский вынул провода из-под камня, включил батарею и, когда царский поезд приблизился, крикнул Желябову: «Жарь!» (Ну, да: сжарь мышь и съешь! Перешагни...). Тот сомкнул провода, но взрыва не последовало, хотя спираль Румкорфа продолжала работать исправно. Никто ничего не понял — даже Кибальчич.

Вторая попытка.

Теперь была надежда на Москву. На седьмой версте Московско-Курской дороги, за Рогожско-Симоновской заставой целый дом приобрели (Дворник не поспешил), где поселилось семейство путевого обходчика Сухорукова; на самом деле — Соня Перовская и Лев Гартман, он же Алхимик, за которого потом в Париже заступится великий Виктор Гюго, за него же пойдет просить во главе эмигрантской депутации седовласый Петр Лаврович Лавров (юношей Гартман тоже плакал над его «Историческими письмами»), правда, неудачно: премьеру Гамбетте не понравились, что русские напоминают ему про честь Франции. Но и тут — мимо. Накануне попался с динамитом Гольденберг, царская охрана насторожилась, и поезд с Государем без знаков отличия пустили первым и на большой скорости. Перовская с Алхимиком взорвали второй, свитский.

Третья.

А между тем в Зимнем дворце уже всюю обшивал винный погребок столяр Халтурин, давно внедренный в царскую резиденцию под именем рабочего Батышкова. По ремеслу своему Степан был человек искусный, он уже поработал лаки-

ровщиком на императорской яхте. Про него говорили: истинно мастер, так полирует, что и блоха не вскочит; соскользнет, каналья... Халтурин и сам чуть не поскользнулся. Слушалось постучать молотком в кабинете. И вдруг вошел Государь — улыбнулся приветливо, о чем-то спросил. Затем повернулся спиной к нигилисту, просмотрел на столе бумаги и, повернувшись лицом к образам, начал тихо молиться. Побледневший Степан сжал в руке молоток с острым концом, шагнул к Царю. Ударить по голове и — все! Ну же... Другого случая не будет. Халтурин размахнулся, но молоток выпал из онемевшей вмиг руки. Пальцы сами сложились в молитвенное троеперстие, крепкие ноги беспомощно заскользили по паркету. Александр II повернулся к убийце, снова улыбнулся и вышел... Столяр стоял и шептал, не понимая собственных слов: «Падет царь, падет царизм, и сразу наступит новая эра, эра свободы...» Но динамит приносить продолжил. День за днем — более ста фунтов принес. И 18 февраля в шесть двадцать вечера рвануло — прямо под царской столовой. И опять Государь не пострадал: время ужина сдвинулось из-за опоздания принца Гессенского. Погибли десять солдат-финляндцев, героев турецкой войны; восемьдесят человек было ранено.

Четвертая попытка «Народной Воли» окончилась неудачей.

Пятая была весной 1880-го. Хотя и попыткой-то назвать нельзя: начали вести подкоп в Одессе на Итальянской, но затею бросили из-за нехватки времени.

Они поженились между пятым и шестым покушением на Александра II, в разгар белых ночей. Венчались в храме. Друзья пожимали плечами: храм — не совсем революционно, да уж ладно, Тигрыч ведь, пускай чудит. Зато Лев венчался по фальшивому паспорту (это — революционно!) на имя Алешенко, спешно сделанному в «небесной канцелярии». Катя была беременна, на свадьбе сидела тихо, а уж остальные в трактире «Бристоль» у Паклина разгулялись. Надо сказать, трактир выбирали долго. Саша Михайлов морщился: то проходных дворов в округе мало, то многовато городских по углам. Шли гурьбой, молодо хохотали над вывеской: «Кислощевое заведение с газировкой фруктовой воды».

— Зайдем? — трогательно скашивая глаза, заглядывала Тигрычу в лицо Катюша.

— Зайдем! Зайдем! — вторила ей Соня, прижимаясь к Желябову. («Как легко! Будто и не было ничего. И слава Богу...»).

— Нет! Газировки им... — смешливо рычал Тихомиров. — Там водки не подают. А мы нынче водки выпьем. Непременно!

Шафером на свадьбе был знаменитый Николай Михайловский, публицист, хранитель традиций Чернышевского, пишущий под забавными, дразнящими читателей псевдонимами: Гроньяр, Посторонний, Профан, Непомнящий. Он давно был властителем дум передового общества, и еще в молодости пустил свое крохотное состояние на переплетную мастерскую, где собирался учить желающих социализму, но с учебой как-то не заладилось. Теперь седеющий Николай Константинович редактировал «Отечественные записки», слал заметки в «Северный вестник», «Русскую мысль», где рассуждал о свободном идеале, об изменении общественного развития в избранном передовой интеллигенцией направлении, о толпе и героях — выдающихся одиночках, способных вершить историю.

Последнее нравилось Желябову.

— Верно, история движется слишком медленно! Ее надобно подталкивать, — сквозь трактирное марево тянулся рюмкой к темнобородому Михайловскому. — И вот пришли мы! У нас динамит...

Рюмки звенькали. Шафер благосклонно кивал породистой головой.

Верочка Фигнер грустно посматривала на Льва. Перовская не сводила глаз с Желябова, восторженно заостряла бровки на каждое его слово. («А ведь и вправду Андрей похож на русского торговца из внутренних губерний, приехавшего в Питер по делам; только глаза чересчур блестят, и эта печать превосходства на лице...»). Тигрыч близко видел руки Сони, нежные руки с голубыми веточками тонких вен, которые он совсем недавно целовал, отогревал в стужу, о которые терся измученным арестантским лицом. Видел и не узнавал. Ладони и запястья покрывали царапины, впрочем, искусно замазанные. «Коллодиумом бы залила», — вспомнилось немецкое средство, которым лечил его детские раны отец. И тут же услышал родной глуховатый голос: «Полезная вещь, но германцы долго в секрете держали. А Фейербаха своего, атеиста, не прятали: на-ка, Боже, что нам не гоже. Почему, сын? Ты не думал?»

Тигрыч думал о руках Перовской. Он знал, он почти видел, как этими барскими, привыкшими к фисгармониям ручками Соня в тесной осыпающейся норе яростно копала сырую землю, по вершку, по локтю приближаясь к звенящему стально железнодорожному полотну. Ломала ногти, вгрызалась в глину, царапала ладони о камни, торопила нервного Гартмана, быть может, покрикивала на него. И плакала потом, задыхалась от горя, когда узнала: все напрасно... Впро-

чем, скорее не так. Наверное, 45-метровую галерею прорыли Дворник с Ширяевым. И все же надо знать Соню: она тоже упрямо спустилась под землю.

Но это было с минутой, не больше. Он сбросил оцепенение. Тихомирову хотелось праздника; им всем, даже осторожно-му Дворнику, хотелось праздника. Молодость брала свое, и ей не мешали даже револьверы, готовые вывалиться из карманов при любом неосторожном движении. Прочь, конспирация! Прочь, вечное подполье — тайные печатни, динамитные опыты, американские «медвежатники», польские стилеты, гамбеттовские шифры, нелегальные квартиры, подковы-побеги, уход от филеров, прокламации...

Нет, сегодня они, Тигрыч и Дворник, определенно в ударе. Ничего, что приговор не приведен в исполнение и Царь жив пока; это до поры, дайте срок. Все узнают: «Народная Воля» слов на ветер не бросает.

Ничего, ничего. Отец тоже любит повторять: «Не вдруг на гору, сынок, а с поноровочкой, с поноровочкой...»

И половой в «Бристоле» — ну, просто удалец. По нормам обслуживал: кушанье приносил левой рукой, а на стол подавал правой.

— На салфетку посмотри-ка, Катюша, — счастливо вертелся Тихомиров. — Уважил, братец, ох, уважил!

— А что смотреть, Левушка? — пожимала изящными плечиками невеста (не так: жена теперь, законная супруга! Жаль, паспорт у него поддельный...).

— Как что? При приеме заказа салфетка у полового лежала на левом плече. Заметила? А вот при подаче счета, увидишь, будет на правом, — поучал Лев; сияющие глаза его восторженно вертелись, снова убежали куда-то.

— Только в дрянных трактиришках таскают салфетки под локтем, — тоном всегдатая добавил Дворник. — Хорошо французикам: наловили устриц, сбрызнули лимонным соком — и готово...

— Это не для нас. Закусок холодных, а под них — хереса закажем, желающим водки. Водки желаю! — потирал руки Тигрыч. Озорно пропел: — Едва я на ногах — шатаюсь, как пьяный...

Однако не о нем писал веселый поэт Ахшарумов: Тигрыч никогда не шатался. Почему, он и сам не знал, но мог выпить сколько угодно, оставаясь трезвым, как стеклышко. Это про него говорил бывший крестьянин Халтурин: «Пьян, пьян, а об стенку лбом не ударится». Не бился Тигрыч о стенку и буйну голову не ронял в пятислойную гурьевскую кашу, а вот перепить в силах был любого, даже стального Желябова.

И с Дворником тягались, и с Морозовым, и с неистовым Кравчинским — итог был один: товарищи по борьбе засыпали на продавленных диванах, а он, словно бы и не употреблял, — сядил в угол писать программную антиправительственную статью в ближайший номер «Народной Воли». Да такую: трепещите, сатрапы!

Гуляли широко. Заказали и бульон с гренками, и рыбную солянку, и блины с икрой. Потом принесли молочного поросенка, и очередную рюмку закусили щечками. А следом — фазан, телячьи медальоны. Тут вспомнили про русские щи, чтоб с квашеной капустой, с груздями белыми, репой, как водится, и, ясное дело, с корешком сельдерея.

— А приправа? А майоран? — мучил полового Тигрыч. — Что в переводе с арабского означает: несравненный! Будет, голубчик?

Половой от волнения взмок: щи нынче подавали без майорана; кончились запасы.

— Ну, братец... — расстроился Лев. — Русские щи без майорана — это все одно, что русская революция без заговора и револьвера!

На него шутиливо, уже нетрезво зашикали. Половой с испуганной кривой улыбкой пятился от стола:

— Не извольте беспокоиться, ученые господа! На четверток уже поди подвезут... За счет заведения. И хозяин, конечно... Поскольку недогляд...

Верочке Фигнер захотелось сюрприза. Катюша поддержала ее. Принесли омлет, а в нем — запеченное сладкое мороженое. Барышни, точно гимназистки, восторженно хлопали в ладоши. Перовская не отставала от подруг. А затем уж десерт — фрукты, шоколад, кофе и ликеры.

Под десерт вспоминали, как Пресняков с Ольховским убили предателя Жаркова. Расправу прикрывал вооруженный револьверами Желябов. Изменника застрелили, размозжили гирей голову и бросили на льду Невы. Андрей восхищался Пресняковым. Говорил, впиваясь крепкими зубами в яблоко:

— Барышни спросили: «А не жаль было убивать?» Он спокойненько так: «Отчего же? Ведь убиваем мы вредных животных. А шпион — самое вредное животное в мире...» И тут же на себя удавочку — шнурок от пенсне: «Привыкать надо!» — и хохочет...

А как насмешливый Стефанович озоровал в гриме: попросил вокзального жандарма купить ему билет до Варшавы, само собой, по поддельному паспорту. После хорошие чайные дал: щедрый барин!

— Пойдите, пойдите! — громко прошептал осененный Тихомиров. — Я вдруг подумал: смотрите, царские дети — Николай, Александр, Владимир, Алексей и Сергей. Если имена записать столбиком, то читается «на вас», так? Покушение на вас... А прочтите наоборот. Что выходит? Верно, «саван». Каково?

— Ты просто спиритуалист, Тигрыч, — довольно рассмеялся Дворник. — Наш приговор Александру II становится мистически неотвратимым...

И озорно пропел морозовский куплет:

*Уж вы, синие мундиры,
Прочь бегите все с квартиры.
Эфто значит динамит,
Что без пороху палит!*

Весело вспоминали Гартмана-Алхимика. Что-то очень быстро полиции удалось раскрыть его личность. Газеты печатали биографию, помещали фото цареубийцы-неудачника, за поимку была назначена награда. Гартман сник, потерял покой и сон. Не помогала даже настойка балдырьян-травы, принесенная Тигрычем из аптекарского магазина (взял заодно с кислотами для динамита). Алхимик менял адреса, но где бы он ни ночевал, при малейшем шуме в прихожей тотчас вскакивал и баррикадировал изнутри дверь — столами, стульями, чем придется. И все это с бормотанием, вскриками, с грохотом, заставляющим спящих друзей-соночленников спрыгивать с постелей, щелкая барабанами заряженных «бульдогов».

— Смотрю, к поезду Алхимик идет, — попивал ликер Михайлов. — Просто вылитый англичанин: меховой воротник, шапокляк, шея белым шарфом обмотана. Ведь особая примета для филеров: рубцы на шее и затылке от золотушных ран в детстве. Ну, и закрывал. Я все боялся: как вытащит два своих револьвера...

Можно и посмеяться: с помощью агента Исполкома Владимира Иохельсона Алхимик переправлен в Англию. За границей скрылся и беспокойный Николай Морозов, взяв с собой гражданскую жену Ольгу Любатович.

Посмеяться... В заговорщицком деле нынче весело, а завтра такая беда стиснет сердце, что ни вдохнуть, ни выдохнуть.

Про Гартмана думали: гуляет под Биг Бенom, толкается на митингах социалистов в Гайд-парке, газеты английские почитывает, а в одной из них — письмо американского детско-

го писателя Марка Твена, который тоже за народовольцев переживает: «Если же такое правительство нельзя сменить иначе как динамитом, то возблагодарим Господа за динамит!».

Тигрыч с Дворником спокойны: переписка с Алхимиком идет через зашифрованные в его сообщениях адреса. Например: «Мистер япупът юрр хщхуыклю...», что означает, если воспользоваться ключом «Могила любви»: «Мистер Саперс, 130». И далее, в таком же духе.

И вдруг — известие, оглушительное, как взрыв гремучего студня: Гартман арестован в Париже. (Сидел бы в Англии. Куда полез?). Царская дипломатия настаивала на его выдаче России. С особыми полномочиями во Францию прибыл молодой прокурор Николай Муравьев. Тихомиров видел, как, узнав об этом, Соня уронила руки: «Опять он! Что за наваждение? Желтые иммортели — отвратительные цветы...»

Впрочем, Тигрычу было не до нее. В конспиративной квартире на Гороховой несколько человек уже готовили конверты для воззвания «К французскому народу», которое он, разрывая бумагу пером, торопливо писал, а после читал Дворнику и Баранникову, сразу внося скорую правку.

«Тут важен не Гартман, не та или другая отдельная личность, — важен принцип...»

— Хорошо, хорошо, — недобро сжимал губы Михайлов. — А здесь надо бы приписать. Про солидарность...

И он приписывал. Отчего не приписать: ведь Тигрыч — главная литературная сила могущественной «Народной Воли».

«Не покупайте благорасположения царя...» Царя, конечно, со строчной, с маленькой буквы.

— Вот-вот, чтобы не торговались... — вторил богатырь Баранников, успевая поймать одобрительно-нежный взгляд Маши Оловенниковой.

«...благорасположения царя ценою оскорбления свободы и международной солидарности!»

Тихомировское воззвание полетело во все концы, было умножено не только на гектографе (в подпольной «летучей типографии» не нашлось иностранного шрифта), но и напечатано во многих ведущих европейских газетах.

И все же, и все же — они победили: парижская полиция вынуждена была освободить Алхимика.

«Общественное мнение Франции заявило себя на стороне радикальных принципов и против русской тирании, — восторженно писал Тигрыч в «Листке «Народной Воли». — ...вся наша эмиграция встрепенулась. Со всех сторон, в Париже, в

Женева, русские устно и печатно агитировали за освобождение Гартмана. Вступился в дело и Исполнительный Комитет. ...дело Гартмана приняло характер европейского события. ...самая мысль о выдаче сделалась противна большинству французов как величайшая политическая нечестность...»

Знай наших! Мы все можем!

Белая ночь туманилась над Фонтанкой. Где-то у Гостиного переговаривались сонные лихачи.

— Вот скубент энтот, в очках, как вытянет револьвер, — услышал Тигрыч.

— А чего же их благородия, жандармы? — недоверчиво спросил другой извозчик. — Споймали?

— Поймаешь тут! — рассердился первый. — Социалист-то из бутылочки хлебнул и расти стал, точно надули его воздухом. Выше и выше, великаном сделался...

— Ладно тебе: врешь много, а перевернуть не умеешь! Мели, Емеля, твоя неделя! — раздались недоверчиво-веселые голоса.

— Истинный крест! — осенил себя рассказчик. — Унтеры-то врассыпную. А великан энтот как шагнул, так через дом и перемахнул. Нева для него будто ручей. Шел и шел себе, покуда не пропал за Охтой. Осенью было, сумрак. Огромадный, точно змей-горыныч какой...

— Да уж... — притихли слушатели. Каждый покрутил головой, словно бы осматриваясь: а не приближается ли великан-революционер с «бульдогом» в руке и динамитом под мышкой? Великан сумрака, который покарает сатрапа, народного душителя и сразу, мощно и страшно вырастая над толпой, растворится среди дворцов и доходных зданий, в сиреневой дымке невских болот.

«Великаны сумрака — это мы, — с молодым самодовольством подумал Тигрыч. — Красиво...» Хотелось сказать извозчикам что-нибудь доброе, но он смолчал. Помнил: конспирация — это скромность.

И зашагал дальше, упруго отталкиваясь крепкими угонистыми ногами от влажной мостовой.

Да, мы все можем. Царь убежал от нас. «Народную Волю», моих товарищей боятся грозные шефы жандармов. Трепещут градоначальники, тюремщики, генерал-губернаторы. Захотели и освободили Алхимика: какая хлесткая всеевропейская пощечина русскому самодержавию! И пусть он, Тигрыч, пойдет революционным путем лишь до передачи власти народу, а после, подобно Цинциннату, будет мирно сажать капусту, пусть так. Сегодня народовольцы всемогущи. Ведь не зря же о них говорят лихачи у Гостиного, словно о сказочных героях.

Он шел, и тело наливается особой, неведомой прежде силой. Лев знал наверняка: стоит захотеть, и он легко перешагнет через здание Александринского театра. Любой экипаж, любая карета разлетятся в щепки, столкнувшись с ним. И не только с ним — с любым из его соратников по великой борьбе. Он был в этом уверен: белая ночь творила чудеса. А тяжелая конка? И конка рассыплется. И, конечно, поезд, даже царский. А следом Петербург, губерния, вся Российская Империя... Хрустнут, треснут, развалятся. С Империей, понятно, посложнее; тут нужно взяться за руки — им всем: Дворнику, Желябову, Кибальчичу, Баранникову, Кравчинскому, Соне с Катей, Маше Оловенниковой. Всем. И тогда...

Тигрыч свернул на Лиговку. До дома, где в конспиративной квартире его ждала Катюша, оставалось несколько шагов.

«Осенью роды. Буду отцом. Как хорошо...» — взбегал он по лестнице.

Глава двадцать первая

Прокурор Муравьев с отвращением отбросил утренний выпуск «Le Figaro», да так, что опрокинулась чашка, и горячий кофе пролился прямо на репортаж об освобождении революционера Льва Гартмана. Под материалом снова было подверстано воззвание русских нигилистов «К французскому народу»: надо же, не пожалели места, еще раз напечатали; наверное, чтобы напомнить читателям всю эту позорную историю. Несколько черных кофейных капель попало и сюда.

«И славно. Какая же мерзость...», — недобро усмехнулся Муравьев, знаком подзывая официанта.

Молодой, подающий надежды товарищ прокурора Петербургской судебной палаты прибыл в Париж с важным секретным поручением: оказать содействие посольству в выдаче государственного преступника Гартмана. Николай Валерианович приехал не с пустыми руками. В его портфеле были следственные документы, доподлинно устанавливающие причастность Алхимика к московскому взрыву на седьмой версте, за Рогожско-Симоновской заставой, то есть, причастность к покушению на священную жизнь Государя.

Установлено также, что текст возвания был написан одним из предводителей радикальской «Народной Воли» Львом Тихомировым (Тигрычем), нелегальным, действующим по подложным паспортам. Но самое главное — и это потрясло Муравьева! — что деятельной сообщницей злоумышленников называлась Софья Перовская. Неужели его Соня? В гла-

зах потемнело. Сухие строки справки о взрыве, присланной из губернского жандармского управления, вдруг скрылись за расплавом набухающих желтых кругов, по цвету похожих на увядающие иммортели. Букетики из далекого детства. Он дарил их Сонечке и потом катал ее на пони по губернаторскому саду. Девочка крепко держала цветы в маленьком кулачке.

Нет, не может быть. Тут какая-то ошибка...

Муравьев заторопился. Настраивающий на легкомыслие Париж раздражал его. Хотелось поскорее управиться с делами и — домой, в Петербург, где Соня. Он найдет ее, они поговорят, и все разъяснится; как же они посмеются над этим недоразумением! Правда, когда Николай в последний раз случайно встретил Перовскую на Садовой, она была странно одета. Впрочем, все мелочи, мелочи...

Однако французский премьер-министр Гамбетта, ссылаясь на занятость, уже несколько раз переносил время встречи с русским прокурором. Помог посол России князь Николай Алексеевич Орлов, в прошлом генерал от кавалерии, отчаянный рубака, еще при штурме турецкого форта Араб-Табии потерявший правый глаз. Республиканские увертки премьеру не помогли: старый гвардеец, поправляя на лице черную повязку, почти ворвался в богатый кабинет главы французского правительства, увлекая за собой Муравьева.

— Ах, злодеи, какие злодеи! Этот ужасный господин... Этот Гартман... — заламывал Гамбетта холеные руки в перстнях. И тут же уверил: — Мы немедленно во всем разберемся. Клянусь честью!

— Наш Государь, все мы надеемся на вас, — сдержанно поклонился Орлов. — К тому же прокурор Муравьев...

— Вы тот самый Муравьев? Восходящая звезда русской юриспруденции? — снова захрустел пальцами премьер, кинувшись к Николаю Валериановичу, как к родному. — Я читал ваши обвинительные речи. И, знаете, получил огромное наслаждение. Какой слог, какая логика! И страсть, да, господа, страсть! Я ведь и сам бывший адвокат, и могу это оценить.

Казалось, дело сделано. Да не тут-то было. Удивительно, но тайную депутацию русских революционеров-эмигрантов многозаботливый Гамбетта принял без проволочек. Разумеется, Гартман преступник, причем, уголовный, и потому Франция не станет давать ему политическое убежище.

— Но есть закон. Закон нашей страны, — премьер улыбнулся уголками чувственных губ, — которым мы и воспользуемся: вышлем русского преступника Гартмана за пределы Франции. На границу...

— Только не с Германией! — ахнули социалисты. — Там его выдадут, схватят. Согласно договоренности между государствами...

— Верно, — кивнул Гамбетта. — А посему — путь на север, на границу с Англией. К Ла-Маншу.

— Ура! Да здравствует республиканская Франция! — просияли обрадованные просители.

Все это означало — невыдачу цареубийцы, его свободу.

На Муравьеве лица не было. Даже щегольски закрученные кончики пшеничных усов жалко обмякли и опустились. Спустя час после получения в посольстве сообщения о решении французского правительства разгневанный князь Орлов и товарищ прокурора снова сидели у Гамбетты.

— Простите, господа, но мы живем в парламентской стране, — широко, точно перед избирателями, улыбнулся премьер-министр. — И мы соблюдаем законы.

— Вот как? — подскочил князь, невольно потянувшись кавалерийской рукой к несуществующей сабле. — Таковы республиканские законы? Сокрыть от правосудия убийцу, зложелательно покусившегося на жизнь христианина?

— М-м-м... Видите ли... Это не простой христианин, а ваш Царь, — хмыкнул Гамбетта.

— Стало быть, если Царь, то... — побледнел от негодования Муравьев.

— Что? Нет, конечно! Вы неверно истолковали мои слова. Я лишь хотел подчеркнуть, что мы действовали исключительно по законам Франции, — торжественно встал из-за стола премьер. — Извините, но у меня еще две депутатии...

В душном номере «Гранд-отеля» Муравьев всю ночь не сомкнул глаз. К тому же донимали клопы, от которых не спасал даже персидский порошок из сухой ромашки, приготовленный Коленьке в дорогу старой няней. Потрясенный догадкой, ходил в дезабилье из угла в угол: «А ведь так! Определенно — так! Потому что — Государь. Потому что Гартман хотел убить именно русского Царя... Оттого и вывезли к границе, отпустили. И законами прикрылись. Своими подлыми, лживыми законами. Которые у них и вправду, как дышло...»

Не хватало воздуха. Наскоро одевшись, Николай Валерианович вышел на площадь. Откуда-то с Сены напал предрассветный молочный туман. Из тумана выехал экипаж, остановился под непогашенным еще фонарем, и на мостовую ступили два элегантных господина — один постарше, другой совсем молодой. Старший господин что-то сказал молодому, и тот, послушно кивнув, скрылся за массивным фасадом Grand Opera.

Поигрывая тростью, старший господин неторопливо двинулся прямо на Муравьева. Товарищ прокурора узнал его: влиятельнейший в Петербурге человек, Сергей Юльевич Витте, управляющий Юго-Западными железными дорогами. Витте расплылся в улыбке: все же перед ним стоял не только подающий надежды прокурор, но и сын губернатора, племянник самого графа Муравьева-Амурского, волевого и деятельного хозяина Восточной Сибири.

Встретив товарища прокурора в Париже, Витте совсем даже не удивился. Но расстроенный Николай Валерианович как-то не обратил на это внимание.

Витте приехал сюда не просто так. Накануне в Петербурге он имел длительные сокровенные беседы в кабинетах МВД, поскольку III Отделение недавно слили с министерством, и министру внутренних дел отныне было вверено заведовать и корпусом жандармов.

Обаятельный Сергей Юльевич прибыл с широкими полномочиями и решительным настроением. В помощь ему дали молодого ловкого агента, проживающего в том же «Гранд-отеле» под фамилией Полянский. Агент давно уже сидел в Париже и даже участвовал в задержании Гартмана на Елисейских Полях у концертной кассы Диорамы; при этом искусно изображал случайного прохожего, будто бы пытающегося помочь несчастному вырваться из рук переодетых полицейских. Уловка удалась: Полянский сблизился с некоторыми эмигрантами, теперь, после неожиданного освобождения Алхимика, победительно опекающими его со всех сторон. От них постепенно узнал, что Исполком «Народной Воли» поручил Гартману и Лаврову (последнего, правда, уважительно попросили) пуститься в агитационное турне по крупнейшим городам Европы, а после и Америки, читая лекции, распространяя прокламации, газеты и брошюры с материалами о радикальской жизни в России, блестяще написанными неким Львом Тихомировым, признанным идеологом организации. И кличку открыли: Тигрыч. Воистину расслабляет заграничная жизнь, жизнь вдали от «лазоревого ведомства»...

Между тем, Гартман с берегов Ла-Манша потихоньку вернулся в Париж. Витте был вправе действовать по обстоятельствам. Наглость и безнаказанность Алхимика, поддержанного с острова Капрера старым социалистом и партизаном Гарибальди, возмутила Сергея Юльевича.

— Нет, вы послушайте, что этот вечный революционер пишет, — говорил он князю Орлову. — «Гартман — смелый молодой человек, к которому все честные люди должны питать уважение и признательность...»

— Но главное, что сие помещают в газетах, — дымил сигарой князь. — Республика, общественное мнение... Ах, не зря мой добрый приятель Леонтьев Константин Николаевич говаривал: общественное мнение — это мнение собирательной бездарности.

За ужином в ресторане «Voisin» Витте, побагровев, кивнул Полянскому: «Гартмана нужно убить». И сделать это следует, как можно быстрее, пока злодей не скрылся в Америке.

Агент ходил за Алхимиком по пятам. Тот прятался в съемном углу грязноватого Латинского квартала, где Полянский быстро сколотил компанию из местных хулиганов-апашей, готовых за сто франков завести поножовщину и в драке прирезать Гартмана.

Посол во Франции князь Орлов брезгливо морщился от этих кровавых замыслов. Он с воинской юности привык к открытой сечи и не признавал кинжального коварства и удара исподтишка. Вот почему Витте, с улыбкой идя навстречу Муравьеву, очень надеялся на поддержку приобретающего известность в столице молодого прокурора.

Обедали на закрытой террасе «Гранд-отеля». Говорили о премьерах в Александринке, о новых актрисах. Затем — о далеком, о Северо-Американских Штатах. О том, как в 1863 году Россия спасла обескровленную гражданской войной страну от англо-французской интервенции.

— Государь послал две эскадры, помните? — умно прищурился Витте.

— Отчего же. Я гимназистом еще был. Отец рассказывал, — сдержанно кивнул стриженной под бобрлик головой товарищ прокурора, наслаждаясь легким виноградным вином. — Контр-адмиралы Попов и Лесовский. Верно?

— Светлая у вас, Николай Валерианович, голова! — похвалил Витте, косясь на тарелку с дымящимся фондю франш-контэ. Хмыкнул: — Такое наготовят — не то каша, не то суп. Поистине республиканское блюдо! — широкой улыбкой пригласил Муравьева разделить веселье. — А писатель-то их, Марк Твен...

— Он вроде благодарил...

— Благодарил — слабо сказано! Адрес целый сочинил, от имени признательного американского народа — Государю нашему Александру Николаевичу. Дескать, Америка обязана России во многих отношениях... Так-то! И что только безумец может вообразить, что Америка когда-нибудь нарушит верность этой дружбе... Нарушит враждебным высказыванием или действием.

— Что ж, по-христиански: за други своя... — согласился Муравьев. — Удивительно: суп марсельский водорослями пахнет.

— Кто ж спорит: за други своя... Только они-то, они — не за други... — выпил целый бокал Сергей Юльевич. — Всякий бунтарь-инсургент, всякое радикалье, любая шельма продувная — добро пожаловать в свободную страну Америку! Особенно, если из России... Поди ж ты, и Гартмана заждались.

— С Гартманом... Это было бы подло! — нахмурился товарищ прокурора.

— Слава Богу! — облегченно выдохнул Витте. — Знал, многоуважаемый Николай Валерианович, что вы нас поддержите. Так сказать, с позиции юриспруденции...

Но Муравьев не поддержал. Побледнев от негодования, он, тяжело роняя отчетливые слова, напомнил изумленному Витте, что он — товарищ прокурора, юрист, а не апаш из Латинского квартала, и не террорист-динамитчик, не кровавый убийца с кинжальными кунштюками, бьющий из-за угла, не социалист с «медвежатником», стреляющий в спину. В конце концов, его магистерская работа посвящена отмене жестоких телесных наказаний для каторжных и ссыльных. И негоже уподобляться подлому безбожнику-цареубийце...

— Вот-вот, насчет безбожников... Как же тогда: «Не мир пришел Я принести, но меч...»? — впился в прокурора колючим взглядом Сергей Юльевич. — Ведь сам Христос... А вы мир предлагаете? С этими?

— Я не предлагаю. И насчет меча — там все иначе... — заволновался Муравьев. — Евангельским мечом не убивают в спину. Им разрубают связи между людьми, если нет духовного согласия. Если связи эти тянут нас к грехам тяжким...

— А эти — не тянут? Вот и рубануть бы по ним. Чего миндальничать?

— Это недопустимо.

— Отчего же? Терпел Христос, а после взял да изгнал меня и торговцев из храма, — натужно улыбнулся Витте. — Ужель не пример для нас, человекон многогрешных?

— «Дом Мой домом молитвы наречется, а вы сделали его вертепом разбойников...» — задумчиво произнес товарищ прокурора.

— Видите, Николай Валерианович! Сделали! И делают все эти гартманы, тигрычи, засуличи... Россию нашу в разбойничий вертеп превратить желают. А мы...

— А мы... У нас суд есть. И суд должен быть, прежде всего, верным и верноподанным проводником и исполнителем самодержавной воли монарха, — твердо произнес Муравьев, словно бы читая написанное им же уложение.

— Не спорю. Да только нельзя с мерзавцами, с висельниками по-благородному. Одолеют они нас, — в сердцах отбросил салфетку Витте. — Поймите...

— И вы поймите, любезный Сергей Юльевич, — не уступал товарищ прокурора. — Есть закон. И всякое беззаконие рождает другое беззаконие. Как и всякий грех вырастает из другого греха...

— Что ж, воля ваша. Да только слышал я, что писатель Марк Твен нынче не про Тома Сойера сочиняет. Динамит воспевает, коим советует русское правительство в пух и прах разнести. Впрочем, а вдруг при встрече задушит Гартмана в объятиях, а? Польза какая-то...

Они расстались недовольные друг другом. О своем мнении Муравьев пообещал тотчас же сообщить в Петербург. План по устранению Алхимика развалился. Агенту Полянскому пришлось срочно убираться из Латинского квартала: настроенные на обещанный куш апаша в нетерпении приставали буквально с ножом к горлу. Удрученный неудачей Витте уехал в Россию.

Французские газеты сообщали: знаменитый русский революционер Лев Гартман, неистовый борец с деспотизмом, на борту парохода «Сент-Поль» отбыл к берегам свободной Америки. Настолько свободной, настолько опьяненной этим священным гражданским чувством, что жители страны и ее правители, захлопотавшись, как-то позабыли о русском изобретателе Яблочкове, чьими лампами освещались соленые причалы морского порта. Позабыли они и о русских эскадрах, спасших их показушно-белозубую демократию.

Уж если свобода, то свобода на всю катушку, свобода от всего — и от беспокоящей памяти тоже.

До поезда оставалось несколько часов. Муравьев напоследок решил пройтись по городу. В каштановой аллее его вдруг окликнули по имени. Оглянулся: никого. Впрочем, нет, какая-то размытая тень мелькнула среди стволов. Он шагнул за тенью и тут же почти наткнулся на ватагу апашей, которые, куражливо скалясь, окружили его плотным кольцом. Предательски дрогнули коленки, но и кулаки сжались: отцовские уроки английского бокса не прошли даром.

— Должно быть, господа, вы принимаете меня за кого-то другого? — сквозь привычный басок пробилась подлая фистула. — Видите ли, я...

Смуглый апаш с каким-то раздавленным, непомерно широким лицом выхватил из кармана нож. Его приятели, качнувшись мутными силуэтами, загалдели в предвкушении расправы.

«Боже мой, да ведь меня хотят убить! И убить вместо Гартмана, — пульсировало в пылающей голове. — Агент Полянский уехал, бандиты рассердились. Они видели меня с агентом. И теперь...»

Апаш, нелепо изогнувшись, коротким прыжком приблизился к Муравьеву. Не помня себя, тот тоже шагнул навстречу, бросил кулак в челюсть, сжав его в последней точке удара; челюсть муторно хрястнула, нападающий замер, но рука с ножом, слабая, все же пролетела вперед. Товарищ прокурора почувствовал острый скользящий ожог в левом боку...

Глава двадцать вторая

Пучеглазый нищий с пегим колтуном на голове прокричал ему вслед от церковной ограды: «Промеж двери пальца не клади!» Прокричал трижды, да еще черным кулаком погрозил. Тигрыч вздрогнул. Сердце сжалось в недобром предчувствии. И не зря.

Встретившись с агентом Капелькиным, конспиратор Дворник сообщил: схваченный с динамитом Гольденберг выдал товарищу прокурора Одесского окружного суда Добржинскому 143 деятелей «Народной Воли». И при этом написал признание на восьмидесяти страницах — химическим карандашом (ломался карандаш, просил надзирателя заточить), круглым убористым почерком.

Тихомиров ушам своим не поверил: хладнокровный убийца харьковского губернатора Кропоткина, стальной Гришка Гольденберг, меж радикалами средней величины считавшийся величиной огромной, вдруг расквасился, как студень на солнце. Однако дотошный Капелькин, недавно по представлению полковника Кириллова награжденный за канцелярское усердие орденом св. Станислава III степени, добытыми бумагами развеял сомнения. Ночью, собравшись на Гороховой, народовольцы читали откровения предателя: «Я думал так: сдам на капитуляцию все и всех, и тогда правительство не станет прибегать к смертным казням, а если последних не будет, то вся задача, по-моему, решена. Не будет смертных казней, не будет всех ужасов, два-три года спокойствия, — конституция, свобода слова, амнистия; все будет возвращены, и тогда мы будем мирно и тихо...»

— Как? Мирно и тихо? Перечитай! — крикнул Тигрычу из угла Желябов; рыкнул даже, словно Лев был в чем-то виноват. Уж если злиться, так надо бы на Кибальчича: ему в отчете для жандармов Гольденберг посвятил самые подробные страницы; что ж, в друзьях ходили...

Михайлов сидел мрачнее тучи. Лев продолжил:

«...да, мирно и тихо, энергично и разумно развиваться, учиться и учить других, и все были бы счастливы...»

— Счастье... Что он понимает в нем? — словно бы отвечая изменнику, пробормотал Дворник. — Всякому, кто желает счастья, нужно сперва научиться искусству лишений. И только тогда...

В своем пространном доносе Биконсфильд предавался рассуждениям о пользе одиночного тюремного заключения, во время которого можно свободно думать, не волнуясь текущими событиями. (В камере, под замком — свободно!) Его мысли сосредоточились на фракции террористов, ставших на кровавую дорогу политических убийств, что не только не приблизило к лучшему положению вещей, а напротив — дало возможность правительству принять те крайние меры, которые выразились в 20 виселицах, в гибели юных людей в казематах и на каторгах. И он решил положить предел существующему злу, решил на самое страшное и ужасное дело — подавить в себе всякое чувство вражды и раскрыть всю организацию и все ему известное, предупредить ужасное будущее...

— Он должен умереть. Следует подумать о способах... — подался вперед Желябов. Тигрыч заметил, как еще теснее прижалась к плечу любимого побледневшая Соня. Вышептала затвердевшими губами:

— Должен... Непременно. Ведь он перевезен в Петропавловку...

Тигрыч читал, с трудом выталкивая слова из пересохшего горла: «Во всяком случае, я твердо уверен, что правительство, оценив мои добрые желания, отнесется гуманно к тем, которые были моими сообщниками, и примет против них более целесообразные меры, чем смертные казни, влекущие за собой одни только неизгладимо тяжелые последствия для всей молодежи и русского общества... Я твердо уверен потому, что во главе Верховной распорядительной комиссии стоит один из самых гуманных государственных деятелей — граф Лорис-Меликов...»

— Подлец! Низкопоклонник! — вскричал побагровевший Кибальчич. — И он назывался моим верным товарищем!

Агент Капелькин сообщил еще, что во всем этом деле не обошлось без энергичного жандарма Судейкина, специально откомандированного в Петербург для бесед с Гольденбергом.

Однако убить предателя они не успели. После свидания в крепости с Зунделевичем, который объяснил Биконсфильду,

что тот натворил, изменник повесился в камере на полотенце. Оставил предсмертную записку: «Друзья, не клеймите и не позорьте меня именем предателя; если я сделался жертвою обмана, то вы — жертвы моей глупости. Я — тот же честный и всей душой вам преданный Гришка...»

Не знали потрясенные, разбредающиеся по своим тайным углам народовольцы, что в эти самые минуты по сумрачному коридору Петропавловки, скользя на поворотах, бежит малорослый, чернявый человек с длинным некрасивым лицом, на котором вспыхивает улыбка и сияют счастьем маленькие пронзительные глаза. Это Иван Окладский; революционные барышни зовут его не иначе как Ванечка. Сапоги бутылками, засаленный пиджачишко: ни дать, ни взять — сельский прасол. Под Александровском, когда царский поезд въехал на динамит, Ванечка запустил спираль Румкорфа и весело крикнул в ухо Желябову: «Жарь, Андрюшка!» Потом ловко закладывал взрывчатку под Каменным мостом — сто шесть килограммов, четыре мешка гуттаперчевых, дабы динамит не отсырел. Потом... Его арестовали. Судили по «делу 16-ти», вместе с Ширяевым, Тихоновым, Квятковским и Пресняковым приговорили к смертной казни через повешение. Двоих последних повесили через пять дней после суда. Скоро и его, Ванечки, черед. И вдруг..

В мрачную камеру смертника вошел улыбчивый генерал Комаров. И не просто генерал, а начальник Петербургского жандармского управления. И сказал генерал:

— По неисчерпаемой милости Государя все могут быть помилованы.

А Ванечка не знал, что уже казнили двоих, и ответил. А почему так ответил, и сам не понял:

— Как же всех-то помиловать? Ведь, сами посудите: Квятковский замешан в четырех преступлениях, а я лишь в одном...

Вот оно, вот! Ниточка-зацепочка, место слабое, трепетное, жить желающее! Еще шире улыбнулся генерал Комаров:

— Ваша правда, юноша! В одном, всего лишь в одном-единственном и виновны. А отвечать-то в полной мере, а? На левом полуконтргарде Иоанновского рavelина отвечать, где злодеев вздернули...

Вздернули? И — дрогнул Окладский. Началась работа с ним.

Генерал был доволен: он не ошибся в Ванечке. Еще радовало начальника жандармского управления, что догадался он лично спуститься в смрадную камеру — запросто, не чинясь. И что на депеше, посланной в Ливадию, Государь изволил

наложить резолюцию: приговоренных к смертной казни помиловать, кроме Квятковского и Преснякова. С этой телеграммой Комаров поспешил к узнику. Когда бедный Ванечка узнал, что ему сохранили жизнь, и что сейчас, немедленно его переводят из страшного Трубецкого бастиона в Екатерининскую куртину, то бросился бежать в одних носках, позабыв сунуть ноги в тюремные башмаки.

Его подводили к глазкам камер, и он называл подлинные имена арестованных соратников по борьбе. Его научили перестукиваться с соседними казематами, и многие революционные тайны переставали быть тайнами. Жалованье положили — десять рублей ежемесячно. Но ведь совсем еще недавно Ванечка презрительно выкрикнул: «Я не прошу и не нуждаюсь в смягчении моей участи. Напротив, если суд смягчит свой приговор относительно меня, я приму это как оскорбление...»

А тогда, 4 ноября 1880 года, Окладский, задыхаясь, мчался по коридору, скользя в носках по каменному полу; он дважды падал на поворотах, упал бы и в третий раз, но его подхватил дюжий стражник и уже не отпускал до самой куртины.

И следом — провалы. Самый тяжелый — Саша Михайлов: Дворник, Хозяин, Недреманное Око «Народной Воли», Конспиратор.

Накануне, 27 ноября, Тигрыч в последний раз навестил Михайлова в Орловском переулке, где тот по подложному паспорту снимал квартиру в доходном доме Фредерикса. Лев беспокоился: летучей типографии пора бы подыскать новое место. Только устроились, да что делать, если этажом ниже мается от бессонницы хворый отставной генерал, которому не дает покоя капанье воды прямо над его головой. Конечно, никакой воды тут нет и в помине. Посетивший квартиру по жалобе болящего околоточный надзиратель разглядел только стол под кисейной скатеркой (а стол был для наборных касс!) и даже и не подумал, что не капли по ночам капают, а падают — нудно, однообразно: хлоп-шлеп! — тяжелые свинцовые литеры; это наборщики разбрасывают по кассовым коробочкам отработанный набор журнала «Народная Воля».

Хлоп-шлеп, хлоп-шлеп.

Потом обсуждали черновик письма старика Ткачева, тайными путями полученный из-за границы: «Терроризм как единственное средство нравственного и общественного возрождения России». Крепко сказано. И концовка — вспышка динамита: «Революционный терроризм является, таким образом, не только наиболее верным и практическим средством дезорганизовать существующее полицейско-бюрок-

ратическое государство, он является единственным действительным средством нравственно переродить холопа-верноподданного в человека-гражданина». Неплохо бы напечатать у себя, но Ткачев, со взвинченным из-за прогрессирующей болезни (доктора предрекали: паралич мозга) нравом, упрямым в записке: помещу только в своем «Набате».

Признаться, Тихомиров был даже рад упрямству скатывающегося в безумие бланкиста. Не хочет публиковаться и не надо. Он и прежде относился к Ткачеву настороженно: помнил, как тот явился в Берне к Бакунину вместе с Нечаевым (Нечаев, говорили, так же, как у Герцена, нарочито громко — по-народному — сморкался в грязный платок), как облапошили они доверчивого анархиста. Хотя Тигрыч и не принимал безгосударственных идей недавно умершего Бакунина, но этот вечный бунтарь все же был ему ближе — в нем не было той мелковатой ткачевской подлости, болезненно-унылой, не было и готовности во имя революции предательски сблизиться с польскими кинжальщиками, жондистами-русофобами, жаждущими мести и свободы.

— Завтра схожу к фотографу на Невский. Заказали карточки всех наших... Кого арестовали, кого казнили, — вдруг тихо сказал Дворник. — Надо бы забрать. Завтра. Завтра и схожу.

— Ты? Сам? К чему это? — рассеянно спросил Тихомиров.

— Пусть будут карточки всех. Галерея героев... Жизни свои положивших... На алтарь...

Почему, почему он, Тигрыч, хорошо знавший друга, ничего не услышал? Михайлов заикался сильнее обычного. Да и не говорил он так прежде никогда — напоказ, фразисто; сам терпеть не мог фальши. Быть может, строгий хранитель «Народной Воли» подавал близкому товарищу потаенный сигнал беды, усталости? Ведь подпольная жизнь, как ни крути, со всей ее свободой незримо стягивала человека железными цепями принуждения. И разве не хочется хотя бы на часок, хотя бы на минуту вздохнуть вольной грудью? Просто, не прячься от филеров, пройтись по улице, заглянуть в трактир на Лиговке не для секретной встречи, а всего лишь похлебать наваристых александровских шей со сметанкой, после выпить крепкого кофе в кофейне Исакова на Малой Садовой, а еще лучше — прохладного пива где-нибудь на Фонтанке.

Это неистовое упорство, кровавый, затмевающий разум охотничий азарт: убить Царя, убить... Иначе приговору в Лесном — грош цена. Сколько сил, предельного сердечного напряжения, сколько жертв, и все — напрасно. Пока напрасно. Пока лишь — испытание кибальчичевских снарядов на

пустыре за Смольным, гулкие взрывы в пригородных рощах, переломанные стволы молодых берез, накаркивающее тревогу сметенное с ветвей воронье, ядовитое шипение кислот в наполненной льдом ванне, нетерпеливая дрожь гремящего студня, пласты черного динамита, уложенного в дорожные чемоданы. И — новые аресты и казни.

А Царь жив. И предательство вокруг.

Гольденберг, Окладский. И вот теперь — Рачковский, чье иудство раскрылось случайно. Пустяк подвел — фуражка судейская, вицмундир, в двух местах уже битый молью. Узнав, что Исполком «Народной Воли» посылает Буха в Одессу и Киев за новыми шрифтами, Рачковский вызвался помочь товарищу с оформлением паспорта. К слову сказать, помог. И еще предложил воспользоваться его форменной фуражкой. Конечно, в целях безопасности: кто ж из филеров за судейским увяжется? Сам наряжал доверчивого Буха, сам пуговицы перед поездом застегивал, соринки-пушинки с рукавов вицмундира снимал. А через день, сотрясаясь в смехе полнеющим телом, рассказывал за чаем о своей хитрости коллеге по Департаменту полиции, секретарю III Отделения Николаю Капелькину, даже и не подозревая, что грызет над стаканом валдайскую баранку, кивает ему поощрительно головой давно внедренный сюда агент «Народной Воли». Рачковский хохотал: ну и глуп же этот Бух; ведь в таком-то заметном облачении филерам проще будет следить за ним...

Конечно, Капелькин тут же сообщил Дворнику и Тигрычу. Обложили народовольцы изменника со всех сторон. Так обложили, что преследования навязчивой мадам Шарле, изрядно омрачавшие жизнь, выглядели теперь сухой безделицей. Пришлось Рачковскому спешно скрываться в Вильно.

Но теперь под ударом был ценнейший агент Капелькин. Это тоже беспокоило Дворника.

Усталость. Ясное дело, усталость. Тут у Тихомирова и Михайлова было много общего.

Что ж, в чем-то совпадали их судьбы, во многом походили друг на друга соратники по борьбе. Удивительно: Дворник признался ему, что долго прожил среди старообрядцев, среди андреевцев-опасовцев, нащупывая религиозные пути к революции. И это в те времена, когда господствующим умонастроением в головах юных радикалов был атеизм. Но и он, Тигрыч... Заключенный в крепости захлеб читал Четьи-Минеи, погружался в Евангелие. Тогда же, оживляя дыханием непослушные пальцы, царапал на доске строки, которые никогда никому не показывал. Даже Соне Перовской. Сказал тоже: даже Соне... В первую очередь ей и не показывал.

Боялся — не поймет, рассмеется. Потому что строки эти сложились в стихотворение «Из апостола Павла», а всякие апостолы, в том числе и Савл, озаренный божественным светом в пустыне, ослепший на время от этого света, — все это считалось в их среде предрассудком не разбуженных пропагандой масс. А с предрассудками надо бороться. Как? Да хотя бы так: есть конину, курить папиросы, шеголять в сапогах и мужских штанах, убежать из родительского дома, пряча слезы под стеклами синих очков.

Правда, Савл, ставший апостолом Павлом, выглядел в его стихах слишком уж революционно. А может, героем был он сам, двадцатилетний арестант Левушка Тихомиров, поверженный могучим противником, но не сдавшийся, бесстрашно ожидающий своего конца? «Видится близкий конец, вьетса терновый венец и для меня, недостойного...»

Да-да, усталость... Первый ее отупляющий приступ Тигрыч почувствовал после халтуринского взрыва в Зимнем 5 февраля: одиннадцать убитых, 56 тяжелораненых. Как назло, попались «Московские ведомости», а там: «Доблестные финляндцы, герои войны за освобождение Болгарии... Храбрые русские солдаты, до конца выполнившие свой долг в карауле Зимнего дворца... Фельдфебель Кирилл Дмитриев, унтер-офицер Ефим Болонин, горнист Иван Антонов...» И тут еще взбодороженный Степан Халтурин, бьющий себя в грудь, обещающий: «Ужо в другой раз охулку на руку не положу...»

Оставив невесту, забросив не выправленную статью, Тигрыч допоздна бродил один по заснеженной набережной мимо окон дворца, в которых металась свечные огни проносимых канделябров (в один миг газ везде потух); и в огнях этих взвивались вдруг багровые блики, сугробы дышали метелью, невским ветром и кислотовато пахли, как казалось ему, динамитом и кровью. Он боялся, что ослепнет от этих бликов. Боялся ослепнуть — и враз прозреть.

Впрочем, нет, до этого было еще далеко. Он просто понял в те дни, что заговор, революционной переворот отдаляются царубийством. К тому же «дуэль» с Александром II обескровливала организацию. Даже горячий Желябов выдохнул: «Мы проживаем капитал».

Вот тогда-то на заседании Исполкома Тигрыч и попросил: дайте отпускную, устал. Никто не услышал: закричали, зашикали. И громче всех — Перовская, Фигнер, Кибальчич. Жару добавил и Дворник.

— Я, вижу, ты забыл наш устав. — С затвердевшего лица его схлынул обычный румянец. — А ведь многие пункты сам редактировал.

— Я все помню... — поймал Лев тревожный взгляд Кати. Михайлов взял бумагу, прочел:

— В Исполнительный комитет может поступать только тот, кто согласится отдать в его распоряжение всю свою жизнь... — Дворник закашлялся; Желябов нацедил ему воды из остывшего самовара. — Так... Да, свою жизнь и все свое имущество безвозвратно, а потому... — возвысил голос Саша, — а потому и об условиях выхода не может быть и речи!

Знал он об этом, и без них знал. И еще любил своих товарищей. Вот они, перед ним, и каждый незаменим на своем месте: блестящие техники — Кибальчич, Ширяев, Исаев, а ближе к окну, рядком — пропагандисты-трибуны: Желябов, Златопольский, Теллалов; тут же и железные бойцы-практики — Фроленко, Баранников (Савка), Колодкевич. А женщины? Умницы, красавицы, хранительницы летучих типографий, зыбких кружковских очагов, с очаровательными улыбками пускающиеся в самые рискованные боевые предприятия. Конечно, что ни говори, первая из первых — Соня Перовская (вопрошающе-нежный взгляд на Желябова), а далее — Верочка Фигнер (наполненные карим светом глаза чуть косят от волнения, впиваются в него, Тигрыча), Маша Оловенникова (леденеющий синий взор — на отступника и теплый — на любимого Савку), сочувственно смотрит круглолицая Аннушка Якимова (Баска) и с грустью глядит в пространство Таня Лебедева, будто предвидит свою скорую гибель на каторжной Каре.

Тигрыч уже понимал, что не уйдет, не бросит их. Потому что он — основная литературная сила; заменить его на посту редактора некем. К тому же в руках у него все связи с легальными журналистами, с бесцензурной печатью. А как без нее? Наконец, дружба с самим Михайловским.

Но что же делать, если разрывается душа, если дело «Народной Воли» идет не по его вкусу?

«Промеж двери пальца не клади! Промеж двери...», — вспомнился вдруг пучеглазый христарадник, кричащий ему вслед от церковных ворот.

Вот-вот, не клади — зажмет с двух сторон. Больно будет. Но уже больно. Больно сердцу. Давеча бросил Дворник: «Подпольная организация — мое детище. Мы собрали лучшее, что выработало русское революционное движение. И даже если мне скажут: твое дело в «Народной Воле» — только чашки мыть, я буду их мыть, но не уйду. Ясно?»

Он тоже не ушел. Вспомнили Морозова: тому предоставили отпуск, отправили в безопасную Женеву, где вечно скачущий (Воробей!) Коленька спокойно издавал «Русскую со-

циально-революционную библиотеку» и слушал лекции знаменитых естествоиспытателей.

Тигрычу дали отпуск. И очень кстати: молящаяся Митрофану Воронежскому мама звала домой, в Новороссийск; просила показать молодую жену, радовалась в письмах, что Катюша из провинции, не столичная губернаторская дочка и, стало быть, им ровня и, наверное, сальтисоном полакомиться не побрезгует, поскольку сальтисон Христина Николаевна готовит все по тому же рецепту, не скупясь: на каждые три ножки кладет одну куриную филейку. И пряженцев в масле нажарит...

Потом они вернулись в Петербург, и ему показалось, что что-то изменилось. Тигрыча тотчас же привлекли к написанию секретного документа «Подготовительная работа партии»; пожалуй, впервые «Народная Воля» называлась партией. Лев воодушевился. Похоже, его услышали — и Дворник, и Желябов. Похоже, теперь террору отводилась лишь роль детонатора народного восстания, а уж народ-то обязательно поддержит революционный заговор боевой группы кружковцев.

«Подготовительная работа партии имеет свою задачу: развить количество силы, необходимое для осуществления ее целей...» Превосходно!

«Цели же эти сводятся... к созданию... такого государственного и общественного строя, при котором воля народа сделалась бы единственным источником закона. Это — ближайшая цель...» Верно, очень верно!

«Но в стремлении своем к осуществлению этой ближайшей цели, партия становится в необходимость сломить ныне существующую правительственную систему. Этим и должна озаботиться партия прежде всего...» Именно — прежде всего. Заговор, переворот.

Значит, главное — не царубийство, так? Однако гладко выходило лишь на бумаге.

Почитав в «Русском вестнике» очередную статью Каткова о спасении Государя от очередного злодейского покушения, с благодарением Господу за новое знамение Его благоволения к России, за истинное чудо, явленное Им в сохранении жизни Его Помазанника, всегда выдержанный Саша Михайлов вдруг истерично взвизгнул:

— Довольно! Все это выдумки церковников... А мы назло всем им с царем и покончим! — и опустил пухлый кулак на стол. — Устроим чудо! Каково, Старик? (Михайлов упрямо звал его Стариком),

Тихомиров не видел Дворника таким еще никогда.

Признаться, он все чаще и чаще не понимал старого друга. Ведь совсем недавно тот утверждал, что они, революционеры, ничего навязывать народу не станут; не станут ничего насильственно разрушать — из того, в чем коренится сознание и желание простого населения Империи. Но разве царевубийство — не разрушение, не навязывание? Не покушение, наконец, на народное монархическое сознание. Уж им-то, ходившим в то шальное лето с пропагандой по деревням, как не знать этого?

28 ноября 1880 года в Петербурге родился будущий поэт Александр Блок. Это он потом напишет: «Я сейчас не осужу террора... Революционеры убивают как истинные герои... без малейшей корысти, малейшей надежды на спасение...» Тихомирова, стареющего в Сергиевом Посаде, передернет: стало быть, если убиваешь бескорыстно, то ничего, можно; а вот ежели корысть какая — скверно, нельзя. Договорился...

28 ноября в Вене открылось Общество воздухоплавания. Мало кто знал, что в столицу Австрии приехал тайно из Женевы народоволец Коля Морозов. Не мог устоять. Бродил по пустырю вокруг нового дирижабля, дивился, думал, прикидывал: а как бы сделать эти аппараты управляемыми? Тогда ведь можно изучать не только законы распределения атмосферного давления, но пролететь над Зимним дворцом и такой снаряд туда опустить, что в кирпичи рассыплется цитадель ненавистного деспотизма. Эх, сюда бы Кибальчича. Вместе бы помозговали...

28 ноября великий конспиратор Дворник, внезапно нарушив конспирацию, сам отправился в фотографию Таубе на Невском проспекте. Еще накануне агент наружного наблюдения Елисей Обухов, к Троице получивший повышение по службе, расставил самых смысленных филеров в проходных дворах у ателье, запустил двоих внутрь — будто бы по стенкам карточки рассматривать. Когда Михайлов вошел, конопатый подмастерье, выпучив навстречу рыжие глаза, быстрым движением провел рукой по шее: беги, мол, приятель, а не то крышка... Да поздно уже. И это Александр понял сразу. К чему-то Тигрыч вспомнил: «Не ходи сам. Зачем этот риск?»

Дворник выдернул «смит и вессон» из затрещавшего нитками кармана, успел взвести курок и пальнуть в метнувшуюся от стены тень. Тень обратилась в дюжего молодца, и молодец, видно, был не промах: согнулся, уклоняясь от пули, и тяжелой головой так ударил под дых, что Михайлов отлетел в угол. И из этого угла успел разглядеть рассыпавшиеся по полу карточки. Потянулся, чтобы сберечь хотя бы две-три,

что поближе (сознание работало с небывалой ясностью; узнал лица: Саша Квятковский, Пресняков — с пышными волосами на прямой пробор), но по фотографиям затопали сапоги, и стук этот отдавался болью: словно не по карточкам, а прямо по нему, живому еще, стучали коваными каблучками. И еще пронеслось в голове: «Этого-то и страшился всегда Капелькин. Что бить будут жандармскими сапогами. И умрешь в муках...»

Но Дворника не били. Навалились, скрутили прямо на полу. А когда подняли, к нему шагнул крутоплечий господин в добротнo сшитом синем пальто; на широком простоватом лице блуждала прищуристая крестьянская улыбка.

— Рад, очень рад! — весело воскликнул господин. — И карета готова. Приглашаю... Э-э-э... Михайлов? Поливанов? Дворник? Петр Иванович? Безменов? Хозяин? Иван Васильевич? Сами-то не путаетесь? А я всего-то — Елисей Обухов. Давно вас ищем... — Отвернулся, крикнул подчиненным: — На Гороховую его. Стерегите...

Широкое лицо Обухова светилось довольством и особым служебным покоем, который является к добросовестному работнику, удачно завершившим важное дело. А дело было и вправду важным. Не каждый день выпадает прищучить такого козырного туза.

Обухову нравилось жить и действовать по инструкции полицейского отделения, недавно созданного для охраны общественной безопасности и порядка. Революционеры, либералы шипели: охранка, охранка... Пускай себе. Елисей же знал одно: филер должен быть политически и нравственно благонадежен, не за страх, а за совесть бороться с людьми подозрительными и вредными, дабы сберець от зложелателей-нигилистов устои русского порядка, защитить священную жизнь Государя Императора. Монархическое чувство его было простым. Обухов любил Царя, как любил своего отца, и так же побаивался, как некогда побаивался входящего в избу родителя. Он помнил, как худо пришлось, когда отец помер: все тут же разладилось, скособочилась банька, крыша потекла, в огороде полезли лебеда с крапивой.

Порой он ловил себя на мысли, что вряд ли смог бы при встрече (а вдруг случилось бы!) прямо и смело смотреть в глаза своему Государю. Странное чувство. Благоговеиное. Но в глубине служивой души таился ответ, и Обухов понимал, что он, как всякий подданный, тоже не прав перед Царем, тоже виноват. Так в чем же, в чем? А не в том ли, думал Елисей, что Государь — Помазанник Божий и, стало быть, призван к осуществлению только ему внятных благих стремлений, наце-

ленных на водворение правды. И всегда ли мы понимаем смысл этих стремлений? Всегда ли честно служим и живем с верой? Всегда ли смиренно несем свой житейский крест? Пусть и малый, по силам и уменью данный.

А то, что правда была, в этом Обухов не сомневался. Особая правда, русская.

Конечно, речь не о бомбистах-революционерах. С ними ясно. Они не в Бога веруют, а в республику, как у французов. (Подслушал у лихачей: «Режь публику! Режь публику...» Вот и режут. Кинжалами. Рвут динамитом). Хотят, значит, чтобы не один — Господом призванный — отвечал за матушку Россию, а много, парламент целый, так? И выходит — никто и ни за что. И ради этого проливается столько крови. Погубят все в бестолочи, в шуме. Всякий брындик наималейший за великана себя выставит. Эх, не зря говорили мужики в деревне: «Быть на сходке — согрешить». Согресишь, коли неправо рассудишь, хитро смолчишь или побранишься с кем. А еще говорили: «Сходка голдовня, дым коромыслом, пар столбом, а ни тепла, ни сугреву».

Вот-вот: ни тепла, ни сугреву. Сходка — да тот же парламент ихний. Мертвое дело. А монархия — тут жизнь.

И еще был уверен Обухов: чем сильнее правила царская рука, чем больше было самодержавия, тем шире шагала Россия, тем могущественнее становилась ее государственная поступь. (Почему-то, произнося «самодержавие», невольно хотелось вздохнуть глубоко, до сладкой боли в груди).

Возможно, сегодня, в это короткий ноябрьский день, Елисей все же осмелился бы прямо посмотреть в многозаботливые глаза Государя. Ведь он выследил и взял руководителя «Народной Воли», главаря преступного сообщества. И это совсем неплохо.

Жаль, что таких дней набиралось не так уж много. Но все же они были. И слава Богу.

Арест Дворника — как гром среди ясного неба. Тигрыч терзался больше других. Желябов с Перовской утешали его: все были против визита Михайлова к фотографу, но он нарушил решение Исполкома.

Временами Льву казалось, что тут вмешалась какая-то незримая грозная сила, бросившая осторожного Сашу навстречу опасности, на мгновение отнявшая разум и осмотрительность, порушившая правила конспирации, подтолкнувшая стального Хозяина к самоубийству. Да, это и походило на самоубийство. Тигрыча потрясло: почему, ну почему же Дворник попался тотчас после истерики, после того, как

прочел статью Каткова о чудесном спасении Царя и крикнул мстительно, почти по-бабьи: «Вот теперь-то мы его и убьем! Выдумали: чудо...»

Но Тигрыча занимало и другое чудо. Катюша благополучно разрешилась от родов, и истерзанный, но счастливый отец смотрел теперь на свою первую дочку Наденьку, едва дыша от незнакомого прежде восторга.

— Поздравляю. Если с этим можно поздравлять, — ревниво усмехнулась Перовская. — Ты, Лев, и вправду усвоил мудрость старика Флеровского: цель человечества — плодить жизнь на земле. Не переусердствуй. Впрочем, я думаю...

Не услышал, о чем она думает. Отвернулся. Как, наверное, не услышал, не уловил тревоги в голосе Дворника, прощальной тоски в том выкрике, в последнем рукопожатии. Потому что на конспиративной квартире агукала дочка, потому что журнал «Дело» принял его первую легальную статью «Неразрешенные вопросы» (взгляд на идейное наследие демократической публицистики 60-х годов), под которой он поставил подпись И.Кольцов. Напечатали, заплатили хороший гонорар. Это было очень кстати. Нужно было подыскивать жилье потеплее и посветлее, нанимать кухарку, кормилицу для Надюши.

Читающая публика, критики сразу обратили внимание на новое имя в журнале. К тому же деньги — куда семье без них. И Тигрыч писал — днями, а чаще ночами. Катюша, оказавшаяся не только деятельным членом фракции «Свобода или смерть», но и домовитой хозяйкой, аккуратно записала в своей книжечке: из кассы «Дела» за год получено 1168 рублей 32 копейки. Приличная сумма.

Михайлов томился в крепостных казематах. Заперли Хозяина, и тут же все начало заваливаться и рассыпаться. Некому стало «немолчно лаять» на нарушителей конспирации, никто теперь не принуждал новых народовольцев учить на память схему сквозных дворов (305 в Питере, 278 в Москве), никто не заставлял носить очки, если плохо видишь, следить за знаками безопасности на подоконниках нелегальных квартир. Ценнейший агент Капелькин, глаза и уши «Народной Воли» в канцелярии охранки, оказался брошенным на произвол судьбы.

Дворник берег тайну агента, как оберегают честь любимой женщины. Он и только он встречался с Капелькиным на самой «чистой» явке, в квартире Савки (Баранникова), на углу Ямской и Кузнечного переулка. Теперь же к агенту имели доступ разные люди; все спешили: охота на Царя продол-

жалась, и всякая полицейская новость ценилась на вес золота. В этой сумасшедшей гонке думать об осторожности было некогда.

Неразрешенные вопросы... И это не только название статьи в «Деле». Действительно, вопросов становилось все больше и больше. В генералы «Народной Воли» негромко, но упрямо пробивались Желябов, Перовская, ревниво поглядывавая на Тихомирова: признанный идеолог; и теперь, наверное, захочет верховодить в партии. Так бы и случилось, но ядро организации еще теснее сплотилось вокруг пагубной, иступленной затеи — цареубийство. Из провинциальных боевых дружин вызвали 47 добровольцев, готовых поигнубить в деле. Тигрыч сопротивлялся, как мог. В последнее время он терпел террор, стараясь обуздать его, подчинить созидательным идеям, и главная из них — захват власти. Но влюбленная пара, Соня и Андрей, подлавливали его на каждом шагу.

— Хорошо, не по нраву тебе наша неопартизанская борьба, — рисуясь, откидывал со лба красивые волосы Желябов. — А где же твоя корреспонденция в «Рабочую газету»? Почему я должен редактировать один?

— Видишь ли... — отвечал Лев, но его возбужденно перебивала Перовская.

(Хотел напомнить про десяток статей, заметок, прокламаций, написанных им для «Листка «Народной Воли» в последние месяцы. И за каждую — бессрочная карийская каторга, а то и петля на крепостных полуконтргардах. Хотел, да не стал: что, оправдываться он будет? Он, Тигрыч)...

— Видим мы, видим! — опять польхал синий пламень в давно ставших чужими глазах Сони. — Шелгунов-то в своем журнальчике, в «Деле» своем для тебя не скупится. Не так ли?

— И что с того?

— Да то! — картинно замирал у стола Андрей. — То, что платит он тебе, любезный Тигрыч, по самому высокому тарифу. И я даже знаю, сколько. Из расчета 65 рублей за редакторский лист. — Желябовские губы скривились в обличительную полуулыбку. — А известно ли тебе, что столько получали в свои лучшие времена великие Чернышевский и Писарев? Конечно, к чему писать бесплатно? И жена у тебя...

Зря так сказал Желябов, ох, зря. Про то, что бесплатно надоело — ложь, подлая ложь. Но это можно стерпеть. А вот зачем — про жену, про дочку, про семью его?

В глазах потемнело от гнева. Тигрыч вскочил, рванулся к насмешливому любовнику Перовской. Пальцы стиснулись в кулак, но его уже летящую для удара руку перехватил могучий Савка; сзади потянул за пиджак Кибальчич.

— Осторожно! Вы что?.. — кинулась защищать Льва побледневшая Верочка Фигнер. — Савка, ты ломаешь его!

— Под руку не суйся! Не бабье дело... — рывкнул Кибальчич.

— Что?! Я тебе не баба! Хам... — застучала каблучками Фигнер.

Стул яростно скрипел под тяжело дышавшим Тигрычем. У окна зло мял занавески взъерошенный Желябов.

— Вера... Ну, Вера... — виновато пыхтел Кибальчич. — Мы ж не в гостиной. И я не кавалер, чтобы дамам угождать. Не умею я...

Фигнер отрешенно молчала. «Неужели Вера и впрямь еще любит меня? — остановил на ней беспокойный взгляд Лев. — Если нет, если все быльем поросло, то почему она к месту и не к месту говорит о Кате как о женщине малоподвижной, любящей покой, отошедшей от революционной борьбы? И это о Катюше, состоящей во фракции «Свобода или смерть». И это о той, что чудом уцелела после разгрома типографии в Саперном. О Кате, следившей за царскими выездами: тоже готовила покушение... Милая Верочка. И все норовит уколоть. Ревность? Но столько времени прошло...»

— Я больше по динамиту... Хочешь, научу тебя снаряды метать? Едем на Пороховые... Расскажу о новом типе воздушного двигателя, — кружил вокруг Фигнер главный техник «Народной Воли». — Видишь ли, если в цилиндр поместить прессованный порох, то...

Первой нервно рассмеялась Соня. За ней натужно захохотали другие. Хмыкнул и Тигрыч, хотя на душе кошки скребли. Среди оживившихся друзей, преданных и давних, он вдруг почувствовал себя одиноким.

Правда, пришла нежданная поддержка — из ледяного равелина Петропавловки, от Дворника, сумевшего тайком передать записку на волю. Не записку даже — целое завещание... И третий пункт был посвящен ему, Тигрычу, Старика.

«Завещаю вам, братья, беречь и ценить нашего Старика, нашу лучшую умственную силу. Он не должен участвовать в практических предприятиях...»

Многие набычились, да что делать: сам Хозяин, не поспоришь.

Саша, Саша... Спасибо тебе.

Он напишет потом в дневнике; это будет совсем уже в другой жизни: «Не могу без грусти думать, что такую богатую натуру загубила наша «обезьянья» цивилизация... Теперь прошло 20 лет, и у меня нет никаких иллюзий, и я совершенно хладнокровно говорю, что Михайлов мог бы при иной об-

становке быть великим министром, мог бы совершать великие дела для своей Родины».

И все же без практических предприятий не обошлось. Потому что ненависть Дворника к Александру II пробивалась и сквозь каменные стены Петропавловки. Этой ненавистью заражались и те, кто оставался на свободе. Особенно пылала Перовская. Она упрямо твердила, что именно он, российский самодержец, помешал им вести мирную пропаганду в деревне — арестами, судами, ссылками; он подтолкнул молодежь к террору. Сониная ненависть — порывистое чувство женщины: более нервное, тонкое, более глубокое. Чувство, которое захватило целиком все ее существо. Это была стихия — жуткая, гибельная и бездонная, словно океан.

— Знаешь, Левушка, — удивлялась Катя, — про покушение на Царя Соня говорит тихим, мягким, каким-то детским тоном. А когда она следит за его выездами, то так сжимает губы, что они синеют. От нее веет аскетизмом, монашеством...

— Монашеством? Что ты говоришь, Катюша? Что ты такое говоришь?..

Для слежки за Царем поспешно создали наблюдательный отряд под началом Перовской. Но ей все было некогда. И вскоре дела она передала подруге, Кате, жене Тигрыча. Теперь Катюша, меня пальто и шляпки, появлялась то на Дворцовой набережной, то в Летнем саду, то у Манежа, то на Садовой, а то у Каменного моста. Укрывшись от ветра, записывала на бумажных клочках: «Выезд со стороны, обращенной к Главному штабу... Из дворцового подъезда, защищенного глухой деревянной пристройкой... По сигналу закрытая карета с четырьмя конвойными в черкесках... Маршруты не повторяются...»

Маленькая Надюша капризничала: резались зубки. Оставив жену с дочкой, Тигрыч сам выходил на улицы — следить за Государем. Помогали невесть откуда свалившиеся мальчишки Рысаков, Гриневицкий, Тырков...

Верно, царские маршруты не повторялись. Но именно он, Тихомиров, скоро обнаружил повторяемость самих изменений. На этом позднее и строилась схема размещения метальщиков в то Прощеное воскресенье 1 марта 1881 года.

Усмехался: «Ишь ты, семейное дело у нас с Катей. Вот тебе и лучшая умственная сила... Не участвовать в практических предприятиях. Как же не участвовать? Прости, дорогой Дворник...»

Вспомнился странный разговор с любовницей Коли Морозова смуглолицой Ольгой Любатович. Тогда он назвал, точно дразня ее, вдруг заявил, что не верит в успех радикальского дела.

— Как?! — вскинулась Ольга. — Почему же ты тогда в революционном кругу?

— Да потому, что в нем все мои старые товарищи.

Конечно, он так не думал. Сорвалось с языка: надоели морозовская беготня (не зря же приклеилась кличка: Воробей), шум, всезнайство, неумная страстишка первенствовать во что бы то ни стало. А после спокойно сбежать за границу.

Но — старые товарищи... И это правда. Других друзей у него не было.

И вот теперь вместе с ними он мчался в горячих вихрях неотвратимого карцгалопы, мчался к ломкому льду Екатерининского канала, к первомартовской катастрофе. И остановиться уже не мог. Но кто, кто же сказал: «Люди, которые подожгли фитиль, будут подхвачены взрывом, и взрыв этот окажется в тысячу раз сильнее их...»

«А ты съешь мышь, Тигрыч! Пожарь да и съешь! Не хочешь? — кривляясь, перетекая из яви в сон, тугоухий студент-молотобоец Зборомирский. — Какой же ты революционер...»

Лев сбрасывал дрему. Глаза во мраке пускались в тревожную беготню.

Почему-то в последнее время во всех кондитерских, куда они заходили для нелегальных встреч, пахло малиновой пастиллой.

Запах тоски и сиротства.

Продолжение следует

ЧЕРНАЯ РУБАХА

РАССКАЗ

1

Из ФЗО, из Кривого Рога, брат Колька привез мне черную рубаху. В ближайшие дни об этом знал уже весь наш хутор. Стоило мне показаться на людях, как начиналось дотошное разглядывание и любование. Десятки бабьих рук по всем статьям старательно изучали братьев подарок. Рубаху неистово мяли, терли в шершавых ладонях, испытывали на прочность шва, мочили водой и определяли, не плывет ли краска, считали и диву давались множеству металлических пуговиц: ни в чем изъяна не было. Прodelывая все это с моей обновкой, обо мне в тот миг забывали, да и сам я вряд ли о себе думал, постоянно только и помнил, чтобы до конца застегнуться и без пузырей заправить в штаны более чем половинный запас рубахи. Представляю, до чего уродливо тогда выглядел: толстенно раздутые штаны и широченный ворот, в котором могли бы уместиться две такие шеи, как моя, — не красили меня. В нашу печку, сбоку загнеты, был вмазан осколок зеркала, где собственные глаза нужно было рассматривать по очереди, да и на всем хуторе нельзя было сыскать подходящего зеркала, чтобы глянуться хотя бы до пояса, так что со стороны видеть себя я не мог. Зато

ПРОЗА

в любое время имел сладкую возможность пробежаться пальцами по длинному ряду звонких одинаковых пуговиц. И этого вполне хватало для полного счастья. На предыдущих моих рубахах бывало лишь по одной-две пуговички, которые вначале срезались с пришедших в негодность старых подштанников и кофточек, довоенных телогреек и полушубков, отслуживших до последнего живого места. Затем этот драгоценный костяной и деревянный товар, пожелтевший и выщербленный, использовался не раз и не два, пока невзначай не терялся или не изнашивался окончательно. Вот и сейчас, заметив оброненную пуговичку где-то на улице, не пройдешь ведь мимо, обязательно поднимешь, что-то в тебе неистребимо надеется, что она когда-нибудь да пригодится.

В той моей рубахе обнаружили столько достоинств, что создавалось впечатление: испокон веку ни у кого на хуторе ничего лучшего не было, иначе с какой бы стати посторонним людям пялить на нее глаза и тянуться руками. Наверное, так оно и было, рубаха на самом деле сто сот стоила. Но я возлагал на нее еще и свои, личные надежды. У нас бывало такое поветрие, когда возникали драки, — а только что минувшая война сбила в одну кучу и женихавшихся подростков, и по-настоящему еще не ставших на ноги мальцов, — всякая стычка почти немедленно заканчивалась рваньем одежды друг на друге. Мы хорошо знали, что кроме синяков и крови из носа в потасовке нашим противникам еще и дома достанется за оторванный ворот, разодранный рукав и иную поруху. Я тоже не износил ни одной рубахи, чтобы не распахать ее до пупа, и мне от матери частенько перепало жгучей мокрой веревки. В новой же рубахе чувствовал себя как в броне. Перебирая в памяти сверстников, не находил, кто бы из них мог одолеть мою обнору, такой силы не существовало.

Но я совсем не предполагал, откуда явится негаданная напасть. Недаром говорят: кто кого сможет, тот того и гложет... Взрослые сестры чересчур пристально начали ко мне приглядываться. И, куда ни шло, шушукались бы между собой, а то однажды в открытую затеяли пересуды. Более решительно выступала Нюрка:

— Она на нем, как на чучеле. Да, правда, Шур, не брешу: сама погляди, плечи ниже локтей висят.

Труда не составляло догадаться: речь шла о моей рубахе — несдобровать. А Шура еще больше расшурудила огонь:

— Да она почти вся под штанами, а все равно ж носится, не лежит. Даром пропадает.

Путь к двери был перекрыт, и, как ни увертывался, рубаху с меня стащили. Дальнейшего интереса я для них не пред-

ставлял, они самозабвенно распоряжались моей кровной вещью. Шура, как всегда, уступила:

— Нюр, это тебе. Моя ишшо крепкая, а через твою усе видать.

Сестры были одеты в серые, выгоревшие на плечах и на спине холщовые кофточки. Через них ничего не было видно, это Шура специально для меня прибрехнула. Такие кофточки — еще не край, их еще носить и носить, не то, что Нюркина юбка, уж эта точно дошла до ручки: мешковина сзади и на коленках вытерлась до редкой сетки. Надевать такую юбку и впрямь было стыдно. Но при чем здесь юбка? Рубаха же — не юбка!

А Нюрка уже распяла мою рубаху на коленях, запахла рукава на поясницу, повязав сзади узлом...

— Особо ничего и делать не надо, — красовалась она перед Шурую. — Вот так-то отрежем, — ловкие пальцы, как ножницы промелькнули по рубахе от плеча до плеча. — А рукава и ворот на штаны ему годятся, двое и оденемся.

Нюрка засияла от счастья, бросилась меня целовать. Шура тут же подвела итог:

— Правда, здорово получается: и юбка, и штаны... Ну, давай раскроем, пока матери нету.

Все! Пропала рубаха! Амба!.. Не соображая, бросился на Нюрку, что-то дико кричал, царапался, укусил ее за руку, но рубаху таки вызволил. Пока сестры в растерянности лотошили, пытаюсь скрутить меня, успел вьюном выскользнуть и очутиться за порогом. Что значит свобода: я радостно расхохотался, хотя впору было плакать.

Потом, когда поостыл и возвратился в разум, понял, что радоваться нечему, еще не победа. Сестры на этом не уймутся. Раз наострились извести рубаху, за нею теперь в оба гляди. Так и делал. Держался поближе к брату и матери, при них мы помалкивали: ни мне, ни сестрам открываться было не резон, каждый получил бы свое. Больше всего боялся днем или рано вечером невзначай заснуть — тогда хана. Спал я крепко, с меня не то что рубаху снять, но и самого за ноги на край света можно было отволочь. Поэтому ложился лишь тогда, когда мать гасила коптилку, а поутру, только начинало брезжить, я не знавал за собой такой прыти, — сон побоку.

2

Завтра утром брат уезжал в свой Кривой Рог. Из ФЗО его отпускали на неделю. Все это время мы занимались огородом: копали землю, сажали картошку. С огородом, конечно,

и без Кольки бы справились, но он молодец, удачно подгадал приехать в самый разгар весенних хлопот, без него пурхаться пришлось бы дольше.

Колька учился на маляра и часто рассказывал о своей специальности. Слушая его, люди удивлялись и считали, что он их обманывает:

— Неужто учат белить?.. Дак это ж бабье дело. Что ж тут хитрого?

Брат не обижался, наоборот, от всеобщего неведения он приходил в возбуждение, знаясь посмеивался и терпеливо объяснял, что это не обычная деревенская побелка, что не так-то просто подобрать колер: панели красят одним, гобелен — другим, фриз — третьим, да чтоб краски друг к другу подходили. А когда накатка или трафарет понадобятся — с пигментом возни. Нужно, чтоб орнамент и цветы как живые были. За одни непонятные слова зауважашь Кольку, но ему откровенно не верили:

— Прямо уж и цветы? Да еще на потолке?.. Хороша брехенька...

Колька никого не разуверял, он лишь говорил с достоинством:

— Ясное дело: не простым людям. В бараках — какие орнаменты? — И совсем, окончательно разрушал неверие: — Вблизи начальства голодным не будешь.

После этого перечить ему никто не решался. Одна мать пугливо шептала самой себе:

— Подальше бы от греха.

А Колька был уже не тот. Он будто бы ничего и не чурался, и виду никакого не показывал, но все равно чем-то отличался от нас, как грач среди кур, зерно клевать вместе рядом по пахоте шастать — тоже, пожалуйста, а в остальном, когда хочу, тогда взлечу. Если раньше наравне с матерью был хозяином и раздавал домашние «наряды» на день, то теперь он словно дела не находил, в своем же доме вел себя как посторонний. На что уж мать никому из нас спуска не давала, но и она непонятно отчего заискивала перед Колькой, оберегала его от грязной работы, радела, чтобы он ненароком не перетрутился. Он ни разу не вычистил из-под коровы, а мог бы сменить меня на этом посту. Пока Кольки не было дома, помаленьку мать начала считаться со мной, а то и советовать-ся, и я уже отвык от подзатыльников. В эти же дни меня вернули на прежнее место. Но подаренная рубаха искупала все: на брата не обижался, подумаешь, навоз таскать или схлопотать от матери затрещину, не впервой.

Колька неоднократно повторял:

— Жить буду в городе. С моей специальностью тут делать нечего... Я теперь отрезанный ломоть.

Мать и это воспринимала как должное, не требовала вознаграения на хутор. Зато мне доставалось. Чуть что:

— Ты где это пропадаешь? У тебя, что — иных забот нетути? Хоть по соломинке да в дом, а не из дому.

Вечером Колька собрался идти, как мать говорила, на гулюшки. Он так долго начищал ботинки, так охорашивал себя со всех сторон, что я даже недобро подумал: задается. Кто заметит в темноте, блестят или не блестят ботинки; то же самое — широкий ремень с бляхой: кто увидит, косо или ровно он сидит, зачем его двигать с места на место на каких-нибудь полпальца?

Стоял и я наготове, чтобы вместе с Колькой отправиться на вольный «толчок», к песням и пляскам, веселей чего в жизни мне видеть не доводилось.

— А ты-то куда? — одернула меня мать.

Явно перед Колькой она показывала свою строгость, ведь я уже давно отвоевал себе право на ночные походы. Не начинать же сызнова то, что решено бесповоротно? Поэтому смолчал. А мать доканывала.

— Гляди, приведешь мне на шею... Дома, вон, двоих некуда девать.

Это она намекала на сестер: они постарше меня, всюю работали в колхозе и как девки обрисовались уже что надо, за ними всерьез постреливали еще не остывшие от войны, уцелевшие парни. Сестры надеялись выйти замуж, не то что перестарки. За теми некому кидаться, молодых пропасть: по десятку, а то и больше — на выбор.

— Ты кухвайку одень, не хворси. Заколөөеешь в одной рубахе, май же только начался... Ну, простудись мне: веревку обтреплю, штаны не оденешь!

По привычке мать за всем доглядывала, и на этот раз она, несомненно, была права, ночи стояли холодные, зубные. Но я не мог отменную рубаху прятать под рваной фуфайкой, хотя и знал, что подрожать придется, — ушел, как есть.

Когда мы приблизились к кругу, где наш сосед и мой одноклассник Вовка, отбивая хлеб у взрослых, наяривал на балалайке, и от девичьих ног стоном стонала земля, к Кольке начали подходить и почтительно здороваться не только ребята, но и женатые мужики. То и дело раздавались завистливые голоса:

— Ну что, Николаич, отгулял?

— Опять, Николаич, значит, в город?

Брата величала теперь благородно: по отчеству. Такого у

нас не бывало, стариков и тех звали лишь по именам да по дворовым прозвищам.

И девки сегодня пели задиристей и голосистее. Скорее всего, они перед Колькой выхвалялись. Иначе чего бы им драть горло зря: все остальное было обыденным.

Я твердо решил: тоже поступлю в ФЗО. Хотелось, правда, дотянуть до седьмого класса, тогда бы можно шагнуть и выше. С семилеткой возьмут и в горный техникум, о котором Колька рассказывал. Там, считай, и форма получше, и специальность посправнее, чем в ФЗО.

Я бы тоже гостем домой наезжал.

3

Ночью я часто просыпался. Что-то было не так, что-то мне мешало. Я пытался грезить, как мы с Колькой накопаем молодых дубков, как будем сажать их по краю лощины в конце огорода. Заранее мы присмотрели места в разьемах проволочно спутанного терновника, чтобы потом, когда вырастет и заполнит все непроглядно густая убережная трава, ненароком не чиркнуть косой и не погубить еще не отвердевшие беззащитные саженцы. Нетрудно было представить и будущее, ради чего, собственно, загорелась душа: со временем появятся не какой-нибудь ракитник или надоевший лозняк, а настоящие богатырские дубы и не где-нибудь за десять верст в лесу, а вблизи дома. Но и эти грезы не вызывали радости, и я не мог понять, что со мною случилось. Сам же подбил Кольку на такую затею, ликовал, что он согласился, не отмахнулся, как иные старшие, мол, есть дела поважнее, чем твои забавы, или что-нибудь другое в этом роде, — немало у взрослых отговорок. Колька понял меня с полуслова, не стал отбрыкиваться, даже намека не выказал. И вот теперь я не мог дать ладу: отчего все это мне безразлично и вовсе неинтересно?

Наутро заболел, слег пластом. Грубка отгораживала мою лежанку от комнаты: что там происходит, мог догадываться лишь по голосам. Вся жизнь совершалась теперь без меня. Приходили соседи, с другого конца хутора прибегала тетка Поля: прощались с Колькой. Заявился и дед Кастратей. Сразу же дома все притихли. Дед был злой, завистливый, славился дурным глазом, хорошего от него не жди. Наверное, в отместку за это никто его не называл по-настоящему — Калистратом. В этот раз Кастратей на удивление был ласковым, словно родной, наставлял Кольку уму-разуму. Перед уходом спросил и обо мне:

— А гдей-то, не вижу, твой Рыжак? — У него все ребята из прозвищ не выходили.

— Да в кутке лежит, захворал, — ответила мать.

Чтобы улестить Кастратея, она принялась жалостливо и подробно рассказывать про кашель, да как меня колотил озноб, как жар отбил всякую охоту к еде, на что уж молоко любил, но и к нему не притронулся. Она так преподносила мою болезнь, будто хвалилась ею.

— Ты, Петровна, особенно не убивайся. Что бог дает, все к лучшему: нехай помирает. Что он в войну видал? Опухал да валялся в тифу. И впереди не мед. — Кастратей говорил размеренно и спокойно, словно речь шла не о моей жизни, а о каком-нибудь деревенском навыке, вроде того, когда и как лучше скосить рожь или выкопать картошку. — Ну, посуди сама: война кончилась, думали, край виден, ан нет. Вот уж и год без войны, а из голода так и не вылезли. И нынче примета к лиху: кукушка до Егорья заявила, значит, неурожай и мор. Да и это еще не все, попомни мое слово... Далеко тот-то край, ой как далеко... Ну нам с тобой — ладно, мы, может, в чем-то и провинились. А Рыжаку твоему за какие грехи те-та муки? Его-то карать не за что, аль не так?.. Ну, значит, раз уж случилось, нехай помирает, дело господнее. Помереть — тоже свой талант, иной глаза проглядит, ждет, не дождет. А тут — ко времени: слава богу, отмучается.

Меня взорвал кашель, и дальше я ничего не слышал.

Потом дома что-то произошло. Волновалась мать, покрикнувала на Нюрку с Шурой, часто упоминала Кольку. Не сразу догадался, что его не было дома, поэтому мать и тревожилась, как бы он не опоздал к поезду.

Потом я открыл глаза. Передо мной стоял Колька.

— А ты, вон как, осоловел. Ну-ка, держи! Видишь! — Он развернул тряпицу, там были желуди. — Один даже проклюнулся, — он показал на желто-белый росток, червячком вылезший из трещины в скорлупе. — Если и не все взойдут, все равно много вырастет.

— Ты б маленьких дубков, — разочарованно промямлил я.

— Еще ж листьев нету, не разберешь где что. Да и некогда, хоть бы эти успеть посадить.

Какая-то вязкая тяжесть загрохала мою голову, так что даже не поблагодарил брата: ведь сбегать в лес — не ближний свет, полдня, небось, потратил.

Как попал в больницу, не помню. Меня разбудили чьи-то голоса. Нестерпимо хотелось плакать, а бубнящие, неразборчивые голоса мешали сосредоточиться и разреветься.

Потом оказался в воде, и Кастратей порывался стащить с меня братову рубаху, уволокивал за собой на дно. Нечем было дышать, с трудом выныривал, жадно и жарко хватал воздух, набирался сил крикнуть или заплакать, как снова появлялись гудящие голоса, и моя голова заполнялась пронзительно бухающим бесконечным звоном.

— Федор, как считаешь, — помрет?

— Не должен. Видишь, дохлый. Дохлые — живущие, — последовал глухой кашель и длинные ругательства.

Теперь вот различил голоса, и сам что есть мочи заорал:

— Руба-ха! Где рубаха? — И, услышав себя, поразился беспомощности: кричал во всю силу, а наружу вытолкнул слабенький хрип.

— Ну что, тезка, очнулся? — Напротив, на койке, держась за грудь, согнуто сидел небритый мужик. — А мы уже хоронить тебя собрались... Как зовут-то?

— Ми-ишка, — выдавил я.

— А я Федор. Ну все одно мы с тобой тезки: ты рыжий и я рыжий, ты перхаешь и я тоже, пропади оно... — Сверкая горящими глазами, он сорвался в неостановимый кашель.

Я тоже закашлялся. Болью обожгло бока. И снова очутился в воде. И неотступный Кастратей опять пытался отобрать рубаху.

Затем, помнится, открыл глаза, увидел маму. Она сидела, сторбившись, устало, обронив руки, наверное, давно уже была здесь. Не дав мне слова сказать, вдруг заругалась.

— Я ж тебе говорила: одень кухвайку! Хворсун! Нахворсился! Это ж надо, с двух сторон воспаление легких! Одед бы кухвайку, ничего б того-то не было... Мать тебе — как собака, абы б гавкала. Дай бог, выздоровеешь, веревкой встрену, так и знай.

— Ты сейчас не кляни его. Он все какую-то рубаху упоминает. Ты лучше скажи про рубаху, чтоб не маялся, — заступился за меня Федор.

— Да куда она денется, тата рубаха? Дома она.

— Принеси, — запросил я; намерение сестер не давало мне покоя, помешать теперь никто не сможет, пустят рубаху на юбку.

— Тут, сынок, нельзя. Говорят, некуда класть.

— Теленок сжует, что тогда? — Внезапно родился подходящий повод, чтобы хоть как-то склонить маму на свою сторону. Как ей иначе скажешь, что рубаха должна быть со мной?

Будто стыдясь, мать отвернулась, ответила нехотя:

— И теленок не сжует.

Она при этом вздохнула, и мне сдалось, что судьба рубахи уже решена. Больше говорить было не о чем, и я безразлично слушал, как Федор упрашивал маму:

— Ты все-таки принеси. Я ему под матрац спрячу.. Да ты не откладывай, сразу и сбегай, чего ж ему терзаться. А не приведи бог... Сама потом...

Федор меня понимал. Я повернул голову, чтобы глянуть на него с благодарностью, и опять уплыл в беспредельность.

Просыпался я тягостно и мучительно. Вначале долго билась одна и та же мысль: надо очнуться, обязательно, во что бы то ни стало очнуться, иначе... На этом «иначе» каждый раз все обрывалось. Затем так же долго и мучительно пытался открыть глаза, а когда однажды все-таки открыл, то не увидел никакого света, оттого и не верил, что наконец-то пришел в себя. Коли темно, значит, со мной что-то произошло или должно сейчас произойти, не может же того быть, чтобы глаза не воспринимали свет.

Даже услышав храп мужиков в палате, я не тотчас сообразил, что стояла ночь. А потом и это отступило перед новым испытанием. С нарастающей силой чувствовал, как меня выжаривали и каляно сушили изнутри, и немоготу было продержаться минуту-другую. Раньше приходилось наблюдать за головастиками, как они на жгучем солнце выпаривались, усыхали до стеклянной прозрачности, до луковой шелухи. Нельзя сказать, чтобы я боялся, но эта картина застряла в голове, и было тревожно, что от нее не могу отрешиться.

Не знаю, сколько бы времени продолжалось это недоумение, если бы не пошевелил языком. Язык шуршал на губах. Медленно, но отчетливо прорезалось: хочется пить. Пить! Пить!.. Голос не повиновался.

Опомнился в коридоре. Женщина в белом халате держала надо мной керосиновую лампу. Я жевал губы, старался высунуть язык, всем видом показывал, что хочу напиться. Женщина сгребла меня в подмышку, водворила на койку и, мое счастье, догадалась принести кружку воды. Слотнул ее, как каплю. Что-то говорил Федор, он показывал на мою подушку, но я его не понимал. Тогда он из-под подушки вытащил что-то черное, не сразу узнал свою рубаху, но и ей не обрадовался.

А ночь была такая долгая. Я надсадно кашлял, задыхался, проваливался в забытье, метался в жару и беззвучно, одной душой, стонал. Хотелось крепко заснуть, чтобы хоть на немного отступил проклятый кашель. Но стоило мало-мальски притихнуть, тут же мерещилось, как моя огромная рубаха, где-то вот здесь, за окном, на ветру начинала бухать и мерзко громыхать... Где же мама? Догадалась бы снять эту рубаху, не дает же спать, замучила вконец. Ну, мама, сними-и. Мамочка!..

Рубаха все грохала и грохала. И будто из-за нее неотвязный кашель подбрасывал меня на койке, душил до свистящего сипа в горле, насквозь протыкал огненной болью.

4

Мне, как и Федору, врач предписывал дополнительное питание, это значило, что мы тяжелые больные. Но кормили всех одинаково. Я не испытывал даже малейшего желания что-либо съесть, отвратило. Федор тоже был никудышным едоком. В палате нас выделяли лишь одной привилегией: по утрам санитарка приносила кружку воды и тазик, чтобы умыться у постели. Когда больные брели в коридор к ручному мойнику, Федор пошучивал:

— Счас нам с тобой дополнительное питание дадут, — и, на чем свет стоит, матерился.

Вставать я уже не мог, с трудом поворачивался в кровати, приподнимался на локтях, и то по нужде: подставить рот, чтобы схлебнуть ложку горького питья, и лечь ничком под круговые банки. Шпарила высокая температура, уже однажды делали камфару. Все настолько померкло, что не замечал ни дня, ни ночи, на меня санитарка и воду не расходовала, лицо вытирала концом мокрого полотенца.

Койка моя находилась у самой двери, и я расслышал, как врач, прежде чем зайти в палату, в коридоре спросил у медсестры:

— У Эськова какая темпегатуга? — врач картавил, и всякий раз неправильно называл мою фамилию.

— Сорок и три десятых, — ответила медсестра.

— Какой день болезни?

— Седьмой.

— Мгда-а... Навегное, песенка спета.

Сердце как оторвалось, удаляясь, часто и громко забухало — все!.. Боже мой, какая жалость возникла у меня к самому себе! И как страшно было оставаться наедине с подступившим ожиданием смерти, и так захотелось, чтобы весь белый свет пожалел меня на прощание. Подобрал локти, натужно оторвал от подушки голову и оглядел комнату. Никто на меня не смотрел, больные, кто лежал, кто сидел, заняты были своим, значит, ничего не слышали.

Вошел врач, остановился возле моей койки, отсюда начался обход. Я демонстративно отвернулся к стене.

— Ну, как, Эськов, самочувствие?.. Как спал?..

Он и еще что-то спрашивал, а я молчал. Я ненавидел его.

— Что он у нас получает?

Медсестра перечислила:

— Дополнительное питание, хлористый кальций, алтейку, круговые банки.

— Пгодолжайте, а камфагу — ежедневно. — Не прикоснувшись ко мне, врач отошел к следующему больному.

Слух мой отключился. Наказывая себя, придирчиво и зло, как заслуженное проклятье, твердил: спета песенка, твоя песенка спета, амбец, кончилась твоя песенка...

Потом, помню, Федор вертел перед глазами рубаху, мою плотную немаркую рубаху с десятью пуговицами, а я глядел на нее как на чужую и постороннюю вещь. Приносили питье, отказался от него, настаивать не стали, слили назад, в бутылочку; все тот же Федор уговорил дасться поставить банки, уступил, чтобы его не обидеть.

Дышать под банками было нечем. А тут еще вся кожа съезжала на спину, удавкой стискивала грудь; глаза выпирали изнутри, там им было тесно, и, налитые жаром, будто отделялись, самостоятельно двигались по корявой, царапающей подушке.

— Сни-ми-и... Ше-ю ду-ши-ит, — хрипел я.

Федор, спасибо ему, всегда выручал меня. И в этот раз только ушла санитарка, с явной поспешностью сорвал несколько штук моих душителей, дал глотнуть воздух.

Меня больше всего огорчало, какое будет несчастье, если не увижу маму. Поэтому лежал, не шевелясь, чтобы не тратить остаток сил, и упорно боролся с забывчивостью. Долго сомневался, говорить или не говорить матери, что умру, и решил все же сказать. Если не ей, то кому же еще? Больше некому. В палате — можно Федору, да он сам такой же, ну, а остальным — не нужен. Врач даже пульс не стал считать, и питье пожалели, вроде из-за ложки этого поила больница разорится.

Мне становилось все хуже и хуже, и я не чаял, когда же явится мать. Что она там делает? Огород засеяли, с колхозной работы можно было бы отпроситься, и корову бы оставить на сестер. Умираю же, что же она — так?

На какое-то время забытье накрыло меня, и я еле разомкнул глаза, хотя и слышал, как скрипнула дверь. Слава богу, пришла мама. Увидев меня, она заулыбалась. Только собрался сообщить ей, что моя песенка спета, но мама опередила меня:

— Сыночек, а ты получше, чем вчера.

У матери — ни слезинки. Она готова смеяться: на праздник припожаловала, а не к умирающему сыну. Чему радуется?... Ах, вон оно что! Кастратей, значит, добился своего: моз-

ги матери свернул. Ну и хороша же она, уже и жить без меня приготовилась. Ну и пусть!

Раз так, то и говорить с нею не о чем. Как можно грубее спросил:

— Чего опоздала?

— Сыночек, где ж — опоздала? Я ж поспешала, чтоб к полднику.

Она еще и не опоздала! Мог бы уже умереть. Тоже мне — поспешала... Хотелось дерзить матери, выместить всю свою безысходность. У меня и думки не было ни о какой еде. И все равно насупленно потребовал:

— Ну, чего принесла?

Глаза у матери наполнились слезой, она стала оправдываться:

— Чего ж нести, сыночек, миленький. Если б было что на небе, и оттуда бы достала... Вот картошечки сварила, еще горяченькая.

Она суетливо разворачивала платок, путалась в нем, не давая ладу. И даже это вызывало раздражение. Не узнавая себя, неслыханно жестоко подстегнул:

— У тебя, видать, руки отсохли.

С нею никто в семье не позволял так грубо разговаривать. Но я не боялся уже никого, в том числе и матери: мне умирать, остальное — пустяки. А мать еще больше растерялась, залотошила:

— Да не отсохли, сынок. Не отсохли. Прятала, чтоб погорячей, в обварочку.

Когда увидел несколько картофельных половинок, волной нахлынуло отвращение, и тошный комок подкатил к горлу. Картошка была ни при чем, на любую еду не смотрел. От картошки, лишь только мать поднесла ее ко рту, меня вырвало.

Мать окончательно расстроилась:

— Да она же еще свеженькая. А в погребе, ты же знаешь, ни одной картофелины, ну разъединственной не осталось. Пришлось в огороде выкопать, недавно же ты сам ее сажал... Да она, не думай, еще не проросла, как живая.

То-то живая... Это меня задело больше всего. Ты тоже останешься жить. Поплачешь обо мне, и все. Вон, на войне отец и братья погибли — хоть слезы и льешь, но с горя не померла же.

Так хотелось, чтобы мать винилась передо мной, и она винилась:

— Сыночек, собиралась молочка захватить, да ты в прошлый раз отказался.

— То было вчера, а сегодня... Могла бы и творожку.

Мне вдруг подумалось: горсточку творожку съел бы в охотку.
— И впояве нету. Где тот-то творожок? Либо не знаешь? Весь найдой под метелку забирают, давай — и все тут. К молокосорщику двух уполномоченных приставили. Травы-то нету, а с молокосорщиков свое требуют, вот и лютуют.

Мать пустилась проклинать молокосорщика, самообложение, всякие налоги и недоимки. Об этом и сам знал: ни кружки молока, ни копейки лишней не было. И все равно не находил никакого оправдания матери, поэтому резко сказал:

— Уходи!

Она заплакала в голос:

— Что ж ты издеваешься над родной-то матерью? Я и так в нитку вытянулась.

Нет, на ее слезы лучше не обращать внимания. Меня все равно скоро не станет, так пусть сразу отвыкает.

Непреклонно повторил:

— Уходи... Картошку тоже забирай, не понадобится. Уходи. — И, скрывая свой каприз, соврал, не грех, в последний раз: — Мне врач приказал спать, не мешай.

После ухода матери отвернулся к стене и продолжал злиться. Ничего уже не было жалко, поскорее бы умереть и лучше бы случилось это во сне.

— Спит? — спросили шепотом. По голосу узнал мать. Что ей нужно?

— Спит, — ответил Федор.

— Да я чего вернулась: скажи, когда проснется, творожку ему сквашу, но это только на днях будет готово. Черт с ним, с молокосорщиком... А чего это Мишка такой?

— Он и с врачом отказался разговаривать... Ты за это не переживай, он же тебя ждал. А то, что с им, дак это ты не видала, я тут нагляделся. Когда самое тяжело, все капризные, душу выматывают, а дети — особенно.

— Ох ты, господи. А мне показалось — легче. Подумала: оклемался... Либо остаться на ночь?

«Догадалась, наконец!» — обрадовался я, представляя, как мама сядет у ног, а я буду помнить, что она рядом, хоть увидит, как умру.

Федор прервал мои мысли:

— Да не-е... Сама видишь, где тебе тут? Иди. Даст бог, все обойдется.

Вот и Федор ничего не понял.

Вечером еще раз мне делали камфару. Воздух дальше губ никуда не проходил. Было бы легче, если можно было бы хоть кожей дышать, но все тело обливалось нескончаемым потом, и не было сил даже лицо вытереть. Зачем же ушла мама? Как

бы она была нужна... Санитарка, ставившая мне градусник, глянула на него и отшатнулась. По ее глазам догадался: с градусником творилось что-то ужасное. Значит, догораю. Скорей бы уж, чем так...

В полубреду виделся творог. Горстями хватал его и тут же быстро проглатывал. Творог был невкусный, противный, а невмоготу хотелось есть... Затем будто бы явилась мать и начала браниться: «Так ты весь творог сожрешь! Он же несоленый, несоленным не наешься». Теперь и самому стало ясно, отчего творог такой противный. Закричал матери: «Скорее соли! Соль!.. Умру!» Мать куда-то делась, я кинулся в топлюжку, к печке, где на приступке между чугуном и ведром сразу попался на глаза маленький треснутый стаканчик изпод соли. Он был пуст. А мать в слезах: «Прости, сыночек. Не разжилась. Ни у кого нетути соли». Я с ненавистью: «Так что же, помирать мне?» А мать спокойно: «Не знаю, сынок. Хоть плачь, хоть скачь: соли нетути». Она еще шутит, измывается. Со зла трахнул об пол чугунок, схватил ведро и рванулся бежать. Мать вдогонку: «Куды ты?!» — «Как — куды? За солью! Нужна соль! Я найду! Продам рубаху, полное ведро принесу!..»

Очнулся оттого, что меня кто-то душил.

— Ну, успокойся. Ну, не надо... Господи, зачем только я отговорил, лучше бы она осталась, все-таки мать... Ну, тетка... Ну, довольно, перестань метаться... Ты меня слышишь? Тетка! Мишка! Слышишь?.. Не выживет...

Федор держал меня за руки, не давая шевельнуться.

— Пусти, — прошептал я.

Федор обрадовался:

— Услы-ы-шал! Молодец! Хорошо... Я счас.

По потолку метнулась тень, значит, была уже ночь: в палате горела лампа.

Увидев перед собой хамсу, задрожал, вытянулся в нетерпении. Федор размял пальцами самую маленькую хамсичку и положил мне в рот. Я не заметил, как сглотнул ее.

— Не спеши. Сначала поддержи на языке. Да по частям, не целиком!.. Ну что же ты так! — огорчился Федор, подавая очередную рыбешку, а я губами тянулся, чтобы слизнуть капли черной соленой жижки, свисающей с его пальцев.

Федор поднес кружку с водой. Отказываясь, я мотнул головой:

— Еще хамсу!

— Дам, дам. Передохни... Дюже ты буйный. Рвался куда-то, думал, кости тебе переломаю.

— Еще дай, — умолял я Федора.

Потом Федор вытер мне лицо, перевернул промокшую подушку. И постель подо мной тоже была мокрой от пота, но я не стал просить Федора, чтобы переложил меня на сухое место, он задыхался не меньше моего.

Федор, указав глазами на керосиновую лампу, спросил:

— Потушить?

— Не надо! — Показалось страшным остаться без света. — Ложись сам, мне уже легче.

Я так был благодарен Федору: догадался исполнить мое последнее желание. Теперь бы тихонько умереть.

Больные спали, удушливо прихрапывал и Федор. Пусть он отдыхает. А мне спать — грех, слава богу, забытые отпустило, спокойно хоть подумаю напоследок. И я начал прикидывать в уме, что бы можно было отдать, лишь бы не умереть.

Первой в моих раздумках была хата. Отец собственноручно ее срубил. Сенцы достраивал, когда пришло жуткое известие: война. Даже помню, в сердцах отец саданул топор в порог, та зарубка до сих пор цела, не стерлась, хотя и немцы походили коваными сапогами, и мы ее топчем. Фашисты сожгли сенечную пристройку, да это еще хорошо, что не саму хату, сколько народу и вовсе без угла осталось. Сенцы мы приделали сами, ничего что плетневые, из лозы, но ведь обмазано: ни ветер, ни снег не страшны, и для коровы — место. Семье нашей посчастливилось, что не в землянке... Нет, хатой жертвовать нельзя. Лучше все-таки умру, иначе матери скитаться, а для сестер — и совсем плохо, им нужно замуж выходить. В хату по нынешнему времени примак найдется, а на землянку — кто позарится?

Второй по ценности была корова. Довоенную корову я не помнил, а эту купили уже после оккупации. Нюрка тогда работала в совхозе, за сезон получила четыре пуда пшеницы, за нее и приобрели телочку, да в рассрочку должны были выплатить семь пудов хлеба, и что-то еще деньгами причиталось. Так мы обзавелись коровой. Молока от нее перепало нам не часто, в основном на забелку кислицы и жидкого супчика, остальное забирал молокосборщик, выкраивали и на базар, чтобы рассчитаться с налогами, и все равно из недоимок не вылезали. Так это же с коровой, а без нее — криком кричи... Нет. Коровы тоже лишаться нельзя. Нюрка, вон, юбку доносит, что тогда? То еще можно выкрутиться, на время ликвидировать забелку, глядишь, как-нибудь удастся и на юбку наскрести. А в колхозе пахать? Огород — лопатой, огород — ладно, но в колхозе лопатой много не накопaeшь... Со всех сторон выходило, остаться без коровы — что без призора пойти по миру.

Ничего другого предложить за себя я не мог, другого, кроме хаты и коровы, попросту не существовало. Откупиться от смерти было нечем. И я смирился.

Колька, скорее всего, не знает, что я в больнице. После моей смерти его, конечно, вызовут. Он меня пожалеет. Хороший у нас Колька. Если бы не он, никого из семьи давно бы уже не было. Под двором, где мы жили на выселках в оккупации, немцы пристрелили битюга из орудийной упряжки. Колька с топором по снегу ползал рубить конину. Немцы потешались, из автоматов по нему палили. Он не забоялся, пока всю лошадь, до последней косточки, не перетаскал на себе. Выжили не только мы, но и все, кто находился в той хате, человек тридцать, а может, и больше. Пулями весь пол тогда заплевали, столько их было в конине. А ботинки? Чуть не забыл... На такое лишь Колька способен. Кому бы пришлось в голову покупать единственный ботинок? А он купил, принес с базара и сразу, чтобы я не успел расстроиться, сказал, что второй сделал сам. И сделал. Вытесал колодку, долго мороковал с лоскутками кожи от прежней обуви, готовил кленовые гвозди — таки обул меня. Что ботинки были разные: один остроносый, по ноге, а другой головастый, поглубже и побольше — в счет не шло, все же не веревочные лапти, а настоящие кожаные ботинки, каких ни у кого не было... Колька, Колька... Мне бы и жизни не хватило вспомнить все, что ты мне делал. Не без того, бывали и подзатыльники, кто ж без этого обходится, за это на тебя не обижаюсь и прощаю, давно уже простил.

Мамочка, милая, какой я дурак. Всегда тебя не понимал, а если и понимал, то постоянно становился поперек. Ты же со мной никакой радости не видела. Ни одной рубахи не изнасил, чтобы не порвать. И сегодня, прости, какую муку на тебя свалил. Я же не чурбан деревянный, чтобы не понимать...

И сестры... Что плохого они мне сделали? Пальцем никогда не тронули. А я, насколько выдумки хватало, издевался над ними. Шура из себя кусок мяса вырвала бы, лишь бы я не был голоден. И Нюрка — чем хуже?

Ну, а с братьями и отцом чего прощаться? Они в земле. Скоро и я там буду.

Вот и все.

Нет, не все. А люди? Семья семьей, но я жил и среди людей. Им тоже мало хорошего делал. Случалось, и воровал, и обманывал, завидовал, а то и надсмехался, бил друзей, хотя и меня тоже били — все грех. Не поминайте лихом.

Вот теперь — все. Можно было бы еще у Вовки попросить прощения. Сосед, считается другом, вместе ходили в школу,

трудно ему будет без меня. Но у Вовки просить прощения бесполезно, он никогда не пожалеет. Сколько ребят подорвалось, разряжая снаряды или на минах, а у него один ответ: «Сам виноват». Обо мне он тоже скажет, что сам виноват. Конечно, сам, уж тут он совершенно ни при чем. Вовка затем и на бала-лайке выучился играть, чтобы без пая ходить к взрослым на гулянки в складчину, его звали как заправского музыканта, там он и ел и пил задарма. Больно сознавать, что завидовал ему, холодный он человек. Задачки у меня списывал, а хоть бы взглядом отблагодарил, такого не бывало. Ладно, прости и ты, Вовка, возможно, когда-нибудь и тебе не угодил.

И это — не все. Как же я пропустил дедушку Никанора, двоюродную сестру Таню и ее мужа Филиппа?.. А учительница Ксения Никитична? А тетка Наташка, Вовкина мать? Вовка уродился не в нее, тетка Наташка добрая, она-то знала, что без меня ее сыну в школе делать нечего, это я его «за уши» тянул. А тетя Клава? А Мотя?..

Так мне и ночи не хватит, чтобы с каждым в отдельности попрощаться. Но и огулом нельзя: они-то завтра все меня помянут.

Ох, совсем забыл. А рубаха? Последняя радость. Пусть меня в ней положат. Или — нет. Пусть сестрам останется, им нужней. А может, обменять ее на базаре да хоть лепешек испечь на поминки?

Было отчего испугаться. Невыносимо хотелось есть, подушку бы жевал. И никакой тяжести не чувствовал, летай по воздуху, не упадешь. Ничего подобного раньше не испытывал, хотя сиднем не слыл, постоянно носился вихрем по делу и без дела, да и насчет голода обижаться не стоило, повидал вдосталь, чем-чем, а голодом судьба не обделила. Но сейчас и голод, и неощутимость тела были иными, какими-то явственно радостными и неожиданными. Из разговоров матери и от других людей уже знал, что перед самой смертью, как правило, появляется аппетит и становится легко, в это мгновение болезнь отпускает, давая последнюю возможность изведать нормальную жизнь, чтобы не так горько или, наоборот, еще горше было оставлять сущий мир. Значит, подошла и моя минута. Через какую-то малость — навсегда уйду.

5

Федор затормошил меня, и я не поверил тому, что он сказал:
— Тезка! Черт Рыжий! Ну-ка просыпайся, довольно... Врач был, дело пошло на поправку.

Я усомнился, с опаской двинул ногами, осторожно, будто не свои, с места на место переложил руки, все было живое, послушное. И главное, легко дышалось, удивительно легко — не высказать словами.

— Чуть свет прибежали твои сестры, — продолжал докладывать Федор. — Пожалели будить... Очень плакали. Они еще не знали, что останешься жить... А врач на обходе так и сказал: «Счастливчик. Должен был уметь, непременно», — прокартавил он за врача. — А ты ему — во-о!..

На радостях Федор щедро отпускал веселые матюки.

— Заутреню служит, — хохотнул кто-то в палате.

Я приподнялся на локти и в углу на койке увидел такого же заросшего бородой, как и Федор, мужика. Он подмигнул мне:

— С возвращеньцем.

Что правда, то правда: я в самом деле будто отсутствовал, кругом что-то происходило, а меня не было. Кто бы знал, как хорошо было теперь.

— Тезка, где ты взял такую здоровскую рубаху? Дай мне ее хоть разок к девкам сходить.

Услышав хихикающий девичий голосок, я засмутился: неужели в палате девчонка, а Федор без оглядки шпарил свою заутреню. Оторвав от подушки голову, настороженно зыркнул. В другом углу палаты сидел пацан, постарше меня. Ладонью он прикрывал рот, между пальцами видны были коричневые пегарки, дело знакомое, лихорадкой обметало, ему больно смеяться, потому и придерживал губы руками. Одна койка пустовала, была наново прибрана. Я остановил на ней взгляд, смутно припоминая, вроде бы там еще вчера кто-то лежал.

Федор буркнул:

— Утром снесли. Помер.

Жутко полоснуло: мог бы и я, и моя бы койка, как та, и они бы так же смеялись. Как же просто — умереть!

Федор увел мои мысли:

— Поди, жрать хочешь?

Вот это верно: нестерпимо хотелось есть.

— Ты, наверное, не помнишь: вчера мать тебе картошки приносила. А у меня немножко хамсы завалилось. Так что, тезка, давай, поправляйся... Okрепнешь, и я тебя к девкам возьму. Не стесняйся, придет время.

Федор помог мне сесть на койке. Я уминал картошку с хамсой и блаженствовал, позабыв обо всем. Вероятно, именно с той поры эта немудреная еда, стоит лишь взглянуть на нее или просто вспомнить, всегда так волнует и откликается

неизбывной радостью, словно ничего вкуснее не было и нет на целом свете.

— Брательник в ФЗО учится, Колька. Рубаху он привез. Ему форма без карманов досталась, он бы и с карманами мне отдал. Тогда бы не десять пуговиц, а все двенадцать, видал какие: железные, краску не отколупнешь, им сносу не будет, — хвалился Федору рубахой, как вновь обретенным подарком.

Заснул мгновенно, должно быть, и подушки не коснувшись. А когда проснулся, первым делом глянул на пустовавшую койку, видно, и во сне она сидела во мне неведомой, но беспокойной занозой, будто дыра в преисподнюю. На койке уже кто-то лежал, укрывшись одеялом, и тотчас на душе отлегло: живое место.

Бывает же такое, мою голову без меня и повернули: на пороге стояла мама. Платок на ней сбился, глаза испуганные — спешила. Радость обуяла меня, и, привыкший за эти дни уплывать в небытие, на этот раз тоже уплыл, растаял блаженно и сладко.

— Сыночек, голубенький. Не волнуйся, — забеспокоилась мама.

— Пускай волнуется. Ни... — Федор поперхнулся на непотребном слове. — Теперь ему ничего не страшно.

Мне же стыдно было открывать глаза: как я поступал с матерью!

— Творожок тебе квашу. Завтра принесу, — спешила она обрадовать меня.

— Зачем это? — с напускным недовольством проворчал я. — Опять в долги залезем.

— Ничего, сынок, пустяки. К долгам не привыкать, лишь бы жив был. А долги — что? Первый раз, штольчи? Долги — пху! — хорохорилась мать. — Я просила Вовку, ну дружка твоего, узнать у учительницы, так он сказал: в третий класс перевели. Об этом не беспокойся, только выздоравливай.

Мать пересказала обо всем, что случилось на хуторе, пока я болел. И мне захотелось домой.

— Как там наш огород?

— И огород, сынок, слава богу. Дождей, правда, нетути. Да это — ладно, это — как-нибудь, без дождей нам тоже не привыкать, лишь бы ты возвратился.

Я чувствовал свою вину перед мамой и не знал, чем хорошим ей отплатить, пока не решил:

— Мам, отнеси домой рубаху. Пусть Нюрка шьет юбку.

— Что ты, сынок! Разве можно? Она ж твоя, тебе подарена. Нюрка обойдется, — запротестовала мать.

Чертовски жалко рубаху, но я снова переступил через себя: — Возьми. Там и юбка ей, и мне штаны выйдут, мы уже примеряли... Чтоб сшила.

Несколько дней меня, как только что родившегося теленка, шатало на ногах. Ходил, держась за стенку или с помощью Федора, — и то до уборной. А однажды утром решил самостоятельно выйти на больничное крыльцо. Вышел и еле успел опуститься на ступеньки: голова закружилась от свежего воздуха. Из тумана прорезался дом, в котором жил врач, затем еще больше очистилось, увидел сирень, заросли сирени вокруг дома. Она цвела и так вкусно пахла, я бы ее с наслаждением ел. Потом наблюдал, как пожилая тетка в черном ситцевом платке кормила утят. Утят было неисчислимо много, тетка пригоршнями сыпала им пронзительно белый творог и крошила в траву яичные желтки. Утята чиликали, кувыркались, лезли друг на дружку, запрокидывали желтые головки, трясли раскрытыми ртами, провозжая в зев соблазнительно яркие крошки творога и желтка. Большие утки косяными клювами, как лопатами, гребли вместе с травой толстый слой корма, жадно глотали и тут же, на корм, гадили.

— Ну что, обыстолился? Сам ходить пробуешь? — Федор стоял сзади, век его буду помнить, он меня из виду не упускал. — А-а, гад! — забранился он. — От больничных коров, вон, куда девается наше с тобой дополнительное питание. Мы чахнем, а он — уткам... Подлюка!.. Белоручка, домработницу держит, твою-раствою...

Было безразлично, какими словами Федор ругал врача. Я рассматривал собственные пальцы: за время болезни они стали необыкновенно длинными, и волосы на них повзросли, чего раньше не было, и кожа стала морщинистой.

— Принеси мне... — Хотел сказать: творогу. Но осекся. — Федор, пожалуйста, принеси мне сирени. Сорви хоть одну веточку.

6

Настал день, меня выписали из больницы. На прощание Федор подарил складной ножик:

— Бери, тезка. Память обо мне... Уже кровью харкаю, не иначе как беркулез.

Я испугался за Федора:

— А что врач, ты спрашивал его?

— Хе-эх, врач! Туды его вверх колесами... На застуду сваливает, распромать его... Поговаривают, у него будто и документов нету, что он врач.

Стояла жара, такое несусветное пекло: десять раз взмок по дороге домой. И мать, хотя и обрадовалась мне, тотчас кинулась жаловаться, что все погорело, еще день-два и никакие дожди уже не помогут. Не присев в хате, отправился смотреть огород. Земля от жары поседела и под ногами рассыпалась мертвым пеплом. Картошка кое-где взошла, хилые листочки скукоженно обвисали на солнце, а чаще — в бездонных расщелинах проволочными крючками усыхали не дошедшие до поверхности ее обессиленные ростки. Мама неотступно следовала за мной, я слышал, как она вздыхала и, шепча молитвы, просила спасения. В хате она засуетилась:

— Не покормила, сыночек... Будь она неладна тата погода, мозги стали трескаться... Мы тебя ждали, вот, от утрешней забелки оставили.

Она подала мне полкружки молока и две коричневые оладьи из жилистого конского щавеля.

— Что ж ты не ешь? Ешь! — беспокоилась мать. — Сам знаешь, картошки нетути. Травою живем. А какая нынче трава, сушь стоит. Крапива да конский щавель, слава богу, не сгинули, на них и держимся... Да ты ешь. Вечером молочка побольше выкрою.

А я, забыв про еду, глядел и не верил своим глазам: на довоенном, гулком от пустоты, сундуке лежала моя рубаха. В полной сохранности. Почему она еще цела?

Наконец мать перехватила мой взгляд:

— Рубаху твою решили не трогать. Она и так хуже ворованной.

— Как — ворованной?.. Неужели Колька...

Мать пояснила:

— Да не-э. Про Кольку не думай. Колька, упаси бог, не сворует... Но от рубахи все равно одни несчастья. Видишь, ты и поносить ее не поносил, как в больнице оказался. А Поляха Скобелкина — вовсе сбоку припеку — за нее только подержалась, матерьял попробовала, и все одно волос на руке приключился, вторая неделя пошла, как не спит от нарыва... Правду, видать, говорят: не прощается тому, кто имеет больше других, радости от того не бывает.

Матери нужно было бежать на колхозную свеклу, и я вышел проводить ее. Задержись мы чуть-чуть, глядишь, и с дедом Кастратеем не встретились бы, он как раз миновал бы нашу хату, но тут столкнулись нос к носу:

— А сказали: ты подох, — вызрился на меня дед. — Обманули, значится, — как мне показалось, с явным сожалением растянул он последние слова.

Мать вступилась:

— Бог с тобой, Калистрат Ларивоныч! Что ты мелешь? Чем он тебе помешал, что грех на душу берешь?

— А то, что ему, — он ткнул в мою сторону крючковатым прокуреным пальцем, — из больницы лучше бы не возвращаться, все одно с голоду помирать.

— Да что ты все предрекаешь?.. Прямо конец света. Тьфу! — В сердцах мать сплюнула. — Прости, господи... Сатана ты, Калистрат Ларивоныч. — Мать отвернулась, украдкой прошептала: — Упаси, господи, дурного глаза.

— Вот-вот! — Как от похвалы, Кастратей расплылся в довольной улыбке. — И ты, значит, о том же. Ты тоже считаешь, что я со зла... Да не со зла я. Просто я лучше вас вижу правду. Не моя вина, что умному человеку деть себя некуда. Дурак хоть куда-то пробьется, а умный — сама знаешь.

— Провались ты со своей правдой и со своим умом! Аль не видишь, слезами захлебнулись: все тебе мало.

Мама вот-вот могла заплакать. А я досадовал, зачем она трогает Кастратея. Ну, потерпела бы немножко, он бы и ушел. От него и по добру добра не услышишь, а когда осерчает, наворожит похлеще цыганки. Кастратей — пророчливый, слова его, будь они неладны, частенько сбываются.

— И про Рыжего твоего — истинная правда, — Кастратей скользнул по мне печальным взглядом да еще горько и глубоко вздохнул, как есть увидел меня в гробу. И продолжал свою панихиду: — Сызмала надломленный, а впереди, как сказано в писании, живые мертвым начнут завидовать. Куда ему?.. Опосля болезни, какой он жилец? Я же вижу, норов у него горячий, все к сердцу принимает, теперь он только и гожд, чтоб всех подряд жалеть, теперь на всю жизнь — совесть снаружи. А ему ж еще и человеком захочется стать, ты об этом подумала?.. Значится, не подумала. Так я тебе скажу: среди людей тоже свои волки водятся, так вот, рано или поздно встретится с ними — и пропал. Он же не утерпит, на рожон полезет, а волкам — того и надо.

— Да что, тета волки совсем, штольчи, бессердечные?

Ну, зачем же мать продолжает огрызаться? Доогрызалась уже! Видит же, Кастратей упрекает ее, что помогла мне выжить. Разве она не понимает: он желает моей смерти?

— Не хо-чу-у-у уми-ра-а-ть! — завизжал я от страха, и сам испугался дикости своего голоса.

Кастратей, подняв голову к небесам, пошел от нас. Наконец-то! Кончились наши мучения. И все-таки он обернулся:

— Не обижайся, Петровна. Ты меня так и не поняла. По мне — он хоть сто лет живи. Мне-то — что?.. Я про жизнь говорил, какая его ожидает.

Мать неистово кляла Кастратея:

— Нечистик! Змей аспидный! Чтоб тебя посудобило! Язык бы отсох!..

И, выбравшись, подавленно закончила, словно примирилась:

— Мужиков побило, а сатана остался на нашу голову.

— Ну, чего ты его дразнила? — накинулся на маму. — Чего не смолчала?

— Да как же смолчать, сынок? И так всю жисть молчу, от того-то молчания уже кость в языке выросла.

Вот и не первый раз вижу Кастратея, пора бы уже привыкнуть, но не привыкается. Всякий раз столбенеешь после его слов, и всегда хочется искать у кого-нибудь защиты. Мама, должно быть, испытывала то же самое, потому что бросилась увещевать:

— Ты его не слухай. Кастратею николи хорошо не было... Ишь, разгунделся, страшшает. Прямо-таки испужал, накося. Чем то-то ему плохо? Счас жить можно — не война, слава богу.

— Все равно страшно, — сознался я. — Он же мне нагадал...

— Выкинь из головы. Вон какую болезнь обратал, теперь — жив... А что этот плюгавый болтает — на то он и способен. Ему абы в страхе людей держать, тата его власть. — Мать вскинула тяпку на плечо, зашпешила: — Иди, бегай. Будь он неладен, на работу опоздала. Не дай бог, хватится бригадир: десять трудодней долой, и не спрашивай.

Мама уже скрылась за поворотом, уходящим в поле, а я все глядел ей вслед, впервые в жизни чувствуя неприкаянность. Решительно не знал, чем себя занять. Не было такого, чтобы мать не надавала мне заданий, а тут ушла и ничего не приказала. По дому всегда находились неотложные дела, некогда было оглянуться, чего проше, вдосталь не доводилось набегаться. И на тебе — отрешен ото всего. Что же получается: пока лежал в больнице, моя здешняя жизнь взяла и приостановилась? Дома, выходит, уже отвыкли, и на меня, как на чужого, не рассчитывали.

А от жары — ну никакого спасу. Даже в хате, куда зашел попить воды, было невпродых, что в натопленной печке. Пот лил гужом, моя новая рубаха намокла, неподатливо загрубела, шершавым кирпичом терла плечи. Куда бы поместить себя, чтобы хоть немного остыть? Купаться нельзя, нырнуть бы в погреб, в прохладу — можно простудиться.

И вдруг пронзило: желуди! Как же они — в этаким-то пекле? Колька вон когда их посадил — и ни одного дождя!

Первую ямку разрывал осторожно, боясь нечаянно повредить нежный росток, который, казалось, вот-вот должен был оголиться. Горсточку за горсточкой выгреб сухую песчано-шелестящую землю до нетронутой материковой плотности — ничего живого не обнаружил. В недоумении принялся сгартывать землю обратно, под руку попался серый тусклый комок, о котором сразу и не подумаешь, что это желудь. Встряхнул его, внутри что-то громыхнуло, затем надавил пальцами: скорлупа хрупко рассыпалась, на ладонь выпало сжуренное крохотное ядро. Попробовал его на зуб, и он соскользнул, как с камня. Затем, уже без опаски, обшарил остальные места: дубков нигде не предвиделось.

Вечером, заметив мою нелюдимость, мама удрученно спросила:

- Аль опять захворал?
- Не-э. Желуди не проросли.
- Совсем?

— Ага. Наверх одна жилинка пробилась, и та высохла.

— Да это ж Колька ублажить тебя хотел. Я ему еще тогда говорила: напрасный труд. Только ноги зря бил. Где ж тото видано, чтоб дуб на голом месте вырос? Если б просто: кидай желуди и жди — не-э. Дуб как дите: поначалу надобна подмога.

В голове не укладывалось, чтобы дубу, такому крепкому дереву, нужна была бы еще какая-то подмога. Полить бы вовремя, и взошли бы желуди. Кроме меня сделать это было некому. У матери и сестер — колхозная работа да огород на плечах, мои заботы для них — не больше чем баловство. Сама собой вырвалась обида:

— Жалко. Колька старался... Такие б дубы выросли, даже во сне снились.

— Ох, головушка твоя садовая, — вздохнула мать. — Не видишь, штольчи, вон картохи не будет, рожь колоса не дала, а уже пожелтела — все живое горит. А ты — желуди. Какие желуди, когда даже ракиты позачаврили, лист в сигарку свернулся?

Мамино беспокойство понятно, но смириться все равно трудно:

— Хотелось, чтоб дубы...

— Хотелось, хотелось, — разозлилась мать. — А мне, думаешь, не хочется вас накормить? Да, видно, уж на роду написано: одни черные рубахи...

И опять я с мамой невопад: то желуди, теперь рубаха. Чем ей не подходит моя рубаха? В нашей семье ведь ничего лучшего не было. Хуторские бабы с ума посходили, сестры зарились. А то, что рубаха черная, так это же хорошо, стирать реже. Побольше бы таких рубах. Да и вообще...

Но мама прерывисто шмыгала носом. Сейчас с нею нельзя было ни спорить, ни разговаривать: сейчас любое слово обернется слезами. Заголосит по отцу и братьям, оставшимся на войне, начнет укорять их, что нас с собою не взяли, бросили на произвол чужих людей. Слушать ее всякий раз было невыносимо больно и жутко, хоть убегай, куда глаза глядят.

7

Кто бы знал, как сладко проснуться дома! После больничной койки с ватным матрацем, белой подушкой и белыми простынями, которых раньше в глаза не видел, моя жесткая лежанка из кольев и истертой в труху соломы с фуфайкой под голову казалась подлинным раем. Я упивался блаженством и спокойствием, не обращая внимания на разговор сестер с Кастратеем, который почему-то спозаранку очутился у нас. Между ними шел какой-то спор. Шура соглашалась на полпуда; Нюрка не уступала, требовала пуд; Кастратей же заискивающе хихикал, подзадоривал Шуру:

— Вот молодчина, млаже, а умней. Она соображает, я из жалости, а так бы — ни за что. Каждому ясно, в новину ждать нечего: не то что зерна, соломы не будет — засуха. Шурка, значит, с понятием, а ты бестолковая, — подзуживал он Нюрку. — Я тета полпуда собирался ломать пополам, у самого — с гулькин нос.

Нюрка что-то бурчала в ответ, а мне был безразличен их базар, дали бы еще понежиться, не трогали бы — и спасибо.

— Ну. Шур, ты умница, вся надежда на тебя. Растволкуй ты ей: с травы он на ноги не поднимется, аль непонятно?.. Были б чужие — тогда ладно, а то родные в гроб гонят. Первый раз то-то вижу. — Кастратей доканывал Шуру, зная ее слабину.

— Да я — что? Я согласна. Все ж мука, молоть не надо... Прямо сейчас бы оладьев... Мишку жалко, — завсхлипывала Шура.

Меня обуяло ликование: оладьи! Настоящие оладьи!..

Только во сне да в глубине памяти жили именно эти, истинно настоящие оладьи, хотя временно, дабы навечно не отвыкнуть и послаще обмануться, оладьями что только ни нарекалось. В том обманном оладьевом ряду появились иссиня-черные тошнотики из перезимовавшей во время оккупации, не убранной с поля картошки, после насквозь голодной и тифозной зимы они были единственным спасением, но их было мало. Побольше — уже потом, со своего огорода — из тертого картофеля пеклось чибриков, прорезиненно и тоскливо пищавших на зубах; и бесконечно долго на ежедневный прокорм приносили мешками крапиву и конский ща-

вель для жваников, о которых точнее не скажешь: не ты их, а они тебя едят, только и плюешься горькой табачно-коричневой слюной... И вот забрезжили настоящие оладыи из муки! Пышные, несбыточные — облака в небе!

Я вскочил с лежанки и двинулся к Шуру на подмогу. Упустить муку — ни в коем случае!

В углу под божницей, не сняв картуза, сидел Кастратей, рядом с собой на лавке он придерживал оклунок. Мешок, лавка, Кастратеева рука запорошены мукой, запах ее я резко ощутил, как только ступил в комнату. Кастратей зверовато уставился на меня и медленно, почти незаметно, со стола протянул к себе на колени мою рубаху.

— Вот, Рыжак, мучица — тебе на поправку, — он кивнул на оклунок и ослабился. — Оладичками подкормят, иначе — капут.

Я обомлел: сторговывают мою рубаху! Где же мама? Она бы не позволила.

— Ладно! — угрожающе согласилась Нюрка. — А то и правда помрет.

Рванулся во двор, на волю, толком еще не соображая, что смогу предпринять. Но уже через мгновение вернулся, запахнул дверь в хату:

— Отжи-ы-лись!

Шура первой рухнула на пол:

— Нюрка, ложись! У него граната!

Кастратей стоял посреди хаты, держа в подмышке мою скатанную рубаху.

— А ты! — гаркнул решительно. — Кидай сюда рубаху!

Кастратей медлил. Я поднял гранату:

— Ло-жи-ысь!

Рубаху поймал на лету и ликующе скомандовал:

— А ну — за печку!

Распластанная тройца ящерицами юркнула в кухню, там загремели чапельники и ухваты. Размахнувшись, изо всей силы грохнул об пол давным-давно выпотрошенную немецкую гранату. Она зашкондыбала длинной деревянной ручкой, с грохотом ударилась о ведро, будто разорвалась — шум удался что надо. Пока они там, за печкой, не одумались, быстренько подхватил гранату и выбежал, чтобы понадежнее ее спрятать, авось пригодится еще.

В хате послышался голос:

— Нюр, ты жива?

Я так и знал: Шура всегда была сердобольной.

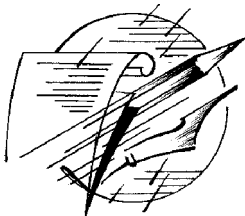
***О состоянии русской нации
и путях выхода
из либерального тупика***

Сергей КАПИЦА,
доктор физико-математических наук,
Президент Евразийского физического общества

**РОССИЮ ПРЕВРАЩАЮТ
В СТРАНУ ДУРАКОВ**

Данные ВЦИОМ говорят о том, что мы наконец пришли к тому, к чему стремились все эти 15 лет, — воспитали страну идиотов. Если Россия и дальше будет двигаться этим же курсом, то еще лет через десять не останется и тех, кто сегодня хотя бы изредка берет в руки книгу. И мы получим страну, которой будет легче править, из которой будет легче высасывать природные богатства. Но будущего у такой страны нет и не будет! Именно эти слова я произносил пять лет назад на заседании правительства. Время идет, а процессы, которые ведут к деградации нации, никто даже не пытается понять и приостановить.

У нас происходит полный разрыв слов и дел. Все говорят об инновациях, но при этом не делается ничего, чтобы эти лозунги начали осуществляться. И объяснения «Я так много работаю. Когда же мне еще и читать?» не могут служить извинением. Поверьте, наше поколение работало не меньше, но время для чтения при этом всегда находилось. А производительность

ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА

труда в обществе несколько десятилетий назад была выше, чем сейчас. Сегодня же чуть ли не половина трудоспособной молодежи работает в охранных организациях! Получается, что все эти молодые парни — тупые, ограниченные люди, способные лишь бить морду?

Вы спрашиваете, зачем вообще человеку читать. Опять-таки приведу пример: организмы человека и обезьяны очень близки по всем своим характеристикам. Но обезьяны не читают, а человек читает книги. Культура и разум — вот основное отличие человека от обезьяны. А разум основан на обмене информацией и языке. И величайший инструмент обмена информацией — именно книга. Раньше, начиная еще со времен Гомера, существовала устная традиция: люди сидели и слушали старцев, которые в художественной форме, через сказания и легенды прошедших эпох, передавали накопленные поколениями опыт и знания. Потом возникло письмо, и вместе с ним — чтение. Традиция устного сказа угасла, а теперь угасает и традиция чтения. Возьмите как-нибудь и хотя бы ради любопытства перелистайте переписку великих. Эпистолярное наследие Дарвина, которое сейчас издается, — 15 тыс. писем. Переписка Льва Толстого тоже занимает не один том. А что останется после нынешнего поколения? Их эссе-мэски будут издавать в назидание потомкам?

Я давно предлагал изменить критерии приема в высшие учебные заведения. Не надо никаких экзаменов — пусть абитуриент напишет сочинение на пяти страницах, в котором объяснит, почему он хочет поступить на тот или иной факультет. Умение грамотно изложить свои мысли демонстрирует интеллектуальный багаж человека, уровень его культуры, степень развития сознания. А ЕГЭ, который сегодня используют, не может дать объективной картины знаний школьника. Он построен лишь на знании или незнании фактов. Но факты далеко не все! Впадает ли Волга в Каспийское море? Ответ на этот вопрос заслуживает не галочки в соответствующей клеточке, а отдельной серьезной беседы. Потому что миллионы лет назад Волга впадала не в Каспийское, а в Азовское море, география Земли была другой. И вопрос из хрестоматийного превращается в интересную проблему. Чтобы решить ее, как раз-то и требуется понимание, которого без чтения и образования добиться невозможно.

Вопрос потери интереса к чтению — это вопрос о том, что сейчас происходит с людьми. Мы уперлись в очень сложный момент развития человечества в целом. Темпы развития техники сегодня очень высоки. А наша способность это все осмыслить и разумно в этой технической и информацион-

ной среде жить от этих темпов отстает. Мир переживает сейчас очень глубокий кризис в сфере культуры. Так что ситуация в нашей стране довольно типична и для всего остального мира — в Америке и в Англии тоже мало читают. Да и такой крупной литературы, которая существовала в мире 30—40 лет назад, сегодня уже нет. Сейчас властителей умов вообще найти очень сложно. Возможно, потому, что никому не нужны умы — нужны ощущения.

Нам сегодня не к чтению нужно отношение менять, а коренным образом поменять отношение к культуре в целом. Министерство культуры должно стать важнейшим из всех министерств. А первоочередная задача — перестать подчинять культуру коммерции. Деньги есть не цель существования общества, а всего лишь средство достижения тех или иных целей. Вы можете иметь армию, солдаты которой будут доблестно сражаться, не требуя вознаграждения, потому что верят в идеалы государства. А можно иметь на службе наемников, которые с равным удовольствием будут убивать и своих, и чужих за одни и те же деньги. Но это будут разные армии! И в науке прорывы делаются не за деньги, а для интереса. Такой вот кошачий интерес! И с крупным искусством то же самое. Шедевры за деньги не рождаются. Если же все подчинять деньгам, то деньгами все и останется, не превратятся они ни в шедевр, ни в открытие.

Чтобы дети вновь начали читать, в стране должна сложиться соответствующая культурная обстановка. А что сейчас определяет культуру? Когда-то тон задавала Церковь. Люди в выходной день шли в храм и вместо телевизора смотрели на фрески, иконы, витражи — на иллюстрацию жизни в образах. Великие мастера работали по заказу Церкви, большая традиция освещала все это. Сегодня люди ходят в Церковь гораздо меньше, а обобщенную картину жизни дает телевидение. Но никакой великой традиции, никакого искусства здесь нет. Ничего, кроме мордобоя и стрельбы, вы там не найдете. Телевидение занимается разложением сознания людей. На мой взгляд, это **преступная организация, подчиненная антиобщественным интересам**. С экрана идет лишь один призыв: «Обогащайтесь любыми способами — воровством, насилием, обманом!»

Вопрос развития культуры — это вопрос будущего страны. Государство не сможет существовать, если не будет опираться на культуру. И не сможет лишь деньгами или военной силой укрепить свои позиции в мире. Чем мы можем сегодня привлечь бывшие наши республики? Только культурой! В эпоху СССР они прекрасно существовали в рамках нашей

культуры. Сравните уровень развития Афганистана и республик Средней Азии — разница огромная! А сейчас все эти страны выпали из нашего культурного пространства. И, на мой взгляд, важнейшая задача сейчас — вновь их в это пространство вернуть. Когда распалась Британская империя, важнейшими инструментами воссоздания целостности англоязычного мира стали культура и образование. Британцы открыли двери своих высших учебных заведений для выходцев из колоний.

В первую очередь для тех, кто в дальнейшем мог бы стать управленцем этих новых стран. Я недавно разговаривал с эстонцами — они готовы учиться медицине в России. Но мы берем с них огромные деньги за учебу. При том что возможность учиться в Америке или Англии они получают даром. И чем мы после этого сможем тех же эстонцев привлечь, чтобы взаимодействие с нами им стало важнее, чем взаимодействие с Западом? Во Франции существует министерство франкофонии, которое продвигает культурную политику Франции в мире.

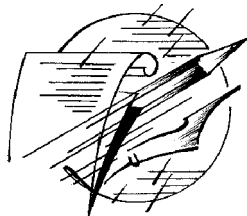
В Англии Британский совет считается неправительственной организацией, но на самом деле проводит четкую политику по распространению английской культуры, а через нее — глобального английского влияния в мире. Так что вопросы культуры сегодня переплетаются с вопросами политики и национальной безопасности страны. Пренебрегать этим важнейшим элементом влияния нельзя. В современном мире все в большей степени наука и искусство, а не ресурсы и производительные силы определяют могущество и будущее страны.

МИССИЯ РУССКОГО НАРОДА

Западный, буржуазный путь развития проходит свою завершающую стадию, которую можно определить как гниение. Но именно в этот исторический этап российские национал-предатели и выпестованная западными спецслужбами «пятая колонна» повернули страну «лицом к Западу». Итог очевиден: деградация России идет всё более быстрыми темпами, русский народ теряет волю к жизни, вымирает, вытесняется со своих земель мигрантами, лишается средств к существованию. Системный кризис, четвертьвековое промывание мозгов, унижение — все это лишает народ цели, ради которой стоит жить и которая бы объединила всех нас в созидательном движении вперед.

Сегодня русский народ находится во фрагментарном, расчлененном состоянии. Что не дает возможности и твердой опоры ни для сосредоточения сил, ни для появления вождя, способного всколыхнуть аморфную, дезориентированную массу, приблизить ее к стадии кристаллизации, к более-менее организованному сопротивлению губительному режиму, разрушающему общественно-культурную самобытность русского народа.

Системе геноцида, уничтожения творческого потенциала русских, наконец — слома культурного кода, может противо-

ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА

стоять только система, но иначе организованная и направленная на иной путь развития. В условиях тотальной информационной войны против русского народа создать ее непросто, но необходимо. На наш взгляд, опорами ее должны стать три важнейших фактора.

Первый — «разворот» космополитичных, враждебных, всерастлевающих СМИ в сторону национальной культуры, национальных традиций.

Второй — возврат к национальной системе воспитания и образования, базирующихся на продолжении традиций русской школы — как дореволюционной, так и продолжавшей ее сталинской. В основе же — духовные ценности Православия.

Третий — возврат к национальному денежному обращению, создание кредитных структур, занятых не «высасыванием» денег из реального сектора экономики, а напротив — стимулирующих развитие его.

Надо, однако, помнить: экономику можно восстановить, разруху — преодолеть. Вопрос в том — кто это будет делать?

Значит, первостепенная задача — воспитание человека, жизненные устремления которого должны быть ориентированы на творческий, созидательный труд. Инстинкт «потреблячества» в такой системе воспитания (а затем и образования) должен быть преодолен инстинктом творческого развития, когда человек духовный подавляет в себе двуногое плотское существо. То есть вернуться к системе ценностей, традиционно присущих русскому обществу.

Попытку Д. Медведева рублем стимулировать инновационный потенциал молодежи легко свести на нет, предложив за умы более высокую цену. Что, собственно, и делается в течение всего «либерального» периода русской истории: где светлые умы советской школы?

Без радикального изменения информационной политики, откровенного разбоя средств массовой информации, в большинстве своем находящихся в руках прямых врагов России и русского народа, решить задачу воспитания молодежи как опоры будущего страны — невозможно. Столь необходимое изменение произойдет, если в России укрепит позиции традиционное, а не мифическое «гражданское» общество, суть которого — прикрытие реальной и очень жесткой власти теневых властителей мира.

Формирование традиционного общества, однако, должно иметь под собой надежную экономическую основу. Сегодня, когда действует ростовщически-талмудистская финансово-банковская система ограбления русских, когда власть в ру-

как кланов, представленных преимущественно «денежными мешками», а собственность перераспределена в интересах опять же кланов, ни пресловутый «средний класс», ни традиционные русские сословия сформироваться и окрепнуть не смогут — не позволит ни Фининтерн, ни клановая власть, находящаяся у него на услужении.

Разумеется, прорусски ориентированная информационная политика поможет пригасить, а затем вырвать сепаратистско-этнический козырь из рук наших смертельных врагов. Нужно абсолютно прозрачно и правдиво показывать не только объем ВВП, но и объемы ВРП каждого субъекта Федерации — для того чтобы представители каждого «свободолюбивого» племени видели, за чей счет они живут.

Устранив ростовщический грабеж, необходимо направлять высвобождающиеся средства на выравнивание территориальных экономик субъектов РФ, особое внимание уделяя возрождению Русского Севера, Сибири, Дальнего Востока — исконно русских земель.

Национальное самосознание каждого племени, живущего рядом с русским народом, должно формироваться и выражаться в стремлении украшать свою территорию, данную Богом, а не паразитировать на русских и на русской земле. Такое социально-экономическое развитие должно планироваться из единого Центра, в руководстве которого должны преобладать представители русского народа — как державного и государствообразующего.

Особая задача — отменить законы, превратившие землю в товар. Владелец земли — коренной народ России, на этот раз без этнической окраски. Это позволит начать кропотливую и чрезвычайно необходимую работу по возрождению гибнущих русских сел и деревень — через создание общественных кредитных, производственно-сбытовых кооперативов.

Таковы краткие соображения обустройства России (не по Солженицину, упаси Бог!). Эта задача по плечу качественно новому русскому человеку, то есть патриотично воспитанному и высокообразованному. Одурманенные массы, увы, должны «резать или стричь» (как сказал поэт) — ибо для других, более серьезных целей они не годятся. Жертвы «холокоста» и холопствующая перед ними элита это хорошо понимают...

Сумеет ли сбросить морок лжи, обмана, информационной дури русский народ и каждый русский человек? — вот вопрос. Помочь ему правдивым словом — главная задача.

Неизбежен вопрос — а какая же политическая система должна установиться, чтобы вывести русский народ из тупика исторического угасания и исчезновения? Ведь именно

такой «финал» и готовят нам либеральные поводыри. Ответ уже достаточно очевиден: та, которая обеспечит более справедливое перераспределение национальных богатств между всеми слоями населения, отказавшись от «святости» частной собственности и передав средства производства, землю, недра народу. Это не огосударствление, а обобществление богатств. Должны быть народные предприятия, сельские кооперативы и так далее. Нанятый управленец не может иметь абсолютную власть и право приватизировать собственность.

Лишь только тогда появится возможность самоуправления территорий Советами, делегирования лучших представителей в высшие структуры власти — с обязательной подотчетностью верхов. То есть власть должна, в первую очередь, нести бремя ответственности за реализацию властных полномочий, данных ей народом.

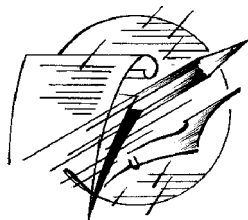
Советы — лучшая общинная форма управления и контроля за исполнительной властью. Тогда проблемы, обозначенные выше, вполне реализуемы. А главное — пробудятся творческие силы русских, чтобы вновь обрести утрачиваемое достоинство великого народа, историческая миссия которого еще не завершилась.

ЕГОР ГАЙДАР И ЛЮДОЕДСТВО

В начале ноября 2009 г. в Интернете появилось сообщение о выступлении Егора Гайдара во Всемирном банке в Вашингтоне. Тезисы из этого выступления, внешне вполне академические, возмутили меня скрытой за ними жестокостью к людям и несусветным цинизмом, замешанным на несусветной лжи.

«Россия была готова к кризису экономически, но не политически», — говорил Гайдар и пояснял: «Мы были относительно хорошо готовы к кризису с точки зрения финансовой системы. В общем, мы сумели избежать слишком большого увеличения социальных трат в период высоких цен на нефть». То есть в то самое время, когда более половины населения страны жили (и продолжают жить) в крайней, а то и просто губительной нищете.

Гайдар в который уже раз пытался оправдать свои (и Чубайса) реформы по революционному внедрению капитализма в России, а «политические издержки» осторожно списать на нынешние власти. Но главное не в этом. Главное в его заявлении, что они «были хорошо готовы к кризису». Они в 1992 году своими собственными руками — своими «реформами» — развязали кризис в России! Разваливается, останавливается большая

ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА

часть обрабатывающей промышленности, не выдержав конкуренции с хлынувшими в Россию западными товарами. Разваливаются наука, особенно прикладная, техническое образование, значительная часть сельского хозяйства, здравоохранение. Раскручивается гиперинфляция, превращая в пыль сбережения людей. Это ли не кризис? С обрабатывающей промышленностью, самой емкой по числу рабочих мест, в докризисные времена прямо или косвенно был связан труд около 70% всех работавших по найму людей. И почти все они потеряли работу по специальности и свои сбережения и впали в нищету и отчаяние. И начали бурно вымирать. Особенно мужчины.

За первые три года этого кризиса, по данным академика Татьяны Заславской, только мужское население России сокращается на 12 миллионов! («Новая газета», 28.03.05) Если бы эту цифру назвал кто-нибудь другой, я бы не поверил, но не верить Заславской невозможно. Для сравнения, Германия Гитлера за 6 лет мировой войны потеряла 7,5 миллионов человек (на фронтах — 5,5 миллиона, в тылу — 2 миллиона).

Разваленное российским кризисом, хозяйство страны не восстанавливается в последующие годы, не восстанавливается до сих пор. Кризис продолжается вот уже 18 лет! Невиданное явление в мировой истории. И это действительно была хорошая подготовка к нынешнему мировому кризису, тут Гайдар правду говорил — мировому кризису в России разрушать уже почти нечего. Поразительно, как мы все были настолько заморочены «либеральной» пропагандой и собственной глупостью, что считали этот убийственный кризис реформой! Одни ее боготворили, другие — проклинали, но никто не понимал, что это начался кризис, не имеющий в прошлом равных себе по силе и нескончаемости.

Вместе с продолжением этого кризиса продолжалось и вымирание населения. Средний возраст жизни у мужчин снижается до 56—57 лет! По данным доклада заведующего кафедрой демографии МГУ Анатолия Антонова (РИА «Новости», 11.07.2007), зачитанного им во время телевизионного моста Новосибирск—Пекин, население РФ уменьшилось со 148 миллионов в 1991 году до 120 миллионов в 2007, т.е. на 28 миллионов, в среднем в год уменьшалось на 1 млн. 250 тысяч человек.

В конце апреля 2009 года был опубликован доклад экспертов ООН «Россия перед лицом демографических вызовов», который содержал еще более мрачные цифры. В докладе прогнозируется, что население РФ будет уменьшаться в среднем на 1 млн. 650 тысяч человек в год и к 2025 году сократится на

26,4 млн., т.е. до 93,6 млн. И в отчете ООН еще не учитывался фактор нынешнего мирового кризиса, который увеличил темпы вымирания населения России. Уже приходят тревожные вести о сокращении рождаемости.

Парадоксально, но на Западе значительно больше, чем в России, обращают внимание на проблему вымирания российского населения. Специалист по проблемам демографии из Института Американского предпринимательства Николас Эберстад в интервью Международному информационному агентству «Washington ProFile» (Выпуск №77 от 12.07.08) констатировал, что «Россия — фактически единственное индустриально развитое общество, которое столкнулось с вымиранием населения в мирное время. Ситуация является чрезвычайно серьезной, особенно учитывая то, что в большинстве государств Европы и в индустриально развитых странах в целом продолжительность жизни постепенно увеличивается, а показатели смертности постепенно снижаются».

«В России, — подытоживал Эберстад, — действуют экологические партии, которые борются за спасение лесов, но никто не борется за спасение самих россиян. Нужно, чтобы российское общество заинтересовалось этой проблемой. В любом случае следует признать эту проблему приоритетной для России».

Но в России от этой проблемы власти прячут голову даже не под крыло, а значительно дальше... А ведь существует и еще одна тяжелейшая проблема, связанная с вымиранием населения, на которую тоже не обращается должного внимания, — это захлестнувшая страну наркомания. По сообщению главы Федеральной службы по наркоконтролю Виктора Иванова, сделанного им в мае 2009 года, «Россия за последние 20 лет стала мировым лидером по употреблению афганских опиатов. Число наркоманов в России в пять-восемь раз превышает этот показатель в странах Евросоюза. И ежегодно от употребления наркотиков в России умирают 30 тысяч человек».

На мой взгляд, вымирание населения России представляет собой интегральное следствие ее несовместимости с капитализмом. И Гайдар это отлично понимал до того, как начал проводить капиталистические реформы. В статье «Частная собственность — новый стереотип» («Московские новости», 8.10.1989) Гайдар писал: «История не оставила нам шансов повторить английскую модель социального развития. Идея, что сегодня можно выбросить из памяти 70 лет истории, попробовать переиграть сыгранную партию, обеспечить общественное согласие, передав средства производства в руки

нуворишей теневой экономики, наиболее разворотливых начальников и международных корпораций, лишь демонстрируют силу утопических традиций в нашей стране».

А через два года после этого Гайдар начал проводить свою «в утопических традициях» реформу в интересах «разворотливых начальников, нуворишей теневой экономики и международных корпораций»! И длящийся в стране 18-летний кризис можно определить как кризис **несовместимости страны с капитализмом**. Попытка внедрения капитализма в России представляет собой преступление перед человечностью.

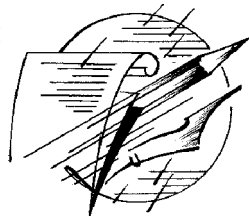
Что надо было делать? Не пытаться переиграть сыгранную партию и вернуться на 70 лет назад, а переходить к посткапиталистическому строю кооперативного социализма, который последние 40—50 лет прорастает на Западе, демонстрируя свою высокую эффективность и жизнеспособность. И он мог бы преемственно, постепенно, без кризисов и людоедства развиваться в России и в ряде других республик бывшей советско-российской империи. Ельцин, Гайдар, Чубайс и иже с ними были хорошо осведомлены об этом нарождающемся строе будущего. Ельцин встречался с представителями американских предприятий, принадлежащих работникам. В июле 1992 года прошла встреча-конференция хозяйственного актива Москвы с американской делегацией руководителей предприятий, принадлежащих трудовым коллективам, под названием «Приватизация через собственность работников», в которой я принимал участие. Наконец, еще в 1989 году Всемирный банк в своем докладе констатировал, что «собственность работников является самым быстрым и наиболее дешевым путем создания в России класса собственников, необходимого для скорейшего перехода к рыночному хозяйствованию». Но российская власть проигнорировала эту возможность, так как у этого пути был один решающий недостаток. На этом пути «разворотливые начальники» из КПСС во главе с Ельциным и Гайдаром и их гайдароподобная обслуга остались бы без собственности и без власти.

ВЫРОЖДЕНИЕ РОССИЙСКОГО СПОРТА

Эти размышления написаны после окончания XXI зимних Олимпийских игр в канадском городе Ванкувере. Спорт не может существовать отдельно от наших общих проблем и является еще одним отражением того пути, по которому нас ведут в никуда, поэтому размышления эти также ложатся в тему дискуссии о либеральном тупике.

На зимней Олимпиаде в Ванкувере наши спортсмены провалились. То, что получится именно так, а не иначе, было ясно до ее начала. Шумная трескотня в СМИ, победные репортажи руководства Олимпийского комитета, громкие, разрекламированные выступления президента и премьера перед членами сборной команды, благословение патриарха — вся эта шумиха подсказывала: провал неизбежен. Даже специалисту, мало-мальски следящему за соревнованиями и состоянием спорта в стране, было ясно, что российские спортсмены в подавляющем большинстве морально и физически не готовы к высокому уровню выступлений. То есть произошла всем явная и в нынешних условиях необратимая утрата наших достижений в тех дисциплинах, где традиционно славилась советская школа спорта.

И приходится констатировать: повальная коммерциализация российско-

ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА

го спорта всё в нем убила. И главное — убила его моральную составляющую. Престиж страны для спортсменов теперь отошел на задний план, перестал играть важную роль, а многие из них вообще приняли чужое гражданство и выступают за другие страны. И главный интерес, ныне движущий ими, — сколько они получают за то или иное место.

Руководители нашей олимпийской команды накануне игр в Ванкувере самоуверенно утверждали, что российские спортсмены сильны как никогда. А на деле оказалось, что наша сборная команда в подавляющем большинстве вообще не готова к серьезной борьбе, повторяю — и морально, и физически. К примеру, олимпийский чемпион Турина биатлонист М.Чудов на спринтерской дистанции 12,5 км пришел на финиш 63-м... Это уму непостижимо! А биатлонистка С.Слепцова после двух провальных гонок заявила на весь мир в телекамеру: «Мы никому ничего не должны». Вот оно, их современное отношение к Родине, к болельщикам и к собственному реноме. Да и система подготовки спортсменов в стране серьезно ослаблена, так как большая часть российских тренеров теперь работает за рубежом.

Кремлевские сидельцы намеревались из спорта сделать некий фетиш для страны, некую искусственную национальную идею. Даже добились проведения у нас следующей зимней Олимпиады, вбухав в ее подготовку баснословные деньги. После не менее провальной для нас пекинской Олимпиады Д.Медведев под шумный пропагандистский гвалт подарил ее медалистам по автомобилю. (Какое было смотреть на этот дешевый пиар безработным селянам или бедствующим писателям!) И что же?! Эта высосанная из пальца «национальная идея» оказалась очередным блефом власти. В футболе главные игры продули, в хоккее с мячом и с шайбой бездарно проиграли, Олимпийские игры в Ванкувере с треском провалили.

Мне заранее было ясно, что российская (наполовину эмигрантская) хоккейная сборная на Олимпиаде не возьмет ничего. Игра с канадцами показала, что у наших хоккеистов просто-напросто отсутствовало стремление к победе. Видно было, что они вышли на лед без азарта, без душевного подъема, в надежде на свой профессионализм и прежние заслуги. Но этого оказалось недостаточно. У канадцев желание победы было намного сильнее. По профессиональному уровню наши и канадские хоккеисты были практически равны, однако верх взяли командный дух, настрой на игру и чувство патриотизма. Что в духовном смысле могли противопоставить сопернику все эти Овечкины, Малкины и Ковальчуки,

уже много лет играющие в американско-канадской хоккейной лиге и получающие там миллионы долларов? Ради чего им биться за честь Отечества? Да и где их отечество?.. Малкин в свое время со скандалом сбежал из России, и его, как ни в чем не бывало, приглашают играть за сборную. Это говорит о беспринципности российского спортивного руководства.

Настало время задаться вопросом: а нужен ли стране этот неимоверно раскрученный спорт именно в качестве нового, чуть ли не языческого идола для поклонения и прославления? Хочу, чтобы меня правильно поняли: речь идет не о физической культуре населения, не о спортивном развитии человека, а о том показушном спорте, превратившемся в телевизионное шоу, в угоду которому ломаются человеческие судьбы, который стал орудием мамоны и требует для себя всё новых жертв, причем нередко в прямом смысле жертв.

Какая всем нам польза от теперешнего «большого спорта», уже давно не способного существовать без колоссальных денежных вливаний, допинговых скандалов, сверхкоррупции, договорных матчей и откровенного судейского произвола? (В Ванкувере судьи традиционно подлю повели себя по отношению к нашим фигуристам.) То есть без всей той грязи и всей той подковерной деятельности, которые все видят, понимают и которые всем стало противно наблюдать. Кто-то скажет: спорт приносит огромные доходы. Кому? Спортсменам? Да. Но нам-то с вами какая от этого радость? Спортивным дельцам, менеджерам, хозяевам команд и стадионов? Конечно. Но нас с вами это как-то касается? Ничуть. Спорт теперь — это частное дело. Поэтому доходы от него идут исключительно в чей-то конкретный карман. В бюджет государства поступает лишь налог с той прибыли, которую не удалось скрыть бизнесменам от спорта. Ажиотаж, раздутый вокруг спорта, это, на деле, один из компонентов медиа-бизнеса, паразитирующего на нашей застарелой привычке к азартному «болению». Но если вдуматься, пользы нам с вами, «дорогие россияне», от этой показушной индустрии пота, крови, интриг и денег нет никакой. Ну, разве что получим недолгое удовольствие от победы любимой в прошлом команды. Почему в прошлом? Да потому что все они теперь наполовину состоят из иностранцев и из перекупленных игроков других команд. Когда мы бурно радуемся победе какой-то из этих команд, то забываем, что радость эта — минутная. Пройдут день-два, и она, радость, бесследно растворится, тем более что вскоре та же или другая наша команда — проиграет. В таком, коммерческом, спорте по большому счету — всё бессмысленно. Кроме, конечно, полученных кем-то огромных гонораров.

Ушли в историю те годы, когда наши спортсмены, выходя на международную арену, в первую очередь думали о престиже своей страны. Сегодня не всех, разумеется, но подавляющую часть волнует только то бабло, которое они могут получить (или потерять). И потому, как ни горько об этом говорить, многие из них становятся невольниками, если не рабами финансовых игрищ их всемогущих коммерческих хозяев.

И все это происходит на фоне нищенского состояния нынешней культуры и в первую очередь русской литературы. Достаточно сказать, что на «поддержку» культуры «демократическое» государство выделяет **менее одного процента** бюджетных средств! Сопоставим эти жалкие крохи с теми сотнями миллиардов рублей, вложенных в строительство спортивных объектов в Сочи. (Не говоря уже об экологическом вреде этому региону.)

Произведения литературы и искусства живут десятилетиями и даже веками, они приносят реальную пользу в духовном развитии народа. Но труд русского писателя и художника государством давно уже никак не оценивается и не пропагандируется (не будем тут вспоминать о дешевых и бездарных телесериалах, а также о чернушной сорокинско-пелевинской писанине). Русский деятель культуры брошен на произвол судьбы, на самовыживание. Мол, дело лично твое: выживешь — ну и ладно, не выживешь — и бог с тобой. То есть культуру эта власть не собирается делать национальной идеей, не желает поднимать на государственный уровень, в отличие от того же рыночного спорта и чубайсовских «нанотехнологий». И не понимает она, эта власть, что начинать-то надо было именно с этого — **с подъема национальной культуры**. Только в этом случае власть имела бы шанс завоевать уважение народа.

Конечно, несомненно, культуру надо поднимать вместе с восстановлением производства (которое, в свою очередь, невозможно восстановить без поддержки науки), потому что иначе даже и культура не спасет страну от разносторонней деградации. Но вместо этого бросать баснословные средства в раскрутку эгоистичного, корыстного, нечистоплотного спорта — это вообще путь в тупик, в дебилизацию общества. Тем более что ответной отдачи со стороны **такого** «большого спорта» мы уже не видим. Да и вряд ли увидим в будущем. Большие деньги его убили.

Эта власть, держащаяся на лукавом красноречии и пустой демагогии, привела к угасанию культуры и науки, к разрушению производства и к губительному перерождению спорта в стране. Нужны ли еще аргументы и факты для нашего ответственного отношения к этой власти?

Но с другой стороны — русские не должны проигрывать нигде и ни в чем. Каждый наш спортсмен, допущенный к международным соревнованиям, обязан сознавать: если уж он выбрал себе эту судьбу, то должен день и ночь готовить себя к победе, так как за его спиной стоят великая история и великий народ. Отбывать номер и приходить к финишу двадцатым или даже десятым он не имеет морального права, потому что на него смотрит весь мир и по нему **судят о самой стране**. Если он приехал всего лишь «поучаствовать», то лучше вообще не участвовать и не позорить Россию. Это не значит, что все должны быть первыми, но это значит, что каждый обязан готовить себя не к участию, а к победе. Но такое, конечно, возможно в другой России — не в рыночной и не в либеральной.

Смешно сказать, но нас по количеству первых мест на зимней Олимпиаде 2010 года превзошли Норвегия, Швейцария, Австрия, Голландия, Южная Корея! Из 270 наград на нашем счету оказалось всего лишь 15, из которых только три золотых. В неофициальном зачете мы заняли общее 11-е место.

Впрочем, всё это закономерно. Чего другого можно было ожидать при бесхребетно-эгоистичных чиновниках из Олимпийского комитета, не способных, да и не желавших отстаивать интересы и престиж России перед охамевшими в своем цинизме деятелями из МОК. Волонтаризм, откровенное хамство и цинизм этих «моковских» деятелей как раз и зиждутся на наших слабостях — и моральных, и физических.

Мы — Россия, огромное государство. За нами героическая и величайшая история. Мы обязаны быть сильнее всех! Но деньги и пустая демагогия властей никого не сделают сильными. Только упорная национальная идеология, охватывающая все сферы нашей жизни, возродит в народе и моральный дух, и чувство самоуважения, и стремление к победе во что бы то ни стало.

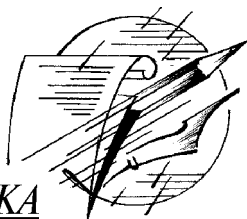
ДЕРЖАВНАЯ ПОСТУПЬ

Всякое царство разделившееся само в себе, опустеет..
(Лк., 11, 17)

СОЗИДАНИЕ

В истории России есть события, которые упорно пытаются представить как эпохальные вехи, точки отсчета нового времени. Среди них: год 1991-й — прорыв из коммунистического рабства в цивилизованный мир; октябрь 1917-го — начало новой социалистической эры; 862 — год призвания варягов, начало русской государственности. Но при всей своей эпохальности все они являются скорее историческими штампами, а не созидательными вехами Державы.

Наша «доваряжская» история и по сей день для многих остается белым пятном, вернее неведомой бездной, из которой вдруг всплыло обширное царство русов. Обратимся же к точным научным данным. При археологических исследованиях в раскопе Межиричи, в 200 километрах от Киева, обнаружена одна из самых древних стоянок человека, датированная 14 тысячелетием до Рождества Христова. На этой стоянке найдены остатки жилища, сделанные из костей мамонта. Устройство жилища указывает на оседлый образ жизни их создателей, т.е. они были местными жителями. Из захо-

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

ронения Сунгирь, между Москвой и Владимиром, извлечены костяные ожерелья состоящие из нескольких тысяч просверленных бусинок, которые по времени еще более древнего происхождения. В раскопе Костенки в Воронежской области открыты древнейшие поселения, состоявшие из нескольких культурных слоев, чередующихся со слоями вулканического происхождения.

Изучение гидронимов (названий рек, озер) позволило сделать вывод о том, что в Поднепровье и верхнем Дону в VI—IV веках до Р.Х., жившие здесь скифы-сколоты говорили на архаическом славянском языке.

Исторической наукой установлено, что в V в. после Рождества Христова было положено начало Киеву — одному из первых русских городов. Основатель его князь Кий стал родоначальником династии Киевичей. По византийским летописям известно, что византийский Император принимал его как почетного гостя. К этому же времени (за 400 лет до призвания варягов) относится и начало царства словен новгородских.

В самом «призвании варягов» в Новгород необходимо прояснить следующее. Имя Рюрик (Рорик) — славянского происхождения, а его родная мать, бабушка и прабабушка были славянками. Общеизвестно, что Умила, мать Рюрика, была дочерью новгородского старейшины Гостомысла, который, будучи бездетным, завещал призвать на княжение в Новгород своего родного внука.

862 год назвать началом российской истории можно только очень условно, имея в виду начало постоянного письменного описания нашей истории и особенное внимание к этому событию правящей в то время династии Рюриковичей. Правильнее говорить не о начале, а о завершении формирования крупнейшего восточнославянского государства.

Взглянув на карту Европы IX века, мы не найдем государства крупнее Древней Руси. «Медвежьим углом» ее можно было назвать в том смысле, что медведей здесь действительно водилось множество, гораздо больше, чем в остальной Европе. Наряду с Киевом и Новгородом уже процветали русские города: Ростов, Изборск, Чернигов, Любеч, Полоцк. Иностранцы называли Русь страной городов. Через всю Землю Русскую пролегал общеевропейский путь «из варяг в греки».

Из всего вышесказанного следует, что русские не были пришельцами-завоевателями на великой Русской равнине, а населяли ее многие века и тысячелетия. Это наши коренные земли.

С принятием Православия Русь становится духовной наследницей Византии, вобравшей в себя все ценности европейской культуры и христианского Востока. Однако великое наследие, воспринятое Русью, принесло ей и многие последующие испытания, порожденные стремлением варварского Запада (в сравнении с Византией) к покорению «схизматического» Востока. Православная Русь впитала с православным духом безграничную силу Духа Святого. Освящаясь Божественной волей, Русь стала святой Русью. Со времени принятия христианства русские землевладения увеличились примерно в десять раз.

История Киевской Руси освещена, может быть, не вполне достаточно, но довольно ярко, а вот времена русского расселения на север и на восток почти неизвестны. Еще во времена монгольского ига начинается это многовековое переселенческое движение.

В то время, когда за землях Южной Руси создавалось Великое княжество Литовское, Новгородская и Владимиро-Суздальская Русь начали разрастание на угрюмый, холодный, полупустынный север к Белому морю. Это был поиск свободы, поиск применения своим нерастраченным силам. Чаще всего русские переселенцы приезжали на необжитые места, укоренялись здесь и превращали дикие края в Северную Русь.

Это продвижение не могло быть гладким, поскольку суровая северная природа не располагала к легкой прогулке, и ее освоение требовало не меньшего, а, пожалуй еще большего напряжения, чем вооруженная борьба за нее. А противостояние со стороны камских болгар, шведов и норвегов было нешуточное.

Туземные народы, с которыми встречалась русская переселенческая волна, относились к пришельцам в лучшем случае настороженно. Кто же обрадуется непрошеным гостям? Однако новопоселенцы умели находить с ними общий язык. Со временем они сливались (ассимилировались) с ними или хозяйствовали чересполосно, не мешая, а помогая друг другу. Незлобие и уважение к людям иной национальности, по-христиански уживчивый характер позволяли русским быстро осваиваться на новых местах. Русское переселенчество проходило в виде естественного разрастания границ, вживания новых земель в большое доброе тело матери-родины России. Местные народы: карелы, ненцы, лопари, пермяки ими были не уничтожены и не поработаны, а приняты в состав русского государства как единоправные среди всех ее жителей.

Конечно, ни одно приобретение новых земель не проходило без огромного внутреннего напряжения, без борьбы. Все земли имели своих правителей, имели и соседей, которые были не прочь захватить их. Поэтому расширение проходило в чередовании — два шага вперед, полшага назад. И все же русская воля оказывалась сильнее всегда. Пусть не сразу; иной раз за пятьдесят лет, иной за сто, иной за двести, иной раз за триста лет проходило присоединение новых земель.

Передовыми отрядами русского переселенческого движения были монахи, казаки и добровольные переселенцы, позже староверы. Одни несли в новые земли высокую духовность, просвещение истинным светом Христовым, другие воинскую доблесть, преданность русскому делу. Все вместе они несли культуру хозяйствования. Кирилло-Белозерский, Валаамский, Ферапонтов, Соловецкий, Александро-Свирский, Артемиево-Веркольский монастыри как духовные столпы освещали первые переселенческие потоки. Они становились духовными, культурными и экономическими центрами. Еще в XIV веке преподобный Стефан Пермский создал азбуку языка коми, которая используется и по сей день. И этот пример не единичен. Казаки выстраивали одну оборонительную линию за другой, зарождая на них казачьи войска: донское, уральское, сибирское, семиреченское, забайкальское, уссурийское, кубанское, терское, гребенское. Переселенцы же искали в новых местах — кто свободу, кто незаселенную землю, кто счастье, кто уходил от притеснений, а кто стремился обновить свою жизнь, чтобы жить по правде. Все вместе они обживали новые земли, обильно поливая ее потом и кровью. Поэтому все русские земли — и старые, и новые — для нас священны.

На Русском севере, в суровых условиях, где зима длится более полугода, русский народ собирался с силами. Ко времени освобождения от монгольского ига Московская Русь вновь стала крупнейшей европейской державой. Отсюда началось мощное неудержимое движение освоения новых земель «встречь солнца» на тысячи километров. В конце XVI в. оно перевалило через Большой Камень (Урал), покрыло необъятную Сибирь, докатилось до самого края земли к побережью великого Океана. И далее — до Курильских островов, а потом и через океан — до американской Калифорнии и сказочных островов Гавайских. Предел великому русскому освоению положила внутренняя смута-революция.

Для того чтобы пройти скорым походным шагом от Москвы до тихоокеанского побережья, понадобится двести дней без остановки. Уму непостижимо: из Японии на Курильские

острова можно на лодке переплыть, а из Тобольска, например, полгода добираться, а они наши, российские. Для того чтобы освоить эти необозримые просторы, нужна была сила воли, терпение, умение. Умение строить, обустраивать жизнь в диких, порой необитаемых местах. Освоить эти земли мог только народ, имеющий колоссальные жизненные силы, любовь к свободе, могучее созидательное начало. Мы не забирали чужое, мы создавали свое. И вот что удивительно. Освоение этих огромных таежных земель происходило в то время, когда русских было всего-навсего 10—12 миллионов человек.

Злые языки поговаривают, что «ничейные» таежные пустыни Сибири прибрать к рукам не составляло труда. Вспомним, в Азии существовали крупные империи: Китай, Индия, Персия, Джунгария, огромные государства кочевников: монголов-киргизов, тюрков. И «бросовые» земли были у них под боком. Однако взять их, кроме русских, никто не смог. Для этого нужна была грозная военная сила, поскольку никто их нам просто так не отдавал. Но не столько силой завоевывались новые земли, а умением ужиться с туземцами (ту землю населявшими).

Об особенности русской колониальной политики говорит следующий факт: сколько приняла Россия в свои объятия — столько и довела до сегодняшнего дня. Даже самые малочисленные из них сохранили свои наименования, национальную память. А попробуйте сыскать потомков жемайтов, ливов, бодричей, лютичей, мазовшан, вислян... не найдете, остались литовцы, немцы, поляки. Такого народа, как молдаване, за пределами Российской Империи нет, а были! Не будем говорить о классическом примере замены американских индейцев на миллионы негров из Африки. Вот это была депортация!

Россия разрасталась сразу во всех направлениях. Почти все евразийское побережье Северного Ледовитого океана наше. Половина азиатского побережья Тихого океана наша. Мы успели превратить во внутренние моря: Азовское, почти полностью Каспийское, наполовину Черное (когда-то называемое Русским) и Балтийское. На востоке внутренним морем стал Байкал. Русское побережье Тихого океана вплотную подошло к Корее. Со временем, без сомнения, российскими подданными стали бы и корейцы, жестоко страдавшие от притеснений японцев. Наши самые удаленные Порт-Артур и Дальний в Китайском море помешала отстоять смута 1905 г. На удержание русских земель в Америке просто не хватило сил и людей.

Веками продвигалась страна на юг. От пограничного в XV в. Ельца до Дуная и Армении. Расширение на юг было обусловлено стремлением к теплым, крайне необходимым нашей северной стране незамерзающим морям. Стремление к контролю над Босфором и Дарданеллами стало на несколько столетий нашей геостратегической идеей. За три месяца до февральской революции 1917 г. она была близка к осуществлению. По договору с союзниками после окончания войны проливы должны были перейти под контроль России. Продвижение на юг было одновременно и возвращением на земли своих предков: антов, роксолан, гетов, неvroв, древнерусского княжества Тмутараканского.

Противостояние германскому «натиску на восток», католическим крестовым походам заставляло нас продвигаться и на запад. Чужие земли нам были не нужны. Своих хватало. И «Окно в Европу» мы прорубали со своей территорией.

Последним шагом имперской поступи стала Тува, добровольно вошедшая в состав Российской Империи в 1914 г.

Как и у человека, так и у государства есть свои обидчики. История России ясно показывает, что ни один из них не остался безнаказанным. Будь то маленькие, но агрессивные страны либо крупные мировые империи. Судьба их была одинаково незавидна. До полной победы сражалась Русь, превратив многие из них в свои провинции. Для нас это была защитительная борьба, спасение от постоянных набегов, разорявших страну, угонявших в рабство ее жителей. Выстраивая оборонительные линии из крепостей, которые со временем превращались в большие города, отодвигалась граница страны все дальше и дальше. Но полностью прекратить опустошительные набеги можно было только захватив сами гнезда и покорив некогда грозных властителей вселенной. В русской геополитике стало традицией победно заканчивать противоборства с захватчиками в столицах своих врагов. Казань, Бахчисарай, Хива, Варшава, Париж, Берлин...

Еще одной отличительной особенностью колониальной политики России является то, что народы, вошедшие в ее состав, добровольно из Империи не выходили (последствия революций рассмотрим ниже). Почему?

Первое: в начальные годы российского подданства на новые земли налагались льготные подати или отменялись вовсе. Они получали финансовую и экономическую поддержку. Причем это было характерно и для имперских времен, и в еще большей степени для Советского Союза. Интернационализм перекачивал ресурсы людские и финансовые на окраины, порою в ущерб коренным русским землям. До рево-

люции наибольший прирост населения был у русского народа, а при советской власти — в Средней Азии и в Закавказье, при этом постоянно уменьшалась численность населения в коренных русских областях: псковской, брянской, тульской, рязанской, курской, тамбовской, воронежской.

Второе: инородцы сохраняли свой традиционный уклад, привычный образ жизни, своих властителей.

Третье: все народы, попавшие под высокую руку Российских государей, получали военную защиту, возможность жить мирно, без боязни подвергнуться опустошению и пленению. Более того, некоторые народы, укрывшись «за сенью дружеских штыков», нашли спасение от полного уничтожения. В первую очередь это относится к армянскому, казахскому, молдавскому народам.

Яркий пример тому — Казахстан. Великая степь была проходным двором Евразии. Сколько по ней прокатилось волн кочевников, которые все уничтожали на своем пути! Здесь поменялись десятки больших и малых государств, империй, союзов племен. Первое достоверное упоминание о казахах (вернее о киргис-кайсаках) относится к XVI в., когда от ногайской орды отделилась небольшая ее часть и кочевала в нынешнем центральном Казахстане. В то время огромные территории от Дона до Китая занимала Джунгарская империя. Со временем джунгары стали изгонять киргис-кайсаков с их кочевий. Первыми о принятии российского подданства стали просить ханы Младшего жуза еще при Федоре Иоанновиче. Им было позволено кочевать за линией русских крепостей яицких, уральских, сибирских казаков. От поголовного вырезания кочевников Младшего и Среднего жуза спасли русские оборонительные линии. Впоследствии ханы Старшего жуза просили российской помощи от притеснений Бухарского эмира. Против бухарцев русские и кайсацкие войска действовали совместно. После разгрома Джунгарской империи в результате междоусобицы и кровопролитной войны с Китаем, огромные пространства степей пустовали. Россия предоставила возможность киргис-кайсацким ордам кочевать здесь под своим покровительством. После вхождения Средней Азии в состав Российской Империи степи кайсацких кочевий были приписаны Туркестанскому генерал-губернаторству.

В 1922 г. на западной части Казахстана была создана Киргизская АССР, а на восточной Семипалатинская и Акмолинские области, потому что населены они были в основном русскими. В 1936 г. на карте СССР появилось название Казахской ССР, куда и вошли Киргизская республика с Акмолин-

ской и Семипалатинской областями и Семиреченская область. Столицей новой союзной республики стал город Верный (Алма-Ата), имя которому дал Император Николай I. Кстати, до революции в Казахстане русских жило больше, чем казахов.

Все мы помним, что в 1950-х годах целинные степи Казахстана усилиями всей страны были превращены в огромные пашенные угодья. Они стали житницей Советского Союза.

Автору этих строк довелось в молодости поработать в казахстанском Мангышлаке с геологоразведочной экспедицией в поисках урановых месторождений. Это была далеко не туристическая прогулка и не безобидная для здоровья. В нашей партии были в основном русские, два грузина и один казах. Очень многие посвятили этому краю всю свою жизнь. Совместно мы его осваивали, обрабатывали и защищали. Казахстан — наша общая земля.

Если Великая Степь была проходным двором, то Кавказ можно сравнить с тугим геополитическим узлом Евразии, тесными воротами на пути из Азии в Европу, где скрещиваются интересы многих стран и народов. Обозрим историю северной его части, который остался в Российской Федерации. Волны великих переселений народов не обошли и Кавказ. Однако большинство горских народов заселилось здесь довольно давно. Наиболее раннее северокавказское государство алан (осетин) существовало с I века н. э. до монгольского нашествия.

На Тамани в IX—XIII вв. существовало древнерусское Тмутараканское княжество. История доносит до нас сведения о совместных действиях русских и осетин против половцев.

В начале XVI в. границы России подошли к Тереку. Казачьи заставы и русские поселения закрепились на Северном Кавказе. Была создана терская казачья линия и основана крепость Моздок.

Первыми из кавказцев русское подданство приняли кабардинцы в 1557 г. Этот союз был укреплен женитьбой Ивана Грозного на Кученей (в иночестве Марии), дочери князя Темрюка Идаровича. Вскоре княжества адыгов и черкесов, спасаясь от разорительных набегов крымских татар, притеснений Турции и Ирана, также переходят под державную руку Русского Царя. Карательные походы персидского шаха вынудили Дагестан искать покровительства России. Отметим, что на полстолетия российские владения простирались и на южное побережье Каспийского моря.

У народов Северного Кавказа было два центра тяготения: Россия и Турция. Устойчивое российское притяжение сохра-

нялось постоянно в течение многих веков. В XIX в. усилилось влияние Турции. Оно привело к т.н. Кавказской войне. Однако заметим, что имама Шамиля поддержали не все кавказские народы. На стороне Русской армии воевали черкесские, кабардинские отряды. Пленен же он был в ауле Гуниб русскими и грузинскими отрядами. После окончания войны Русское правительство не проводило никаких карательных операций. Более того, беспрепятственно предоставляло возможность желающим поискать новую родину. Десятки тысяч горцев выехали в Турцию. Впрочем, там их не очень-то ждали, и многие нашли не духовных братьев, а свои могилы. Впоследствии часть переселенцев перебралась еще дальше — в Иорданию, Сирию, Ливан и др. Свободолюбивые горцы нужны были только для борьбы с Россией в роли пушечного мяса. Шамилю была сохранена жизнь, и до конца жизни он оставался на положении почетного пленника. Русские не мстят поверженному врагу. Имам Шамиль впоследствии призвал быть верными Российскому Трону. И многие горцы, прирожденные воины, верой и правдой служили Белому Царю. Общеизвестны подвиги Дикой дивизии в Первую мировую. Именно ее особенно опасались революционеры. Во время Великой Отечественной войны многие горцы стали Героями Советского Союза. Большинство народов Кавказа с оружием в руках защищали свою общую родину, а не предавали ее. Выступления чеченских, ингушских, балкарских отрядов на стороне гитлеровцев были исключением из общего правила.

Ни у кого не вызывает сомнения, что нынешние т.н. чеченские войны спровоцированы и поддерживаемы из-за рубежа. Чечня исключительно важна как плацдарм для разрушительных действий против России. Плацдарм для контроля нефтяных и наркотококов. Дудаевская армия была создана на американо-турецко-саудовские наркодоллары с советским вооружением. Информационная поддержка бандитских вооруженных формирований имеет общемировой масштаб. Победу Русской армии в первой чеченской войне западные и прозападные СМИ окрасили в черный цвет поражения. Предательский сговор Лебеда с бандитами оформил это поражение юридически. За несколько лет «шариатского» правления независимую Ичкерия, почти полностью очищенную от русских, покинули десятки тысяч мирных чеченцев. Во вторую чеченскую войну 30-тысячная до зубов вооруженная и хорошо экипированная интернациональная банда была разгромлена за полгода. Эта русская победа прямо-таки взбесила общемировых защитников бандитских

прав. Секрет прост. Запад побаивается прямого столкновения с Россией и натравливает на нас своих наймитов. Он заигрывает со всеми, кто хоть как-то может досадить или укусить русского медведя.

Еще один показательный пример российского колониализма — Молдавия. Сразу скажем, что образованию и существованию Молдавское и Валашское княжества обязаны России. На протяжении двух столетий Россия упорно отстаивала их право на жизнь и независимость. Еще Господарь молдавский Антиох Кантемир просил Петра Первого защитить правоверных православных христиан от кровожадных турецких язычников. Кстати, неудачный Прутский поход Петра был попыткой помочь присягнувшим на верность молдаванам. Во всех мирных договорах после русско-турецких войн мы добивались все больших прав молдавскому народу на достойное существование. Пока, наконец, по Адрианопольскому мирному договору 1829 года часть Молдавии не приняла российское подданство, а другая часть (нынешняя Румыния) получила независимость от Османской империи. Показательно, что самоназвание «молдовень» сохранилось только у той части народа, которая жила в России.

Теперь о самой трагической странице взаимоотношений двух ветвей русского народа: великороссах и малороссах. Сколько бы ни искали на исторических картах Украину, мы ее не найдем. Искони это была Киевская Русь. И писала и говорила она на древнерусском языке. В письменных источниках мы не найдем украинской мовы. Понятие окраинные (украинные) земли государства Российского появилось позже и относилось не только к нынешней Украине. Среднее Поднепровье (Киевщина) никогда не было для нас окраиной. Это была коренная Русская Земля. Малая или начальная Русь. К XII веку Киев стал постепенно терять значение общерусского центра. Великокняжеский стол и митрополичья кафедра были перенесены в заочье, во Владимиро-Суздальскую Русь. Монгольское иго разделило единый русский народ на две изолированные части. Западные княжества совместно с Литвой образовали Великое княжество Литовское. Его государственным языком был русский. И первые литовские правители были православными. Однако после женитьбы Гедемина на польской королевишне Ядвиге верховную власть в княжестве захватили поляки. Началась усиленная полонизация и окатоличивание местного населения. Специально для этого была предпринята попытка ввести унию (католическую веру на украинском языке). Тогда-то гордые ляхи и называли эти земли Украиной (окраиной) Речи

Посполитой. Запорожцы крепко бились с ними за Землю Русскую и веру Православную. «...Пошатнулось Шило и почувял, что рана была смертельна. Упал он, наложил руку на свою рану и сказал: «Прощайте паны-братья, товарищи! Пусть же стоит навечно православная Русская земля и будет ей вечная честь!» (Н.В. Гоголь, «Тарас Бульба»).

Документы, принятые Верховной Радой о воссоединении с Россией, были также написаны на русском языке и принимались всем Запорожским войском (так тогда себя называли малороссы) во главе с гетманом Богданом Хмельницким осознанно — после нескольких лет кровопролитной борьбы с засильем польской шляхты. Причем первоначально запорожские старшины искали поддержки и у турецкого султана, и у крымского хана, надеясь, что будут приняты в польскую шляхту и введены в сейм. Вместо этого произошли карательные экспедиции польских войск и тяжелые поражения казаков. Тогда под давлением народа последовало обращение к единоверным русским людям Московского государства. Причем народ еще до решения рады «проголосовал ногами» — переселялся на левый берег Днепра в российские владения. Россия согласилась на принятие в подданство запорожцев, хотя это означало неизбежную войну с Польшей, и чтобы защитить своих единокровных, Царю Алексею Михайловичу пришлось вести с Речью Посполитой эту войну, к счастью, закончившуюся для нас успешно. Русская Земля воссоединилась.

Однако для языка годы шляхтского правления не прошли бесследно. Украинские селяне, находившиеся под властью польских панов, были вынуждены приспособливаться к речи своих хозяев, внося в русскую речь много польских слов. Вот тогда-то и создалась украинская мова. В прошлом веке этот новояз так и назывался русско-польским. А малороссийские горожане по-прежнему говорили на чистом русском, как и раньше.

Плачь по украинской культуре и требование ее защиты от москалей начались в то время, когда малороссы и поляки вновь оказались в одном государстве — Российской Империи. Поляки в своей борьбе за независимость использовали «украинскую карту». Проводилась серьезная идеологическая обработка украинской интеллигенции с нажимом на национальные чувства. У малороссийской старшины не заглохло желание при всяком удобном случае «отложиться» от Москвы ради собственного возвышения. Борьба за украинскую «незалежность» была любя самостийникам. Хотя народу этого не было нужно, защиту от притеснения своих

князьков и помещиков народ мог найти только у непредвзятых московских (или питерских) властей.

После революции недолгая самостоятельность, при которой Киев был захвачен поочередно немцами, поляками, Деникиным и Красной армией, закончилась бегством гетмана Скоропадского в Германию и созданием Союза республик совместно с Белоруссией, Россией и Закавказьем. Советский Союз воспринимался украинцами как единая, общая для всех родина. Севастополь, Киев и Москву защищали одни и те же люди.

На референдуме 1990 года подавляющая часть народа проголосовала за сохранение Союза. Белороссы, малороссы и великороссы суть триединый русский народ. Общий язык, общая история, единая русская цивилизация. На бытовом уровне они настолько переплетены, что ни одну семью на Украине в чисто украинском виде не найдешь. Обязательно среди близких или дальних родственников будут русские, либо белорусы, либо проживающие ныне в России. Развал страны, как топор по живому, разрубил единое народное тело на части. И раны его не перестанут кровоточить, пока не срастутся. Украинцы стали разделенной нацией. Всего на Украине сейчас живут 37 миллионов украинцев, а за границей 8 млн., 4,3 миллиона в России, 800 тыс. в Казахстане, 600 тыс. в Молдавии, 300 тыс. в Белоруссии, 1 млн. в Канаде и США.

Западу очень хочется оторвать Украину от России. Но содержать ее он не сможет. Даже маленький Израиль для Америки тяжелая обуза. Даже на прозападных прибалтов силенок не хватает. Так что украинские паны напрасно мают свою незалежность в помощи Запада, в заступничестве НАТО. Самостоятельную Украину Америка кормить и обувать не будет. Украину смогут прокормить только... сами малороссы. Натовцы с готовностью защитят, но не украинский народ, а марионеточную верхушку.

Как видим, естественное разрастание Российской Империи происходило тремя путями: а) освоение новых необжитых или малообжитых земель, (Беломорье, Заволжье, побережье Ледовитого океана, Урал, Сибирь, Чукотка, Камчатка); б) добровольное вхождение многих народов и государств под власть Русского Царя для защиты от внешних нападений (Грузия, Дагестан, Азербайджан, Казахстан, Молдавия, Курляндия, Тува); в) поглощение очагов постоянной опасности, угрожавших русским землям (Крымское ханство, Казанское ханство, ногайские и калмыцкие орды, Польша, Хивинское ханство); г) воссоединение с временно отпавшими землями (Украина, Белоруссия, Сахалин, Курилы, Смо-

ленск. С белорусами мы пытаемся соединиться третий раз — в XVIII веке, в 1939 году и сейчас).

Россия не приобрела ни пяди земли несправедливо, т.е. в результате захватнических походов. Ее пределы расширились естественным образом, подобно росту человека. Вся Российская земля — наследие наших предков.

Мы гордились, что в нашем Российском мире собрались сыны многих мировых цивилизаций: собственно русской (малороссы, великороссы, белоруссы); балтийской (литовцы, латыши, эстонцы); романской (молдаване); картвельской (грузины); северокавказской (абхазы, кабардинцы, черкесы, адыгейцы, аварцы, лезгины); тюркской (туркмены, узбеки, азербайджанцы, чувашаи, алтайцы); волжской (татары, башкиры); угро-финской (мордва, мари, карелы, коми, удмурты, ханты, манси); коренных народов севера (саамы, ненцы, эскимосы, чукчи); сибирской (якуты, эвены, эвенки, коряки); маньчжурской (нанайцы, ульчи, удегейцы); сибирско-бурятской (тувинцы, буряты) культуры кочевников (калмыки, ногайцы, казахи, киргизы); потомки древнейших государств мира (армяне Урарту и таджики Парфянского царства). Такого созвездия цивилизаций не знала ни одна Империя. Собрать воедино столько народов без помощи Божией невозможно. Тяжкий крест народа-собирателя по Промыслу Божию был водружен на рамена народу Русскому.

Наши сложные и запутанные отношения с главным сепаратистом Империи — Польшей не были с нашей стороны захватническими и безжалостными по отношению к поверженному сопернику. Разделы Польши в конце XVIII в. между Россией, Австрией и Пруссией возвращали в состав Империи западные русские земли. Равно как и ее раздел в середине XX в. между СССР и Германией. Больше того, после 2-й Мировой войны Польша получила благодаря нашей поддержке земли, о которых могла только мечтать. Будучи в составе Российской Империи, она имела свою особенную конституцию. Польские восстания не были освободительными в чистом виде. Они были замешаны на революционном брожении и еврейской эмансипации.

Отпадения частей Империи произошли после революции. Враги России, зная, что в открытом бою нас не одолеть, запустили механизм внутреннего разрушения страны. Для идеологического прикрытия использовали две идеи: «Россия — тюрьма народов» и «право наций на самоопределение вплоть до отделения». Эти масонские лозунги не способствовали народному самоопределению, но подталкивали к противо-

стоянию с Москвой. Сепаратистские (отделительные) движения стимулировались и направлялись внешними силами.

После февральской революции самоопределились Польша и Финляндия, после октябрьской — Прибалтика. Поляки, пользуясь слабостью Советской республики «самоопределили» в свою пользу западную Украину и западную Белоруссию, румыны — Бессарабию.

Страна была разделена на отдельные республики. Однако большевики очень быстро поняли, что сепаратистские движения свободлюбивых народов смертельно опасны для них самих, и поэтому железной рукой объединили распавшиеся части в добровольный Союз Советских Социалистических Республик. К 1940 г. они сумели вернуть почти все утраченные земли, кроме Польши и Финляндии. Крестовому походу во главе с Германией противостоял уже единый советский народ — русский и другие российские народы, объединенные идеей защиты единого отечества. Русский народ, претерпевший за двадцать революционных лет невиданные, дикие гонения, потерявший десятки миллионов своих лучших сынов, нашел в себе силы противостоять непобедимой армии третьего рейха. И не только достойно воевать, но разгромить эту прекрасно вооруженную общеевропейскую армаду. И не только одолеть непобедимую армию, но и освободить из-под германской пяты половину поверженной нацистами Европы и по-русски добить обезумевшего зверя в его логове. Это была действительно Великая Отечественная война Русского народа. И даже сейчас мы все еще не полностью осознаем величие этого всенародного подвига.

Россию нацисты предполагали превратить в пустыню для заселения «цивилизованными» «чистыми» арийцами, а она наперекор всему распространила свое влияние на всю Восточную Европу. Хотя законодательно присоединена была лишь Восточная Пруссия (Калининградская область) и возвращены Южный Сахалин и Курильские острова. Русские надолго отбили охоту кому бы то ни было вторгаться на родную землю.

КРУШЕНИЕ

История создания Российской Империи — СССР показывает, что Россия не только не была тюрьмой народов, Россия была семьей народов. И в семье бывают внутрисемейные неурядицы, а тем более в таком сложном организме, как многонациональное государство. Однако очевидно, что никаких непоправимых причин для развала нашей страны в 1990 го-

дах не было. Признаем, что железобетонная система развитого социализма сдерживала многие важные процессы жизнедеятельности страны. Мы все были придавлены ложной идеологией марксизма-коммунизма, жизнь была спеленута бюрократическими путами, связывающими инициативу, однако все это было легко поправимо. В конце 1980-х необходимость перемен стала ясной почти всем, сверху донизу. Поэтому так доброжелательно была встречена перестройка. Но под прикрытием правильных слов был устроен невиданный разгром стране. Худший мы испытали только от монгольского, польского и фашистского нашествий. 1990-е годы были очередным этапом многовековой противороссийской революции. Вспомним, Горбачев перестройку так и называл революцией. В результате произошло одно из самых страшных крушений Державы.

Референдум 1990 г. наглядно показал, что народы Советского Союза не желают самоопределяться-разъединяться. Вернее говоря, самоопределением народов было желание сохранить единство. Расчленение страны было проведено фактически сверху. Горбачев в сговоре с республиканскими секретарями КПСС подготовил «Новый союзный договор» о превращении единой централизованной страны в конфедерацию. Советские республики — части единой Империи должны были «свободно» отдалиться друг от друга. В этом была личная заслуга Горбачева перед его зарубежными хозяевами. Накануне подписания договора произошла неумелая и, вероятно, спровоцированная попытка ГКЧП противостоять развалу страны. Завеса тайны, которая и по сей день висит над этим карамельным путчем, говорит о том, что он был одним из вариантов «бархатной» революции по западному сценарию. Но и после этого жестокого удара страна устояла. Решения республик о независимости не предполагали расчленения государства (за исключением прибалтов). Речь шла о самостоятельности внутри Союза. Ельцин по-большевистски довел дело до логического конца. Договор декабря 1991 г. также покрыт непроницаемой завесой тайны, но некоторые просочившиеся детали приоткрывают ее. Первым, кому доложили беловежские подписанты о содеянном, был американский президент Буш.

Горбачев и Ельцин были пешками в большой игре. Они выполняли волю «вашингтонского обкома» мирового правительства. Но ответственность главных исполнителей разрушения нашей родины лежит лично на них.

Ельцину не оправдаться тем, что он якобы создавал союз Россия—Белоруссия. Он оттягивал, сколько мог, его созда-

ние, и только ради самосохранения и поднятия рейтинга накануне выборов шел на уступки стремлению народов к воссоединению.

Горбачев не сумел сохранить в целостности принятый им в правление могучий Советский Союз. Единственным его положительным деянием стал референдум о сохранении Союза. Народ высказался твердо за единство страны, несмотря на все усилия «агентов влияния». Кстати, если бы сейчас провести подобный опрос на всем пространстве СНГ, то результат был бы, без сомнения, еще более убедительный. «Почетный немец» Горбачев упорно стремился ни под каким видом не допустить создания Славянского союза, который предполагался по беловежскому договору. Успокоился он только после образования расплывчатого Содружества Независимых Государств.

Разрубили единое тело на части. И теперь мучаемся по отдельности; отдельно голова, отдельно ноги, отдельно живот, а скрестись нам не позволяют цивилизованные общечеловеки. Если куски не сростутся, то рано или поздно они будут проглочены соседями.

Уместно здесь сказать о понимании независимости новыми государствами. Они ее понимают как неподвластность от центральной кремлевской власти, а не от российских ресурсов, рынков сбыта, места заработка. Нашими ресурсами и возможностями они без стеснения пользуются по старой памяти, как «младшие братья». Ни одно из освободившихся государств не стало независимым в прямом смысле. Более того, почти все попали в долговую яму международных валютных компаний, с удовольствием влезли в ярмо заграничных покровителей. Многие СНГовские правители жаждут навластиться власть — позаботиться о себе и своих близких. Развал экономики, обнищание народа, его расслоение на очень богатых и очень бедных, коррупция, несамостоятельность государственной политики, разгул преступности, ожесточенные межплеменные, межрелигиозные и межсоциальные столкновения — вот характерные признаки «послесоветского пространства». Перед центральноазиатскими республиками встала еще и реальная угроза военной интервенции.

Особняком в этом ряду стоит Белоруссия. Для большинства белорусов, как и для великорусов, непонятен и неприемлем разрыв. С первых же дней независимости началось стихийное движение за восстановление единства. Благодаря настойчивым усилиям белорусов во главе с Александром Григорьевичем Лукашенко происходит воссоединение наших народов. При упорнейшем сопротивлении Запада и «агентов

влияния» в Москве и нашем бездействии. Союз Россия—Белоруссия—Украина может стать образцом для всех желающих воссоединения.

Белоруссия и, пожалуй, еще Туркмения шли последние годы не по пути собственного разрушения и закабаления мировыми финансистами, а приспосабливая то, что есть, к новым условиям. Их пример доказывает, каким огромным потенциалом обладала Держава до развала. Какой же мощи достиг бы Советский Союз к 2000 году! Нужно-то было не реформы проводить по указке МВФ и ЦРУ, а, идя своим путем, исправить несуразности развитого социализма. Пример Китая перед глазами. Его Америка сейчас боится так же, как раньше нас.

Прибалтийские республики, наиболее устойчивые сепаратисты, несмотря на огромную поддержку и прямую помощь Запада, и по сей день остаются, да, пожалуй, и останутся в будущем в сильной зависимости от России. И только мягкотелость Кремля позволяет им безнаказанно вести откровенную антирусскую политику.

Однако, хоть и медленно, но происходят изменения в сознании самих «освободившихся». Показательны в этом отношении главные застрельщики «развода» братских республик по независимым квартирам — Армения и Литва. Они уже переболели русофобией и теперь ведут более взвешенную политику. А для Армении Россия, как и в начале XX века, стала единственной спасительницей от притязаний иноверцев.

Почти все «независимые» государства содружества находятся либо в плачевном, либо в катастрофическом состоянии. И их положение будет все более ухудшаться. Они проели и истратили все, что было накоплено за годы «союзной зависимости». Правящие верхушки держатся пока за счет «финансовой подпитки» зарубежных покровителей.

Так почему же в 1991 году распалась великая Держава — Советский Союз? Ни политических, ни экономических, ни этнических, ни каких-либо других неизбежных причин к этому трагическому событию не было. Вернее, причина одна была — война. Наши противники в этой войне, опасаясь в открытую выступить против России, в очередной раз успешно использовали испытанное свое оружие — революцию. Им удалось провести в партийную верхушку своих агентов влияния, которые, захватив власть, совершили революционный раскол страны по старому масонскому плану по указке ЦРУ.

Для развала страны мировая закулиса пожертвовала своим детищем — коммунизмом, с помощью которого была повержена Империя в начале века. В России он уже выработал

свой разрушительный потенциал. Народ приспособился жить по-своему, терпя коммунистический диктат, как досадную, но не опасную необходимость. Более того, компартия превратилась в некий цемент, закрепляющий целостность страны. В ее недрах выросло влиятельное патриотическое крыло. Но антикоммунизм все же был только прикрытием. Главный удар наносился опять по России, ее имперской сущности. Имперское сознание было объявлено таким же страшным злом и преступлением, как патриотизм в 1920-х. Полились реки слез об «угнетенных народах» и необходимости самоопределиться подальше от «диктата Москвы», покончить с ее «захватнической политикой». Поэтому сейчас важно помнить, как же в действительности российские народы оказались в составе громадной Империи.

Поразительны безволие и обреченность народа при развале родной страны. Как замороженные, мы наблюдали за происходящим и не предприняли никаких усилий, чтобы остановить разгром. Еще более непонятно бездействие после того, как всем стало ясно, что «независимость» никому не принесла облегчения, радости и свободы, но, наоборот, принесла нищету и неисчислимое горе. Подсознательно все понимают, что раскол плох, но сделать ничего не могут. Как кролики перед удавом. Но непонятность эта как раз очень понятна. Революционный лозунг «Свобода и независимость» сыграл такую же роль, как в предыдущие революции «свобода-равенство-братство». Через средства массовой информации идея завладела миллионами и превратилась в непреодолимую силу.

НАШИ ДЕЙСТВИЯ

Что же можно предпринять в теперешних условиях? Перво-наперво надо прояснить свои головы, перестать воспринимать сложившееся положение как терпимое. Очевидно, что положение худо для всех народов «бывшего СССР» (как любят повторять демократические попугаи). Это губительное для всех положение надо исправлять. Исправлять не откладывая. Закон инерции действителен и для государств — после долгого застоя обязательно наступят бурные события. На наше горе, перестройка внутренней жизни закончилась разделением Советского Союза на части, разгромом нашей общей Родины. Постепенно волны этой встряски улеглись, и люди волей-неволей стали привыкать к произошедшему разгрому. И это очень плохо. Ни в коем случае нельзя допускать успокоения при раздробленности страны.

Никто не может утверждать, что новые государства действительно стали независимы. Свободу получила лишь незначительная кучка, приютившаяся у кормила власти, и свобода их заключается не в независимости государственной политики, а в свободе наживаться за счет своего народа. Никто не смеет сказать, что разделение произошло по воле народов. Референдум однозначно показал, что народы разделения не желают. На расколотых частях многократно участились так называемые нарушения прав человека. Нарушены и нормы международного и государственного права. Расторжение Союзного договора 1922 года, которым прикрылись развальщики, не может послужить юридическим обоснованием прекращения существования СССР. Тот договор подписывали четыре республики, а расторгали пятнадцать. Выход из состава Союза ССР предусматривал определенные государственные процедуры. Ни одна из выходящих республик этого не сделала. Даже подписание Горбачевым, после августовского сидения, разрешения выхода прибалтийских республик из состава СССР было незаконным. За что заместителем генерального прокурора СССР В.Илюхиным на него было заведено уголовное дело. Юридически Советский Союз существует. Законолюбивый Запад не заметил этого казуса, потому что для него развал нашего Союза гораздо важнее любой конституции, хоть советской, хоть американской (американская конституция запрещает финансировать иностранных политиков, но «понятливых» президентов СНГ и «соцлагеря» они содержат).

Все новообразованные государства называют себя демократическими. Одним из главных элементов демократии является выявление мнения народа по важнейшим государственным вопросам. Необходимо не откладывая начать активную борьбу за проведение референдумов о восстановлении единства страны. Демократы яростно сопротивляются подобным опросам. Но, господа демократы, раз демократия — значит, демократия. Извольте услышать мнение демоса.

Воссоединительная деятельность в свободных республиках чрезвычайно затруднена, находится, можно сказать, под негласным запретом, а кое-где вообще квалифицируется как антигосударственная деятельность. Хозяйничая, как и раньше, в России, бывшие республики зорко следят, чтобы мы не «вмешивались во внутренние дела независимых государств». Мы вынуждены приспосабливаться к существующим условиям, потому что Запад бдительно охраняет «общечеловеческие ценности» и «права» титульных наций. Но Россия не имеет права оставлять на произвол местных демократов 25 мил-

лионов русских людей, никогда не покидавших своей Родины, но в одну черную ночь превратившихся в иностранцев. Яростная сепаратистская идеология назвала их оккупантами, чуть ли не душителями национальных культур и вообще виновниками всех бед. Началось активное и пассивное «выдавливание» (точнее изгнание) русских из национальных окраин.

Отношение к вынужденным иностранцам наших революционных демократов стало еще одним их преступлением. Те, кто остался, были брошены на произвол судьбы, и даже упоминание о них считалось чем-то неприличным, а те, кто переезжал в Федерацию, попадал в бюрократические сети и воспринимались как непрошеные гости. «Сердобольные» правозащитники, конечно же, не замечали никаких нарушений прав человека по отношению к этим русским людям. Да и какие «нарушения»?! Это огромное человеческое горе, незаживающая рана на всю жизнь. Для «правозащитников» это не предмет беспокойства.

Очень показательно, что вслед за русскими в Российскую Федерацию потянулись тысячи, десятки и даже сотни тысяч представителей титульных наций новых «независимых государств». Посмотрите: Москва наполнилась азербайджанцами, чеченцами; Сочи — армянами; в тульские, липецкие, тамбовские, калужские деревни съезжаются молдаване, украинцы, дагестанцы... Зададим риторический вопрос: чем так плоха стала для них освободившаяся от векового гнета своя страна и чем стала так мила угнетающая их Россия? Пора разобраться, кто и с какой целью внушал новым «титульным народам», что они имеют право господствовать над остальными?

Никто не сможет оспорить, что промышленность в Советском Союзе была создана в основном русскими руками. Равно как и разведка и освоение полезных ископаемых. И именно за счет продажи полезных ископаемых и остатков промышленности существуют новые страны. Да и границы этих стран откуда взялись? Не от большевистских ли нарезок российской землицы? Многие из них никогда не были отдельными государствами.

Всем нам надо твердо усвоить: в Российской Империи — Советском Союзе титульной нацией являются русские. Все земли России политы потом, кровью и слезами русского человека. Впрочем, в Российской Империи не было даже понятия титульного народа. Все были государевыми подданными на равных.

Русским надо избавиться от растерянности, от губительного сна по отношению к Большой России, по отношению ко всему русскому народу (и в самой РФ, и в «ближнем зарубежье»). Мы должны почувствовать себя единым народом, временно разделенным незаконными границами.

Русские — государствообразующий народ. От воли и действий русского народа зависит будущее нашей Родины и каждого россиянина. Оборотясь к своему сердцу, скажем себе честно, что в расколе есть грех каждого из нас. У кого действием по неведению, у кого бездействием. И грех свой каждый из нас должен искупить. А искупить его можно только воссоединив все части некогда единой страны. Это уже не будет ни Советский Союз, ни Российская Империя, это будет новое государство. И это новое государство будет прямым наследником Союза-Империи. Борьбу за объединение затягивать нельзя, но спешить надо разумно. Раз уж раскол произошел, то воссоединение должно быть зрячим. Россия никого не затягивает в свои объятия. Она единственная, кто выживет при любых условиях. А вот братские республики вынуждены будут прильнуть к России. У них два реальных пути: полуколониальное существование либо союз с Россией. Но нам злорадствовать нельзя, мол, все равно на брюхе приползут. Россия примет блудных сыновей и дочерей и защитит. Так всегда бывало.

Русским необходимо озаботиться судьбой своих родных братьев, которые остались за границей Российской Федерации. Это наше законное право. Более того, это наша святая обязанность перед своими отцами и детьми. Мы не имеем права спокойно жить и спокойно умереть, пока не восстановим целостность нашей Великой Родины. Иначе мы не русские, не потомки Великого Народа. Но действовать надо исходя из реального положения. Простого решения этого сложнейшего вопроса нет. Нужно запастись терпением и упорно действовать.

Добиваться, чтобы восстановление незаконно порушенной страны стало одним из важнейших направлений государственной деятельности России.

Наладить постоянные деятельные связи со всеми соотечественниками в Большой России независимо от принятия гражданства. Мы должны защищать права русских людей в «ближнем зарубежье» и через правительственные, и через общественные и правозащитные организации. Их жизнь должна постоянно освещаться в средствах массовой информации. В государственных СМИ обязательно.

Министерствам национальностей, по делам СНГ, культуры и иностранных дел необходимо выработать совместную

программу поддержки соотечественников за рубежом как на государственном уровне, так и на уровне общественных организаций и личных контактов. Программа должна быть открытая, понятная, широко пропагандируемая, предназначенная и для чиновников, и для творческой интеллигенции, и для простых людей.

Всемерно поддерживать Русскую Православную Церковь, духовно объединяющую православных на своих канонических землях — по всей Большой России.

Создавать и поддерживать существующие русские и славянские культурные объединения. Культурные связи должны быть масштабными и массовыми. Проводить постоянные концерты, выставки, выездные заседания творческих союзов, встречи соотечественников здесь и там. Научные конференции, обсуждения наболевших проблем на уровне парламентов и правительств.

Постепенно вовлекать русские общины Содружества в общеполитическую деятельность России. Русские за рубежом, пострадавшие, прошедшие круги ада, научившиеся действовать в сложнейших условиях, испытавшие на себе все прелести новых демократий, способны на многое. Неоценима будет их помощь в общероссийской политике.

Вести разъяснительную работу о пользе воссоединения и в России, и в зарубежье. Особенно в славянских землях.

Надо строго спросить с тех, кто участвовал в развале страны и сейчас мешает воссоединению.

Добиваться проведения референдумов, общественных опросов о воссоединении, где это возможно. Постоянно голос народа должен громко звучать, заглушая лживых разъединителей. Этого разъединители боятся как огня. Вспомните, какой переполох наделал предполагаемый, но так и не осуществившийся референдум о статусе Крыма. В России тоже не дали провести опрос об объединении с Белоруссией. Давно идет сбор подписей за проведение референдума об объединении Белоруссии, Украины и России. Надо добиться его проведения.

Создавать совместные предприятия внутри Содружества, освободив их от таможенных пошлин.

Создавать совместные миротворческие силы для противодействия внешней агрессии и терроризму.

Пора отбросить страусиную политику по отношению к тем, кто желает сближения с нами: Приднестровью, Крыму, Гагаузии, Семиречью, югу Западной Сибири. Мы боимся обидеть бывшие братские республики, но они не боятся нас оскорбить и предать, вести двойную игру и антирусскую поли-

тику. Ни одна развитая страна мира не позволяет себе разговаривать с Россией, как мы позволяем это делать нашим бывшим республикам. Как только мы поведем твердую линию поддержки пророссийски настроенных земель, так другому заговорят и новые «независимые». И почему, например, Молдавии можно было самоопределиваться от СССР, а Приднестровью от Молдавии нельзя? Кто запретил? Дядя Сэм? Или дядя Миша с дядей Борей? Если Россия только начнет рассмотрение просьбы о приеме под свою высокую руку Приднестровья, потянутся и все остальные. Тогда независимыми останутся только резиденции президентов бывших «независимых государств».

Нас не должно смущать, что многие местные президенты не заинтересованы в реальном объединении, в этом кровно заинтересованы наши народы. Мы открыто объявляем, что мы никого силком не притягиваем, тем более не завоевываем. Это есть всеобщее стремление. Противники объединения есть враги своих народов и стяжатели личного благополучия.

Желательность, вернее необходимость объединения наших земель, наших республик имеет множество объективных причин. На самой поверхности, что называется, лежит экономическая целесообразность. Единый экономический механизм Советского Союза может полноценно работать только в собранном виде. Даже богатый нефтью Азербайджан в одиночку не смог создать новой экономики. Первыми государственными объединениями и стали Таможенный и Евразийский экономические союзы.

Угроза собственной безопасности еще более настоятельно подталкивает к объединению. Те, кто на себе испытал реальность войны, двумя руками за военное сотрудничество с Россией. А кто же еще защитит? И так по мере знакомства с агрессивными соседями это станут осознать и другие.

По-прежнему объединяет нас и культурная общность. Мы все еще дети единой страны, воспитанные в единой школе, на одних и тех же книгах и фильмах, со всеми любимыми поэтами и артистами.

Объединяет нас и русский язык. Третий мировой язык. Он общий для всей Большой России. Все многосторонние переговоры в СНГ ведутся на русском. Произведения даже самых талантливых лезгинских, каракалпакских, ненецких писателей останутся неизвестными в мире, если они не переведены на русский.

Очень многие семьи теперь разделены границами. Не говоря уже о том, что раньше побывать в Крыму, на Кавказе или полюбоваться Таллином было делом обычным почти для каждого.

Объединение необходимо всем нам, всем нашим народам. Это же очевидно. Разъединителей в тысячу раз меньше, но они более крикливы, деятельны и хорошо оплачиваемы за границей. И все же пора, давно пора поставить все с головы на ноги.

Вероятнее всего, объединение будет проходить в несколько кругов. Первый — союз с Белоруссией. Второй — с некоторыми братскими республиками, переболевшими синдромом независимости. Для нас важнее было бы воссоединение с Украиной, но она еще не переболела своей «незалежностью». В третьем круге возможны изменения границ Империи. Место тех, кто еще не дозреет до объединительных действий, возможно займут Сербия, Северная Корея, Вьетнам, Куба... Четвертый объединительный круг не будет очерчен единой государственной границей, а в чем-то будет напоминать разрушенный в ходе холодной войны СЭВ (экономическая взаимопомощь с нашими союзниками). Такая форма союза будет приемлема для Ирака, Монголии, Кипра, Лаоса, Словакии, Македонии, Болгарии, Палестины, Ливии... И это не утопия, а один из возможных путей развития мировой цивилизации. Нет, никак нам, русским, не избавиться от идеи всемирного братства! Всемирного братства, а не мирового правительства.

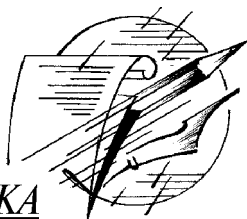
По Божественному Промыслу создаются страны трудами народными, по грехам людским терпят крушения и по воле Божией могут быть воссозданы ради мира и справедливости.

ПУТЬ РОССИИ

Человеческая мысль призвана что-то творить. Кто-то из греческих классиков сказал, что творчество является переходом от небытия к бытию. И в этом смысле, конечно, общество всегда будет инновационным.

Однако я боюсь, что те инновации, к которым нас призывают, совершенно не учитывают колоссального новшества, которое нам несет наступивший XXI век. А именно: все мы (я имею в виду мое поколение и поколение моих учителей и родителей) воспитаны на «концепции прогресса». Она была сформулирована в эпоху Просвещения и заключается в том, что все человечество равномерно движется к какой-то определенной цели, которая и называется цивилизацией. И с этой точки зрения существуют передовые и отсталые страны — иначе это было бы бессмысленно.

Против нее разные авторы высказывали возражения. Первое систематическое изложение этих возражений принадлежит нашему соотечественнику Николаю Яковлевичу Данилевскому, которое он сделал в книге «Россия и Европа». (Затем его развил немец Шпенглер в книге «Закат Европы».) Мнение Данилевского заключается в том, что прогресс — это идеологическое оружие западной цивилизации, которая сейчас господствует

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

над большей частью мира. Это такое оружие войны. Запад (или, как говорит Данилевский, «романо-германский культурно-исторический тип») покоряет себе многие страны военным путем. Это можно видеть в Африке, Индии, Америке, Австралии. Но подспорьем этому служит идеологическая концепция прогресса. Страны делятся на передовые и отставшие.

Мне кажется, Данилевский высказывает очень глубокую мысль: цель человечества заключается вовсе не в том, чтобы все время идти в одном направлении, а чтобы исходить все поприще человеческой деятельности в разных направлениях. То есть, я думаю, тем самым Данилевский заменяет модель прогресса, которая предполагает одномерное движение истории, на многомерную модель, гораздо более богатую. И Данилевский как раз подчеркивал, что неприязнь к России развита на Западе именно потому, что Россия развивает цивилизацию, основанную на других принципах. Если западная концепция заключается в покорении себе космоса, то в России господствует другая точка зрения, которую многие идеологи называют «уживчивостью»: умение жить бок о бок с другими народами. Это и было фундаментом Российской империи. Это и есть путь России.

Я думаю, что знания в принципе не передаваемы в рынок. Они не имеют цены. Ими торговать на рынке невозможно. Возьмите историю развития советской математики. Вся она — несколько поколений! — началась из школы академика Николая Лузина, которая возникла во время Гражданской войны. Тогда здесь была полная нищета, и математик и поэт Лазарь Люстерник живописал школу Лузина так: «Каток в пустынном коридоре, Горячие здесь только споры». А потом, когда была возможность уезжать за границу, из школы Лузина не уехал никто. То есть тут имеется некоторое духовное тяготение, чувство открывательства, которое и является до некоторой степени той ценой, за которую люди продают свой продукт.

Польза науки довольно относительна. Человечество все больше похоже на ребенка, которому говорят: «Не суй пальчики в электрический выключатель, потому что он кусается», а он сует туда пальцы. Человечество к чему-то такому приближается и в атоме, и в генных исследованиях, и в прочих отраслях науки. Это опасно атомной войной, например. Или — что значит генная хирургия? Конечно, голова у человека будет работать в любом случае, но все зависит от того, в какую сторону направлены интересы. Например, порох был открыт в Китае за несколько столетий до того, как он по-

явился в Западной Европе. Но он использовался для фейерверков, и никому и в голову не приходило использовать его в военных целях. А как только порох был открыт в Западной Европе, его тут же начали использовать сначала для артиллерии, потом для ружей и пистолетов.

РАН — очень архаичное, старинное образование. Примером является наш Математический институт, в котором я всю жизнь проработал. Его в коммунистическое время инспектировали представители райкома. Они говорили разумную вещь: «Выбирайте одно из двух: либо ученые являются свободными художниками и могут жить со своих доходов, либо они должны снимать номерки». («Снимать номерки» значит отмечать свое присутствие на работе каждый день, вешая номерок на место, когда уходишь со службы.) Но наш директор как-то лавировал. Я помню, что мне звонила его секретарь и говорила, что «завтра предполагается инспекция института, позаботьтесь о том, чтобы в отделе сидели какие-то люди и писали». Я звонил всем сотрудникам отдела и просил их прийти.

Но математика развивалась! Причем как: уровень ее развития определял и уровень технического и военного развития. Я помню, когда американцы создали атомную бомбу, то у нас ученым почти в три раза увеличили зарплату. С этого момента вопрос «Будешь ты сыт или нет?» перестал существовать. А до того это было вопросом жизни, для меня, по крайней мере. Потом то же самое произошло в Америке, когда у нас запустили спутник и Гагарина. Тогда я сказал остроту, которую много раз повторяли: «Вы тогда нам помогли, а теперь мы вам платим долги». Но очевидно: в уровень развития науки не следует вмешиваться. Как он пошел, так пусть и идет! Если реформировать что-то в Академии, то лучше не будет, станет только хуже. Мы же видели, что началось, когда начали страну реформировать. То же самое и в Академии будет.

Я думаю, что не нужно навязывать ученым какие-то «прорывные» направления. Это решают сами ученые. Должен быть интерес к какой-то области. Когда она интересна, идеи начинают занимать и молодых людей. В Америке тоже вопрос ставили так: для военного ведомства нужно развивать такие-то разделы математики, и мы будем давать на них деньги. А потом математик Джон фон Нейман, эмигрировавший в Штаты, объяснял: выгоднее давать деньги просто на науку. Уже потом, как результат, разовьются те области, которые интересуют военные ведомства. Конечно, деньги нужны в каком-то количестве, но я думаю, что превалирующим моментом является наличие интереса.

Посмотрите на русских крестьян. Как говорят о них исследователи? В начале XX века появилась большая школа так называемых аграрников, исследовавших сельское хозяйство. Это Чаянов, Кондратьев, Чупров и прочие. Может быть, еще Менделеева стоит упомянуть, который подчеркивал большую роль артельного начала в любой деятельности. Так вот, они писали, что к крестьянской политической экономике неприменимы категории стандартной политической экономики: выгода, эксплуатация и т.п. Поэтому крестьянское хозяйство в критических условиях, например, в случае недорода, оказывается гораздо более устойчивым, чем хозяйство, ориентированное на доход. Для крестьян доходом является возможность заниматься тем, чем они хотят. Крестьянин мог бы бросить деревню и уйти в город. А большинство из них этого не делало. Это проявление того, что была в них какая-то сила.

Это же относится и к науке. Для успеха науки важно помнить, что это творческая область, так же как земледелие или поэзия. Важно то, что человек может заниматься тем, чем ему хочется в данный момент. Тогда это дает необыкновенные результаты. В земледелии это видно по тому, что исследовавшие этот вопрос аграрники до революции (а отчасти и после, в период нэпа) говорили, что сельское хозяйство дает поразительные результаты. Именно потому, что человек занимается любимым делом. Он родился на своей земле, знает каждый клочок, знает, где что сеять надо. Нужно просто предоставить крестьянину возможность начинать на одном участке, на который больше светит солнце, работать раньше, а на другом, где больше тени, позже. В разных местах своей собственной земли надо работать в разное время. Так и в науке, и в бизнесе: надо дать людям возможность делать то, что им нравится. Мне так кажется. В результате все получится неожиданно продуктивным, намного более, чем если ставить себе цель эту продуктивность развивать — как задачу.

Экономический кризис произошел из-за того, что весь мир подчинен западной цивилизации, которая сейчас переживает явный экономический и демографический конец. Это очень похоже на то, что происходило с Римской империей где-нибудь в V веке. Лучший специалист по Римской империи Михаил Ростовцев писал: «Самые дееспособные легионы состояли из тех самых варваров, с которыми они должны были воевать». То же самое сейчас происходит во всем мире. Катастрофически падает количество людей европейского происхождения. Их места занимают представители того самого мира, с которым, как европейцы сами считают, они ве-

дут войну. Я имею в виду исламский мир: можно видеть арабов во Франции или турок в Германии. Они, конечно, готовы идти на любые условия, когда речь идет о работе, но уже их дети заявляют, что они такие же французы, как коренные жители. Отсюда рождаются конфликты: эти люди начинают переворачивать машины в знак протеста, сжигать их, и эту катавасию показывают по всем телевизорам. Вот это и есть причина кризиса — то, что эта цивилизация приходит к своему логическому завершению. Она была очень активной в начале, имела колоссальный творческий потенциал. Но он выдыхается. Это еще Шпенглер заметил, он писал: «Где же теперешние Моцарты и Рафаэли?» Нет Сервантесов, Диккенсов — кого угодно из великих. Все в прошлом. Это была колоссальной силы цивилизация, она была очень обаятельна. Она создавала слой людей, зачарованных этой цивилизацией. Сейчас их имена звучат так же, как имена каких-то античных деятелей: Эсхил, Пракситель...

Что будет с Россией после кризиса? Я думаю, что русский народ выработает какое-то свойство... Если он не сойдет с арены истории, он навсегда будет связан со своими представлениями об уживчивости. По какой модели будет развиваться Россия, сложно предположить. Я думаю, что это будет связано с чувством «русскости». В результате кризиса правящие круги оказываются менее зависимы от Запада, больше вынуждены полагаться на народ. Наше положение очень похоже на положение перед войной и после войны, которое я помню хорошо: был патриотизм. И мне кажется, что Сталин это прекрасно понимал. По крайней мере, Черчилль в мемуарах о военных временах писал: когда он разговаривал со Сталиным, тот сказал: «Вы думаете, они за нас воюют? Они воюют за матушку-Россию». Что-то в этом роде лидер чувствовал. Конечно, это была не какая-нибудь сформулированная концепция «матушки-России», а просто люди дрались за свои дома и землю, не желая подчиняться. И сейчас правительство должно помнить, что люди, выживая в кризис, будут «драться за свои дома».

ОТКРОВЕННЫЙ РАЗГОВОР

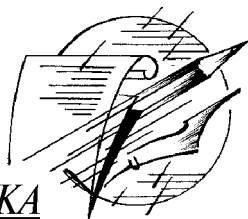
Помню встречу с Егором Гайдаром в декабре 1991 года. Узнав, что я работаю в Министерстве сельского хозяйства почти два десятилетия, он резко спросил:

— Почему зерноуборочных комбайнов в России в три раза больше, чем в США, а хлеба собираем в два раза меньше? При этом закупаем его в Штатах регулярно!

Пришлось объяснить: производительность американской техники вдвое выше нашей. У нас самое холодное земледелие в мире. В США, как правило, осень долгая, сухая и теплая. Там нет угрозы, что хлеб уйдет под снег и погибнет. Даже Западная Европа убирает зерновую кукурузу до конца ноября.

— Допустим! Но вы не ответили: почему мы у них закупаем хлеб? Неужели нам не хватает тех ста миллионов тонн, которые Россия собирает в последние годы?!

Я рассказал о балансе хлеба: из 116 миллионов тонн зерна, собранных Россией в 1990 году, 17 пошло на семена, 30 — на пищевые цели, остальное количество — около 69 миллионов — на корм скоту и птице. Да еще по импорту страна завезла в тот год 20 миллионов тонн фуражного зерна, чтобы полнее обеспечить народ отечественным мясом. Итого израсходовано 136 миллионов. Колхозам за тонну зерна платят меньше, чем зарубеж-

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

ному фермеру. Это не стимулирует наши хозяйства постоянно расширять производство. Ведь на председателе еще висят обязанности по строительству ферм, жилья, школ, детских садов, прокладке дорог...

Гайдар с гневом воскликнул:

— Вы защищаете честь мундира! Вы отвечаете в России за зерно и не хотите признать, что сельское хозяйство страны — черная дыра! Сколько в него ни вкладывай средств, все проваливается бесследно. Нам выгоднее покупать продукты за рубежом, чем производить у себя!

Я пытался доказать, что сельское хозяйство не в состоянии существовать само по себе, без поддержки государства, особенно в российских условиях...

— Рынок сам отрегулирует все! — заключил Гайдар.

В черной дыре.

С тех пор прошло почти два десятилетия. В глазах правительства сельское хозяйство зияло как прорва. Поэтому государство постоянно сокращало селу выделение денежных средств. С 27 процентов расходной части бюджета до 1,5! В течение нескольких лет с невероятным упорством, силой разогнали почти все колхозы. Половину всей продукции страны давали подворья — личные подсобные хозяйства крестьян. Была отлаженная система взаимного снабжения и сбыта у колхозов и частников. После принудительного уничтожения колхозов подворья медленно, но неуклонно стали хиреть, сворачивать свое производство. Дело дошло до того, что многие отказались держать не только коров, но и домашнюю птицу.

Вскоре все убедились: разбудить частнособственнический инстинкт слишком мало, чтобы сделать крестьянина хозяином земли. Необходимо было в комплексе решить и все остальные проблемы жизнедеятельности. А этого не случилось. К тому же огромные финансовые средства, полученные от продажи за рубеж нефти и газа, обошли деревню стороной, не способствовали ни стабилизации, ни модернизации сельского хозяйства страны, ни повышению его самоокупаемости. И фермерство стало задыхаться, бежать от земли.

В середине 90-х годов валовой сбор зерна рухнул вдвое — до 63 миллионов тонн, а затем — до 47. Это уровень 50-х годов. поголовье крупного рогатого скота катастрофически сократилось. В результате 88 процентов предприятий сельскохозяйственной отрасли стали убыточными.

Гайдароподобные демократы называют это «созидательным разрушением» и самоочищением экономики от неэф-

фективных хозяйств. Нет! Резкое снижение финансирования вызвало повсеместный спад производства.

Деревня скатилась в демографическую яму. Начался устойчивый рост смертности мужчин — они спивались, будучи безработными. Наступило невиданное прежде снижение рождаемости, возникло массовое бегство дееспособного населения из деревень. Несущий экономический и социальный каркас территории страны во многих местах провалился.

В итоге землю во многих деревнях некому и нечем стало пахать. Из оборота выбыло больше трети пашни, около 90 миллионов гектаров лугов и пастбищ. Вся изношенная техника — миллионы машин — пошла в металлолом, а купить новую было невозможно: нищета охватила сельское хозяйство. Этому способствовали постоянный рост цен на топливо, удобрения, электроэнергию, промышленные товары.

Восстановление сельскохозяйственного производства в стране началось лишь в этом веке. Медленно и очень трудно.

Потепление.

Последние десять лет погода щедро помогала земледельцу. С 2008 на 2009 год не было зимы в принятом понимании этого слова, и озимые культуры полностью сохранились. Весной и летом того года дожди шли в пору, как по желанию опытного хлебороба. А жатва в центре страны была на редкость благодатной.

Урожай ждали с восторгом. Заключение фьючерсных контрактов для поставки зерна по хорошей цене. Скупщики взяли внушительные кредиты в банках, готовясь к заказу вагонов. Ведь зерновозов нынче в стране днем с огнем не сыщешь. Поэтому кое-кто из трейдеров занимался привлечением даже автоколонн. А деревня в это время совершала выдающийся подвиг. Она собрала 90 миллионов тонн зерна! Хотя в одиннадцати регионах хлеб подсушило. Кстати, в XX столетии сильная засуха 14 раз поражала европейскую часть России и 8 раз — регионы Западной Сибири. Однако аграрники продемонстрировали, что хребет деревни пока не сломан. Люди выдержали невиданное напряжение, работая на уборке по 18—20 часов в сутки! Все верили, что если спасут хлеб, будет спасена и деревня.

Однако с завершением жатвы все иллюзии быстро рассеялись. Действительно, был собран второй по величине урожай за последние 20 лет. Казалось бы, были все предпосылки встать с колен, расплатиться с долгами по зарплате, за топливо и удобрения, погасить кредиты. Но затоварились хлебом. Мир в прошлом году собрал небывалое количество пше-

ницы, больше чем планировал. И пока Россия молотила хлеб, зернопроизводящие страны начали продажу своей продукции. И тут вдруг выяснилось, что качество нашего зерна, поставляемого за рубеж, оставляет желать лучшего. Источенная российская земля не обеспечила хлеб нормальным питанием. Три четверти его оказалось малоценным, кормовым. И достойный спрос на отечественную пшеницу неминуемо рухнул. Как в стране, так и за границей. Цена — ниже себестоимости. Чем больше продашь, тем весомее убыток...

Одно спасение — внушительная государственная закупка зерна. На нужды страны.

Интервенция или грабеж?

Развитые страны регулярно скупают зерно, когда на него падает спрос. Это делается для того, чтобы поднять доходы фермеров, сделать выращивание зерна прибыльным. Затем, через год-другой, если хлеб на рынке чрезмерно дорожает, резерв продают намного дешевле, ликвидируя дефицит зерна. Эта мера, так называемая интервенция, направленная на выравнивание спроса и предложения, является механизмом, широко осуществляемым в мире.

Первую интервенцию Министерство сельского хозяйства России провело в 2002 году. Заготовили в госрезерв чуть больше 1,6 миллиона тонн. Впервые хлеб в стране оказался как бы излишним. С одной стороны, мы сетуем на огромный сырьевой экспорт (нефть, газ, металл, лес-кругляк), с другой — воспылали огненным желанием продавать зерно за рубеж. В 2007—2008 годах было отгружено около 24 миллионов тонн. В последнее время вынашивается идея вложить 100 миллиардов рублей в развитие инфраструктуры по вывозу зерна за рубеж.

В 2009 году до начала ярового сева Минсельхоз объявил, что будет проводить интервенцию зерна в период жатвы. Назвал и цены — чуть выше себестоимости, но все-таки выгодные крестьянину. Пришла уборочная страда, а закупок нет. Неожиданно их перенесли на сентябрь, затем — на ноябрь. Смятение охватило крестьян. Куда девать хлеб? Ведь почти все на токах! Аграрное руководство страны вдруг выступило с предупреждением: биржевая торговля будет точечная и «на понижение цены». Как?! Закупить зерно, не покрывая затрат хлебопашцев! Разорить своих? Нет, такого в мире еще не бывало!

Пришел ноябрь. Биржи сбили цену до уровня себестоимости зерна. А кое-где даже ниже. Заготовили не 15 миллионов тонн, как требовалось, а всего несколько сотен тысяч. Многие производители от участия в биржевой торговле отказались.

Почему взяли хлеб в хозяйствах за гроши? Чтобы получить прибыль при его перепродаже? Это родное-то государство? Вместо помощи крестьянам интервенция обернулась бедствием, обрушив еще сильнее цену на рынке, создав в тысячах хозяйств катастрофическую финансовую ситуацию. Оказалось, что министерству дали слишком мало средств.

Но откуда же все-таки излишки хлеба? Как возник «рекордный» валовой сбор зерна?

Абсурдные излишки.

Россия долго и трудно шла к устойчивому выращиванию 100 миллионов тонн хлеба. Это количество ограждает народ от голода. Впервые страна преодолела названный барьер в 1970 году.

За последние пять лет Россия собрала на 85 миллионов тонн зерна меньше, чем за пятилетие накануне реформ. Мы не только не намолачиваем рекордные урожаи, мы не вернули себе даже уровень производства двадцатилетней давности!

«Излишки» хлеба образовались из-за трагедии, произошедшей в последние два десятилетия в животноводстве страны.

В результате уничтожения десятков миллионов коров, свиней, овец и коз зерно, которое раньше использовалось для их содержания и откорма, оказалось избыточным. Но при этом Россия стала импортозависимой до такой степени, что почти три миллиона тонн мяса завозит нынче из-за рубежа. Со всех континентов!

Мир регулярно сотрясают коровье бешенство, птичий грипп, африканская чума свиней. Нам прут глубокозамороженное мясо, многие партии лежали в резерве по несколько лет. Поставщики выращивают для нас скот с помощью гормональных препаратов, стимулирующих повышенные привесы животных, массового применения антибиотиков, обрабатывают куриные окорочка хлором, поставляют продукцию с просроченными сроками хранения. Бывают случаи, когда в мясе не только исчезли все витамины, но и начался распад тканей.

Впервые за тысячу лет.

Временное потепление климата в России создало видимость подъема деревни. Псевдолибералы сумели разрушить колхозы, но не создали класс крепких крестьянских хозяйств. Материально-техническая база производства обескровлена. В России, занимающей на Земле седьмую часть суши, к сожалению, уже не производятся современные надежные тракторы. Хлеборобы приобретают их в Белоруссии,

Германии, США и даже в Финляндии! Не остановлено сокращение поголовья крупного рогатого скота, в том числе коров — главного источника говядины и молока. Численность так упала, что стала в два раза ниже уровня 1913 года, когда население страны было намного меньше. Вот как действует незримая рука рынка!

Да, зерно остается неиспользованным. Но если послушать некоторых руководителей, его запасы получены благодаря выдающимся успехам в сельском хозяйстве. В результате этих отчетов сельское хозяйство стало «лидером экономики» на 2010 год Госдума РФ уменьшила ассигнования на 10 миллиардов рублей. Выделено всего 1,3 процента расходной части федерального бюджета.

В условиях такой аграрной политики возделывание зерновых — основного продукта земледелия — впервые за последнюю тысячу лет стало в России бессмысленным занятием. Обузой! А ведь хлеб был не только главным, но и святым на Руси продуктом. Нынче ему уготована судьба самая неблагоприятная. Сегодня хлебный клин достиг критической величины. Но так как он дает лишь убытки, на сколько миллионов гектаров снизится его площадь весной будущего года?

Осенью прошлого года природа «била рекорды» по плюсовым температурам воздуха. А если то же самое произойдет в середине будущего лета? Если после природной благодати наступит раскаленное бездождье? Ведь никогда еще за последние полвека сельское хозяйство России не было так изнурено и уязвимо для экстремальных условий, как в настоящее время.

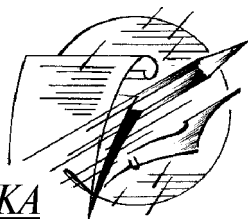
Да, Россия способна дать хлеб в нужных объемах. Но прежде потребуются годы титанической работы. Аграрное руководство нынче делает немало по выделению дополнительных объемов кредитов, субвенций и субсидий, но они латают дыры и не решают судьбы хлебного поля России. Нужна национальная программа, аналогичная той, что была разработана в 50-х годах XX века по освоению целинных и залежных земель. Она, как известно, в основном осуществлена в районах Сибири и Казахстана. Теперь же предстоит вновь вернуться к земле и начать такую же широкомасштабную деятельность в подавляющем большинстве европейских регионов России. Особенно Нечерноземья. Полная обеспеченность страны хлебом — это экономическая и политическая мощь не только сельского хозяйства, но и всего государства. Иначе придем к тому, что страна при средней засухе соберет своего зерна только на блокадные пайки.

«ЧЕРНЫЙ ЯЩИК» МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ

В кибернетике используется такое фундаментальное понятие, как «черный ящик». Обычно оно применяется для обозначения системы, механизмы которой сверхсложны либо неизвестны.

Таким глобальным «черным ящиком» для мировой политики в наступившем году становится Афганистан. Именно здесь запускаются механизмы противоборства и взаимопомощи самых разных международных и национальных, легальных и нелегальных, реальных и виртуальных субъектов. Результаты этих взаимодействий совершенно непредсказуемы. Но именно от них зависит развитие новых войн, соотношение сил в мире, тенденции развития и деградации. Атака талибов на Кабул утром 18 января с.г. говорит о том, что «черный ящик» перегрет за пределом. Уже никто не может строить реальные прогнозы развития ситуации. Попытки администрации США заверить мировую общественность в том, что ситуация контролируется, рассыпались как карточный домик

На сегодняшний день в Афганистане проходят две военные операции. Первая — это операция «Надежная свобода», которая почти полностью проводится США. В рамках этой операции в Аф-

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

ганистане находятся 66 тысяч американских военнослужащих. Вторую операцию проводят Международные силы содействия безопасности (ISAF). Этой операцией командует НАТО, но сами силы подчиняются главнокомандующему США в Афганистане генералу Стэнли Маккрystalу. Сегодня в ISAF около 68 тысяч военнослужащих из 43 стран.

Когда говорят «война в Афганистане», то подразумевают сразу две войны — и в Афганистане, и в Пакистане. Одновременно никто не снимал с повестки дня Ирак, где в 2009 и в 2010 годах ежеквартально погибали сотни людей в результате террористических нападений (при заявленных США «больших успехах» и выводе войск из городов).

Следующую «войну с терроризмом» США готовят уже в Йемене. Нельзя не согласиться с мнением бывшего индийского посла в СССР Бхадкумара, который в начале января этого года в газете «Asia Times» написал, что рассказы о необходимости уничтожения баз Аль-Каиды на территории Йемена не удовлетворяют даже самого доверчивого человека. По мнению дипломата, главной целью Обамы является постоянное американское военное присутствие в Йемене и установление контроля над портом Аден. Бхадкумар утверждает: Аден — это «ворота в Азию». Любые рассуждения о закате американского влияния в Азии являются преждевременными.

Усиление официальной группировки войск США и ISAF в Афганистане и неофициальной в виде французского Иностранного легиона наемников и различного рода «охранных» структур и групп «гражданских» советников логически приводит к вопросу о целях этого наращивания и афганской войны образца 2010 года как таковой.

Закулиса афганской войны

Для объяснения необходимости афганской войны образца 2010 года есть официальная версия. Она изложена Обамой в выступлении 1 декабря прошлого года в Военной академии США в Вест-Пойнте. Согласно этой официальной версии «в Афганистане и Пакистане на карту поставлена наша (США. — Авт.) безопасность. Именно там находится центр кровавого экстремизма Аль-Каиды, именно оттуда нас атаковали 11 сентября 2001 года, и именно там замышляются новые нападения... Наша главная цель неизменна: вывести из строя, демонтировать и, в конечном счете, разгромить Аль-Каиду в Афганистане и Пакистане, лишив ее возможности в будущем угрожать Америке и нашим союзникам».

В другой своей речи — 10 декабря 2009 г. на церемонии вручения Нобелевской премии мира в Осло центральным аргументом Обамы было то, что национальные, религиозные и «племенные» культуры, не придерживающиеся ценностей американцев (и некоторых европейцев), не только хуже, чем западная культура, но и должны быть переделаны — любыми способами. Война в Афганистане названа «оборонительной».

Примерно той же концепции войны придерживается и Генеральный секретарь НАТО Расмуссен. В интервью «Der Spiegel» (21.12.2009) он заявил: «Мы с нашими войсками должны не допустить превращения Афганистана в убежище и укрытие для террористов. В противном случае они смогут пользоваться им в качестве базы для наступления на Центральную Азию и дальше. Кроме того, они будут дестабилизировать обстановку в соседнем Пакистане, являющемся ядерной державой. Все это очень и очень опасно — как для нас, так и для остальных».

Казалось бы, такое пафосное обоснование войны обязывает весь «цивилизованный мир» в едином порыве броситься помогать США и НАТО осуществлять эти «великие и гуманные» цели. Но почему-то этого не происходит. Более того, аналитики из разных стран мира с совершенно разной политической ориентацией видят за официально объявленными целями афганской войны некие совершенно иные, закрытые цели и задачи.

В наиболее простом и прямолинейном виде закулисное объяснение причин афганской войны-2010 изложено в левом испанском издании «Publico.es» (от 03.01.2010). В статье «Тайный агент революции» говорится, что Обама был завербован Бжезинским, когда обучался в Колумбийском Университете. Там он вошел в контакт с Трехсторонней комиссией и Бильдербергским клубом.

По мнению издания, Бжезинский и его единомышленники уже давно рассматривают Россию и Китай в качестве своих главных врагов и всю стараются использовать против них экстремистские силы. Вплоть до терактов 11 сентября 2001 года разведслужбы США оказывали поддержку Аль-Каиде и талибам с тем, чтобы стимулировать выступления уйгуров-мусульман против китайского правительства. Они также использовали движение Талибан для нанесения ущерба союзникам России в Средней Азии. «Цель присутствия американцев в Афганистане, — говорится в статье, — заключается не в уничтожении Аль-Каиды или талибов, с которыми они при необходимости быстро договорятся, а в занятии стратегических позиций, позволяющих нанести удар по России и Китаю».

Но не только левые издания видят скрытый геостратегический характер афганской войны. Британская «The Guardian» (от 11.12.2009) в статье «Реальные ставки в афганской войне» открытым текстом пишет, что когда европейские правительства принимают решения о посылке своих войск в Афганистан, речь идет не только о предотвращении террористических нападений на европейские столицы, для чего надо не дать талибам вновь захватить эту страну. На кон в Афганистане поставлена судьба трансатлантического альянса, энергетическая безопасность и независимость Европы.

Афганистан, по мнению «The Guardian», представляет собой важнейший транзитный коридор для энергоресурсов в Центральной Азии, который может соединить богатые нефтегазовыми месторождениями государства, прежде всего Туркменистан, с Аравийским морем и с Индийским океаном. Стабилизация в Афганистане — не временная, чтобы оправдать вывод войск, а постоянная — крайне важна для прокладки трансафганского трубопровода из Туркменистана в Индию (ТАПИ) и для обеспечения его гарантированной безопасности.

Сооружение этого трубопровода крайне важно для Европы, — констатирует газета, — чтобы она могла диверсифицировать поставки и снизить свою зависимость от импорта нефти и газа из Персидского залива и из России. Неудача в Афганистане, а следовательно, и в Пакистане будет означать отказ от проекта ТАПИ. А это, в свою очередь, позволит России восстановить утраченную гегемонию.

Схожей позиции придерживается бывший британский посол Крэйг Мюррей. Он связал войну с американскими и британскими интересами в больших месторождениях природного газа в Туркменистане и Узбекистане. В частности, война связана с защитой интересов компании Unocal в Трансафганском трубопроводе. Президент Афганистана Карзай связан с Unocal через Залмая Хализада, рожденного в Афганистане посланника США. Именно Хализад вместе с Бушем выбрал Карзая, чтобы тот возглавил страну. Американская «Huffington Post» (от 20.12.2009) пишет, что ни для кого не является секретом тот факт, что Вашингтон хочет оставаться в регионе для потенциального стратегического окружения России и Китая, а также для контроля, способного не дать китайцам получить необходимые энергоресурсы, если в будущем эти ресурсы действительно станут причиной для конфликта и соперничества. Американский аналитик Майкл Пэйн пишет на сайте «OpEdNew» (15.01.2010), что наращивание американской военной группировки в Афга-

нистане является новой стартовой площадкой для потенциального контроля над пакистанским Белуджистаном. Причина, по которой США положили глаз на Белуджистан и город Кветту, состоит, по мнению Майкла Пэйна, в том, что этот район был определен как ключевой транзитный коридор для природного газа и для нефти. Существуют планы строительства двух трубопроводов, которые пройдут через Белуджистан. Один — уже упомянутый ТАРІ (Туркменистан—Афганистан—Пакистан—Индия), другой — ІРІ (Иран—Пакистан—Индия). Против последнего США категорически выступают из-за участия Ирана.

Такие версии причин нынешней войны в Афганистане, безусловно, заслуживают внимания. Но ситуация в Центральной Азии развивается так быстро, что заставляет в любые версии вносить серьезные коррективы. Например, бывший консультант ООН и Всемирного банка Андреа Бонцани полагает, что после того, когда 14 декабря 2009 года главы Китая, Туркменистана, Узбекистана и Казахстана с благословения России открыли клапан нового газопровода из Туркменистана в Китай, Запад проиграл 20-летнюю «Великую игру» за природные ресурсы и влияние в Центральной Азии. Теперь Россия и Китай, по мнению Бонцани, будут поддерживать почти абсолютный баланс рычагов в Центральной Азии («World Politics Review», США, от 09.01.2010).

Что касается введения в строй 6 января этого года трубопровода, соединяющего прикаспийскую часть Ирана с огромным газовым месторождением в Туркменистане, то, по мнению многих экспертов, это наносит мощнейший удар по энергетической концепции США на Большом Ближнем Востоке. Одновременно это является насмешкой над политической США в отношении Ирана.

Аналитики Китая также внимательно отслеживают ход войны в Афганистане и Пакистане. По мнению «China Review News» (от 29.11.2009), наращивание афганской группировки США и НАТО и взятие под контроль Средней Азии американцами явилось не чем иным, как ударом острого ножа в мягкое и слабое «подбрюшье» России. Главная цель военного проникновения США в страны Средней Азии — взятие этих стран под военный контроль для организации «санитарного кордона» по периметру России, а также взятие под контроль богатых энергоресурсами стран Каспийского бассейна и транспортных коммуникаций, идущих по их территории, для ослабления экономического положения России.

Китайцы, как всегда, «скромны» в оценках, указывая на цели США по отношению к России. При этом не говорят ни

о крупнейшем порте Гвадар в Пакистане, куда они вложили уже около 5 миллиардов долларов, ни об Айнакском медном руднике, в который Китай вложил 3,4 миллиарда долларов, ни о вложении 500 миллионов долларов в строительство электростанции и железной дороги между Пакистаном и Таджикистаном.

Естественно, когда наращивается военная группировка, проводятся интенсивные боевые действия, а в ответ следует волна возмездия в виде терактов, безопасность всех китайских проектов в Афганистане и Пакистане резко снижается. Вообще в «черном ящике» Афганистана все воюют против всех и все друг другу оказывают помощь.

Американцам и НАТО нужна реальная победа над Талибаном и Аль-Каидой, нужна стабильность в Афганистане и Пакистане для решения своих нефтегазовых проектов и, одновременно, не нужна стабильность для реализации китайских проектов.

Китайцам нужна стабильность для обеспечения своих проектов, но не нужна стабильность для прокладки трубопровода в Индию (ТАПИ).

Пакистану нужна стабильность в Афганистане для обеспечения безопасности в стране, особенно ядерных объектов, но не нужна стабильность для прокладки того же трубопровода в Индию — своего извечного противника. Как отмечает известный эксперт по Афганистану Хассан Абасс («Project Syndicate», декабрь 2009), на всех стадиях продолжительного конфликта, который принесли США в этот регион, Пакистан пытался ограничить влияние Индии на Афганистан. Растущее влияние Индии в Афганистане и ее инвестиции беспокоят аппарат национальной безопасности Пакистана. Как для Пакистана, так и для Индии Афганистан рискует превратиться в новую оспариваемую территорию, как Кашмир, где конфликт наносит ущерб обеим странам на протяжении более 60 лет.

Кроме того, Пакистан, являясь сейчас формальным союзником правительства Карзая, может вступить с ним в вооруженный конфликт для решения пограничного спора между Афганистаном и Пакистаном по так называемой «линии Дюранда». Прав Андрей Серенко, когда пишет, что именно перспектива такого конфликта заставляет определенную часть пакистанских силовых элит поддерживать — в той или иной форме — проект Талибана («Афганистан.ру», 02.12.2009).

России нужна военная группировка США и ISAF в Афганистане для защиты своих южных границ и границ своих

соседей и, одновременно, та же военная группировка представляет опасность для пользования энергоресурсами Средней Азии.

Можно иметь разные цели и задачи в Афганистане, но при принятии тех или иных решений всегда надо исходить из реальной военно-политической обстановки. В этом и должна быть задача российской политики и стратегии, если она все же где-то осмысливается и вырабатывается.

Лондон: игра в «поддавки»

Перед началом лондонской конференции по Афганистану, которая проходила 28 января с.г., один из ее организаторов — глава МИД Великобритании Дэвид Милибанд, в статье, написанной для российской газеты «Коммерсантъ», заявил: «Афганистан слишком долго был шахматной доской, на которой разыгрывалась борьба других стран, испытывавших подозрение друг к другу». Очень точное замечание. Правда, слово «был» надо заменить на слово «остаётся». Ведь «Большая игра» действительно продолжается. Достаточно сказать, что организаторы лондонской конференции не пригласили на нее ШОС как международную организацию.

Конфликт между игроками завел всю «шахматную партию» в проигрышное игровое положение. Прежде всего для США и НАТО. Они лихорадочно ищут выход из тупика. Вместо классических «политических шахмат» началась игра в «поддавки». Только так можно охарактеризовать весьма сомнительный план подкупа Талибана через так называемую «Программу реинтеграции и примирения». Программа предполагает, что талибам будут предложены наличные доллары, если они перестанут вести боевые действия против правительства Карзая и сил международной коалиции, откажутся от насилия, пообещают интегрироваться в «демократическое общество» и оборвут контакты с Аль-Каидой.

На лондонской конференции в числе главных стоял вопрос о создании международного фонда реинтеграции. Авторы этой идеи говорят, что это не попытка откупиться от талибов, а политическая комбинация по внесению раскола в рядах повстанцев.

Прорабатывается вариант примирения с группой «умеренных» талибов в количестве 35 тысяч человек. Как сообщило «Radio Liberty» 15 января с.г., на реализацию этого плана может понадобиться более 1,3 миллиарда долларов. Ведь согласно плану для «реинтеграции» талибам хотят предложить работу и профессиональное обучение. Критики данного плана

сомневаются в его эффективности. Ведь талибы вряд ли захотят перейти на сторону Карзая и американцев, когда они практически уверены в своей победе после начала вывода американских войск, который Обама назначил на лето 2011 года. Кроме того, как пишет «The Christian Science Monitor», налицо разногласия между западными официальными лицами, которые до настоящего времени не могут определиться с тем, какие фракции Талибана выступают за глобальный джихад, а какие — за участие в политической жизни Афганистана. Тем более, что те талибы, которые представляют наибольшую опасность для Коалиции, базируются на территории Пакистана.

И самое главное. Возможен ли подкуп людей, которые сознательно идут на смерть во имя джихада против тех, кого считают оккупантами и врагами ислама?

Можно ли вообще говорить в настоящий момент о плане реинтеграции после нападения талибов на Кабул 18 января с.г. — за 10 дней до открытия лондонской конференции?

Складывается впечатление, что лондонская конференция проходила по канонам классического бюрократического мероприятия: наметили, провели, поставили «галочку» о проведении. И всё в отрыве от реальной военно-политической обстановки в Афганистане.

Ловушка Обамы

Своим балансированием между миротворцем (речь в Каире) и президентом войны (речь в Вест-Пойнте) Обама все время ставит себя в двусмысленное положение. Одновременно принимает двусмысленные решения. Как, например, можно наращивать группировку в Афганистане, зная, что быстро она ничего не сможет сделать? И тут же принимать решение о выводе этой группировки через полтора года после ввода.

Довольно странная ситуация. Ее критикуют многие аналитики, которые полагают, что назначение конкретной даты вывода войск из Афганистана — это сумасбродство. Ряд крупных чиновников Белого дома позволили себе «скорректировать» позицию своего президента. Так, специальный посланник президента США по делам Афганистана и Пакистана Ричард Холбрук в интервью немецкой прессе заявил, что афганская кампания может продлиться дольше вьетнамской и стать самой длительной и сложной военной кампанией в истории США.

А генеральный секретарь НАТО Расмуссен в интервью Радио Свободы, которое он дал на лондонской конференции,

вообще заявил, что «на самом деле Барак Обама и не говорил о выходе из Афганистана. Он говорил о том, что будет пересматривать стратегию и миссию в 2011 году». Поразительная корректировка слов американского президента. Тем более, что Обама в своем докладе Конгрессу США «О положении дел в стране», который он сделал 27 января с.г., заявил, что **в июле 2011 года американские войска начнут возвращаться в США.**

В условиях глубочайшего финансово-экономического кризиса, в котором находится Америка, стоимость афганской войны продолжает увеличиваться. В 2009 году на эту войну США потратили 51 миллиард долларов. В 2010 году эта цифра вырастет до 95 миллиардов, с учетом увеличения американских войск в Афганистане. В Америке умеют считать деньги. Если война закончится позорным бегством американцев, может закончиться и политическая карьера нобелевского лауреата премии мира. В Америке не любят неудачников. В этом главная ловушка Обамы. Для Обамы уже прозвенели «первые звонки»: проигранные демократами выборы в Вирджинии, Нью-Джерси и Массачусетсе. Проигранные в том числе и по причине непонятной войны в Афганистане.

В течение первой половины 2009 года война шла с переменным успехом, американские потери продолжали расти, и к концу лета Маккрystal представил Пентагону секретный доклад, где говорилось, что если Белый дом не пришлет в Афганистан новые подкрепления, то США вполне могут потерпеть военное поражение. По данным СМИ, речь шла о 40—45 тысячах военнослужащих в дополнение к примерно 70 тысячам, которые находятся в Афганистане сейчас. В итоге, как известно, принято решение направить еще 30 тысяч американцев и 7 тысяч союзников.

Серия интенсивных военных операций, проведенных США, НАТО и Коалицией, достигла некоторых военных успехов, но по итогам 2009 года потери США в Афганистане удвоились. Погибло 310 солдат и офицеров США, в то время как по итогам 2008 года было убито 155 человек. Значительно выросли потери контингентов НАТО и ISAF. В 2009 году в Афганистане погибло в общей сложности 506 иностранных военных, в то время как в 2008 году их было убито 295.

В канун Нового 2010 года в результате самовзрыва двойного агента на передовой оперативной базе в провинции Хост, вблизи границы с Пакистаном, погибли 4 агента ЦРУ, включая главу резидентуры, 3 телохранителя и офицер иорданской разведки — родственник иорданского короля Аб-

дали II, 6 человек получили ранения. До этого теракта 4 сотрудника ЦРУ погибли за весь период афганской войны с начала вторжения в 2001 году.

Почти 62% всех потерь Коалиции в Афганистане за 2009 год приходится на самодельные взрывные устройства (СВУ) (в 2008 году эта цифра составляла 58 процентов, в 2007 — 42 процента (статистика собрана редакцией веб-сайта iCasualties.org, где ведется учет всех погибших в афганской и иракской войнах). Всего за 2009 год было совершено 6228 нападений с применением СВУ (за 2003 — только 81).

СВУ, применяемые в Афганистане, делаются преимущественно из нитрата аммония — селитры, применяемой при производстве удобрений. Значительная часть селитры, употребляемой при производстве СВУ, происходит из Пакистана, хотя крупными поставщиками являются также Иран и Китай.

Чем активнее США и силы ISAF проводят спецоперации, тем шире становится вербовочная база талибов и Аль-Каиды. И это вполне понятно: активные боевые действия всегда приводят к многочисленным жертвам среди гражданского населения, расширяя ряды сопротивления.

По данным международной правозащитной организации Afghanistan Rights Monitor, около 4 тысяч мирных жителей погибли в Афганистане в результате военных действий в 2009 году. Иными словами за один прошлый год в Афганистане мирных жителей погибло больше, чем в США во время событий 11 сентября 2001 года.

«Странная» афганская война-2010 с заранее объявленным уходом в начале 2011 года подстегивает талибов к еще более активным действиям. Как сообщает «The Miami Herald» (от 29.12.2009), талибы уже сформировали теневое «правительство в ожидании» с полностью укомплектованным кабинетом министров (в случае падения Карзая). Талибами назначены теневые губернаторы в 33 из 34 провинций Афганистана. В докладе Генерального секретаря ООН, представленном на заседании Совета Безопасности ООН 6 января этого года, отмечается, что в «тех административных округах, где активно действуют повстанцы (интересно, что Генсекретарь ООН не называет талибов террористами, а говорит о повстанцах. — Авт.), деятельность органов государственного управления, как правило, ограничивалась районом, непосредственно примыкающим к центру административного округа. В наиболее удаленных округах местная администрация располагает к тому же лишь ограниченными финансовыми и людскими ресурсами, из-за чего она не может выполнять даже самые основные функции, связанные с государственным управлением.

Такое ограниченное присутствие государственной власти все чаще использовалось в своих интересах повстанцами, которые создавали теневые структуры власти на уровне провинций, собирали налоги, управляли «правосудие», решали земельные споры, казнили предполагаемых преступников и обеспечивали соблюдение консервативных традиций, сложившихся в обществе».

Сейчас талибы угрожают перекрыть северный маршрут снабжения, обустроенный ISAF в дополнение к плохо защищенным каналам, проходящим через территорию Пакистана.

Но что значит перекрыть северный маршрут? Сейчас наиболее используемый маршрут Северной сети поставок проходит по территории Эстонии, России, Казахстана и Узбекистана. Некоторые грузы направляются транзитом и по территории Грузии, Азербайджана, по Каспию в Казахстан и затем в Узбекистан. На начало 2010 года Вашингтон ежедневно переправляет в Афганистан по железнодорожным магистралям Центральной Азии порядка 350 контейнеров с грузом, что более чем в три раза превышает объемы летнего периода 2009 г. Подписанное 27 января с.г. соглашение между НАТО и Казахстаном (ранее Россия и Узбекистан подписали аналогичные соглашения) делает северный транспортный маршрут главным для Коалиции в Афганистане. Это уменьшает зависимость НАТО от опасного пути через Хайберский перевал в Пакистане, где талибы постоянно совершают нападения.

Пока никаких диверсий на северном маршруте не было. Что означает угроза талибов перекрыть северный маршрут? Это — угроза объявления диверсионно-террористической войны. Прежде всего на железнодорожных магистралях в Казахстане и Узбекистане.

Особенность военной ситуации в Афганистане заключается в том, что основные команды талибам, воюющим с войсками США и ISAF, поступают из столицы пакистанской провинции Белуджистан — Кветты. Там расквартирована верхушка Талибана во главе с Джалалудином Хаккани, его сыном Сираджудином Хаккани и муллой Омаром — бывшим главой правительства Афганистана при режиме талибов. По разным оценкам, под командованием Сираджудина Хаккани находится от 4 до 12 тысяч талибов. Основные силы Хаккани сосредоточены в Северном Вазиристане — с пакистанской стороны границы. По данным американской разведки, именно его бойцы напали на Кабул 18 января. Хаккани причастен и к подрыву агентов ЦРУ 30 декабря. Возмо-

жен ли лондонский вариант примирения с названными лидерами талибов? Думаю, ответ очевиден.

Главная интрига состоит в том, что согласно сообщениям представителей военного руководства и дипломатических кругов Пакистана, в ответ на требование усилить преследование Сираджуддина Хаккани, боевики которого представляют наибольшую угрозу американским войскам, США получили от Пакистана резкий отказ. Как сообщило «Radio Liberty» (19.12.2009), президент Пакистана Асиф Али Зардари накануне провозглашения Белым домом новой стратегии «АфПак» в конце ноября заявил Обаме, что армия Пакистана будет действовать против исламских экстремистов в приграничных районах по собственному графику и не станет ускорять операцию, как просил Вашингтон.

И Зардари можно понять. Его положение довольно непрочное и во многом зависит от консенсуса с военными и специалистами.

Особенно сильно режим Зардари закачался после принятия Верховным судом Пакистана в декабре 2009 года решения о повторном рассмотрении всех судебных дел по обвинению в коррупции, которые были отменены экс-президентом Мушаррафом еще в 2007 году на основании Указа о национальном примирении. Это решение парализовало административный аппарат Зардари. Ясно, что в Пакистане вновь началась смертельная схватка за власть. И потом, зачем Зардари ликвидировать Сираджуддина Хаккани, если тот является агентом пакистанских спецслужб? Тем более, что он им весьма будет нужен для военных «разборок» после начала вывода американских войск из Афганистана в 2011 году.

В ответ на несговорчивость руководства Пакистана Обама советует повысить масштабы и частоту бомбовых ударов беспилотников по территории Пакистана. Но за два последних года от беспилотников погибло, по самым скромным подсчетам, не менее 300 мирных пакистанцев. 53 операции с участием беспилотников насчитали эксперты New America Foundation в 2009 году в Пакистане, о проведении 51 из них распорядился Обама. Его предшественник Джордж Буш приказал в 2008 году провести в общей сложности всего лишь 34 такие операции.

Другой совет заключается в проведении спецоперации против руководства Талибана силами самих американцев на территории Пакистана.

Следование этим советам может привести к падению нынешнего проамериканского президента Пакистана. К влас-

ти могут прийти радикально, причем радикально-исламистски, настроенные военные. А это уже совсем другая история.

Здесь в полный рост стоит вопрос ядерного оружия Пакистана, непримиримый конфликт с Индией с возможным обменом ядерными ударами и территориальный конфликт с Афганистаном.

Даже без столь апокалиптического сценария напряжение вокруг Афганистана в треугольнике Пакистан — Индия — Китай постоянно возрастает. И Китай, и тем более Пакистан, противостоят усилиям США втянуть Индию в афганскую войну. Особенно беспокоят китайцев и пакистанцев уже прозвучавшие планы сосредоточения индийских войск на севере и западе Афганистана и масштабные проекты обучения индийскими специалистами афганской армии.

Индия постоянно добивается того, что из речей Обамы исчезает проблема Кашмира. Но для пакистанских военных Кашмир остается приоритетом номер один. Многие эксперты полагают, что наряду с другими факторами именно из-за Кашмира Пакистан не проявляет той активности в борьбе с талибами, которую от него ждут американцы. Пакистанцы также считают, что Индия поддержала сепаратистские повстанческие движения в пакистанском Белуджистане.

В свою очередь, китайцы в ответ на возможное усиление влияния Индии в Афганистане активизируют деятельность повстанческих маоистских групп в самой Индии (они там действуют на территории трети страны).

Клубок противоречий Афганистана придется распутывать и России.

Русский «Афган»-2010

В дни 30-летия советского вторжения в Афганистан Збигнев Бжезинский в своих интервью с особым удовольствием и цинизмом рассказывал о том, как спецслужбам США и Белому дому удалось спровоцировать СССР на оккупацию Афганистана и «устроить Советам свой Вьетнам».

Сейчас аналогичное втягивание в «черный ящик» новой афганской войны идет уже не на уровне тайных операций, а в открытую. Генеральный секретарь НАТО Расмуссен в уже упомянутом интервью «Der Spiegel» заявляет: «Я вижу большой потенциал для дальнейшего российского содействия по Афганистану. Россия уже предоставила нам транзитный маршрут для тылового обеспечения. Я думаю, что она может сде-

лать больше. Русские могут также участвовать в подготовке афганской армии и в поставках для нее военной техники и оружия».

«The Associated Press» (от 11.12.2009) накануне визита Расмуссена в Москву прямо писала: «НАТО хочет, чтобы Россия помогла в войне в Афганистане, бесплатно предоставив больше оружия — включая автоматы АК-47, гранатометы, легкую артиллерию и бронетранспортеры, — а также расширив военную помощь растущей афганской армии». НАТО также стремится получить до шести обновленных легких военно-транспортных самолетов Ан-32, которые должны присоединиться к четырем, уже имеющимся на вооружении ВВС Афганистана. Эти самолеты специально разработаны, чтобы хорошо функционировать в жарком и высокогорном климате Афганистана.

Какую помощь США, ISAF и правительству Карзая Россия уже оказала и оказывает сейчас?

Первое. Кабулу списан долг на 10,38 миллиарда долларов, оказана гуманитарная помощь на 70 миллионов.

Второе. Россия обеспечивает транспортировку невоенных грузов в Афганистан по Северному маршруту.

Третье. Россия готовит афганских полицейских для борьбы с наркобизнесом на базе одного из учебных заведений МВД.

Четвертое. Москва и Вашингтон достигли в июле 2009 года соглашения, позволяющего США производить до 4500 полетов в год над территорией России. Речь идет о транзите военных грузов для коалиции в Афганистане. Но за прошедшие полгода, по американским данным, было произведено всего 5 полетов.

Пятое. Наемники из России воюют с талибами в горах к востоку от Кабула в составе французского Иностранного легиона. Но это личная инициатива конкретных лиц, а не политика государства (да и само наемничество у нас карается по УК).

Все перечисленные факторы — косвенное участие в афганской войне.

Восстановление 142 объектов промышленности и инфраструктуры в Афганистане, построенных при участии СССР, вообще благородное дело, носящее антивоенную идеологическую нагрузку. И это предложение, внесенное в Лондоне российским главой МИДа Сергеем Лавровым, звучало среди всех других наиболее рационально. Правда, не совсем понятно, как будет обеспечена безопасность наших строителей в условиях войны.

А теперь зададим себе вопрос, что значит участвовать в подготовке афганской армии и поставлять для нее бесплатно военную технику и оружие?

Это, по существу, — прямое участие в афганской войне-2010. Причем накануне ухода американцев!

Видимо, Бжезинский считает, что достойно завершит свою жизнь, если ему второй раз удастся втянуть русских в афганскую войну, направив всю энергию джихадизма против России.

Безусловно, надо быть готовым ко всему. И к реальному уходу американцев из Афганистана. И к падению режима Карзая в Кабуле. И к восстановлению режима талибов. И к террористическим рейдам талибов к нашим соседям в Среднюю Азию. Но не следует делать шагов, которые эти события будут ускорять.

Наш лозунг по отношению к афганской войне — «Ни шагу вперед!» Нам и плохо, и хорошо от того, что крупные силы США и НАТО находятся недалеко от наших границ. Плохо, потому что в этом положении они реально могут влиять на многие внешнеполитические и экономические процессы в Средней Азии. Плохо, потому что Россию уже девятый год после оккупации Афганистана американцами заваливают героином, произведенным в этой стране (режим талибов с наркотиками нещадно боролся, что признавало даже ООН). По данным главы наркоконтроля Виктора Иванова, от афганского героина в России только за 2009 год погибло 100 тысяч человек! Самое удивительное, что НАТО и ISAF все последние годы игнорируют предложения России и ОДКБ о создании вокруг Афганистана антинаркотических поясов безопасности.

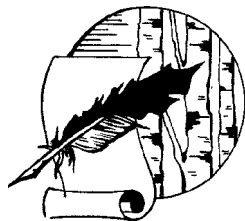
Хорошо, что энергия талибов и Аль-Каиды направлена не на Россию, а на наших «союзников — потенциальных противников»-американцев. Хорошо, что южные рубежи России пока охраняются теми же «союзниками — потенциальными противниками». И если они побегут из Афганистана так же, как из Вьетнама, то Афганистан кинутся разрывать в клочья и Китай, и Индия, и Пакистан. А в такой ситуации уже может возникнуть не большая игра, а большая война в Центральной Азии.

Вероятность этой Большой войны стала возможной в результате насильственного развала СССР. Это произошло по воле ультралиберальной «элиты», которая возникла при Горбачеве и расцвела в окружении Ельцина, а порой и сейчас влияет на Кремль. Республики Средней Азии были оторваны от единой Родины, лишены единого экономического и культурного пространства, оставлены один на один с надвигаю-

шейся волной радикального ислама, стали вождеденными объектами экспансии и со стороны Запада, и со стороны Китая. Россия была лишена бесценных залежей газа, нефти, угля, золота, урана. А главное, лишена человеческого потенциала, способного укреплять военный и трудовой ресурс страны. Сброс «азиатских окраин» оголил южные рубежи России.

«Черный ящик» афганской войны-2010 требует сделать Среднюю Азию приоритетным направлением внешней политики, экономики и безопасности России. Для этого надо развивать крупные совместные экономические проекты. Необходимо постоянно укреплять и развивать все действующие совместные структуры безопасности — в рамках СНГ (Антитеррористический центр, Бюро по координации мер борьбы с организованной преступностью и т.д.) и в рамках ОДКБ.

Мы можем влиять на афганскую войну только путем укрепления позиций России в Средней Азии. В этом залог не только и не столько побед, сколько выживания нашей страны и нашего государства в обостряющейся стратегической схватке за будущее мира.

*СТИХИ ЛАУРЕАТОВ
ВСЕРОССИЙСКОГО
ПОЭТИЧЕСКОГО КОНКУРСА
имени СЕРГЕЯ ЕСЕНИНА*

Алла ЛИНЕВА

ПО КРАЕШКУ НЕБА

* * *

Быть может, этими цветками
Клубники дикой у реки
Или осокой под ногами
Я стану за свои грехи.
А, может, раннею весною
Мне суждено навстречу вам
Навек оттаявшей волною
Плыть к неизвестным берегам...

* * *

Глядят унылые домишки
Осиротевших деревень,
И веет сном, тоской и тишью
В глухую ночь и в серый день.
Застыла речка у излуки,
И старый лес к земле примерз,
Ни колоколенки, ни звука
На сотню верст, на сотни верст.

И горизонт горит, простужен,
От ветра на юру продрог,
И только галки кружат, кружат,
Кого-то ищут у дорог.

* * *

А бабушка Поля
 всё молится, молится, молится...
И утром, и в полдень,
 и вечером, и перед сном...
Снега ли метут
 и дожди ли стучат за околицей,
А бабушка молится...
 Ветер гудит за окном.
То вздрогнет пред Богом
 таинственный трепет лампадки,
То вновь разольется
 по маленькой комнате свет,
Коль бабушка молится —
 всё у нас дома в порядке,
И страха пред совестью,
 страха пред будущим нет.
Поправит платок
 и опустится вновь на колени,
И выпрямит спину,
 оставив дела на потом,
Замрут половицы
 и смолкнут все звуки Вселенной,
И тихую горенку нашу
 зальет торжеством.

ГИМН СОЛНЦУ

Холодным золотом рассвета
Встречает август новый день,
Несется мимо окон ветер
Гонцом неслыханных страстей,
И там, за кронами, широко,
Совсем-совсем недалеко,
Встает недремлющее око
Спокойно, царственно, легко.
Оно летит, оно играет,
Бушует пламенным огнем,
Оно само еще не знает,
Что будет с нами этим днем.

Оно само еще не знает,
Оно лишь ведаёт слегка,
Как ввысь его взметнутся стаи
За облака, за облака...

* * *

Колышет ветер рябь волны.
Струится свет по тихой глади.
И гордой радостью полны,
Кружатся чайки, в воду падают.
И снова — вверх, и снова — взмах!
Свободе и полету преданы.
Неведом этим птицам страх,
И я не знаю, что им ведомо...

РУСЬ

Ты странная. Тебя поймет не каждый:
Холмы могил... Разбитости дорог...
Но путник, умирающий от жажды,
Перекрестившись, ступит на порог,
Воды живой студеного колодца
Напьется из глубокого ковша,
Бездонного. И тихо улыбнется
Твоя простая, щедрая душа.

* * *

И ко мне бессонница
В гости забрела...
До руки дотронется,
Спросит, как дела?
Рученька холодная,
Всё равно, что лед —
Жизнь твоя свободная,
Да не мед!

* * *

Уехала соседка. Дом разрушен.
Но не напрасно сад кипел в цвету:
Мы собираем яблоки и груши
В ее заросшем лебедой саду.
Мы вечность провели с тобой в разлуке,
И нить судьбы запуталась в клубок,
А ты все ловишь, ловишь мою руку...
Зачем? Коль попросить ее не смог!..

* * *

Слава Богу, я тебе — не жена!
Слава Богу, я тебе — не нужна!
Разгорелся над рекою закат,
Но не рада я ему: ты — не рад.
Сколько красок над остывшей землей...
Всё сгорит и всё покроется мглой.

* * *

О, жизнь моя, ты — вещий сон.
И сколько странного мне снится...
И этих трав неслышный стон,
И эта вскрикнувшая птица.
И эти вёты у реки,
Их отражение с обрыва,
Гладь недописанной строки
И эта боль, чем сердце живо.

* * *

А по краешку неба крадется рассвет
Тихой поступью лета.
Оглянулась, а рядом тебя уже нет,
Не идешь даже следом.
Оглянулась и в страхе лишь вскрикнула: «Ах!»
Долго эхо металось...
Затерялся в туманах, дурманах, стихах —
Ничего не осталось.

Андрей ШЕНДАКОВ

В СТАРИННОМ ГОРОДКЕ

* * *

Живу в старинном городке,
где на холме шумят осины
и под мостом, ломаясь, льдины
трещат в апреле на реке...

Здесь прошлым дышит у церковей
неповоротливое время,

и с теплой горсткой суховея
уходит сырость летних дней.

Былое слышится везде:
здесь, оставляя Божьи знаки,
писали древние монахи
псалмы на тонкой бересте...

Истлели стрелы злых князей,
скупы иных веков останки.
Лишь слышен голос коноплянки
сквозь топот рыжих лошадей.

НА ЗАКАТЕ

Пруды между древних высоких холмов,
дубрава на склоне, дорога в тумане,
прогнившие стены старинных домов
и пенные шапки в реке возле бани.

Скрипит над кувшинками мост подвесной,
Плывут с колокольни спокойные звоны,
Проклюнулись звезды намокшей кострой,
Заречную даль отражают затоны...

На сердце лежит неумная блажь,
сизу под окном, и надеясь, и веря:
холмистых просторов вечерний пейзаж
душа сохранит. И задержится время.

* * *

В этом городе мгла за околицей,
глубоки полевые снега.
Одинокой серебряной горлицей
подо льдами воркует река...

На моем полувыцветшем воротах
застывает февральский свет.
Неуютно и холодно в городе,
где когда-то я был согрет.

* * *

Я помню дворик с лебедой
и покосившимся забором;

глухой сосед смотрел с укором,
качая жидкой бородой...

Но от ненужной суеты
душа в те годы отдыхала,
и в тишине у сеновала
тянулись к солнышку цветы.

С берез летели семена
в мои заброшенные грядки,
и увязали в глине пятки...
Такие были времена.

ОЖИДАНИЕ ВЕСНЫ

Я хочу наступленья весны,
я зову ее свежие ветры,
чтоб шумели таежные кедры
и вдоль улиц горели костры;
чтобы, может, за тысячу верст
пахло свежей, оттаявшей глиной
и к сторожке старинной, былинной
прижимался забытый погост;
чтоб летел над проталиной пар
и блестел над сугробом наличник,
чтобы, может, как вещей язычник,
жаркой медью дышал самовар...
От святой и родной старины,
от извечных людских расставаний
всё острее с напевом преданий
ожидание скорой весны.

ВОСПОМИНАНИЕ

Опять наплывают раздумий тяжелые тени,
в осеннее небо летит беспокойная мысль:
я вспомнил тот край, где сквозь ветви цветущей сирени
широкие окна глядят в беспокойную высь;
тот край, где в тиши набегают пшеничные волны
на камни сырых, но пустых монастырских гробниц,
где сходит Христос из угла со старинной иконы
и свет мироточит тревогой восточных зарниц.
Наверно, и я стал немного похож на Иисуса,
поскольку не раз по холмистой земле проходил;

я песни слагал, глядя в бездну небесного русла,
и молча сидел под крестами прогнивших стропил.
Тот край для меня будет вечно и близок, и дорог,
тот край для меня будет раем при жизни моей...
Как ни был бы путь в этот край неоправданно долог,
я помню холмы и раскатистый крик журавлей.

ТИХИЙ УГОЛОК

В поле — сорняки,
на душе — тоска;
смотрит у реки
небо свысока...

Мысли на беду
падают в зенит,
камни на броду
тина зелени.

Словно на весу,
над туманом — лес.
Что я принесу
в зарево небес?..

В поле — сорняки,
на деревьях — мох...
Дремлет у реки
тихий уголок.

Иван РУСАНОВ

ВСЕ ЭТО БЫЛО

* * *

Все это было — юность, Север...
И все осталось вдалеке.
Рогатый скот идет на клевер,
Бобер вздыхает на реке.

Над Пинегой, над косогором
Звезда горит, село стоит.
Там, пацаненком, «клад» за домом
Был мной зарыт — потом забыт.

Потери были и находки.
Года идут, и жизнь идет.
Вон мальчуган уже и в лодке... —
Бог весть куда он уплывет.

Уже и юность пролетела.
Уже в Москве давным-давно.
И матушка в платочке белом
Уже не выглянет в окно...

Так что мне значит этот Север?
И что такого вдалеке?
Рогатый скот идет на клевер,
Бобер вздыхает на реке.

* * *

Набраться гомона и крика
Детей, в песочнице играющих,
Уйти туда, где клен и липа
Птиц провожают улетающих,
И где-нибудь над речкой в роше
Заслушаться, как ветер свищет...
И, может, стать немного проще.
И, может, стать немного чище.

ДИАЛОГ С РЫБАКОМ

«Вот, — говорю, — уже и осень,
Как быстро времечко летит...»
Рыбак на берегу не очень
Со мной охотно говорит.
«Да, — говорит, — листва желтеет,
А рыба все равно клюет...»
И что он там в виду имеет
Не каждый толком разберет.
«А там уже потянет снегом...
Пора наживку заменить...»
Приятно с дельным человеком
По существу поговорить!

* * *

Как настроение?... Да осень,
Стихи, дороги, облака...

Рассвет, встающий из-за сосен,
Теплей парного молока.

Ручей кружит и гонит листья.
Костер горит на берегу.
Животное с ухваткой лисьей
Мышей гоняет на лугу.

Тенями перелетных уток
Следы остались на песке.
И даже мельница, как будто,
Еще бормочет вдалеке.

Все это — словно между прочим,
Как бы валяя дурака...
А настроения — на осень:
Стихи, дороги, облака.

ПЕРВЫЙ РОМАН

Роман мой сразу не задался:
В «герои» я не угодил...
Зачем тогда с тобой встречался?!
Зачем черемуху дарил?!

Ты говорила: «Ах, как мило
Туман над речкою плывет...»
Положим, в этом что-то было,
Да только кто его поймет?!

Чего хотел — и сам не знаю...
Но только помнится: тогда
Я у тебя был где-то с краю,
А с неба — падала звезда.

Туманом я не обольщался,
И глупостей не говорил,
Но вот когда с тобой прощался —
Зачем черемуху дарил?!

* * *

Тоска по звездной высоте,
Земли негромкие мотивы —
Все есть в неброской красоте
Склонившейся плакучей ивы.

Иное плачет и горит,
Но разве жалость вызывает.
Она — вздыхает и молчит.
Но как молчит! И как вздыхает...

* * *

Душа всех обняла — и отпустила:
Кого ей помнить и кого забыть?!
А та, что ночью косы распустила,
Никак не соглашалась уходить.

Я говорил, что ждет меня дорога,
Что гостем посетил свой край родной,
Что нашей встрече длиться до порога,
А за порогом — быть тебе одной.

Смотрела молча, молча одевалась,
Заколки позабыла на окне...
Как с дорогим навеки расставалась,
Качнувшись и на грудь упав ко мне.

Печальная, лицо свое закрыла...
Я часто вспоминаю край родной.
Душа всех отпустила и забыла.
И лишь забыть не может об одной...

* * *

Пригубить вина. Брови поломать.
Скоро новый год — надо понимать.

За спиной стоит лунный блеск и даль.
Если вспоминать — то чего-то жаль.

На своем пути не был я суров.
Многими забыт звук моих шагов.

А когда-то пел — вешний сад блистал.
То ли присмирел. То ли подустал.

По устам текло пьяное вино —
Вот я и хмелен... Ну да все равно!

Не одну мечту про себя таю —
Все, что не успел, я еще спою.

Новый год встречать — старый вспоминать.
Жизнь дается раз — надо понимать.

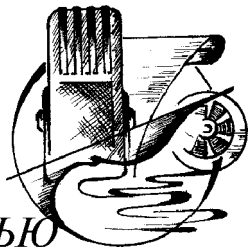
Валентин РАСПУТИН
Виктор КОЖЕМЯКО

ВРЕМЯ ТРАГЕДИЙ

— Валентин Григорьевич, вспомним 2009 год. Не успели опомниться от катастрофы на Саяно-Шушенской ГЭС — взрывы на военных складах в Ульяновске, а затем подрыв «Невского экспресса». Прошла лишь неделя после этой беды — жуткое кострище в Перми, унесшее более 150 человеческих жизней...

— Да, да! И это далеко еще не все беды минувшего года. Это только самые громкие, небывалые, как катастрофа на Саяно-Шушенской ГЭС и пермская трагедия... Но ведь продолжалось еще и изнасилование детей, заказные убийства едва ли не достигали уровня ельцинских лет; дорожные аварии с гибелью людей побили все предыдущие рекорды; через день да каждый день поступают сообщения о бандитских нападениях на инкассаторов, священников, на случайных прохожих, не так посмотревших или не то сказавших. Если это не война, то и не мир.

— Можно рассматривать порознь каждую из трагедий, потрясших нас в прошлом году, и у каждой будут свои конкретные причины и конкретные следствия. Но, размышляя о причинах и следствиях всех этих бед, невольно опять обращаешься к нравственному, а точнее — все более безнравственному состоянию нашего об-

НАШЕ ИНТЕРВЬЮ

щества. Само слово-то это, нравственность, давно уж почти совсем не звучит у нас в общественном обиходе, и многим, особенно молодым, наверно, кажется абсолютным анахронизмом. Не потому ли, например, устроители веселья в пермском ночном клубе «Хромая лошадь» без душевных угрызений покинули вспыхнувшее заведение через известный только им служебный ход, предоставив остальным задыхаться в тесноте единственного для всех выхода?

— А вот это что — распушенность, безнравственность или что-то пострашнее? Всегда ведь было: сам погибай, а товарища выручай. Конечно, и в «Хромой лошади» некоторые жертвы огня пытались помочь друг другу, но огонь был сильнее. Впечатление такое, что его, огонь, распалили не только легковоспламеняющиеся материалы по стенам и потолку, но и самое это издевательское название заведения. Странные все-таки вкусы: над гражданами нашими издеваются, а они приходят в восторг. За пошлость и бесстыдство поднимают цены, а они считают это справедливым. Ведь эта «Хромая лошадь» была чрезвычайно популярна, иначе не случилось бы многократного перенаселения ее в ту трагическую ночь. И набились туда не подростки-несмышлелыши, а взрослые люди, как сообщалось, от 20 до 40 лет. С вполне сложившимся вкусом, с немалым житейским опытом.

Это еще раз подтверждает, что со вкусами и житейским опытом в России не все в порядке. Двадцать лет миновало с начала той «судьбоносной» поры, когда наизнанку было вывернуто все: и многовековые нравы и традиции, и способы жизни и хозяйничанья, трудовые и воинские победы, тысячелетняя история... Все охаивалось и отвергалось. Нажитое и выстроенное народом в тяжких трудах за многие десятилетия растащили за полгода. Это походило на то, как если бы свергался последний очаг обезьяньего периода, предшествовавшего человечеству, и наконец-то открывались сияющие перспективы.

Не забыли еще: малолетние школьницы, освобожденные от понятий хорошо-плохо, прилично-неприлично, дружно возжелали под влиянием телевидения стать проститутками. Такие объявились вкусы. Девушки постарше бросились за границу. Одни в поисках богатых женихов, другие на заработки тем самым ремеслом, которое не требует ни воспитания, ни образования. И миллионы людей более старшего поколения, бывшие инженеры, учителя, кандидаты наук, матери и отцы, потеряв работу, вынуждены были обзавестись профессией «челнока»: за границей купить, дома продать и накормить детей. И это в целомудренном народе, не призна-

вавшем барышничества и разврата. Вырвались из коммунизма и ветхозаветных понятий — и уже через десять лет (да раньше, раньше!) тысячи и тысячи мамаш школьного возраста, начиная от 12—14 лет и далее, принялись рожать и подбрасывать своих чад под чужие двери или выбрасывать на помойку.

Да разве можно от таких нравов освободиться сразу, если бы даже и захотели освободиться?! Но не очень и хотят. «Передовая» и независимая от всяких ограничений пресса, телевизионные программы, Интернет, уличная реклама продолжают свое дело даже и не исподтишка, а открыто и воинственно.

Нравы, нравственность — однокоренные слова, но уже с разошедшимися понятиями. Нравы — ну и нравы! — превратились в нечто дурное, неприятное, а нравственность, мораль покуда еще сохраняют свою чистоту и непогрешимость. Сохраняют в последнее время, по-моему, прежде всего благодаря Церкви. Спасшиеся — это все-таки по большей части верующие.

— *Очевидна, думается, и еще одна общая для многих трагедий причина: безудержная капиталистическая погоня за деньгами, за прибылью! В той же Перми «экономили» на противопожарной безопасности, сократив, как выясняется, необходимые расходы на нее по городу аж в три раза. В помещение ночного клуба, рассчитанное на 50 человек, назвали около 300. Денежки — в карман, а люди пусть горят. Закупая по дешевке старые, уже почти негодные «Боинги», обрекают сотни людей на гибель, зато хозяева авиакомпаний обогащаются. А Саяно-Шушенская ГЭС? Разве не жадность новоявленных хозяев, не желавших тратить на своевременный и неотложный ремонт, привела к катастрофе? Естественный износ техники, еще советской, плюс «реформа» энергетики по Чубайсу — вот и результат. Однако имя непотопляемого Чубайса, названное комиссией поначалу самым первым среди виновников, очень скоро из того списка исчезло. Случайно?*

— «Безудержная капиталистическая погоня за деньгами, за прибылью», — говорите вы. Да, настолько безудержная и алчная, что невольно является страшное предположение: а что, если бы в Великой Отечественной войне взял верх фашизм и последовала бы оккупация России со всем тем, что бывает при оккупации: унижение и эксплуатация народа, надругательство над его вековыми традициями и образом жизни, подневольное и унижительное существование, миллионы и миллионы беспризорников, вывернутая наизнанку школа, разрушенное хозяйство, запущенные пашни и т.д., и

т.д., — было бы при таком фантастическом порядке труднее и страшнее? Все, что испытали мы при Ельцине, Чубайсе и К°, сравнить не с чем, и свобода, ради которой якобы потребовались жертвы, ничего не принесла, кроме чуждесбытия, распушенности, безнравственности, нищеты одних и бешеного богатства других. Требуется полностью перевоспитывать наш народ, чтобы он с этим смирился. Да оно и идет полным ходом, это перевоспитание, в школах и вузах.

А Чубайс... что ж Чубайс... Он давно уж для власти святой... Ну, балуется, ну, вредит, хамит, ну, одиозная фигура, ну, принял участие в трагедии Саяно-Шушенской ГЭС, да ведь весь ельцинский синод прошлого и настоящего у него в покровителях, и ни один волос с его головы не должен упасть.

— *Вот уже два года говорят о мировом финансово-экономическом кризисе, постигшем и Россию. Казалось бы, раз кризис, значит, общество подтягивается, мобилизуется, сокращает расходы, без которых в кризисных условиях можно обойтись. Казалось бы... А на деле? Разве хоть в чем-то заметно, что богачи наши умерили свои безумства в роскоши и начали думать о других людях, едва сводящих концы с концами? Нет, Абрамович опять приобретает новую сверхшикарную яхту, другой «российский» миллиардер — Исмаилов устраивает пир на весь мир в Турции по случаю открытия нового небывало роскошного отеля, а его детки, шокируя Европу и сбивая встречных, гоняют на сверхдорогих лимузинах и недозволенных скоростях в Швейцарии... У служителей банков и частных фирм — многомиллионные «бонусы», у чиновников — «откаты», тоже многомиллионные. Призывы выше к богатым вести себя более скромно раздавались, но вы уверены, что кто-нибудь это услышал или услышит?*

— Виктор Стефанович, мы с вами продолжаем оставаться неисправимыми нравственниками, что давно уже считается занудством и неприличием: сколько уже раз приходилось обращаться к личности Абрамовича и его теперь уже многочисленных братьев-олигархов. Ну и что, кого-нибудь устыдили? Пьянеют не только от водки, еще больше пьянеют и теряют человеческий облик от бешеного богатства. Кампанию против пьянства было бы полезно совместить с настоящей, а не формальной, для вида, кампанией против лихоимства. Пьяница покуражится-покуражится да и заснет в обнимку с бутылкой в подворотне, а одуревшему от неправедных миллиардов этого мало, он полетит на крыльях удачи в Европу или Америку, закажет самую дорогую яхту и одновременно самый дорогой аэроплан в свою собственность, выстроит сверхдорогой отель да прикупит в двух-трех местах виллы — и пошла гулять губерния на весь свет.

Пьянство — это зло, и зло тяжелое, ну а разве подобные нравы, да еще и показательные, буйные, пугающие осторожных европейцев, недоступные пониманию большинства наших соотечественников, — разве это меньшее зло?

Ну ладно, Абрамович и его друзья-олигархи первого призыва разбогатели в самое воровское время при Ельцине, с которого взятки гладки, но ведь этот клан небожителей разрастался, как на дрожжах, и во все последующие годы, и Россия, как курица-несушка, производила их постоянно. Трудно поверить, но ведь факт: тот самый Исмаилов, о котором вы упомянули, пожалуй, самый матерый миллиардер, нажил свои капиталы в печально знаменитом и одиозном Черкизовском рынке, превратившемся под его руководством в небывалый торг опасными продуктами и фальшивыми товарами. И известном к тому же рабством гастарбайтеров, русских и даже китайцев. И что, не ведало об этом московское правительство, не доносилась правда до российского?

После подобного, прямо-таки великомасштабных нравов местнические бравые попытки утереть нос другим, как правило, заканчиваются печально. Не тот калибр риска и вызова. Во Владивостоке к Новому году решили поставить на площади елку небывалой высоты и стоимостью в десять миллионов рублей. Конечно, такая елка не в лесу выросла, а под руками молодцов-мастеров. Поставили, нарядили. Но подул ветер — и елка грохнулась оземь и разлетелась на мелкие кусочки.

Вот и выше всех, вот и десять миллионов.

— *У нас давно уже очевидно сращивание так называемого бизнеса и власти. Получается замкнутый круг: президент Д.Медведев призывает «не кошмарить бизнес», до минимума сократить всяческие проверки частных предприятий и заведений, а результатом становятся трагедии — наподобие той, что произошла в «Хромой лошади», где грубейшим образом оказались нарушенными элементарные противопожарные требования. Но «усиление контроля», как показывает жизнь, тоже мало что дает, поскольку зачастую это не реальный контроль, а лишь видимость: пресловутые «откаты» все сводят на нет. Вы не замечаете в такой ситуации некоей безысходности?*

— Оказалось, довольно легко сойти со сложившегося за многие десятилетия порядка отношений между государством и гражданами. И оказалось чрезвычайно трудно к нему вернуться.

90-е годы до основания разрушили этот порядок. Государство осталось с объявившимися корыстолюбивыми богачами-«предпринимателями» и, может быть, еще более корыс-

толюбивым чиновничеством. А нередко, как мы знаем, те и другие соединяются в одном лице. Народ не мог не видеть этого и отошел от греха подальше, в сторонку, заботясь лишь о своем выживании. Народовластие как державное понятие оказалось совершенно исключено как из политического языка, так и из практической жизни. Отсюда и теперешние несообразности и пустоты.

— Для меня знаком единения власти и олигархов в абсолютной безнравственности стало происшествие, которое я считаю самым позорным в 2009 году. Скандально знаменитый по «истории с девочками» во французском Куршевеле олигарх Михаил Прохоров на сей раз решил «достойно» отметить годовщину своего буржуазного журнала «Русский пионер». И отметить не где-нибудь, а на крейсере «Аврора» — боевом корабле №1 Военно-морского флота России. Разумеется, в этом прежде всего был вызов миллиардера «Авроре» как кораблю революции: бурная пьянка на борту крейсера с характер демонстративного святотатства. Но самое главное — кто принял участие в этом мероприятии! Среди гостей были полномочный представитель президента Клебанов, министр федерального правительства Набиуллина, губернатор Санкт-Петербурга Матвиенко. И никого из них, судя по всему, не смутило, что разухабистая пьяная гулянка на корабле, который является музеем, — это, мягко говоря, неприлично. Об олигархе я уж и не говорю — нравы прохоровых, исмаиловых, фридманов и абрамовичей давно известны. А как вы думаете, почему люди, представляющие российскую власть, позволяют себе такое?

— Комментировать это событие свыше моих понятий и сил. Но приходится признать неумную изобретательность олигарха. Что там голые девочки во французском Куршевеле? Тьфу! — плюнуть и размазать! Но вот на «Авроре» шумный и неприличный бардак с самыми знатными членами правительства и президентскими приближенными — вот это фокус! Теперь вся Россия — да что там Россия! — весь мир должен замереть в ожидании: что же дальше выкинет богатейший похабник? Ведь он, конечно же, на этом не остановится!

А если представить — случись такое в любой из европейских стран, не говоря уж об Америке, я думаю, скандал прогремел бы с последствиями серьезными, и если не головы у высокопоставленных чиновников, то судьбы полетели бы непременно. Но какой же нравственности ждем мы от своих граждан, какого доверия к сильным мира сего, если «Авро-

ру» осквернили, совесть и стыд публично оплевали — и ничего! Как будто так и надо, чтобы страна не скучала.

— *Прошлым летом газеты писали о путешествии, предпринятом Валентином Распутиным по Ангаре — от Байкала до Котинска. Путешествии не развлекательном, а познавательном и направленном в конечном счете на спасение уникальной реки и заповедных мест на ней.*

— Да, такое путешествие состоялось, грустное и в какой-то степени загадочно-трагическое. Я ведь и сам с Ангары, и Аталанка моя, переехавшая полвека назад перед затоплением Братского водохранилища в гору и принявшая в себя полдюжины соседних деревень, до сих пор жива, хотя и доживает, по всему судя, последние годочки. Поля затопили, леса вырубали, постоянных дорог в большой мир нет, работы нет, надежд не осталось — пустеет Аталанка. Мы на этот раз провели в ней без малого два дня, оставшиеся жители приняли наконец Христово крещение от прибывших с нами батюшек, затем меня попросили указать, где стояла-живала Аталанка до затопления, почти наугад в разливе нынешнего моря я это место указал, и товарищи мои опустили в воду поминальные цветы, а «Метеор» наш дал скорбный гудок.

Следующий поселок — Карда — опустел и погиб окончательно, к нему и причалить не удалось. Подволочная (тут когда-то начинался волок на Илим), тоже вобравшая в себя все ближние деревни, еще держится благодаря близости к Братску, но и здесь — заброшенные избы и неуверенность в завтрашнем дне.

Красавицу Ангару только по старой памяти можно называть Ангарой. Три гидростанции — Иркутская, Братская и Усть-Илимская — превратили ее в разбухшую, ограбленную и даже опасную старуху. Десятки лет после затопления пришлось ей вымывать из своих глубин и качать на волнах необрушенные леса, а затем баррикадами забивать ими свои берега. Острова ушли на дно, воду пить нельзя, рыбу есть нельзя — это результаты работы химических предприятий в Ангарске, Усолье-Сибирском и Саянске. Нельзя, но и рыбу берут, и воду пьют. А что делать? Кому жаловаться? А впереди еще, уже на воде и земле Красноярского края, — многострадальная и огромная Богучанская ГЭС, строящаяся уже без малого тридцать лет.

— *Накануне прошлого Нового года появились сообщения о заседании в Красноярске правительственной комиссии под председательством вице-премьера Игоря Сечина. Речь шла о скорейшем вводе в строй Богучанской ГЭС. После аварии на Саяно-Шушенской премьер Владимир Путин дал поручение*

пустить Богучанскую в конце 2010 года или в начале 2011-го. На заседании Сечин констатировал: «...запаздываем примерно на семь месяцев», «выполнено только 70 процентов всех запланированных на 2009 год работ», «мешает конфликт акционеров». Но ни слова при этом не было сказано о серьезных угрозах, которые несет несовершенный проект Богучанской гидроэлектростанции.

Дело в том, что в погоне за той же прибылью верхний бьеф, то есть уровень рукотворного моря, решено было поднять с запланированных в советское время 185 метров до 208 или даже 211. Между тем авторитетные специалисты предупреждают, что каменно-набросная плотина при этом может не выдержать напора Ангары, что обернется катастрофой, аналогичной саяно-шуйской. Оказывается, еще в 2003 году, при минимальном напоре, плотина Богучанской ГЭС дала течь и был затоплен котлован, под воду ушло здание гидроэлектростанции. К счастью, тогда обошлось без человеческих жертв. Но чтобы избежать их в будущем, специалисты, опубликовавшие свою статью в газете «Красноярский рабочий», требуют провести немедленную квалифицированную проработку дальнейшего строительства плотины. Только вот как добиться этого?

— Многострадальная Богучанская... Многострадальная еще до завершения строительства. Гремела, как все ангарские ГЭС, в 80-х прошлого столетия, затем надолго затихла, когда менялась власть, потом была разбужена и возвышена... «Возвышена» — это значит, как вы уже сказали, что верхний бьеф ее для увеличения мощности решили поднять на много метров. Это потребовало переселенных прежде из нагретых за столетия родовых мест людей снова переселять неведомо куда. В общем-то ведомо: подальше от Ангары. Тут, на песенной Ангаре, веками жил песенный народ. На встречи с нами собирались женщины, как правило, преклонного возраста и без особых уговоров принимались петь. Затем плакать. И снова петь. Раньше так провожали на войну мужиков, теперь так прощаются с родной землей. В молодости, работая в газетах, я много раз бывал на Братской ГЭС, затем на Усть-Илимской, позже на Красноярской и даже однажды на Саяно-Шуйской. Конечно, и тогда при вынужденном переселении не обходилось без слез, и тогда ломались судьбы многих и многих, и тогда потери земные и нравственные, если поставить их рядом с нуждами цивилизации, были несравнимыми... Но тогда держалось еще доверие к государству: надо — значит, надо.

С тех пор в сознании народа много что изменилось. В акционерах видят только олигархов, граждан мира, которым

на Россию и на ее народ наплевать, была бы выгода. Притом не какая-нибудь, а бешеная. И участие их в сооружении гидростанций заставляет подозревать, что сооружения эти могут быть недолговечными.

Богучанскую ГЭС решено запустить уже через год. Ну что же, строители могут и поднажать. Но Ангара... это будущее ложе водохранилища — прости, Господи, за этот язык! — могучая Ангара здесь сплошь в чудо-островах, на которых не просто лес, а, считай, тайга на километры и километры... Да леса, еще более могучие, по берегам реки. И если в моих родных местах при сооружении Братской и Усть-Илимской ГЭС леса не были убраны даже и вполовину, и десятки лет (именно десятки лет до последнего времени) они сначала торчали по берегам из воды, затем их вымывало и таскало по нашим рукотворным морям тоже годами и годами, а затем забило ими, как баррикадами, все берега, не подойти и не подъехать, что же будет теперь здесь?

Ясно, что будет: то же самое, только в гораздо больших масштабах. Судя по всему, уже готовится. Да еще и не обернулось бы катастрофой прорыва плотины, если из-за спешки и погони за прибылью не прислушаются к предупреждающему голосу специалистов. Надо требовать, чтобы прислушались!

— *Телевидение показало вашу встречу с В. Путиным на Байкале.*

— Я попросил о встрече с председателем правительства из Кодинска, из города, рядом с которым сооружается Богучанская ГЭС. Путин все-таки несколько лет назад, можно сказать, спас Байкал от грозившей ему беды, когда принял решение отодвинуть нефтяную трубу по берегу Байкала на безопасное расстояние. Мы, болеющие за судьбу уникального чуда природы, этого поступка, который стоил, должно быть, немалых дополнительных затрат, не забыли. Не забыл и Байкал. В прошлом году Владимир Владимирович опустился на глубоководном аппарате «Мир-1» на дно Байкала в самой глубинной его части и тогда мог не беспокоиться о каких-либо осложнениях.

Наша встреча с председателем правительства состоялась тоже на Байкале, на дрейфующем посреди озера корабле. Я начал с того, что припомнил слова А.И. Солженицына о главной задаче власти — сбережении народа. А сбережение народа — это не только обеспечение его работой и прожиточным минимумом, но и сохранение России в ее нравственном, духовном и культурном обликах, в сохранении природы — матери народа.

В.В. Путин не перебивал меня, но только до той поры, пока я не заговорил о Богучанской ГЭС, о том, нет ли возможности, если не прекратить ее строительство вовсе, то хотя бы отказать от увеличения отметки верхнего бьефа. Ответ Путина был: уже поздно. А что касается следующей гидростанции на Ангаре (в планах на будущее она существует), по ней, сказал он, еще нет окончательного решения. А буквально через неделю после этой встречи грохнулась Саяно-Шушенская. Конечно, это случайность, что трагедия произошла вскоре после нашей встречи. Но какая-то уж очень назидательная случайность. А еще позднее стало известно, что на Байкале возобновляет свою работу целлюлозный комбинат.

Эта новость повергла защитников Байкала в недоумение и растерянность. Это что же, опять начинать все сначала? Я состоял в Государственной комиссии по Байкалу в середине 80-х прошлого столетия, руководил которой Николай Иванович Рыжков. Комиссия в 1985-м приняла решение: к 1993 году работу целлюлозного комбината на Байкале прекратить. Но новая власть в начале 90-х скорее готова была прекратить существование России, о Байкале в то время и речи не могло быть.

Но сегодня-то?!

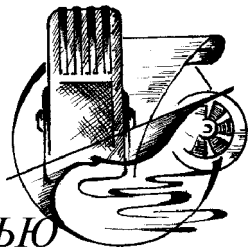
Николай БУРЛЯЕВ
Владимир СМЫК

КИНО — ДУХОВНО-СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ОРУЖИЕ ГОСУДАРСТВА

Кинематограф — мощное средство воздействия на массовое сознание. О том, как используется это средство и как его надо использовать, мы беседуем с народным артистом России Николаем Петровичем Бурляевым, замечательным актером, кинорежиссером, мужественным патриотом России, создателем и бессменным руководителем международного кинофестиваля «Золотой витязь».

— *Николай Петрович, весной прошлого года состоялся чрезвычайный съезд Союза кинематографистов России. Было очень много шума, много пены вокруг этого съезда. Его решения пытались оспаривать в судебном порядке. Но теперь пена улеглась и можно спокойно оглянуться на это событие. Как вы его сегодня оцениваете?*

— Как очень важную победу нашего кинематографического сообщества. Почему эта победа так важна? В свое время писатели, такие, как Валентин Распутин, Василий Белов, Виктор Астафьев — их презрительно именовали «деревенщиками» — стали духовными лидерами нашего народа. Потом они были вытеснены на обочину и утратили лидерство. Но остались деяте-

НАШЕ ИНТЕРВЬЮ

ли кино, которые пользуются народным уважением и имеют достаточно большую популярность. И они подавляющим большинством поддержали Н. Михалкова, который на Чрезвычайном съезде Союза кинематографистов дал бой не только за Союз, но и за всю страну. Из 2000 рук против избрания Михалкова на пост председателя только 170 поднялись против. Это представители пятой колонны — те, кто все эти годы расшатывал устои не только нашей организации, но и устои России. Вот этой пятой колонне мы и дали бой на съезде Союза кинематографистов. Ведь что говорила оппозиция устами популярного телеведущего Дмитрия Быкова: задавим державника Михалкова — и последний не распавшийся союз, наследство СССР, рухнет. А дальше примемся за Россию. Ядро этой оппозиции всего несколько человек. Ну, вот один из них — председатель гильдии кинокритиков Виктор Матизон. Приведу для его характеристики такой эпизод. В 1999 году, когда 19 стран НАТО каждый день бомбили Югославию, трамбовали ее ракетами с урановой начинкой, шел пленум нашего Союза, и я предложил принять обращение в поддержку сербского народа. Никита Михалков зачитал текст, мы единогласно его принимаем, и вдруг одна рука поднимается: «А я категорически против. Мы творческий союз, а здесь уже политика». Это был Матизон. Тогда поднялся покойный Евгений Матвеев, крупнейший русский артист, и бросил как гранату руку в сторону Матизона: «Да там людей убивают!» И словно погасил эту вражескую точку. Вот кто поднимал бунт против Михалкова. Нам передавали, что именно в те дни в общественном транспорте Липецка говорили: «Проиграет Михалков — проиграет Россия». То есть люди понимали, что на съезде происходит что-то большее, чем решение профессиональных вопросов. Съезд, если хотите, — это наше Куликово поле. И оно осталось за нами.

После съезда мы приехали в Липецк на XVIII международный кинофорум «Золотой витязь». Туда прибыл Никита Сергеевич Михалков и многие секретари Союза кинематографистов, высокие должностные лица, в том числе советник президента по культуре Юрий Константинович Лаптев, представители обеих палат Федерального Собрания, глава администрации Липецкой области Олег Петрович Королев, депутаты, ученые, политологи. Мы провели «круглый стол» и по его итогам выпустили «Манифест кинематографистов», где без обиняков и иносказаний определили, каким кинематограф должен быть, и каким он не должен быть, и какой должна быть культурная политика нашего Отечества. Манифест был принят на нашем Секретариате как основополагающий документ для работы Союза кинематографистов России.

— *Есть какая-то реакция государственной власти на Манифест?*

— Манифест был направлен президенту страны и председателю правительства, палатам Федерального Собрания и руководителям всех творческих союзов, чтобы они выразили отношение к этому документу, и тогда мы всем миром будем творцами новой культурной политики. Реакция власти уже ощутима. Она увидела, что Союз кинематографистов не распался и несет обществу полезное. Именно поэтому государство поддержало кинематограф в надежде, что нам удастся переломить ситуацию бездуховности в нашем кино, и выделило средства. Лично я за то, чтобы государство вообще ушло от принципа частичного финансирования и вспомнило, как в былые времена кинофильмы, полностью созданные за государственный счет, поднимали дух народный. Государство должно понять, что рынку в культуре не место, что не задача кинематографа «делать деньги», следуя принципу: «Ассу» — в массу, деньги — в кассу!», как в упоении кричали наши коллеги на заре перестройки, когда деньги после создания такого рода фильмов потекли к ним в карманы.

Объясняя бывшему министру культуры Швыдкому свое требование его отставки, я сказал, что дело вовсе не в моем личном отношении к нему: я потребую отставки любого, если он последовательно и системно станет вытеснять культуру в рынок. Для меня, отдавшего полвека кинематографу, понятие «культура» и «рынок» несовместимы. Фильм «Андрей Рублев» не окупался за две недели. На семь лет он лег на полку — его просто не было. А потом, за сорок лет, он окупился многократно. Очереди на этот фильм я видел и в Лос-Анджелесе, и в Париже, и в Венесуэле. Но он не ставил рыночные задачи. На этом фильме люди воцерковлялись, познавали историю, гордились Отечеством, его духовной мощью.

— *Упомянутая вами «Асса» — фильм, которым ваши оппоненты провели разграничительную линию, отделяя старое советское кино от нового — рыночного. Показательно, что этот «культовый», как его называют, фильм был ориентирован на юношей и подростков. То есть с самого начала удар был нацелен в юные неокрепшие души. Потом такие удары следовали один за другим. Как же помочь юным?*

— Здесь проблемы большие, поскольку усилиями прежнего руководства Министерства культуры уничтожена Киностудия детских и юношеских фильмов имени Горького. Теперь там все отдается телекомпаниям, ведется запись ток-шоу. А дети глядят «Гарри Потера» и прочие «ужастики»; все занял американский прокат, для которого российский кинорынок — третий в

мире. А мы, сами не ведая того, поощряем беса, платя наши деньги за просмотр американских фильмов, тем самым укрепляя мекку разврата — Голливуд. Но Союз кинематографистов России будет принимать меры по возрождению кино для детей.

— *Николай Петрович, продолжим детскую тему. Ваша кинематографическая карьера началась в детстве с фильма «Мальчик и голубь». Всесоюзную и международную славу принесла вам лента «Иваново детство», рассказывающая о ребенке, судьбу которого искалечила война. Но у героя вашего были сны. Они возвращали его в довоенное время, в семью, в то райское состояние души, каким отличаются первые годы жизни человека. Сегодня у нас даже по официальной статистике около 800 тысяч беспризорных детей (демографы называют и другие цифры — в несколько раз большие), но и 800 тысяч для страны, в которой всего 26 миллионов детей, — цифра чудовищная. Эти дети не знают семьи, не знают счастливых снов, не имеют даже такого утешения, хотя жизнь их нередко — это война за биологическое существование. Где и как им черпать внутренние силы, чтобы расти, становиться настоящими людьми? Может ли здесь что-то сделать кино?*

— В последние годы я был занят благотворительной программой «Международный форум «Золотой витязь» детям — будущему России». Мы, старались, посещая детские дома, интернаты, дарить детям не только то, что им нужно для практической жизни — продукты, одежду, — но и то, чем богат «Золотой витязь». А он богат фильмами: мы собрали и показали за 18 лет нашей деятельности 5400 фильмов, соответствующих девизу «За нравственные христианские идеалы, за возвышение души человека». Мы привозили в детские дома даже то, чего нет у нашего международного кинофорума: например, подарили детям домашний кинотеатр, открыли по школам, детским домам, интернатам киноклубы «Золотой витязь» и оставили там коллекцию фильмов, на которых детская душа должна подниматься и правильно ориентироваться в жизни. Всего таких киноклубов, которые действуют от Дальнего Востока до косовской Митровицы, уже 55. Но что мы можем? Все охватить мы не в состоянии. Но рекомендуем тем, кто озабочен воспитанием детей, быть может, даже обращаться к нам, хотя нам очень трудно всем помогать — открывать повсюду киноклубы «Золотого витязя». А мы поддержим их фильмами, которые будут правильно формировать человека.

— *Этот год объявлен Годом учителя. Но ведь деятель кинематографа — это тоже учитель. Воспитательная сила у кино, может быть, не меньшая, чем у школы. Но о положительном*

влиянии киноискусства на формирование души ребенка сегодня приходится говорить крайне редко. А отрицательным примерам несть числа. Почему?

— Потому что экран — это духовно-стратегическое оружие государства, а государство это оружие выпустило. Его подхватили дельцы от кинематографа. Они построили по всей стране кинотеатры с удобными креслами и попкорном в креслах, с долби-стерео; все это для того, чтобы легче было трамбовать сознание эффектной пустотой. Когда апологет рыночной культуры Даниил Дондурей с упоением рассказывает, что уже построено полторы тысячи кинотеатров, и через три года их будет три тысячи, я задаю вопрос: на чьи деньги они построены и что там показывают. В основном — на американские деньги, и показывают там низкопробную американскую эффектную пустоту. Но то, что может дать русский кинематограф, и то, что он давал через лучшие фильмы наших классиков, — а это целый пласт кинокартин Тарковского, Бондарчука, Шукшина, Кулиджанова, Росточко, Чухрая и многих других — все это отсекали от нас, а взамен заполнили экран чужебесием, и в этом чужебесии вырастает новое поколение.

Кино существует для того, чтобы дать человеку с самого детства правильные ориентиры. Нашему поколению повезло: тогда государство заботилось о духовном состоянии народа, и мы воспитывались на замечательных фильмах об Александре Невском и Богдане Хмельницком, Иване Грозном и Петре I, Суворове, Ушакове, Нахимове. Нашими героями были Зоя Космодемьянская и Александр Матросов, то есть мы росли, видя положительные примеры для подражания, и хотели быть такими, как эти герои. Мы понимали, как это ответственно — родиться в России, знали, что мы должны оберегать Родину нашу и стремиться к самым высоким идеалам.

Поколения нынешние пришли в жизнь, когда все оказалось перевернуто с ног на голову. Государство, 24 года назад объявив перестройку, устранилось от всякого влияния на душу человека, уступило это место кинематографу и СМИ, вольно или невольно выполнявшим заказ Запада на разрушение России. Америка через финансируемое Конгрессом США радио «Свобода» открыто говорила: «Цель перестройки состоит в том, чтобы приблизить русских к западным стандартам, в том, чтобы произошла мутация русского духа. Нужно русских выбить из традиций».

Тут надо задуматься. По собственной прихоти или по каким-то другим причинам эту программу выполняли наши министры культуры типа Швыдкого, наши топ-менеджеры

первых каналов, которые стали показывать нам то, что душехристианке смотреть негоже (а Тертуллиан говорил, что каждая душа по природе своей христианка). И вот эту душухристианку начали коверкать. Поэтому очень трудно нашим детям понимать, что такое хорошо и что такое плохо.

— *Как, заботясь о душе ребенка, выработать у нее иммунитет против телешоуности, разврата, бескультурья? Как привить любовь к хорошей русской литературе, хорошему кино?*

— Как выработать иммунитет? Почти в каждом доме ящик телевизора стоит в том самом красном углу, где когда-то была икона и в котором должна быть икона. Если ее нет — повесьте там икону, приходите в храм и сами, родители, учителя, воцерковляйтесь. Как говорил учитель Пушкина Державин: «Твое создание я, Создатель, Твоей премудрости я тварь».

Бог есть, что бы ни говорили увешанные премиями атеисты-ученые. Они будто не знают, что верующими были Ломоносов и Менделеев, Мечников и Павлов, Пушкин и Лермонтов, Рахманинов и Чайковский. Верующим был Андрей Тарковский. Нужно обязательно вводить основы православной культуры, и не только в школе, а на всех уровнях — от детского сада до творческих вузов. Почему нет этого предмета в моем родном ВГИКе? Я уже поднял вопрос, и если мне дадут курс, я обязательно буду вести этот предмет. Потому что не появятся новые Тарковские, если они не будут людьми верующими.

— *В СССР была система отбора талантливых детей. Проводились конкурсы художественной самодеятельности, на всех уровнях, начиная от школьного, заканчивая всесоюзным. Таланты искали: будущего автора «Перезвонов» Валерия Гаврилина нашел в детском доме профессор музыки, приехавший из Ленинграда. А сегодня есть что-нибудь подобное? Или юный талант из провинции подходит к храму искусств, а там надпись: «Посторонним вход воспрещен».*

— Пока государство внедряет рыночные отношения во все области жизни, не понимая, что для России деньги не были никогда самым главным, основополагающим, и никогда наши предки не измеряли ценность жизни духовной рублем; такой человек, как Василий Шукшин, не попадет в творческий вуз. В моем любимом ВГИКе оставлено всего несколько бюджетных мест, за которые, разумеется, идет драка. Все остальные — платные. Образование должно быть бесплатным. Руководителям страны надо понимать, что государство обязано вкладывать деньги в образование души человека, того человека, который завтра примет в свои руки управление Россией.

В бытность В.Путина президентом я был рад услышать в послании Федеральному Собранию целую главу о культуре.

Причем президент говорил то, что «Золотой витязь» повторял все постперестроечные годы: культура должна развиваться на основе традиционных духовно-нравственных ценностей. Но прошло время, и в новом президентском послании культуре посвящен всего лишь маленький абзац. В нем содержится странный посыл о том, что культура должна развиваться на какой-то инновационной основе. Дух наших либералов-рыночников проник в этот фрагмент президентского послания. Поэтому все тревожно, но, как говорил Гоголь, «Сейчас идет бой! Самый главный бой! Бой за душу человека!» Поборемся.

— *В этой борьбе нужна мобилизация всех здоровых сил, всего талантливого, что есть в России. Но как пробиться провинциалу? Приведу такой факт из истории нашей культуры. Зима 1942 года. Война в самом разгаре, а культурная жизнь в столице не прерывается. Из Уфы в Москву приезжает Ирина Масленникова. Идет к главному дирижеру Большого театра С.А.Самосуду с просьбой принять ее на работу и, спев перед худсоветом, получает дебют. Сейчас возможно что-нибудь подобное? Или у нас царит круг лиц избранной тусовки, и разорвать его невозможно?*

— Разорвать его очень трудно. Для этого надо, чтобы руководство страны открытыми глазами посмотрело на то, что делается в нашем обществе и какой порочный круг, действительно, существует. Как все перевернуто, как наши СМИ преподносят миллионам в качестве примера для подражания представителей эффектной пустоты, занимающихся доходным промыслом и тусовками. Те, кто поистине является героями нашего времени, люди, которых можно назвать совестью нации, — среди них упомянутый мной Валентин Распутин — они в тени. Разве пресса и телевидение предоставляет таким людям столько медийного пространства, сколько Алле Пугачевой и Боре Моисееву? Их делают героями времени, награждают премиями, вешают ордена «за заслуги перед отечеством». За какие такие заслуги? За понижение духовного уровня нашей культуры, деградацию, пропаганду патологии? За это надо карать, а не давать награды. Но государство заигрывает с этой публикой, потому что она — медийная публика, захватившая все каналы телевидения, потому что она на виду и ее лучше не трогать, а лучше с ней дружить.

Наша власть заигрывает и с молодежью, что тоже недальновидно. Как говорил больше ста лет назад умный государственный муж Константин Петрович Победоносцев, слабо то государство, которое заигрывает с молодежью. С нею нельзя заигрывать, ее надо вести за собой.

— *Несколько слов о премиях и наградах. Есть лауреаты, скажем, у премии «Ника», которая носит титул «национальной кинематографической», а есть у «Золотого витязя». Причем, многие артисты и режиссеры считают для себя высокой честью быть отмеченными жюри именно этого авторитетного кинофорума. Кого бы вы хотели выделить из ваших лауреатов?*

— «Ника» отмечает одних, а мы отмечаем других. Главной нашей наградой Золотой медалью имени Сергея Бондарчука мы в свое время успели отметить самого Сергея Федоровича, Николая Крючкова, Тамару Макарову, Марину Ладынину, Вячеслава Тихонова, Нонну Мордюкову, то есть тех, кого можно считать образцом служения искусству, стране. Потом мы дали впервые премию документалисту Борису Карпову, ныне покойному, основоположнику православного кинематографа. И в прошлом году мы дали такую же награду, причем во второй раз, скромному режиссеру из Санкт-Петербурга, руководителю киностудии «Леннаучфильм» Валентине Ивановне Гуркаленко. Она поставила много документальных фильмов на самые разные темы — о России, ее истории, деятелях нашей науки и культуры, сняла потрясающую ленту о Чернобыле, где показала, кто привел к катастрофе на атомной электростанции. Для меня лично это был шоковый фильм. Там есть документальные кадры, запечатлевшие корпоративный шабаш ученых-атомщиков. Мы видим на экране парад-алле, шествие по стадиону ученых атомщиков, разряженных в чертей, ведьм на помеле и прочей нечистой силы. В огромном котле, под которым как бы горит огонь, восседает главный «атомный бес» — полуголый академик с рогами. Котел тащат бесенята помельче, видать, младшие научные сотрудники, за ними аспирантки-ведьмы. И над всеми высятся крупнейший транспарант: «Черт с нами!» Шествию нечистой силы аплодирует академик Александров, олицетворявший в то время всю полноту ответственности за «мирный атом», но не предусмотревший элементарной защиты реакторов двух десятков атомных электростанций, построенных по всей стране на водах наших самых чистых рек. А через несколько дней, после этого безумного корпоративного веселья происходит взрыв на Чернобыльской АЭС...

— *Получается, что крупнейшей в истории экологической катастрофе предшествовал выброс отрицательной энергии тех, кто должен был ее предупредить, свидетельствовавший об их душевной катастрофе?*

— Выше экологии окружающей среды мы ставим экологию общества и экологию человеческой души — то, от чего, по сути, зависит, будущее всех нас. Вот почему этим летом мы

провели I Международный кинофорум экологических фильмов «Золотой витязь». В Меморандуме, принятом по итогам его работы, говорится, что только от души человека зависит, способны ли мы найти гармонию с природой, изменить свой образ поведения в окружающей среде, вести здоровый образ жизни, вернуться к истинным человеческим ценностям — нравственному поведению, любви и совести, к заботе о ближнем.

— *То есть экология общества, отдельно взятой души проверяется нравственными характеристиками. Одной из таких характеристик, безусловно, является патриотизм. После выхода, к сожалению, не в массовый прокат фильма «Лермонтов», вас обвинили в «националистическом экстремизме». Почему?*

— Потому что это патриотический фильм, о подвиге, о самопожертвовании. Это то, что бесило нашу пятую колонну всегда. И снята лента нетрадиционно — как кинопоэма. Ее это тоже бесило, что так приподнята Русь наша. Упрекали, что у Лермонтова крест на груди, что в фильме иконы, кресты. Словом, ругали за то, что фильм русский. За это же и Шукшина ругали. Но как ругали! Когда Василий Макарович показывал на худсовете в студии Горького кинопробы к фильму «Печки-лавочки», кто-то из критиков, принадлежащих к пятой колонне (а она всегда была у нас — люди, которые глядят на Запад и хают все свое) спросил: «Где вы нашли эти рожи»? Шукшин сжал зубы, на скулах заходили желваки: «Это мои земляки».

— *Усилия пятой колонны: пропаганда вседозволенности, «права на грех» — оказались, увы, небезуспешными. Запущенный четверть века назад процесс деградации, похоже, не сбавляет обороты. В стране около трех миллионов алкоголиков, и это по официальным данным. Россия вошла в тройку лидеров по объему рынка наркотиков. Николай Петрович, бывают у вас минуты отчаяния? Вы верите в духовное возрождение России? Что для этого должен делать каждый отдельно взятый гражданин России?*

— Отчаяние иногда посещает, потому что есть глаза, они видят эту деградацию. Я ее видел и раньше, потому что, начиная с «Иванова детства», рос фактически в богеме, где пьянство, разврат были нормой, и в те годы атеизма в этой среде никто не говорил, что надо жить чисто — все грешили. У меня всегда это вызывало чувство отвращения, и я его перedal в таких строках:

*Обжорство, пьянство и похмелье,
Греха нечистое веселье —
Связь расторгая с красотой,
Художник платит немотой.*

Если раньше в таком пьяном угаре жила элита, то сегодня — это норма для всей России, кроме России верующей. Но к счастью, православие у нас крепнет. И если на Западе храмы закрывают, за бесценку отдают под дискотеки, идет тотальная дехристианизация, то у нас идет обратный процесс. Здесь повсюду строятся храмы: это флотилия Ноевых Ковчегов, и те, кто успеет туда прийти, до того, как закроется дверь, — спасутся.

Возвращение к духовным корням возможно, и, как это ни парадоксально, за достаточно короткий срок. Как быстро нас окунули в эту бездну бездуховности и чужебесия, так же быстро мы можем оттуда выйти. Но это только при условии государственного решения, когда государство покается за все содеянное перед народом: за проводимую антикультурную политику, за массовое обнищание своих граждан, за обогащение десятка олигархов, которым раздали Россию, рассеяли, раздробили, поделили единый народ. Русские, украинцы и белорусы — это просто цвета одной русской радуги.

А вернуть быстро — можно. Ведь человек формируется до четырех лет. Дальше он — кремень, алмаз, возможна только его огранка. Важно правильно воспитывать в течение этого начального отрезка времени, прививать понимание, что ест Бог, и если грешишь — покайся и не греши больше, что нужно жить чисто, думать чисто и поступать чисто. Этому нужно научить. Как? — только изменив политику на уровне державной власти.

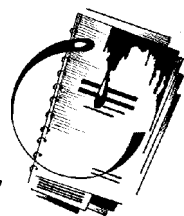
ЗАБЫТЫЕ ЖЕРТВЫ ОКТЯБРЯ 1993 ГОДА

Для того чтобы установить подлинное число убитых в Доме Советов, необходимо знать, сколько человек находилось там во время его штурма 4 октября 1993 года. Некоторые исследователи утверждают, что в здании парламента на тот момент находилось максимум 2500 человек. Однако, если определить относительно точное число людей, находившихся в Белом доме и вокруг него до прорыва блокады 3 октября, еще представляется возможным, то применительно к 4 октября возникает ряд сложностей. Так, Светлана Тимофеевна Синявская, занимавшаяся распределением талонов на питание людей в кольце обороны Дома Советов, свидетельствует, что до прорыва блокады талоны выдавались на 4362 человек.

Многие москвичи и жители Подмосковья, остававшиеся у здания парламента за колючей проволокой в дни блокады, после ее прорыва ушли ночевать домой. Иногородним некуда было идти. Вспоминает защитник парламента Владимир Глинский: «В моем отряде, который держал баррикаду на Калининском мосту у здания мэрии, москвичей было лишь процентов 30. А к утру 4 октября их осталось и того меньше, потому что многие ушли ночевать домой». К тому же с прорывом к защитникам Дома Советов присоединились и

Продолжение. Начало в №10 «МГ» за 2006 и 2009 гг.

ДОСЬЕ "МГ"

другие приезжие. Депутат Верховного Совета хирург Н. Г. Григорьев зафиксировал приход к зданию парламента в 22 часа 15 минут 3 октября гражданской колонны, состоявшей в основном из мужчин средних лет.

На вопрос, сколько человек находилось вокруг Дома Советов ранним утром 4 октября, можно назвать только приблизительное число. По словам П. Ю. Бобряшова, на площади оставалось не более тысячи человек, в основном у костров и палаток.

Когда начался обстрел площади, многие люди, спасавшиеся от массированного огня БТРов, укрылись в подвале-убежище расположенного недалеко от Дома Советов двухэтажного здания. По оценке военного журналиста И. В. Варфоломеева, в бункер набилось до 1500 человек. Потом они перешли по подземному ходу в здание парламента. Многих людей развели по этажам. По словам московского бизнесмена Андрея (имя изменено), часть выведенных из подземелья женщин и детей проводили на четвертый этаж Дома Советов. Другой очевидец свидетельствует, что 800 человек, вышедшие из подвала, попали в плен в холле двадцатого подъезда к десанникам 119-го Наро-Фоминского полка и около 14 ч 30 мин были «отпущены на свободу».

Белый дом представляет собой довольно сложную систему коридоров, кабинетов, подвальных помещений, и поэтому крайне затруднительно установить точное местопребывание людей, оказавшихся там во время штурма. В этой связи характерен рассказ П. С.: «Мы перешли в один из коридоров первого этажа, — вспоминал он, — а затем спустились в подвал. Здесь было много людей, наверно, больше тысячи, в том числе немало женщин. Были и дети. Затем я и еще несколько человек поднялись на третий этаж. В темном коридоре между двумя рядами кабинетов собрались десятки людей. Они сидели вдоль стен или лежали на полу. Во второй половине дня в коридор пришел человек и сообщил, что идут переговоры о выходе желающих из Дома Советов. Тем, кто хочет уйти, надо собраться на центральной лестнице. Посоветовавшись, мы решили уйти... Большинство осталось» (Мысль. 1993. №19. С. 3).

Александр Страхов находился сначала на втором этаже, потом на третьем. «Было огромное количество людей, — свидетельствует он, — коридоры, полностью запруженные людьми. И так было на каждом этаже. Если у нас было человек двести на этаже, в этом коридоре, то можно с определенной долей вероятности определить общее число. Потом стало известно, что таким образом люди находились на пяти этажах».

В зале Совета Национальностей собрались депутаты, сотрудники аппарата, журналисты и многие безоружные защитники парламента. Время от времени поступали предложения вывести из здания женщин, детей, журналистов. Список журналистов для вывода за пределы Дома Советов состоял из 103 фамилий. Депутатов, сотрудников аппарата, гражданских (в том числе оказавшихся в зале беженцев) набралось около 2000 человек.

Остается неясным, сколько человек во время штурма находилось на верхних (выше седьмого) этажах Белого дома. Необходимо отметить, что в первые часы штурма люди опасались, прежде всего, захвата нижних этажей спецподразделениями. К тому же многие из них пережили атаку БТРов. Создавалось ощущение, что на верхних этажах более безопасно. Рано утром 4 октября решила подняться наверх в «башню» и Лариса Ефимова. Вот что она рассказала: «Мы знали, что спецназовцы, когда зачищают помещение, сначала стреляют, а потом уже смотрят. Никто, однако, не предполагал, что возможен обстрел здания из танковых орудий. На восемнадцатом этаже я встретила свою приятельницу Лену, и мы пошли в ее комнату... В зал Национальностей я попала около 7 ч 30 мин утра. Электричества не было, только несколько свечей горело на столе президиума. В темноте трудно было понять, кто находится в зале. Такое ощущение, что всех загнали в мышеловку. Мы с Леной даже хотели вернуться на восемнадцатый этаж, однако в окружении людей было спокойнее» (Патриот. 1994. №2-3. С. 5).

Приведем свидетельство А. Лейбова, который тоже побывал на верхних этажах и вовремя оттуда ушел. «Уже слышалась стрельба внутри здания, — вспоминал он, — сообщили, что штурмовые группы проникли в двадцатый подъезд. Рассказывали, что наиболее тяжелое положение со стороны мэрии: там этажи выметались пулеметным огнем буквально подчистую... Около полудня офицер, командовавший вооруженным отрядом, приказал всем безоружным уходить подальше от штурмующих — в верхние этажи «стакана». Вероятно, он даже подумать не мог, что именно эти этажи будут расстреливать из танковых пушек. Мы поднялись на двенадцатый этаж и попали в какую-то столовую. По дороге к нам присоединилось еще довольно много людей, и зал столовой оказался заполнен примерно наполовину, многие сидели за столами, другие укрылись на кухне и в подсобных помещениях. Видимо, там было порядка двухсот человек. Пробыв в столовой около получаса, я спустился вниз, инстинктивно не желая оставаться в закрытой ко-

робке и надеясь что смогу там чем-нибудь помочь. Через некоторое время начался танковый обстрел» (Площадь Свободной России. М., 1994. С. 106).

В течение дня, несмотря на продолжающийся обстрел, в здание парламента прорывались люди. «И уже, когда надежды никакой не было, — вспоминал депутат В.И. Котельников, — к нам прорвались 200 человек: мужчины, женщины, девушки, подростки, фактически дети, школьники восьмых-десятых классов, несколько суворовцев. Когда они бежали, им стреляли в спины. Падали убитые, оставляя кровавые следы на асфальте, живые продолжали бежать» (Литературная Россия. 1993. №44-45. С. 5).

Таким образом в Доме Советов и в непосредственной близости от него 4 октября 1993 года оказались многие сотни в основном безоружных людей. И примерно начиная с 6 часов 40 минут утра началось их массовое уничтожение.

Журналист Ирина Танеева, еще не совсем осознавая, что начинается штурм, наблюдала из окна Дома Советов следующую страшную картину: «В стоящий напротив накануне брошенный омовцами автобус бежали люди, карабкались внутрь, прячась от пуль. На автобус с трех сторон на бешеной скорости наехали три БМД и расстреляли его. Автобус вспыхнул свечкой. Люди оттуда пытались выбраться и тут же падали замертво, сраженные плотным огнем БМД. Кровь. Рядом стоящие «Жигули», набитые людьми, также были расстреляны и горели. Все погибли» (Аль-Кодс. 1994. №13. С. 6). Депутат Верховного Совета И.И. Андронов за первые полчаса расстрела видел с третьего этажа примерно полсотни убитых под окнами тыльной стороны Белого дома. Депутат Н.П. Кашин в тот день стал свидетелем гибели 22 человек. По свидетельству Евгения Снежинского, казака из Краснодарского края, с 7 ч до 9 ч утра в спортзале двухэтажного здания на Рочдельской улице сложили 54 трупа.

В самом здании парламента число погибших увеличивалось в несколько раз с каждым часом штурма. Уже после событий президент Калмыкии К.Н. Илюмжинов в одном из интервью заявил: «Я видел, что в Белом доме не 50 и не 70 убитых, а сотни. Вначале их пытались собирать в одно место, затем отказались от этой идеи — было опасно лишний раз передвигаться. В большинстве своем это были люди случайные — без оружия. К нашему приходу насчитывалось более пятисот убитых. К концу дня, думаю, эта цифра выросла до тысячи» (Известия. 1993. №198. С. 4). Депутат Р.С. Мухамадиев в разгар штурма услышал от своего коллеги депутата, профессионального врача, избранного от Мурманской об-

ласти, следующее: «Уже пять кабинетов забыты мертвыми. А раненых не счесть. Более ста человек лежат в крови. Но у нас ничего нет. Нет бинтов, нет даже йода...» (Мухамадиев Р.С. На раскаленной сковороде. М., 1997. С. 251). Примерно в то же время один из санитаров сообщил чешскому фотокорреспонденту Войтеху Лавичке, что в медпункте на первом этаже уже несколько десятков погибших и раненых.

По свидетельству художника Анатолия Леонидовича Набатова, в холле восьмого подъезда в штабель сложили от ста до двухсот трупов. Анатолий Леонидович поднимался до шестнадцатого этажа, видел трупы в коридорах, мозги на стенах. На шестнадцатом этаже он заметил журналиста, который по радиации координировал огонь по зданию, сообщая о скоплении людей. Анатолий Леонидович сдал его казакам.

Число погибших значительно увеличил обстрел Дома Советов танковыми снарядами. От непосредственных организаторов и руководителей обстрела можно услышать, что по зданию стреляли безобидными болванками. Например, бывший министр обороны России П.С. Грачев заявил следующее: «Мы выстрелили по Белому дому шестью болванками из одного танка по одному заранее выбранному окну с целью вынудить заговорщиков покинуть здание. Мы знали, что за окном никого не было» (Аргументы и факты. 2004. №41).

Однако свидетельскими показаниями полностью опровергаются подобного рода высказывания. Как сообщали корреспонденты газеты «Московские новости», около 11 ч 30 мин утра снаряды, судя по всему кумулятивного действия, прошивают Белый дом насквозь: с противоположной стороны здания одновременно с попаданием снаряда вылетает по 5—10 окон и тысячи листов канцелярских бумаг. Приведем рассказ одного из очевидцев гибели людей в здании парламента в результате попадания туда снарядов: «Когда нас обстреляли из танков, я был на шестом этаже. Здесь было много гражданских. Оружия у нас не было. Я подумал, что после обстрела солдаты ворвутся в здание, и решил, что надо найти пистолет или автомат. Открыл дверь в комнату, где недавно разорвался снаряд. Я не смог войти. Там было кровавое месиво» (Общая газета. 1993. №15/17. С. 7). Много жертв оказалось во втором подъезде Белого дома (один из танковых снарядов попал в цокольный этаж).

Сколько же танковых выстрелов сделано по Белому дому, и с какой интенсивностью они производились? Майор Валерий Гришин находился в составе одного из танковых экипажей, производивших обстрел Дома Советов. В 1998 году он рассказал в интервью журналистам «Комсомольской прав-

ды», что примерно в 7 ч утра 4 октября 1993 года в подошедшие к гостинице «Украина» танки загрузили по 20 снарядов в каждый (Комсомольская правда. 1998. №185. С. 2).

О.И. Гайданов, принимавший участие в расследовании октябрьских событий Генеральной прокуратурой России, утверждает, что по зданию выполнено 12 выстрелов. Первые два сделаны после полученного в 9 ч 30 мин приказа военного руководства. Второй и третий — в 10 ч 30 мин. По три выстрела прогремело в 11 ч 20 мин и 11 ч 23—24 мин. После чего, по официальной версии, «стрельба была прервана». Она возобновилась лишь после 16 ч 5 мин, когда по зданию произвели еще два последних выстрела (Дуэль. 2008. №40. С. 6).

Но официальная версия и в данном вопросе противоречит многочисленным свидетельствам очевидцев. Р.С. Мухамадиев утром 4 октября находился в зале Совета Национальностей. Первый взрыв, по его словам, раздался в 9 ч 45 мин. Затем продолжительное время выстрелы гремели с интервалом в 7 мин. При каждом таком выстреле сначала вздрагивали стены, и немного погодя раздавался оглушительный взрыв. Взрыватели ставились на такой режим, чтобы наряды взрывались внутри помещений. По некоторым данным, уже к 12 ч дня из танков сделали более 20 выстрелов.

После небольшого затишья танки снова открыли огонь. Майор-танкист Валерий Гришин утверждает, что танки начали стрелять после 12 ч 30 мин. Первый снаряд ушел вниз под Белый дом (Комсомольская правда. 1998. №185. С. 2). Можно, конечно, предположить, что танкист перепутал время, но есть и другие свидетельства. Вспоминает Ирина Танеева: «В 12 ч объявили перемирие... Без десяти час снова начался обстрел. Здание содрогалось. Стреляли из орудий» (Аль-Кодс. 1994. №13. С. 6). «Обстрел здания продолжался с перерывами где-то до 12 часов, — свидетельствует бизнесмен Андрей (имя изменено). — Потом он чуть ослаб, но здесь раздалось несколько танковых выстрелов, от которых Белый дом затрясло» (НЕР. 1993. №44. С. 2). По словам журналиста М. Гусева, во втором часу дня раздался мощный взрыв. Снаряд прошел здание насквозь, вместе с пламенем и дымом из пробоины вылетели бумаги. Когда президент Ингушетии Р.С. Аушев и президент Калмыкии К.Н. Илюмжинов находились с миротворческой миссией в Доме Советов, по зданию произвели еще два танковых выстрела (Советская Россия. 1994. №6. С. 2).

Помимо обстрела здания парламента из танков, БМП, БТРов, автоматного и снайперского огня, который продолжался весь день, и в Белом доме, и вокруг него осуществлялись расстрелы как непосредственных защитников парла-

мента, так и граждан, случайно оказавшихся в зоне боевых действий. Врач Николай Бернс оказывал помощь раненым в «медсанбате» недалеко от здания мэрии. На его глазах омоновец расстрелял двух мальчиков 12—13 лет.

Приведем свидетельство инженера Татьяны Богородской о расстрелах в подвале Дома Советов: «Непонятно было, что происходит на первом этаже... Тех, кто там находился, положили лицом на пол, руки за голову и стали сортировать. На беретке захватчиков было написано: «Витязь». Всех, кто был в защитной форме, и казаков уводили в подвал. Оттуда слышались выстрелы. Гражданских они положили отдельно. Тех, кто был похож на военных, опять-таки уводили в подвал» (Площадь Свободной России... С. 124). Согласно письменным показаниям бывшего сотрудника МВД в восьмом и двенадцатом подъездах с первого по третий этаж омоновцы устроили расправу над защитниками парламента: резали, добывали раненых, насиловали женщин (Дуэль. 1999. №44. С. 3).

Многих людей расстреляли или избили до смерти уже после того, как они вышли из Белого дома. На шедшего позади депутата Юрия Чапковского молодого человека в камуфляже набросились омоновцы, начали бить, топтать ногами, затем пристрелили. (Амурская правда. 1993. №200. С. 2). Тех, кто выходил со стороны набережной, старались прогнать через двор и подъезды дома по переулку Глубокому. «В подъезде, куда нас заталкивали, — вспоминает Ирина Савельева, — было полно народу. С верхних этажей раздавались крики. Каждого обыскивали, срывали куртки и пальто — искали военнослужащих и милиционеров (тех, кто был на стороне защитников Дома Советов), их сразу куда-то уводили... При нас выстрелом был ранен милиционер — защитник Дома Советов. По омоновской рации кто-то кричал: «В подъездах не стрелять! Кто будет убивать трупы?!» На улице не прекращалась стрельба». (Народный союз. 2009. №18. С. 3). Вот свидетельство другого очевидца: «Нас обыскали и перевели в следующий подъезд. ОМОН стоял двумя рядами и истязал нас... В полутемном коридоре внизу я рассмотрел полураздетых людей в кровоподтеках. Ругань, вопли избиваемых, перегар. Раздается хруст ломаемых костей» (Голос коммуниста. 1993. №4. С. 2).

Группу вышедших из Белого дома после 19 часов гражданских численностью 60—70 человек омоновцы провели по набережной до улицы Николаева, и, заведя во дворы, зверски избили, а затем добили автоматными очередями. Четверым удалось забежать в подъезд одного из домов, где они и скрывались около суток (Бюллетень левого информцентра. 1993. №40. С. 2).

Расстрелы на расположенном с тыльной стороны Дома Советов стадионе «Асмарал» (Красная Пресня) начались ранним вечером 4 октября. Жители примыкающих к стадиону домов с верхних этажей видели, как проходили казни задержанных. Первую группу пригнали к бетонному забору стадиона автоматчики в пятнистом камуфляже. Подъехал бронетранспортер и расплосовал пленников пулеметным огнем. Там же в сумерках расстреляли вторую группу. Ночью со стадиона неоднократно раздавалась бешеная стрельба и слышались истошные вопли.

30 марта 1994 года советник посольства США, человек номер два в посольстве, Луис Сел и его супруга Кэти устроили для И.И. Андропова с супругой семейный обед на четверых. Перед обедом в гостиной, из окна которой виден стадион, состоялся следующий разговор:

— А у наших посольских соседей окна квартиры были разбиты пулями, — сказала миссис Сел. — Я пряталась с женщинами в подвальной гимнастическом зале. Когда утром 5 октября Луис вошел в нашу квартиру, то увидел на стадионе груды трупов.

— Хм, примерно так, — отозвался дипломат, смущенный, вероятно, эмоциональным прямодушием супруги.

— Но ты же, Луис, видел эти груды трупов? — воскликнула она. — Ведь ты видел трупы на стадионе?

— Да, видел, — признал он угрюмо (Андронов И.И. Моя война. М., 2000. С. 7).

По словам местных жителей, с утра 5 октября на стадион закрыли вход. В тот и в последующие дни на стадионе по кругу ездили БТРы, въезжали и выезжали поливальные машины. Когда 9 октября игрокам и тренерам футбольного клуба «Асмарал» с большим трудом удалось попасть на свой стадион, они увидели удручающую картину: «Футбольный газон представлял собой перепаханное поле, — рассказывал журналисту газеты «Известия» главный тренер «Асмарала» Николай Худиев. — Мы увидели совершенно четкие следы военной техники, превратившей поле в абсолютную непригодность. На нем не то чтобы играть, даже тренироваться было невозможно» (Известия. 1993. №195. С. 16).

Для полноты картины приведем несколько описаний стадиона, после того, как на его территорию все-таки стали пускать всех желающих. И.И. Андронов побывал на стадионе на сороковой день со дня расстрела. «Передо мной, — вспоминал он, — лежало в комьях грязи перепаханное бронемашинами футбольное поле. Слева от него сгрудились переломанные деревянные скамеек для зрителей. Справа горбатил-

ся жестяной домик, изрешеченный дырками от выстрелов крупнокалиберного пулемета. И будто неведомая сила подтолкнула меня пройти вперед по кромке поля стадиона к его противоположной ограде из вертикальных бетонных плит. Четыре из них были сплошь исколоты кружками пулевых вмятин и зияли дюжиной сквозных пробоин мощного пулемета — от земли до высоты человеческого роста... А тут еще... подошел пожилой сторож стадиона... пособлезновал и принес из простреленного пулеметом жестяного домика ворох измятых бумажек, перепачканных чем-то буро-желтым. Сторож сказал: «Это я подобрал здесь после расстрела»... Траурный презент состоял в основном из листовок, предсмертных прокламаций распятого парламента и голубых талончиков на скудное пропитание в его блокадной столовой» (Андронов И.И. Указ. соч. С. 7).

В сороковины на стадионе побывал и Ю. Игонин. «Вот угол стадиона, — вспоминал он, — выходящий на начало улицы Заморонова. Глухая бетонная стена и стволы деревьев возле нее выщерблены пулями. Земля возле почему-то горелая, черная. На ветке дерева (видимо, кто-то повесил недавно) вся простреленная, в кровавых пятнах рубашка... А на другом конце стадиона, ближе к зданию бывшего парламента, небольшой закуток-площадка между двумя легкими строениями. Стена одного из них во многих местах насквозь прошита автоматными очередями. Подошел мужчина, загораживая лицо от телекамеры западного журналиста, зло прокричал в его микрофон: «Здесь эти подонки и раненых пристреливали. Я видел!» (Речь. 1993. №2. С. 1, 4).

И, наконец, описание стадиона, сделанное В.В. Бурдюговым: «Вот стена одной из металлических хозяйственных построек... Белая жель изрешечена пулями. Пробоин около сотни... Напротив через десяток метров стоит большой деревянный ящик для хранения пожарного инструмента... Говорят, в нем пытались спрятаться двое молодых ребят. Ящик изрешечен пулями. В местах пробоин до сих пор торчат щепки... На противоположной дальней стороне стадиона опять следы расстрела. В стене бетонного забора пулевые отметины... Их немного — возможно, несколько десятков. Но люди упорно говорят, что здесь, именно здесь расстреляны многие. Именно здесь пристреливали раненых пленных. Их не надо было ставить к стенке. Их можно было пристреливать лежащих, потому и немного пулевых отметин на стене». Большинство пленников каратели, сильно избив, практически в упор добивали уже лежащими на земле. Владимир Викторович обратил внимание и на то, что земляная насыпь, которая вела

к той бетонной стене, после расстрелов исчезла. «Метровый слой земли, — констатировал он, — был вывезен из этого места. Глину чуть-чуть припорошили слоем привезенного дерна. Значит, на целый метр в глубину хранила земля следы преступления» (Российская правда. 1994. №1-4. С. 1).

Сохранились свидетельства и того, как выглядели помещения, коридоры, лестницы, подвалы Белого дома вечером 4 октября и в первые дни и недели после штурма. Когда бойцы группы «Альфа» выводили из здания парламента очередную группу пленников, в числе которых находился В.А. Блохнин, он увидел, что ступени двух лестничных пролетов покрыты равномерным слоем запекшейся крови.

Начавших в 19 ч 28 мин тушение огня пожарных военные отказались сопровождать на пятом этаже под предлогом невозможности обеспечения их безопасности. Пожару дали разрастись настолько, что, когда после 2 ч ночи к зданию бывшего парламента прибыл начальник Главного управления государственной противопожарной службы МВД РФ генерал-майор В.Е. Дедиков, огнем были охвачены пятый, восьмой, девятый этажи, и особенно сильно — с четырнадцатого по девятнадцатый. По словам пожарных, разрывы снарядов вызвали большие разрушения в здании.

Журналисту С. Трубину через несколько дней после штурма удалось подняться на ставшие черными верхние этажи Белого дома. «Поднимаемся с четырнадцатого на пятнадцатый, — вспоминал он. — И переходим из дня в ночь, из света в тень. Грань шокирующе резка. В нос бьет запах гари. Копоть, обугленные перила, вывороченные дверные и оконные рамы, полностью выгоревший интерьер этажа. Последующие этажи в таком же состоянии» (Вечерний клуб. 1993. №229-230. С. 1).

В середине октября по Белому дому прошелся журналист В. Головачев. Вот что он увидел: «Пятнадцатый этаж... Все черным-черно. Сверху свисают куски проволоки, свитые в спираль металлические ленты, сбоку — погнутые, искореженные трубопроводы. Некоторые внутренние стены разрушены, одна из них изогнулась в виде дуги... На некоторых этажах — шестнадцатом-семнадцатом — пройти вообще невозможно: завалы металла, кирпича, арматуры выше человеческого роста перегораживают полностью проход... А ниже пятнадцатого этажа вид помещений иной — нет сплошной черноты. На четырнадцатом, тринадцатом этажах — разрушения от прямых попаданий снарядов» (Труд. 1993. №238. С. 2).

Но и на тех этажах, которые в основном не пострадали от пожара, оставалось немало следов произошедшей бойни.

В. Н. Хайрюзов, допущенный в здание бывшего парламента, увидел следующее: «Коридоры были заляпаны чем-то жирным и густым, я догадался — там, где лежали убитые, кровь просочилась сквозь паркет, его выламывали, выворачивали солдаты и выносили во двор к самосвалам. Пахло гарью и карболкой, показалось, мы попали в огромный крематорий». Турецкие рабочие, которые с вечера 6 октября «наводили порядок» в передаваемых милицией и военными помещениях, видели засохшие лужи крови, окровавленные бинты, различную одежду в заскорузлой крови, особенно в районе двадцатого подъезда. В грузовых лифтах и на лестницах, ведущих в подвал, очень долго оставались пятна крови. Асфальт в подвале, по свидетельству очевидцев, был залит кровью.

Приведенные факты расстрелов и гибели людей, описания вида стадиона «Красная Пресня» и Дома Советов после свершившейся трагедии свидетельствуют о большом числе жертв и никак не соотносятся с официальными данными. Еще больше неясностей возникает при анализе работы медицинских служб и бригад медиков-добровольцев 3—5 октября в Останкино и в районе Белого дома.

Руководитель Главного медицинского управления Москвы (ГМУМ) А. Н. Соловьев заявил, что в ночь с 3 на 4 октября из 450 машин «скорой помощи» для эвакуации пострадавших задействовано 100. С 10 ч. утра 4 октября около сотни машин «скорой» направлены в район Дома Советов. Однако скоро они были отеснены и продолжительное время не имели доступа к непосредственной зоне боевых действий. Нелучайно заведующий оперативным информационным отделом Центра экстренной медицинской помощи (ЦЭМП) Д. К. Некрасов констатировал тот факт, что на одну машину «скорой», доставлявшей пострадавших в Институт им. Н. В. Склифосовского, приходилось три-четыре частных

Четыре медбригады от Московского военного госпиталя, работавшие недалеко от гостиницы «Мир», оказали помощь более ста пострадавшим. «Вот этими своими руками 27 трупов пришлось вынести», — свидетельствует Е. Пронь, помогавший переносить от Белого дома раненых и убитых. По некоторым данным, под Горбатым мостом обнаружили штабель из 23 трупов. Журналист Л. Марголис сообщал, что часть погибших, сложенных утром 4 октября под Новоарбатский мост, к 14 ч. уже увезли.

Необходимо привести рассказ доцента ММА им. И. М. Сеченова А. Шестакова: «Наша бригада, — вспоминал он, — приехала в 10 ч утра. В 10 ч 30 мин развернули у Новоарбатского моста пункт экстренной помощи пострадавшим. Здесь

же нашлись добровольные помощники из тех, кто в тот час оказался на мосту и на набережной — всего около 60 человек... К ночи 4 октября наш добровольческий отряд вынес всех обнаруженных раненых и убитых с нижних этажей. Военные, занявшие Белый дом, не пытались скрыть от нас убитых, напротив, казалось, были даже рады, что мы освободили их от необходимости выносить трупы. Всего в первый день мы вынесли из здания и подобрали на окружающей территории 34 погибших. Работу прекратили в 21 ч, потому что в здании стало совершенно темно. Убитые до 22 ч 15 мин лежали на площадке рядом с нашим пунктом экстренной помощи. Я пытался найти транспорт. Ни ГМУМ, ни другие ведомства машин не дали. Спасибо строителям, чей грузовик (с вагончиком-бытовкой на прицепе) мы остановили на набережной. Они согласились погрузить тела в открытый кузов. Этот транспорт по ночной Москве тихим ходом отправился в морг Института Склифосовского» (Общая газета. 1993. №17/19. С. 1).

Действительно, в ночь с 4 на 5 октября в морг института им. Склифосовского доставили тела 30 погибших. Маме убитого 4 октября четырнадцатилетнего Кости Калинина в морге Института сказали, что в тот день на грузовиках доставляли убитых от Белого дома (Советская Россия. 1994. №106. С. 4).

Но по словам Ю. Холькина, руководителя медбригады, пункт которой располагался на Конюшковской улице под прикрытием стены стадиона «Красная Пресня», перед тем, как стемнело, они насчитали под мостом 41 труп. «Мы дежурили в здании до 11 ч 5 октября, — свидетельствует Холькин. — Утром к нам подошел военный офицер, и сказал: «Ребята, там корреспонденты снимают трупы, скорее идите и уберите те, что еще остались на улице». Мы вышли и собрали тех, кто оставался снаружи около набережной и стадиона. Всего под мостом с близлежащих улиц за два дня (4 и 5 октября) было собрано 50 трупов» (МК. 1993. №234. С. 3).

Бойцы софринской бригады, участвовавшие в прочесывании здания бывшего парламента, утром 5 октября вынесли 30 трупов. «Бригада наша, — поделился впечатлениями с журналистом газеты «Ситуация» один из них, — не вылезит из горячих точек, но столько смерти в один день не видели даже ветераны спецназа» (Ситуация. 1993. №38-40. С. 6—7). По словам Е. Петровской, вечером 4 октября подземные коммуникации Белого дома начали затапливать водой. «Ребята из нашей группы, — утверждала она, — пролезали в Белый дом 7 и 8 октября, видели плавающие трупы» (Черная сотня. 1993. №7. С. 3).

Военный обозреватель газеты «Известия» Н. Бурбыга, побывавший в разгромленном Доме Советов на первой неделе после штурма, передавал следующие слова комендатуры: «Всех убитых, которые находились в доступных местах, отвезли в морги. Никакой следственный эксперимент, как заявлялось ранее, не проводился. Тела убитых вывозили три бригады скорой помощи». Комендант Белого дома генерал-майор А.Г. Баскаев заявил о нахождении 4 октября 37 трупов, 5 октября — 6 трупов. «К тем цифрам, которые я назвал, — уточнял он, — можно прибавить еще около 50 человек, не более. Они могут находиться в закрытых помещениях, которые мы еще не обследовали» (Известия. 1993. №193. С. 3).

Но в те же дни в ГМУМе заявляли, что их медицинская разведка в Белый дом не входила. В морги Института им. Склифосовского и Боткинской больницы 5 октября и позже трупы из Белого дома не поступали. По сообщению врачей, людей, получивших осколочные ранения, поступало мало. Официально ни в один из моргов не доставлялись обгоревшие трупы и трупы с оторванными конечностями.

Несмотря на то, что в медицинские учреждения не привезли погибших, обнаруженных после 4 октября, морги были переполнены. «Трупы лежали на колясках под двое, валетом, — вспоминал, пришедший на опознание в морг Боткинской больницы журналист Н. Солдатенков. — Были пожилые, но больше молодых. Смерть в семнадцать-двадцать лет, видимо, противостественна, поэтому было трудно поверить, что эти парни и девушки мертвы».

Сколько же погибших доставили в московские морги в 3—4 октября? В первые дни после октябрьской бойни сотрудники моргов и больниц отказывались отвечать на вопрос о числе погибших, ссылаясь на приказ из главка. «Я два дня обзванивал десятки московских больниц и моргов, пытаюсь это выяснить, — свидетельствует Ю. Игонин. — Отвечали в открытую: «Нам запретили выдавать эту информацию» (Речь. 1993. №1. С. 1, 3).

Московские врачи утверждали, что на 12 октября через московские морги проведено 179 трупов жертв октябрьской бойни. Пресс-секретарь ГМУМ И.Ф. Надеждин 5 октября наряду с официальными данными о 108 погибших, находившихся еще в Белом доме, назвал и другую цифру — около 450 погибших, которую требовалось уточнить (Известия. 1993. №190. С. 8).

Помимо моргов, находящихся в системе ГМУМ, многих погибших отправили в специализированные ведомственные морги. Корреспонденту газеты «Московские новости» в

ГМУМе заявили, что ни один из городских врачей не был допущен в здание парламента. Машины «скорой», якобы вывозившие оттуда тела убитых, не находятся в ведении главка. Таких машин много в распоряжении самых разных ведомств. Отличить их может только специалист по «нескоромощным» номерам.

Начиная с 5 октября, врач Спасательного Центра ММА им. И.М. Сеченова А.В. Дальнов и его коллеги обошли госпитали и морги министерств обороны, внутренних дел и госбезопасности. Им удалось выяснить, что трупы жертв октябрьской трагедии, находившиеся там, в официальные сводки не попали.

О том же говорилось и в докладе Комиссии Государственной думы по дополнительному изучению и анализу событий сентября—октября 1993 г., которая работала в 1999 г.: «Тайный вывоз и захоронение трупов погибших в событиях 21 сентября — 5 октября 1993 г., о котором неоднократно сообщалось в некоторых печатных изданиях и средствах массовой информации, если и имели место, то производились... возможно, через морги других городов, некоторые ведомственные морги или какие-то иные структуры, связанные с Министерством внутренних дел Российской Федерации».

Сколько же человек погибло при штурме Дома Советов? В первые сутки различные источники называли цифры от 200 до 600 погибших. «В тех закоулках Белого дома, где мне пришлось побывать, — утверждал один военнотруженик, — я насчитал 300 трупов». Корреспонденту «Независимой газеты» из конфиденциального источника стало известно, число жертв внутри Дома Советов исчислялось сотнями человек. Около 400 трупов с верхних этажей, по которым велся обстрел из танков, при загадочных обстоятельствах исчезло (Независимая газета. 1993. 9 октября). По словам офицера МВД, после окончания штурма Белого дома, там обнаружили приблизительно 474 тела погибших (без осмотра всех помещений и разбора завалов). Многие из них имели многочисленные осколочные повреждения. Были трупы, пострадавшие от пожара. Для них характерна поза «боксер». С.Н. Бабурину называли число погибших — 762 человека.

4 и 5 октября трупы из Дома Советов вывозились в крытых грузовиках. В целях сокрытия подлинного числа погибших и тайного вывоза трупов, ввели строжайший режим допуска в здание. Внутрь практически не пропускали никого. Объясняли это тем, что все заминировано. Как свидетельствует офицер МВД, в ночь с 4 на 5 октября переносили и складировали трупы омонотцы. В подвальное помещение, куда сна-

ружи есть подъезды по пандусу, въезжали крытые фургоны. Перед загрузкой автомобилем производился беглый осмотр одежды погибших на предмет обнаружения оружия и боеприпасов. Трупы не подвергались дактилоскопии или фотोगравированию. Обнаруженные при покойных документы клали в специально отведенное место, где их просматривали люди в штатском (не из МВД) и забирали с собой. В 7 ч 20 мин утра 5 октября в эфире радиостанции «Маяк» полковник МВД В. Лямин заявил, что трупы из Белого дома еще вывозятся (Поражение цели. М., 1994. С. 238).

Местные жители наблюдали, как две ночи подряд после 4 октября из подъездов Дома Советов выносили трупы в целлофановых мешках и грузили в крытые грузовики. О том, что несколько ночей подряд из здания парламента на грузовиках вывозились тела погибших, рассказывали дворники прилегающих домов. Приведем свидетельство бывшего депутата Верховного Совета России В.В. Аксютчица: «Мой друг, прокурор-криминалист Генеральной прокуратуры Володя Соловьев бросил в радио-эфире короткую фразу, которая все во мне перевернула. Ведущий передачи спросил: что заставляет его так ретиво отстаивать свою позицию. Он ответил: после того, как я увидел около Белого Дома окровавленные машины с телами молодых людей, меня ничто не заставит говорить или делать что-либо противное своим убеждениям».

Разбор завалов на верхних этажах продолжался несколько дней. «Верхние этажи «стакана», начиная с двенадцатого этажа, были еще несколько дней недоступны нам, — вспоминали турецкие рабочие. — Там работали какие-то военные, которых привозили в закрытых автобусах. Для них от вспомогательного силового кабеля был запущен один из грузовых лифтов. В подвальный этаж, куда он курсировал сверху, нам вход также был запрещен. И лишь спустя почти четыре дня, по-моему, десятого или одиннадцатого октября, мы впервые попали в эту часть Дома Советов. Лифт уже не работал, и было видно, что его торопливо замывали водой. Но, несмотря на это было заметно, все щели на полу забиты кровью. И в нем очень стойко пахло трупами» (Завтра. 1995. №39. С. 4). Двое сотрудников МВД говорили С.Н. Бабурину о баржах на Москве-реке, на которых вывозились тела погибших в Белом доме.

Группа добровольцев, организованная школьным преподавателем математики Е.В. Юрченко, в октябре-ноябре 1993 года обошли кладбища и крематории Москвы и ближнего Подмосковья. Им удалось установить, что в крематориях Николо-Архангельского и Хованского кладбищ сжигались

трупы из Белого дома. Тела погибших доставлялись на военных грузовиках. В Николо-Архангельский крематорий первую партию погибших привезли в полиэтиленовых мешках, остальные доставлялись в фанерных ящиках.

В крематории Митинского кладбища, в котором, как предполагал Юрченко, тоже сжигались трупы из Дома Советов, исследователям не удалось получить необходимую информацию. «Уже установили слежку за нашими розысками, — вспоминал Е.В. Юрченко, — и подвергли сильному давлению работников посещаемых нами крематориев. Служащие Митинского кладбища сказали нам: «Начальство строжайше запретило с вами разговаривать». Так наше расследование оказалось незавершенным». Однако журналистам газеты «Ступени» удалось выяснить, что трупы из Белого дома свозились и в Митинский крематорий, который работал несколько суток в три смены.

В официальной справке указано, что с января по сентябрь 1993 года более 7 тысяч трупов в Москве кремировано за счет государства. Это неопознанные тела, тела одиноких людей или тех, чьи родственники не смогли оплатить похороны. Кремацией таких трупов занимались фирмы ритуальных услуг «Олмец», «Анубис» и «Гранит». Профессору Российского государственного торгово-экономического университета Марату Мазитовичу Мусину (публиковался под псевдонимом Иван Иванов) удалось ознакомиться еще с одной официальной справкой, подписанной заместителем прокурора города Москвы и заместителем министра внутренних дел. В ней упоминалось более 2200 неопознанных трупов, кремированных за 12 месяцев 1993 года в столице. Но ни в 1992, ни в 1994 годах не находили так много неопознанных трупов. В связи с этим можно предположить, что, по меньшей мере, больше половины кремированных в 1993 году неопознанных тел приходится именно на погибших 3—5 октября во время кровавых событий.

Помимо крематориев трупы сжигали и в других местах, которые при желании можно использовать в таких целях. По словам Е.В. Юрченко, источник в МВД сообщил, что несколько десятков тел погибших уничтожили в печах двух московских ТЭЦ. В МВД существовало штатное санитарное подразделение, в задачу которого входило и сжигание трупов в случае массовых эпидемий, используя печи ТЭЦ. По информации другого источника часть трупов из Белого дома уничтожили на хлебозаводе.

Профессор В.Д. Филимонов принимал участие в созданной, но вскоре распущенной в связи с амнистией в феврале 1994 года, Комиссии Государственной Думы по расследова-

нию событий 21 сентября — 4 октября. По его данным, большое число трупов, вывезенных из Дома Советов и со стадиона «Асмарал» захоронили на территории воинских частей.

Если погибших действительно так много, то возникает вопрос: почему их не разыскивали родные и близкие? А если и разыскивали, то когда и как? Остановимся на проблеме поиска людей, пропавших без вести, подробнее.

С 12 ч дня 6 октября 1993 года в ГМУМ начал работать импровизированный информационный центр, куда стекалась информация из московских моргов и больниц о зарегистрированных раненных и погибших. Объявили и справочный круглосуточный телефон — всего лишь один, по которому можно было узнать, нет ли среди уже известных погибших и раненых того или иного человека. Телефон звонил, не смолкая. Звонили как из Москвы, так и из других городов России. Но за один из первых дней работы сотрудники центра смогли дать информацию только по пяти разыскиваемым. Чаше отвечали, что «нет этой фамилии в наших списках, но наши данные еще не полные, попробуйте позвонить завтра». Или успокаивали звонивших следующим образом: «Вашего сына в наших списках нет. Может быть, он не пострадал, позвоните завтра». Вместе с тем в ГМУМе заявили, что никаких других телефонов, по которым можно получить информацию о пострадавших в трагических событиях в Москве, не существует и что никакой статистической обработки данных центр вести не будет (Народная газета. 1993. №191. С. 1).

С утра 5 октября к окошку справочной Института им. Склифосовского выстроилась очередь. Родственники не вернувшихся домой родных пытались выяснить их судьбу. Женщина средних лет, разыскивающая мужа, когда ей ответили, что больной с такой фамилией не поступал, сказала, как бы не обращаясь ни к кому: «Вот как ушел позавчера утром к Белому дому, так и нет его». Оттеснивший ее от окошка мужчина попросил: «Посмотрите еще две фамилии... Сын с одноклассником вчера ушли туда и пропали...» (Аргументы и факты. 1993. №40). В московское бюро регистрации несчастных случаев с 3 по 12 октября обратились 1535 человек, искавших своих пропавших родственников.

Как сообщили журналистам газеты «Комсомольская правда» сотрудники моргов Москвы, многие люди не смогли найти и опознать своих близких. У стены стадиона «Асмарал» разместился пункт помощи в розыске погибших. Подходили люди и спрашивали: «Где ж теперь искать, если и домой не вернулся и в моргах не найден. Где искать-то?» (Общая газета. 1993. №14/16. С. 1).

Можно было, конечно, подать заявление в отделение милиции. Евгений Николаевич Песков, отец погибшего 4 октября около Дома Советов Юры Пескова, 6 октября попытался подать заявление на розыск сына в московское отделение милиции №167, но, увидев невменяемое состояние сотрудников милиции, вынужден был уйти.

Родственники погибших нередко сталкивались с непониманием и грубостью в учреждениях, куда им пришлось обращаться. Например, родных М.М. Чельшева выгнали из первой градской больницы со словами: «Здесь вам не вернисаж». В прокуратуре после проведения идейно-воспитательной беседы им заявили, что родственники должны выдать все записные книжки пропавшего, чтобы выявить все связи. «Куда только ни обращалась в надежде узнать хоть что-то о своем сыне, — вспоминала мама Сергея Новокаса Галина Харлампьевна. — Везде отказы, и далеко не всегда вежливые» (Правда. 1994. №35. С. 1). Заметим, что С.Н. Новокас, М.М. Чельшев и Ю.Е. Песков являлись жителями Москвы. Что же оставалось делать родственникам иногородних, куда обращаться и где жить во время обхода различных учреждений?

Активистам Комитета помощи пострадавшим в событиях 3-4 октября, действовавшем при Международном фонде славянской письменности и культуры, удалось в конце января 1994 года получить разрешение на захоронение четырех погибших, чьи тела еще оставались в столичных моргах. Ответственность за похороны В.П. Бритова, А.С. Руднева, В.С. Светозарова и В.Н. Цымбалова, которые состоялись 23 февраля 1993 года на Николо-Архангельском кладбище, взяли на себя сопредседатель Союза русского народа Владимир Павлович Бирюлин и кинорежиссер Геннадий Анатольевич Воронин.

Когда В.П. Бирюлин и Г.А. Воронин по требованию объединения «Ритуал», в системе которого находятся московские кладбища, обратились в Институт им. Склифосовского за разъяснением, почему трупы названных лиц так долго находились в морге, заведующая отделом судмедэкспертизы В.А. Строкова, увидев диктофон, воскликнула: «Я не имею право разглашать тайну следствия, я дала подписку, я теперь подстатейный человек, я вообще долго буду помнить эти события» (Советская Россия. 1994. №22. С. 2).

В свою очередь, следователь Генеральной прокуратуры В.Д. Николаев, занимавшийся выяснением личностей погибших, на вопрос журналиста Н.Х. Гарифуллиной, почему же не дали объявления в газетах, заявил следующее: «Скажу откровенно,

я не раз настаивал на этом, предлагал опубликовать в центральных газетах фотографии погибших. Мы должны узнать, что же это за «неизвестные». Но МВД не хотело давать такие объявления, сначала по тактическим соображениям, потом, видимо, еще по каким-то». «Реакция Московского уголовного розыска и отношение к людям, которые пытаются что-то выяснить, — делился впечатлениями с Гарифуллиной Бирюлин, — откровенно враждебны. Тенденция скрыть, спрятать факты ощущается на каждом шагу. И я не могу передать, каких усилий стоило все же узнать что-то об этих четверых людях» (Советская Россия. 1994. №22. С. 2).

По данным прокуратуры, за 1993 год в Москве обнаружено 848 неопознанных трупов (Голос. 1993. №52. С. 7). В начале ноября 1993 года сотрудник ГУВД Андрей Осипов заявил следующее: «Сейчас в городе 898 неопознанных умерших. Это тема серьезная. Моргов и трупохранилищ не хватает. Долго хранить тело нельзя. А это означает, что человек уходит в мир иной безымянным (Вечерняя Москва. 1993. №215. С. 2).

Однако подавляющее большинство погибших оказалось в числе пропавших без вести. Несколько десятков женщин из Приднестровья после 4 октября выехали в Москву на поиски своих мужей. Недалеко от Белого дома на дереве прикрепили список пропавших без вести. Приблизительно через месяц после трагических событий в редакции газеты «Правда» окрыли «линию памяти». Звонили люди из Москвы, из других регионов России, из бывших союзных республик. Пытались что-нибудь узнать о своих одиноких друзьях, знакомых, соседях, дальних родственниках. На пресс-конференции 11 марта 1994 года В.П. Бирюлин заявил, что после публикаций в центральных газетах пришло много писем от людей, потерявших своих родных, — жителей различных регионов. По данным Бирюлина, на март 1994 года не менее 100 человек в Москве разыскивали своих родственников, пропавших без вести в те кровавые дни. На бетонную стену стадиона «Асмарал» приклеивали листочки с просьбами помочь в розыске: мать искала сына, жена — мужа, сестра — брата.

Многие родственники пропавших без вести в целях безопасности или находясь в тяжелом психологическом состоянии, не обращались даже за получением материальной помощи. «Многие боятся к нам идти, — заявляли в общественно-политическом совете «Гражданское согласие», который предлагал по 500 тыс. рублей родственникам погибших, — ведь мы вынуждены спрашивать документы и записывать адреса и фамилии. А они не хотят оставаться в истории» (Аргументы и факты. 1993. №45. С. 3).

30 сентября 1994 года на проходившей в Доме медиков научно-практической конференции «Год после путча» Е.В. Юрченко привел документальные данные о гибели около 100 человек, чьи имена не значились в официальном списке погибших. «По моим оценкам, — говорил Юрченко, — минимальная документированная цифра — это 250 погибших, наиболее вероятная — 500—600 погибших».

Защитники Верховного Совета из окон Дома Советов видели, как ранним вечером 4 октября на стадион «Асмарал» привели группу баркашовцев, молодых ребят, и расстреляли у бетонной стены. Сотрудник следственной группы Генеральной прокуратуры, который попросил не называть его имя, сообщил журналисту «Общей газеты», что «есть несколько свидетельств расстрела баркашовцев», в том числе и несколько очевидцев.

По разным данным, потери РНЕ составили от 15 до 40 человек. Некоторые из них попали в эту организацию прямо из детских домов.

Несколько подразделений казаков принимало участие в обороне Дома Советов. Один из казачьих командиров, подразделение которого приехало с Южного Урала, через несколько часов после обстрела здания подошел к председателю Верховного Совета Р.И. Хасбулатову в фойе зала Совета Национальностей и сказал: «Спасайте всех, Руслан Имранович, у меня 17-летние ребята. Из 150 человек осталось пятеро». Доклад казака Хасбулатову слышал и капитан 3-го ранга Сергей Мозговой. Командир казачьей сотни В.И. Морозов через некоторое время после штурма Белого дома заявил, что из ста казаков его сотни живы 30 человек. О судьбе других казаков он не знал.

Сколько же всего человеческих жизней унесла октябрьская трагедия? Радиостанция «Свобода» 7 октября 1993 года (когда еще не осмотрели все помещения в Доме Советов) сообщила о гибели 1032 человек. (Борьба. 1994. №10. С. 4). Сотрудники учреждений, где велась скрытая статистика, называли цифру 1600 погибших. (Российская правда. 1994. №1-4. С. 1). Внутренняя статистика МВД зафиксировала 1700 погибших. К пятнадцатой годовщине расстрела парламента Р.И. Хасбулатов в интервью журналисту «МК» К. Новикову рассказал, что один высокопоставленный милицкий генерал клялся, божился, называл цифру погибших 1500 человек. (МК. 2008. №220. С. 4). Тогда же в интервью пресс-службе МГК КПРФ Хасбулатов заявил: «Как мне говорили многие и военные, и милицкие чины — многие говорили — что общее количество погибших было где-то даже более двух тысяч человек».

Необходимо учитывать и информацию о расстрелах людей в те дни не только в Москве. В Подмоскovie шла колонна гражданских лиц, собравшихся из нескольких регионов. Колонне преградили путь машинами и объявили в рупор, чтобы прекратили движение. Но люди начали обходить преграду. По ним открыли огонь. Некоторые упали. Многие побежали в лес. За ними бросились вдогонку омонovцы. После чего в лесу раздавались выстрелы.

20 сентября 1996 года в подъезде своего дома был убит заведующий патологоанатомическим отделением НИИ скорой помощи имени Н.В. Склифосовского Анатолий Анатольевич Пономарев. Он сделал все, чтобы имена погибших, тела которых находились в морге Института, стали известны общественности. Анатолий Анатольевич активно сотрудничал с Комитетом памяти жертв трагических событий в городе Москве в сентябре-октябре 1993 года. Друзья Пономарева по Комитету не сомневаются в заказном характере убийства.

Нам еще предстоит осознать ту великую жертву, которую принесли погибшие патриоты России в октябре 1993 года. Духовно-нравственный смысл кровавых событий с годами все явственнее проступает сквозь пелену ненависти и безразличия населения. 4 октября Русская Православная Церковь отмечала праздник Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня. Люди, принявшие мученическую кончину у Белого дома, искупили своей жертвой безмолвие миллионов соотечественников, с равнодушием взиравших на гибель Родины.

ПРАВДА О НАЦИОНАЛИЗМЕ

Смысл рассказа о Вавилонской башне

Наши богословы, насколько я знаю, на этот вопрос не отвечают. Они ограничиваются словами о том, что Бог разделил человечество на «языки», чтобы оно, утратив взаимопонимание его составляющих, не смогло достроить Вавилонскую башню — этот символ их противления Богу.

Получается, что, создавая народы, Бог имел исключительно негативную цель: не допустить. Но почему же тогда народы не вернулись к общему языку после того, как разошлись по Земле и забыли о Вавилонской башне? Почему в дальнейшем стали возникать новые и новые народы? Какая в этом была нужда? Православные богословы на эти вопросы не отвечают. И даже, похоже, не задумываются над ними. Как и православные философы.

А потому и приходится нам, простым людям, не философам и не богословам, отвечать самим на эти вопросы по своему разумению. Кто как сможет.

Мне думается, что причина разделения человечества на разные народы была в том, что единство человеческого рода в его противостоянии

НАЦИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Богу (а строительство Вавилонской башни как раз и было символом такого противостояния) было полной противоположностью тому праведному единству, которое нужно Богу. Праведное единство соединяет людей с Богом и раскрывает в них высшие их возможности, а ложное их единство закрывает для них дорогу к Небу и открывает дорогу вниз — в ад или в какое-то его подобие.

Праведное единство отличается от неправедного, в частности, тем, что в первом случае, по мере приближения народов к Богу, степень их свободы возрастает, а по мере их удаления от Него она сокращается. Хотя люди, в последнем случае, как правило, не замечают этого сокращения или даже воспринимают свое удаление от Бога как приобретение все большей свободы.

Это подобно тому, как по мере привыкания к наркотику, т.е. усиления зависимости от него, степень свободы наркомана сокращается, но понимание этого обстоятельства подавляется в нем все большим влечением к наркотику. И лишь после избавления от этой зависимости человек оказывается в состоянии определить подлинную меру свободы, которую он приобрел. Понять, что его свобода от Бога была отказом от самого Источника свободы.

Нечто подобное происходит и с разумом человека, который связан как-то таинственно с его свободой. Разум человека по мере приближения к Творцу тоже растет и постигает недоступное ему ранее, а по мере удаления от Бога мутнеет и превращается в безумие (при полной уверенности человека в том, что его разум здоров и цветет в полную силу). «Сказал безумец в сердце своем: «Нет Бога» (Пс. 13, 1).

Поэтому человечество, противопоставившее себя Богу, было обречено на утрату своей свободы и своего разума. Если бы оно достроило башню до конца и разошлось в разные стороны, то сохранило бы и общий язык, в котором были выражены его безбожные понятия, и свою память о символе своего единства в виде богопротивной башни. А потому и в местах своего нового расселения стало бы воспроизводить, скорее всего, ее подобия.

Вавилонский грех, если бы его завершение было попущено Богом, стал бы не только сопоставимым по своей тяжести с первородным грехом, но и завершил бы его. Это было бы уже окончательное отпадение людей от Бога. Человечество уподобилось бы в этом случае предпотопному человечеству, которое извратило свою природу настолько, что Бог уничтожил его практически полностью.

Сотворение народов было чудом, проникнуть в тайну которого мы не можем. Ее знает только Творец. Но приблизить

ся к пониманию этой тайны мы можем, как мне представляется, посредством аналогии. Аналогия не объясняет сути дела, но намекает на нее посредством сравнения.

Разделение единого человечества на самостоятельные его части было освобождением их от гипнотической власти дурного их целого. Как если бы какая-то могучая сила вдруг разделила толпу, объятую паникой, и вырвала каждого из паникующих из этой толпы. После чего, оказавшись наедине с собою, человек стал бы приходить в себя и действовать в дальнейшем хорошо или плохо, но уже более или менее свободно. Более или менее разумно.

В толпе, охваченной паникой, каждый не только заражается общим настроением, но и сам, поддаваясь ему, усиливает его. Здесь происходит взаимоиндукция паникующих, и в результате степень их безумия возрастает.

Поэтому человечество, отпавшее от Бога и уподобившееся паникующей толпе, было обречено на возрастание в нем его безумия и на полную утрату своей свободы.

Но этому помешал Бог. Сотворение народов было спасением человечества и началом свободного превращения их в истинное человечество.

Цель Творца, насколько мы в состоянии ее понять, была в том, чтобы каждый «язык» по мере своего свободного развития убеждался все больше как в своей объективной зависимости от Бога, так и в спасительности для себя этой зависимости. Чтобы каждый народ все больше постигал, каким должен быть его правильный строй. Каким должен быть правильный строй личности, семьи, общины, нации и государства. И, далее, в соответствии с логикой правильного их построения, каким должен быть строй всего человечества и всего мироздания в целом.

Вот какая простая и, вместе с тем, грандиозная задача. Вот та положительная цель, которую, думается, преследовал Творец, создавая народы.

Народы старше по своему происхождению, нежели государства и Церкви. Если бы не было народов, то не было бы и этих двух институтов. Господь создал сначала народы, затем государства, а затем и Церковь. Создал сначала культурную почву в виде народов, затем удобрил ее государственностью, а затем уже высадил в эту удобренную почву Церковь.

И все это дело шло не гладко, потому что помощниками у Бога были не совершенные люди, а люди порочные, больные первородным грехом. Кто в большей степени, кто в меньшей. Но, хоть и грешными руками, это дело все-таки делалось и делается до сих пор.

А чем оно закончится, мы не знаем. Мы знаем лишь то, что оно зависит не только от Бога. Оно зависит также и от всех нас. Захочет ли человечество стать помощником Бога в деле своего собственного спасения? Или не захочет? Захочет ли стать помощником Бога по этой части хотя бы один народ?

Таков, думается, смысл библейского рассказа о Вавилонской башне и сотворении народов. Этот смысл хорошо согласуется с тем, что происходило в последующей истории, и с тем, что происходит сегодня у нас на глазах.

У нас на глазах воздвигается новая Вавилонская башня в виде безбожного «нового мирового порядка» или, как его еще называют, «глобализма». Эта новая башня не похожа внешне на древнюю Вавилонскую башню, но суть ее та же самая. Смысл ее в том, чтобы оторвать человечество от Бога и замкнуть умы людей на самих себе. Лишить человека тем самым образа и подобия Божия. Вернуть человечество к донациональному его состоянию, но уже на более высоком техническом уровне, чем это было раньше.

А для этого требуется разрушить все, что создавалось Богом и людьми с образованием «языков». Разрушить национальное сознание, а вместе с ним и национальные культуры народов; подчинить государство владельцам мировых денег (т.е. тем же строителям новой Вавилонской башни) и тем самым извратить его высокое назначение; подчинить интересам нового Вавилона саму Церковь или, по меньшей мере, нейтрализовать ее.

Вся эта работа ведется, по возможности, скрытно от человечества. Маскируется самыми лукавыми предложениями. Что и понятно. Если бы строители новой Вавилонской башни не скрывали своих лиц, своих целей и действительного характера своей работы, то человечество давно восстало бы против них и разгромило их дело.

Итак, вот первое, что следует уяснить всем людям для их спасения: нация есть институт, с разрушением которого загнивает не только государство, но и сама Церковь. Надо уяснить это важное обстоятельство — и соединить свою заботу о Церкви не только с заботой о возрождении правильного государства, но и с заботой о возрождении правильной нации.

Что такое истинный национализм

Национализм — это прежде всего любовь к своему народу. Это высокое чувство, без которого невозможна полноценная жизнь ни самого народа, ни его представителей. Это источник их силы и творчества. Это желание каждого истинного

сына своего народа и каждой истинной его дочери принести ему пользу в том или ином отношении. Причем бескорыстно. Хотя именно бескорыстие правильно созидает человека, и в этом величайшая для него выгода.

Если человек любит свой народ, то он трудится на него. Он защищает его от любой агрессии против него и от любой хулы на него. Любить свой народ и не защищать его невозможно.

Вот почему национализм так опасен для разрушителей народов. Вот почему они стараются опорочить любовь человека к своему народу, изобразить ее не любовью, а чем-то нечистым в нравственном отношении. Стилизируют ее под проявление эгоизма.

С этой целью они внушают людям, что все народы равны по своей ценности, а потому—де нехорошо делать какое-то исключение для своего народа. Надо одинаково относиться ко всем народам и всем их представителям. Иначе в каждом народе восторжествует якобы национальный эгоизм, а он есть источник вражды и войн между народами.

Если распространить эту «логику» на другие родственные отношения между людьми, то получится, что нехорошо любить свою мать и отличать ее от других матерей. Кто любит свою мать больше других матерей, тот уже якобы эгоист. Все матери одинаково ценны, а потому надо одинаково относиться ко всем. Как и ко всем детям. Не отличать своих от чужих. И своего мужа не отличать от чужих мужей, не оказывать ему предпочтения.

Чтобы скрыть мошеннический характер своей пропаганды, враги народов никогда не сравнивают принадлежность к своему народу с принадлежностью к своей семье. Они понимают, что это убийственное для их пропаганды сравнение.

А свой народ, если он находится в более или менее здоровом состоянии, это действительно своя большая семья, состоящая из множества малых семей. Структура такой большой семьи отличается от структуры малой семьи и степень близости членов нации отличается от степени близости членов семьи. Но эта близость между соплеменниками все-таки есть, и она является необходимым условием правильной жизни всякой малой семьи. Потому что только в родственной ей среде семья сохраняет свое здоровье. В среде же инонациональной или, тем более, безнациональной она заболевает и вырождается. О чем убедительно свидетельствует разрушенное состояние семьи в современных разрушенных народах России, Европы и Америки.

Враги народов умалчивают о взаимозависимости семьи и нации, как, впрочем, и о взаимозависимости всех основных институтов общества — семьи, национальной общины, На-

ции, государства и Церкви. Потому что осознание этой взаимозависимости сделало бы людей способными возродить эти институты в новой силе.

Но к сказанному выше о любви как образующей нацию силе надо добавить, что она несет на себе печать нашей общей поврежденности первородным грехом (не говоря уж о наших личных и наших родовых наследственных грехах, которые тоже ее уродуют). Наша любовь, как правило, далека от совершенства, но она все-таки есть. У кого ближе к совершенству, у кого дальше от него. Она может быть и сильной, она может быть и слабой, она может быть и больной. В той или иной степени, в том или ином отношении. А большая любовь может действительно стать причиной межнациональной вражды и межнациональных конфликтов.

Но одно дело отличать человека от его болезни и другое дело ставить знак равенства между ними (как это делают враги народов).

У любви нет альтернативы. Без любви погибнет весь мир. Поэтому ее нельзя перечеркивать на том основании, что она может быть и бывает в каких-то случаях больной.

В любви происходит преодоление человеческого эгоизма. Как в любви человека к Богу, так и в любви к его ближним. А любовь к своему народу — это естественное развитие любви к своим ближним. Не будет этого распространения любви на свой народ — зачахнет со временем и любовь к своим родственникам, зачахнет и любовь к своей семье, зачахнет и любовь к самому Богу.

Любовь к своему народу — это могучая сила, без которой невозможны ни здоровый в нравственном и умственном отношении человек, ни здоровое в нравственном и умственном отношении общество.

Равнодушие к своему народу порождает эгоистов всех мастей и степеней, от коррумпированных чиновников до замкнутых на свои личные и лично-семейные интересы обывателей. Равнодушие к своему народу — это причина нравственного и умственного гниения общества и государства.

Две задачи истинных националистов

Народ объединяется в единое целое не только своей национальной идеологией, но и своим душевным складом, своим общим прошлым, своими песнями и многими другими своими особенностями. Однако самая главная организующая его связь — это его национальная идеология. Это его основа, с разрушением которой тают все другие национальные его черты.

А самой важной частью национальной идеологии являются идеи и нормы, организующие народ религиозно, национально, семейно и общинно. К ним примыкают другие важные идеи и нормы, в числе которых идеи и нормы, определяющие характер отношений данного народа с другими народами. Отмахнуться от этой последней темы не может ни один народ. Сама жизнь заставляет его раскрывать ее так или иначе, лучшим или не лучшим образом. И от того, как он ее раскроет, будут зависеть последующий его характер и последующая его судьба.

Здесь уместно опять сказать о сходстве семьи и нации в их отношениях с другими семьями и народами. Подобно тому, как любовь к своей семье не означает ненависти или презрения к другим семьям, так и любовь к своему народу не означает ненависти или презрения к другим народам. Наоборот, любовь к своему народу учит людей понимать и уважать законные их чувства и интересы.

Хотя это сравнение, как и всякое сравнение, не совсем точно. Народ по сравнению с семьей более сложное образование. Поэтому отношения между народами запутаннее и конфликтнее, чем отношения между семьями. Но в целом это сравнение правильно и потому позволяет понять, какими должны быть правильные отношения между народами.

Правильные отношения между народами не сводятся только к их невмешательству во внутренние дела друг друга. Это и посильная их взаимопомощь. Это и осознание ими общих своих интересов в региональной и в мировой политике. Это и осознание ими той простой истины, что ни один народ в отдельности не в силах противостоять могучей силе организаторов «нового мирового порядка», предполагающего, на первом этапе, подчинение народов чуждым их началам, а затем, на втором этапе, полное их разрушение.

Вот почему истинный национализм стремится не к национальному эгоизму или к национальной замкнутости, а к организации **союза народов** против их разрушителей. Стремится не к разжиганию конфликтов между народами, а к их преодолению ради общего их спасения.

К сказанному добавлю, что есть еще и другая причина тяги народов друг к другу. Это уже не внешняя причина, а внутренняя. Это осознание народами общего их родства в Боге и стремление, в ходе их совершенствования, к утверждению родственных отношений между собою.

Это стремление подавляется сегодня господствующими в народах эгоистическими настроениями, поэтому оно пока почти незаметно. Но оно есть в глубинах человеческой природы, и

ему принадлежит будущее. В том, разумеется, случае, если народы будут совершенствоваться, а не сгниют в своем эгоизме.

Пушкин пророчествовал о том времени, «когда народы, распри позабыв, в единую семью объединятся». Хотя этот идеал, как и всякий идеал, недостижим в человеческой истории, пренебрегать им нельзя. Правильные идеалы — это путеводные звезды для людей и народов. Без них мы слепы. А если слепы, то и бессильны. Без правильных идеалов и стремления приблизиться к ним мы обречены — либо на одиночество, либо на явную или скрытную взаимную борьбу, в которой никто не может стать победителем, кроме дьявола.

Истинный национализм, таким образом, не только не противоречит истинному интернационализму, но гармонично с ним соединяется. Все дело в том, как понимать этот истинный интернационализм. Если как дружбу народов ради их растворения друг в друге, то это несомненное зло. А если как дружбу народов ради спасения их неповторимых лиц, то это добро.

Как правильная религия учит людей подавлять их эгоистические инстинкты, так и правильный национализм учит народы подавлять свои эгоистические инстинкты и вырабатывать все более высокие нормы в межнациональных отношениях, что возможно лишь при постоянном совершенствовании национального сознания в каждом народе. А консервация национального сознания или, тем более, его примитивизация — это путь в пропасть.

Итак, истинные националисты ставят перед собою две положительные задачи. Первая из них — самоорганизация своего народа. Вторая — создание оборонительного союза народов против их разрушителей.

Начинать надо с первой задачи. Пока нации нет, пока на ее месте разрозненное и бессильное население, никакие союзы представителей этого населения с другими народами невозможны. С пустыми местами не считаются, их занимают, и обижаться на это обстоятельство не умно. Поэтому надо начинать с превращения пустого места в занятое место, что невозможно без самоорганизации народа и его частей в местах их проживания.

На первом этапе первой задаче следует отдавать 99% усилий истинных националистов. А на втором этапе и на последующих этапах усилия решить вторую задачу должны возрасти до размеров, необходимых для ее решения.

Хорошо жить в окружении дружественных народов, помогающих друг другу. И еще лучше будет, если их круг охватит все человечество. Но для разрушителей народов это будет, конечно, плохо. Это будет для них полная катастрофа.

Болезнями национализма являются шовинизм и национальный эгоизм. О них уже говорилось выше. Это опасные болезни, поэтому разъяснение их опасности должно стать составной частью всякой национальной идеологии. Если в национальной идеологии нет такого разъяснения, то, значит, она неполноценна или даже уродлива в своей основе.

Шовинизм и национальный эгоизм — это почва для выращивания вражды между народами, которая обычно переходит, по мере ее усиления, в борьбу между ними. А эта борьба, по мере ее усиления, переходит в межнациональные войны.

Натравливая народы друг на друга, враги человечества отводят им тем самым глаза от самих себя как главной для них опасности.

Но строителям «нового мирового порядка» нужны не всякие войны между народами, а такие, в которых самые опасные для них народы обессиливают друг друга. И еще такие войны, в которых менее опасные для них народы сообща обессиливают более опасный для них народ.

Организация таких войн — дело, естественно, не простое, но и не такое сложное, чтобы заинтересованные в нем силы могли от него отказаться. Уж слишком выгодны эти войны для них. США сказочно разбогатели на двух мировых войнах, а европейские народы, наоборот, обеднели и попали в финансовую зависимость от США.

Но войны выгодны для их организаторов не только в экономическом отношении. В ходе войны погибает значительная часть каждой из воюющих сторон, причем, в основном, мужчин в расцвете их сил. При этом погибают, как правило, лучшие их представители. Сила и качество нации с каждой большой войной снижаются. Если бы это были действительно необходимые для жизни нации войны, то утрата цвета нации в ходе таких войн как-то компенсировалась бы возрастанием национального сознания в народе. Однако такое бывает редко. Гораздо чаще бессмысленность войны и связанные с нею лишения и зверства ожесточают народ, не поднимают его сознание, а опускают. Такое явное опускание сознания европейских народов произошло в результате Первой мировой войны, а в результате Второй мировой войны оно было менее заметным, но все-таки было. Поэтому не случайно русский народ, вынесший на своих плечах основную тяжесть этой войны и проявивший в ее ходе высокие нравственные качества, затем надломился и стал превращаться в народ-обыватель, жадный до материальных благ и готовый поступиться ради них своими духовными ценностями.

Кроме того, шовинизм и национальный эгоизм опасны еще и тем, что обеспечивают врагов человечества драгоценной для них возможностью спекулировать на этих болезнях национального сознания. Враги человечества в своей пропаганде скрывают от населения правду о спасительности здорового национализма и представляют национализм исключительно в его болезненных проявлениях. С тем, чтобы, во-первых, оттолкнуть от национализма подавляющее большинство населения, и, во-вторых, привлечь к уродливым формам национализма какую-то его часть и увеличить тем самым человеческий материал, пригодный для использования в антинациональных целях.

Одним из способов дискредитации национальной идеи является доведение ее до абсурда. «Нет ничего выше нации, а кто с этим не согласен, тот ее враг. А что делают с врагами? Врагов надо уничтожать». Нечто подобное провозглашалось в «фашистской» Германии, выращенной не без помощи американских и европейских банкиров. Зачем понадобился Гитлер мировому банковскому капиталу? Чтобы, во-первых, дискредитировать национальную идею в глазах народов, и, во-вторых, использовать Гитлера для организации Второй мировой войны. После этой войны национализм в странах Европы был поставлен фактически вне закона.

Что характерно для стилизации национализма под самую уродливую его форму — т.н. «нацизм»? Нарушенная логическая связь. Она проявляется двояко.

Во-первых, как уже говорилось выше, из того обстоятельства, что возможны уродливые формы национализма, никак не следует, что всякий национализм есть уродство. Если среди людей бывают горбатые, то из этого совсем не следует, что все люди горбаты.

И, во-вторых. Если национализм — это опасная болезнь, то опасной болезнью надо считать национализм всех народов без исключения. Однако логика в данном случае отсутствует. Обвинения в «фашизме» распространяются сегодня только или главным образом на русских националистов, но не распространяются на националистов других народов. Так, например, эти обвинения плавно обходят еврейский национализм и национализм некоторых других, союзных с Западом, народов. А почему?

Ответ напрашивается простой. Как уже говорилось выше, строители новой Вавилонской башни разрушают народы не все подряд, а выборочно, начиная с самых опасных для себя народов. Чтобы затем приняться за менее опасные. А уж потом и за остальные.

Если судить по той травле, которой подвергаются сегодня русские националисты, то самым опасным для себя народом эти строители считают русский народ.

Но для дискредитации национальной идеи нужна не только ее стилизация под гитлеровский «фашизм». Нужны все виды ее извращения. Гитлеровский «фашизм» плох в том отношении, что он слишком безумен. Поставить свой народ выше Бога или даже вровень с Ним — это такая крайность, на которую большинство людей не способно. Поэтому нужны другие виды безумия, менее очевидные и, следовательно, более приемлемые для них. Тех же шей да пожиже влей — и обеспечишь массовость безумия среди своих противников.

Ради дискредитации национальной идеи вполне достаточно признать право твоего народа на власть над другими народами и обосновать это право теми или иными соображениями. В этом случае вражда других народов к твоему народу будет обеспечена, потому что право на свободное устройство своей жизни — это условие существования всякой нации.

Далее. Зачем выставлять право своего народа на власть над другими народами? Для большинства националистов эта претензия тоже чрезмерна. Значит, надо позаботиться и о них. Тех же шей влить еще пожиже. А для этого заявить, что твоему народу нет дела до остальных народов. Их проблемы — это их проблемы, а мы будем заботиться лишь о себе.

Такая декларация будет тут же растиражирована врагами человечества и донесена до соседних народов. А как эти соседние народы отреагируют на нее? Об этом догадаться не трудно.

Если вам на нас наплевать, скажут они, то и нам на вас наплевать. Мы будем искать союзников среди других народов. И объединяться с ними против вас, потому что от народа-эгоиста ждать ничего хорошего не приходится.

В этом случае даже малые народы, оттолкнутые большим народом и объединенные против него, станут для него серьезной опасностью. Они будут опасны не своей собственной силой, а силой строителей новой Вавилонской башни, способных организовать эти малые народы, объединить их, обеспечить их всем необходимым для борьбы с большим народом и использовать эту борьбу в качестве предлога для навязывания ему своей воли.

Как в любом малом обществе эгоизм его членов разрушает это общество и превращает его в псевдообщество, так и в международных отношениях эгоизм народов делает невозможным их объединение и обрекает их тем самым на неизбежное поражение в борьбе с общими их врагами.

Русский народ — это самый нешовинистический народ среди больших народов мира. Но это не значит, что среди его представителей нет нетипичных для него особей. В большом народе (и тем более духовно разрушенном в ходе его катастрофической истории) можно отыскать почти любой тип. Или изготовить его из подходящего человеческого материала.

Таких нетипичных представителей русского народа можно выявить, а затем помочь им выйти на политическую арену. Конечно, не всякую особь можно поднять на такую высоту. Какие-то личные качества для этого необходимы. Какой-то талант. Но одного таланта недостаточно для того, чтобы стать политиком. Для этого нужны деньги, связи, реклама. Нужна организационная поддержка. Нужны умные подсказки специалистов.

Если ты не полезен сильным мира сего, то никакой талант тебе не поможет. Они тебя не заметят или даже раздавят в сутолоке событий.

А если ты нужен, то тебе помогут таким образом, что об этом не узнает никто. Как из мухи делают слона, так из тебя сделают крупного национального политика, чтобы ты заслонил своими экстравагантными идеями типичные мысли и настроения своего народа.

Нет, инструктировать тебя по этой части никто не будет. Иногда, может быть, намекнут осторожно на то или иное обстоятельство. Но не более того. Инструктируют агентов, а ты не агент. Агенты опасны тем, что они слишком много знают и способны, если в них заговорит совесть, рассказать всем всю правду о себе и своих хозяевах. Агенты могут стать разоблачителями политической закулисы. А что может рассказать политик, которого используют «в темную»? Лишь о своих подозрениях, которым грош цена. О подозрениях, которые ничего не доказывают. Мало ли кому что взбредет в голову. Вот почему использование «в темную» — это главный способ манипуляции политиками в капиталистическом мире. И не только национально ориентированными политиками. Нет, политиками всех направлений.

Используют «в темную» тех, чьи идеи и цели полезны строителям «нового мирового порядка». Полезны — или в стратегическом отношении, или в каких-то конкретных политических ситуациях.

Такие, казалось бы, вполне самостоятельные идеологи и деятели могут и не догадываться о том, что им кто-то помогает.

Но далеко не все так наивны. Менее наивные догадываются о своей зависимости от сильных мира сего. Как и о том, чего от них те хотят. А как они поведут себя после этой догад-

ки — зависит от качества их личности. Насколько она корыстна (или бескорыстна) в своей политике.

По человеческой слабости, соблазн подыгрывать тем, кто подыгрывает тебе, конечно, велик. Превращение мухи в слона не может не нравиться мухе. Как приятно сознавать свою значимость. Поэтому муха втайне благодарна тем, кто ее раздувает. И сама помогает своим помощникам творить из себя нужный им образ.

Вот она строит из себя нового фюрера — не иностранного, а своего, православно-русского. Говорит очень правильные слова, но связывает их с такими идеями, которые не вяжутся ни с Православием, ни с традиционным строем русской души. Кроме того, она связывает правильные идеи с позами и жестами, характерными для легко узнаваемого персонажа. И украшает себя свастикой. Правда, не той, что была у Гитлера, а своей, славянской.

Инсценировки такого рода должны давать двойной эффект, о котором уже говорилось. Они должны, с одной стороны, отталкивать от русского национализма огромные массы русского населения, что для врагов русского народа как раз и нужно. Однако, с другой стороны, они должны привлекать к «русским фашистам» не только нетипичных представителей русского населения, но и таких духовно ограбленных русских людей, которые не успели разобраться в сложностях национализма.

Такие русские люди доросли до понимания того, откуда льются помой на русский народ и кому принадлежат «наши» СМИ, а потому и воспринимают преподносимую ими информацию с обратным знаком. Если вражеские СМИ кого-то поносят, то это, скорее всего, правильный человек. А если он отстаивает русские интересы, то и подавно.

На этом непонимании лукавства антирусских СМИ как раз и ловят начинающих мыслить национально русских людей. На непонимании ими того, что отрицательная реклама это тоже реклама. Что в современных российских условиях она — могучее средство выращивания полезной для себя оппозиции.

Как рассуждают строители новой Вавилонской башни? Скорее всего так: «Оппозиция, — думают они, — все равно неизбежна. Поэтому лучший способ борьбы с нею — создать ее самим, сделать ее гнилой изнутри, но привлекательной для невежд снаружи. Не перебарщивая, конечно, по части ее привлекательности. Все хорошо в меру».

В этом случае оппозиция будет бессильной и, в принципе, управляемой ее создателями. А что может быть лучше такой оппозиции? На это не жалко никаких денег.

К сказанному можно добавить, что оппозиция не должна состоять из одних только уродов. Этим она выдала бы свой искусственный характер. Нет, в ней (особенно в русской оппозиции) должны преобладать правильные, по видимости, политики, задача которых обеспечить внутреннее ее бессилие.

А чем оно достигается? В первую очередь, бессилием ее мысли. А бессилие мысли обеспечивается, в свою очередь, отсутствием правильно организованных публичных дискуссий на самые важные для судеб страны темы. Вместо обсуждения этих тем — тысячи монологов самых разных авторов и ораторов на второстепенные или даже третьестепенные темы. Эти монологи, никак не связанные внутренне друг с другом, забываются читателями и слушателями через какое-то время или создают в их головах хаос противоречащих друг другу мнений. Но идейный хаос не может организовывать людей, он их дезорганизует.

Организовать их способна общая система взглядов, которая должна вырабатываться ими сообща, а она как раз и не вырабатывается. Отсюда неэффективность наличной русской мысли и, как следствие, русских общественно-политических организаций. И эта неэффективность сознается русскими энтузиастами со временем все отчетливее. Создается и порождает разочарование их в своем национальном движении и в своем народе, не откликающемся на столь правильные призывы к объединению.

А вслед за разочарованием начинается и увядание самих энтузиастов, затухание их интереса к судьбе столь бестолкового народа. Погружение их в сугубо личные и лично-семейные проблемы, которые тоже гнетут всех и которые не могут решаться правильно в больном обществе. А могут лишь множиться и множиться. Происходит естественное умирание русского движения за возрождение русского народа.

Вот как умно придумано.

Но вернемся к нашим бледным копиям немецкого оригинала. Новый фюрер должен смело преувеличивать число своих сторонников в тысячу раз, а то и больше. И ему охотно поверят все пишущие и вещающие русофобы. Они не допустят опровержения его слов. Они вдолбят их в сознание своей необъятной аудитории. Чтобы весь мир знал, что происходит в России. Что в ней растет не по дням, а по часам, «русский фашизм», способный растерзать хрупкие ростки демократии и поработить национальные меньшинства. А затем стать угрозой для всего человечества.

Эти вещающие русофобы прекрасно знают, что на самом деле число «русских фашистов» — микроскопическое меньшинство по сравнению со всей массой русского населения.

Знают и то, что на самом деле у нас происходит не порабощение русскими национальных меньшинств, а нечто прямо противоположное. Знают, но никогда не скажут об этом публично. Им это запрещено их хозяевами.

Одна из главных задач, поставленных перед средствами массовой дезинформации, — создать зловещий образ русского национализма. И еще одна задача, с нею связанная и не менее важная, — создать отвратительный образ русского народа, т.е. раздуть его пороки и закрыть ими его прекрасные черты. Делается это не столько для того, чтобы оскорбить русских, сколько для того, чтобы не позволить им любить свой народ. Ведь любовь всегда связана с прекрасным образом того, кого любишь. Или, по меньшей мере, с какими-то прекрасными его чертами. А если их нет, если они закрыты его уродствами, то и любовь оказывается невозможной. А без любви к своему народу его сынов и дочерей невозможен и сам народ. Он держится их любовью. А потому и разрушается с исчезновением их любви. И вместе с ним разрушаются его сыны и дочери, которые тоже невозможны как нравственные и мыслящие существа без своего народа.

Вот что скрывается за систематической хулой в адрес русского народа, звучащей с телеэкрана и со страниц почти всей российской печати. Происходит духовное убийство русского народа. Преступление более страшное по сравнению с разжиганием розни между народами.

Вот почему я совсем не удивился, когда прочитал о скандале в Израиле в связи с тем, что агенты израильской разведки разворовали деньги, предназначенные для «финансирования русских фашистских организаций» (Ю. Мухин «Тайны еврейских расистов». М., 2005 г., с. 58). Я удивился другому. Не тому, что «русские фашистские организации» финансируются из-за рубежа, а тому, как могли израильтяне допустить самую возможность рассекречивания столь секретного дела. Вот тебе и евреи.

Мне рассказывали, что когда кто-то обвинил А.П. Баркашова в фашизме, то он возмутился и сказал: «Я не фашист, я нацист». И я думаю, что он мог так сказать. «С великим удивлением, — писал В.В. Кожин, — прочитал я недавно «позицию» Александра Баркашова, лидера Русского Национального Единства, где он признается в своем преклонении перед политической фигурой Гитлера...» (В.В. Кожин «Пятый пункт», М., 2005, с. 236-237).

Как рассказывают, другой вождь русских националистов, Д.Д. Васильев, называл себя публично «православным фашистом» и любил фотографироваться на фоне свастики, стилизованной по-славянски.

Свастикой метил и Баркашов свои брошюры, в которых многие правильные мысли (например, о необходимости русского национального единства, о вампирическом характере капитализма и др.) дискредитировал этой свастикой и своим преклонением перед Гитлером.

«А что плохого в свастике? — скажут мне некоторые русские националисты. — Это же наш древний арийский знак».

Так скажут очень плохие политики, не понимающие того, что это для них самих славянская свастика — древний арийский знак, никак не связанный с Гитлером. А для большинства населения нашей страны и других стран она с ним связана. В их глазах славянская свастика — это символ «нацизма», слегка замаскированный славянской его стилизацией. Тем более, что эту связь славянской свастики с «фашизмом» (или, точнее, с «нацизмом») публично подтвердили сами русские национальные «вожди».

Можно клеймить невежество человечества, не способного подняться на уровень мышления поклонников славянской свастики, но не считаться с этим невежеством — значит быть политическими недотепами. Подлинные политики всегда считаются с умонастроением своего народа. Да и с умонастроениями других народов тоже. Подлинные политики знают, что абсолютное большинство русского населения никогда не читало брошюр, в которых провозглашается священный смысл свастики для арийцев. А если бы даже и прочитало их, то, думается, не приняло бы их. Потому что русские люди, болеющие за русский народ, болеют, прежде всего, за него, а не за русофобствующих арийцев Запада. Русские люди в своем подавляющем большинстве связывают свастику не с далеким языческим прошлым, а с арийцами Гитлера, жертвой которых стала в ходе Великой Отечественной войны едва ли не каждая русская семья.

Вот почему надо очистить русское движение от свастик всякого рода. Очистить русское движение от подражаний чужим и, главное, уродливым типам национализма. И объяснить всем русским и всем нерусским людям, почему эти знаки и типы национализма для нас неприемлемы.

Это одно из условий действительного возрождения русского народа.

Две хитрости врагов человечества

Правильный национализм невозможен без правильного представления националистов об окружающем их мире и, в частности, о тех хитростях, которые используют враги человечества для разрушения народов.

Остановлюсь здесь только на двух хитростях, может быть, самых главных из их числа. Или двух из самых главных.

Первая хитрость заключается в том, чтобы противопоставить права человека правам его народа. Не сочетать их разумно, а раздуть права человека до таких противоестественных размеров (например, до его права быть педерастом), чтобы выдать ими из господствующего правосознания права его народа практически полностью.

Но что будет, если отнять у народа его право на самоорганизацию? Он разрушится и превратится в массу разрозненных обывателей, беззащитных перед всякой посторонней организованной силой. Формально такой обыватель будет обладать всеми правами, записанными в конституции, но фактически с ним можно делать что угодно. И никто его не спасет. Без своего народа человек беззащитен. Даже самый сильный и богатый человек, если он вне своего народа, беспомощен перед мафией. А перед финансовой мафией, если он окажется на ее пути, тем более.

Кроме того, разрозненные обыватели обречены на затухание в них высоких мыслей и чувств. Обречены на затухание их религиозного и национального сознания, а потому и нравственности. Они обречены на развитие в них эгоистических наклонностей. По мере развития этих наклонностей таких людей становится все легче подкупать и противопоставлять друг другу. Их все легче привлекать в организации, полезные строителям новой Вавилонской башни. А со временем будет еще легче. Потому что с ослаблением в человеке его разума и нравственности его природа становится подобной воску или пластилину, из которых можно лепит какие угодно формы.

Вот как интересно придумали враги человечества. Обобрали человека до нитки — и все ради него самого. Лишили его образа и подобия Божия — и тем якобы обогатили его. Сделали его пластилином в своих собственных руках — и все это при салютах в честь человека. При самых торжественных заверениях его в том, что он как раз и является мерой вещей.

Вытащить рыбу из воды и дать ей все права, кроме права вернуться в родную для нее среду обитания, — вот что такое «права человека» в безбожном их толковании. Истинные права человека всегда в согласии с правами его народа. А истинные права народа всегда в согласии с истинами Откровения.

Вот с чего следовало бы начинать правильное учение о человеке. И правильную педагогику. И правильную социологию. Но не для того штампуют у нас учителей и мыслителей, чтобы они понимали сами эти простые истины и доносили их до своих учеников. А с прямо противоположной целью.

Это первая хитрость строителей новой Вавилонской башни.

Вторая хитрость заключается в том, чтобы скрыть от людей само строительство новой Вавилонской башни. Чтобы они видели своими физическими глазами это строительство, но не понимали происходящего. Чтобы они думали, будто новый мир не строится кем-то сознательно, а растет сам собою, стихийно.

Чтобы создать такую иллюзию, следовало скрыть главных руководителей этого строительства и сосредоточить внимание людей на подробностях бытия — от подробностей их истории до подробностей природного и технического мира. Сделать их узкими специалистами, не способными думать ни о смысле всего бытия в целом, ни о смысле человека и общества.

Но сначала два слова о сокрытии главных руководителей. Если бы они были у всех на виду, то всем стало бы ясно, что строительство новой Вавилонской башни это не чей-то бред, а сама реальность. В этом случае люди стали бы думать, хорошо это строительство или плохо. Нужно оно им или не нужно. Понимание происходящего сделало бы людей мудрыми и энергичными противниками безбожного мира. Спасая себя от него, они стали бы созидать свои собственные миры, основанные на ценностях религии, нации и семьи. И объединяться против врагов человечества. А такое объединение стало бы катастрофой для строителей новой Вавилонской башни.

Вот почему они не могли и не могут открывать людям свое высшее руководство. Скрывая своих главных руководителей, они маскируют тем самым самих себя и свое дело.

Логика здесь проста. Никакое большое строительство невозможно без его руководителей. Без руководителей можно построить сарай или небольшой дом. Но строительство большого дома без руководителей уже невозможно. А строительство во всемирном масштабе тем более. Нет руководителей такого строительства — значит, нет и самого строительства. Значит, нет и его строителей. А есть лишь разнообразные интересы отдельных личностей, отдельных групп и объединений самого разного характера и масштаба. Есть их сотрудничество, есть их противоборство. Есть естественный ход истории, то ли стихийный по своему характеру, то ли подчиненный каким-то еще неизвестным законам истории. Только-то и всего.

А теперь о том, как следовало опускать умы людей, чтобы делать их не способными понимать происходящее в истории. Не способными понимать даже то, что происходит с ними самими.

Их следовало приучать, как уже сказано выше, к «мелко-скопическому» мышлению. Т.е. не системному, а такому, когда та или иная частность затмевает целое. Когда за деревьями не видно леса.

Такое антисистемное мышление было бы невозможно среди христиан, если бы наши православные богословы не проигнорировали тему общества. А они ее проигнорировали. Поэтому наука об обществе стала достоянием тех, кто о Боге не думал или думал о Нем все меньше и меньше. А затем исключил Его полностью из круга своих интересов. В результате наука об обществе превратилась в безбожную науку, в науку без организующего ее духовного Центра.

Следствием стало торжество центробежных процессов в науке, т.е. сосредоточение внимания ученых на как бы разбегающихся от бывшего центра и не связанных между собою частностях бытия. И, в особенности, на таких частностях, которые можно использовать с пользой для людей. Или с материальной выгодой для них. И, разумеется, с выгодой для дельцов и для самих ученых.

Наука стала приобретать постепенно все более коммерческий характер. Ее включили в круг своих интересов промышленники и коммерсанты и, в конце концов, подчинили ее себе. Она стала служить не истине и добру, а духу мамоны. Интерес же его служителей состоял не только в том, чтобы обогащаться все больше материально, но и в том, чтобы закрепить свою власть в мире окончательно и оправдать ее идейно. И, что не менее важно, оправдать ее пропагандистски.

Этим оправданием как раз и занимается современная наука об обществе. Она оправдывает царство мамоны, т.е. капитализм, разными способами, из которых основным является не откровенная его апология, а сокрытие безбожной и бесчеловечной его сути.

А какова наука, такова и система образования. Эмансипированная от смысла жизни наука породила и соответствующую ей педагогику. Т.е. лжепедагогику, задача которой готовить будущих коммерсантов и персонал для коммерческих предприятий.

Отсутствие истинного смысла жизни, который невозможен без Бога и служения Ему, компенсируется у обучаемых сегодня школьников и студентов погоней за развлечениями и наслаждениями в свободное время, а у более думающих из них — стремлением к достижению материального успеха в жизни. Как можно жить в нищете? Будет материальный успех — будут и сопутствующие ему удобства, причем не только материальные. Будет материальный успех — и ты проявишь свои лучшие качества.

Включение в гонку за материальным успехом закрепляет внимание человека на связанных с нею проблемах и делает его не способным думать о предметах высоких — о смысле своей жизни, о смысле общества и смысле человеческой истории. Только-то и всего. Но этого вполне достаточно для того, чтобы люди утратили способность понимать происходящее в истории, в современном мире, в своей стране и даже в своей частной жизни.

Воспитание их низкоумия — вот лучший способ маскировки строительства новой Вавилонской башни.

Врываться из почти всеобщей гонки за материальным успехом так же трудно, как наркоману избавиться от наркотической зависимости. Здесь каждый невольно возбуждает своей низкой настроенностью свое окружение, а оно, в свою очередь, заражает и возбуждает этой общей низкой настроенностью каждого. Здесь происходит нечто подобное тому, что происходило в древнем человечестве при вызревании в нем идеи Вавилонской башни.

Победить эту злую силу невозможно без уразумения ее конечной цели и способов, которыми она пользуется.

Что препятствует созданию союза народов России

Выше говорилось о том, что сегодня ни один народ не может противостоять в одиночку объединенным силам разрушителей народов. Из чего следует, что народы должны объединиться ради своей самозащиты. А для этого гасить конфликты между собою и выстраивать новую, еще небывалую в истории, систему своих взаимоотношений.

Мне могут сказать: сегодня русским враждебны все — и Запад, и российские иноплеменники, и затопляющие нас гастарбайтеры, и сама Российская власть с ее антирусской политикой. Исключений из этого правила почти нет. В этих условиях призыв к созданию союза народов против их разрушителей есть утопия. И утопия вредная, потому что она отвлекает русских от главной их задачи — сопротивления наступающим на них чужакам.

Если на тебя нападают, то — как не защищаться? А если защищаться, то — как размышлять при этом о каком-то союзе народов? Или даже о национальном возрождении русского народа? Поднять его весь на сопротивление — вот это и будет национальным его возрождением. Или, по крайней мере, началом его возрождения.

Отвечая на эти возражения, надо признать, что сочетать две задачи — организацию русской самообороны и работу

по самоорганизации русского населения в русскую нацию (а в дальнейшем и работу по выстраиванию союза народов) — не легкое дело. Это намного труднее, чем сосредоточиться на одной самообороне. Однако без самоорганизации русских в русский народ русская самооборона будет беспочвенной и потому бессильной. А о неспособности разрозненных народов сопротивляться их разрушителям уже сказано.

Утопией является не мысль о необходимости русской самоорганизации в национальном масштабе и последующей самоорганизации народов в единый союз, а надежда на то, что русская самооборона сама по себе решит все проблемы.

Мне могут сказать, что российские инородцы, да и другие соседние народы, не способны по своей природе на подлинный союз с русским народом. Они так глубоко завязли в своем национальном эгоизме, что подняться на столь высокий нравственный уровень не в состоянии. Если даже какие-то отдельные их особи поднимутся на этот уровень, то их выдавят из своей среды эгоистичные их соплеменники. Или просто раздавят, чтобы не соблазняли других.

Мне могут сказать, что даже в том случае, если бы произошло чудо и российские народы пошли на союз с русским народом, то этот союз все равно просуществовал бы недолго. По той причине, что традиционный способ их мышления, связанный с национальным их эгоизмом, делал бы их близорукими по части понимания всей сложности организации такого союза. Каждый из этих народов заботился бы в этом союзе не столько об общем их интересе, сколько о своем собственном. И потому взаимные их претензии (и, особенно, их общие претензии к русскому народу) развалит этот союз. Или превратят его в такое сообщество, в котором русский народ будет опять донором для других народов, как это уже было в императорской России и в Советском Союзе.

Но и в этом последнем случае такой союз все равно не продержится долго, потому что русское ядро, истощаясь, будет в нем таять, а вес паразитирующих на нем российских иноплеменников будет увеличиваться. И так до тех пор, пока ядро ослабеет настолько, что перестанет стягивать всех в одно целое. После чего союз развалится на «независимые народы», т.е. зависящие целиком от строителей новой Вавилонской башни.

Я думаю, что опасность, описанную выше, надо учитывать. Но не для того, чтобы запугивать себя ею, и не для того, чтобы перечеркивать ею мысль о необходимости союза народов, а для того, чтобы будущие союзники знали заранее о подстерегающей их опасности. И позаботились заранее о том, чтобы не допустить краха своего союза.

Кроме того, в рассуждении о ничтожестве российских народов бросается в глаза вопиющая его однобокость. Современное их положение и состояние оценивается по низшему разряду, а положение и состояние русского народа по высшему. Хотя на самом деле русский народ сегодня это почти полностью разрушенный народ. И российские народы, в отличие от русских националистов, видят его именно с разрушенной его стороны, а не с какой-то иной. Потому как догадаться о высших качествах русского народа по современному его состоянию почти невозможно. Об этих высших его качествах не догадывается сегодня даже большинство самих русских с их промытыми русофобской пропагандой умами. Но как же в таком случае винить за ту же самую слепоту российских иноплеменников? Которые, кстати сказать, не в меньшей степени жертвы той же самой русофобской пропаганды. Если не в большей.

Миллион русских детей, брошенных своими родителями или бежавших от них в городские трущобы. Пустота в головах русской молодежи, избежавшей подобной участи. Отсутствие организующих человека и общество идей в головах русских родителей и учителей. Сексуальное растление подрастающего поколения, не встречающее заметного противодействия со стороны взрослых русских. Армия русских проституток, заполонивших просторы Европы и бьющих там своих конкуренток дешевизной своих услуг. Четыре, если не больше, миллиона аборт, совершаемых ежегодно русскими женщинами. Пьянство, курение, матерщина и другие цветы зла, расцветающие сегодня среди русских подростков. Почти всеобщая сосредоточенность русских на своих личных и лично-семейных проблемах, делающая их не способными думать об обществе. А думать о своем народе — и по-прежнему. И, как следствие, полная разрозненность русских и полное их политическое и социальное бессилие. А на бес- сильных даже слабосильные смотрят сверху вниз. А криминально организованные народы — тем более.

Если же к сказанному добавить, что российские народы, как правило, не знают катастрофического характера русской истории, то их презрение к русским будет еще понятнее.

Русские, как замечено уже давно, отличались от других народов куда большей критичностью по отношению к самим себе. Но эта самокритичность, доходившая иногда до русофобии, сочеталась у них со столь же односторонним восхвалением себя и своей страны. Русскими было сделано множество метких замечаний о своих достоинствах и пороках, но целостной самооценки русский народ так и не выработал.

Не выработал зрелой, т.е. взвешенной и развитой мысли о самом себе, которая правильно ориентировала бы его представителей в самых важных вопросах. И тем самым творила бы русское национальное единство.

Идейная рознь в русском народе нарастала в ходе его истории и стала главной причиной его катастрофы. Пренебрежение к выработке зрелой русской национальной идеологии — вот, думается, главный порок русского народа. Его грех — и перед Богом, и перед самим собою, и перед другими народами. В русском народе было слишком много самых разных чувств и слишком мало национальной мысли.

Не было взвешенной оценки своих национальных достоинств — не было и работы по их развитию. Не было взвешенной оценки своих пороков — не было и работы по их искоренению. А потому эти пороки, подобно сорнякам, заглушали наши национальные достоинства чем дальше тем больше.

Но если русский народ не выработал зрелой мысли о самом себе, то мог ли он выработать зрелые мысли о соседних с ним народах? А если не сделал этого, то справедливо ли теперь обвинять их в том, что они не доросли до уровня, до которого не дорос он сам?

Мне могут возразить опять, сказав, что несправедливо уравнивать грехи русского народа с грехами, например, хищных кавказцев, захвативших наши рынки (да и не только рынки) и использующих беспомощное положение русского населения для его эксплуатации и глумления над ним. Русские в своем прошлом (не говоря уж о современном их положении) не захватывали чужих рынков, не грабили иноплеменников и не глумились над ними. Различие есть? Есть. И оно огромно.

Кроме того, скажут мне, проникновение русских в жизнь российских народов, имевшее место в прошлом, происходило на взаимной основе: проникновение российских иноплеменников в русскую жизнь было ничуть не меньшим. А что теперь? Теперь оно происходит в одностороннем порядке, и русских при этом на их же земле теснят и кабалют приезжие иноплеменники. Различие есть?.. Есть. И оно огромно.

И еще, скажут мне, такая подробность: советские русские, приезжавшие по распределению после вузов на нерусские окраины, не сомневались в том, что несут проживавшим там народам добро. Поднимают их из невежества и нищеты к достойной человека жизни. И они действительно сделали для них много в хозяйственном и научно-техническом отношении. И даже, в каком-то смысле, в культурном отношении: через русский язык и русскую культуру открыли им доступ к

мировой культуре. Причем эта помощь оказывалась за счет русского народа, прозябавшего, в своей массе, в той же самой материальной нищете, если не в большей, и почти в том же самом невежестве культурном.

Статистика последних лет советской истории показала, что даже по уровню образования русские оказались на одном из последних мест среди народов СССР.

А что получил «старший брат» за свою помощь?.. Когда рухнула советская власть, то русских стали оскорблять, грабить, а то и убивать, чем вынудили их бежать с насиженных мест на родину. Или, за невозможностью бежать, терпеть унижения и мечтать о таком бегстве. Различие есть?.. Есть. И оно огромно.

Не замечать этого различия могут только недобросовестные люди.

Так, думается, возразят мне. И я соглашусь почти полностью со сказанным выше, но лишь с такими существенными оговорками.

Нельзя фокусировать внимание на одной половине правды, какой бы правдивой она ни была. В отношениях между русскими и нерусскими была и другая правда, которую русские, как правило, не понимают, а российские народы понимают и тоже фокусируют на ней свое внимание. В чем состояла эта другая половина правды?

Обратной стороной русской помощи в советское время было разрушение национальных устоев российских народов. Какими бы неидеальными, с нашей точки зрения, эти устои ни были, но они были, и они держали традиционную культуру этих народов. А советские русские, при всех их благих намерениях, оказывались в этих традиционных культурах чужеродными телами. И не только чужеродными, но и беспочвенными духовно. Они вторгались в традиционный мир и подтачивали его самым характером своего мышления и соответствующими ему нормами своего поведения. Помешать этому вторжению иноплеменников российские народы не могли, потому что за советскими русскими стояла могучая советская власть. А копить свою неприязнь к ним, переходящую в ненависть, они могли, хотя и скрывали ее до времени. И лишь когда советская власть рухнула, проявили свою вражду открыто.

Но была не только вражда к русским. Было еще и презрение к ним, не знавшим ни Бога, ни твердых нравственных правил в жизни. Половая распущенность русских женщин и попустительство им по этой части со стороны русских мужчин не сознавались самими русскими, а представители тра-

диционной половой нравственности хорошо сознавали этот порок. Да и многое другое в русской жизни, порожденное духовной беспочвенностью советских русских, видели тоже. И эти пороки не вызывали у представителей традиционной нравственности ничего, кроме презрения и насмешек.

Духовное разрушение русского народа началось задолго до 1917 года, но затем приняло катастрофические размеры. Советская нравственность строилась на безбожии, на космополитически понятом интернационализме и на отрицании духовных основ семьи. Поэтому советская нравственность не могла быть крепкой. О ее слабости свидетельствовали не только бесчисленные в ней прорехи еще в советское время, но и то, с какой легкостью отказалось от нее в ходе «перестройки» подавляющее большинство членов КПСС и комсомола. Не говоря уж об остальном населении.

Эта беспочвенная нравственность внедрялась в советские годы с особой настойчивостью именно в русский народ. Другие советские народы щадились под предлогом их отсталости и неготовности к полному очищению от их национальных предрассудков. А с русским народом не церемонились. Он был «готов». Его объявили готовым и передовым на пути к светлому будущему, в котором не будет ни религий, ни наций, ни, может быть, даже семьи и государства. Когда все заживут в хрустальных дворцах-муравейниках в полном дольстве и в полной гармонии друг с другом.

Когда же эту лапшу сняли с русских ушей, то оказалось, что в русских умах нет ничего, кроме идейного хаоса, из которого каждый волен выбирать любые идеи по своему вкусу в качестве личных своих ориентиров. А поскольку способность думать самостоятельно о важных вещах была отбита у советских русских почти полностью, то и свободный выбор ими своих идейных ориентиров оказывался фиктивным. На самом деле старую лапшу сняли с их ушей только для того, чтобы навесить на них новую, уже либеральную. Либеральную по ее внешности, но тоталитарную по ее сути.

Что роднило эти два вида идейной лапши, так это их безбожие, космополитизм и отрицание основ семьи. Эти отрицательные идеи выражены по-разному в марксизме и в либеральной идеологии, но суть их одна.

И от этого второго вида идейной отравы, как и от первого, нерусские народы бывшего СССР были более защищены, нежели русское население. Защищены тем, что сохранили в гораздо большей степени, чем русские, свое национальное сознание.

Кроме того, немаловажно еще и то обстоятельство, что после краха СССР всем его народам позволили иметь свою на-

циональную власть в их автономиях и республиках, а русскому народу не позволили.

А национальная власть (даже при всех ее пороках, когда они есть) это сила, возрождающая национальное сознание в представителях народа. А потому и возрождающая их религиозно и семейно.

Русские оказались (в силу особенностей их характера и других причин, рассматривать которые здесь не место, потому что это большая тема) наиболее отторгнутыми по сравнению с другими народами России, от религиозных и национальных основ жизни. Особенно в годы советской власти и в последующие годы. А потому и стали не только легкой добычей для самых корыстных российских народов, но и угрозой для всех российских народов вообще. Угрозой в качестве носителей безбожия, космополитизма и семейной анархии. Угрозой в качестве проводника растленной псевдокультуры Запада. А если так, то должно быть понятно враждебное и презрительное отношение к русским огромного множества нерусских россиян.

Если бы русские предстали перед ними в лучшем своем виде, то и отношение к ним было бы совсем другим. Они стали бы примером для них, и российские народы свободно подстраивались бы к ним ради общих их интересов. Но действительность не такова.

Вражда и презрение к русским со стороны россиян имеют во многом высокое происхождение. Во многом, но далеко не во всем. Высокие начала здесь сочетаются у российских народов с началами низкими, незаметными для них самих в силу неразвитости их собственного национального сознания. Российские народы (если не все, то многие из них) привыкли уважать силу, а бессильных презирать и пользоваться их бессилием. Внутреннее противоречие этих двух начал не сознается ими по той причине, что привыкшим к национальному эгоизму сознавать его не только трудно, но и невыгодно. Инерция национального эгоизма велика. А сочетать свой национализм со своим эгоизмом, наоборот, очень удобно. Потому что национализм, так или иначе, организует народ, а эгоистический характер этого национализма оправдывает паразитические инстинкты народа по отношению к другим народам. Оправдывает или маскирует.

Однако, осуждая в принципе национальный эгоизм, следует сказать два слова и в его оправдание.

Чем меньше народ и чем слабее, тем он уязвимее со стороны его соседей. Особенно больших и сильных. И тем меньше у него сил думать масштабно, думать о всечеловеческих про-

блемах. Тем меньше у него сил заботиться не только о себе. Это первое оправдание.

А вот второе: национальный эгоизм, при всей его порочности, не так порочен, как национальный нигилизм. Национальный эгоизм это меньшее зло по сравнению с космополитизмом. Национальный эгоизм внутренне противоречив. Это еще эгоизм, но это уже и отрицание эгоизма. Это болезнь, но это болезнь любви к своему народу. В национальном эгоизме уже преодолевается эгоизм личный. В нем есть жертвенность за свой народ. Национальный эгоизм, пусть и не лучшим образом, связывает человека с Богом, организует человека религиозно, национально, общинно и семейно, а эгоизм личный не организует его никак. Или, точнее, организует его лишь внешне. Законченные эгоисты подчиняются принятым в обществе нормам жизни, но не потому, что их ценят, а ради собственного удобства. Внутренне они свободны от всех нравственных и правовых норм. Если им это будет выгодно, они предадут своих ближних и все общество в целом. Предадут их тайно, а то и явно.

Но и здесь тоже не все так просто. Здесь тоже свои нюансы и противоречия. Большинство современных российских (и особенно русских) эгоистов — это эгоисты бессознательные и непоследовательные. Это эгоисты не столько по своему внутреннему складу, сколько в силу сложившихся обстоятельств. Торжество капитализма в бывшем СССР породило такие условия жизни, которые принудили подавляющее большинство его населения забыть обо всем, кроме личных и семейных их интересов. Это торжество капитализма искусственно опустило многих в нравственном и умственном отношении. Но далеко не всех. И даже тех, кого оно опустило, не сделало такими же сознательными и законченными эгоистами, какие сформировались на Западе на протяжении веков. В наших эгоистах еще не исчезли остатки традиционных христианских чувств и представлений о жизни. Не исчезли в такой степени, в какой они исчезли в бывших западных народах.

Они не исчезли полностью, но при отсутствии праведных идейных и организационных опор эти остатки обречены на дальнейшее таяние и образование на их месте уже вполне сознательных и законченных эгоистических установок.

Вот какие сложности связаны с попыткой определить нравственные различия между народами. И я перечислил эти сложности, конечно, не полностью. Однако и сказанного, думается, достаточно для того, чтобы сделать такой вывод: идейная слепота характерна сегодня для всех — и для рус-

ских, и для нерусских. Она разнотипна, и у кого ее больше — это вопрос. Чьи грехи тяжелее — тоже вопрос. Каждый народ видит свое прошлое и настоящее по-своему, с приятной для себя стороны. Свои пороки видятся в уменьшенном виде или не замечаются вообще, а чужие видятся в раздутом виде. А свои и чужие достоинства оцениваются тоже по-разному. Свои достоинства ценятся высоко, а чужие дешево или даже просто не замечаются.

Сказанное не означает, что все человеческие суждения непременно ложны. Они могут быть и правильными, полностью или во многом, но могут при этом выглядеть в чьих-то глазах явно ложными. Они могут быть и ложными в корне, хотя могут казаться кому-то чистой правдой. Однако чаще всего в человеческих суждениях правда и ложь перемешиваются в разных пропорциях.

Понимание несовершенства человеческих судов смиряет людей. Оно побуждает их думать не столько о чужих грехах, сколько о своих собственных. И в этом спасение — как людей, так и народов. Здесь начало их нравственного выздоровления и подъема на более высокий уровень в умственном отношении.

Осознание своих грехов это начало исцеления от них, а исцеление делает людей и народы более жизнеспособными. Сосредоточенность же на чужих грехах не исцеляет, это причина продолжения их гниения.

Хотя чужие грехи тоже надо знать, чтобы правильно ориентироваться в этом мире. Однако без преимущественного знания своих собственных грехов и без работы по их искоренению знание чужих грехов не только не спасительно, оно опасно. Оно провоцирует в грешных людях худшие их способности. Преимущественное знание своих собственных грехов обеспечивает людей духовным иммунитетом против заражения чужими духовными болезнями.

Если народы усвоят эту истину, то начнут избавляться от своих национальных грехов и тем самым от взаимной вражды. Начнут спланировать против врагов человечества. Это будет подъем на еще небывалый уровень их исторической жизни.

А если не усвоят, то сгинут. Одни сгинут раньше, другие позже, и в этом вся разница.

Будущее зависит от самих людей, т.к. Бог дал им свободу. Но каким оно будет — мы не знаем. Мы не знаем, как поведут себя наши современники и последующие поколения. Об этом знает лишь Бог.

Но для того, чтобы будущее людей и народов состоялось, требуется одно неперемutable условие. Люди должны знать,

каким должно быть их желанное будущее. Какими должны быть пути к нему. Должны знать, чтобы общими усилиями помогать этому будущему родиться. А для того, чтобы знать, должны думать о нем, обсуждать его, вычерчивать все более правильные его черты. Сделать построение желанного будущего главной целью своей личной, семейной, общинной, национальной и общечеловеческой жизни.

Итак, мы вернулись к тому, о чем уже говорилось раньше. Но вернулись с несколько большим пониманием того, почему народы должны не консервировать свои привычные отношения друг с другом, а подниматься на более высокий уровень по этой части. И сворачивать ради этого свои претензии друг к другу. Как это ни трудно. Перед лицом общей смертельной опасности надо кончать со старыми счетами. Пусть эти счета предъявит каждому народу Господь Бог на Страшном суде.

ДНЕВНИК РУССКОГО

1989 г.

20 марта

Позвонил Л.М. Леонову и сказал, что будучи у раки Сергия, я поставил свечу и помолился за всех, за близких и друзей, и за него — писателя Леонида Максимовича Леонова. Старику Леонову было приятно, что за него пред Сергием — поклон и молитва: «Преподобный отче Сергие, моли Бога о нас».

Монахи, которых я расспрашивал, просили передать писателю Леонову, что у них свечи в храме хранятся в свечном ящике и никак иначе.

Леонов спросил меня, как прошел вечер памяти В.В. Розанова. Я коротко рассказал и добавил, что после вечера мы уже в сумерках ездили в Черниговский монастырь, где некогда бывал и он, Леонов. В потемках в полуразрушенном монастыре помянули В.В. Розанова и К.Н. Леонтьева, похороненных друг возле друга. Надгробие ни того, ни другого не сохранилось. Всё порушили...

Я до сих пор корю себя, что не съездил на могилу В.В. Розанова с его дочерью Татьяной Васильевной (1895—1975), с которой был знаком. Она бы хоть место захоронения отца мне показала, а то ведь теперь мы ищем по описаниям. Как быстро мы всё растеряли.

Продолжение.

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

«Всякая любовь прекрасна. И только она одна и прекрасна. Потому что на земле единственное «в себе самом истинное» — это любовь. Любовь исключает ложь... Гаснет любовь — гаснет истина...» (В.В. Розанов).

22 марта

Основной темой сегодняшней беседы, в котором приняла участие Наталья Леонидовна, была дореволюционная книга протоиерея Дьяченко (преподавателя семинарии при Троице-Сергиевой Лавре), в которой он изложил взгляд Православной Церкви на черную магию. Как я понял, Леонов в свое время хорошо проштудировал книгу Дьяченко и глубоко проанализировал жизненные примеры о проявлениях действий нечистой силы в русском быту. Леонид Максимович привел два случая подобных проявлений. Однажды во время свободного застолья нечистый позабавился тем, что забросал жениха и невесту картошкой. В другой раз нечистый стал преследовать священника. В дом священника приехал для «подмоги» благочинный в сопровождении клира. Во время богослужения и окропления стен дома священника святой водой из печки вдруг вылетело полено и, пролетев сквозь «строй» молящихся, упало, никого не задев. Надо сказать, что рассказывал Леонид Максимович так, как мог бы рассказывать, думаю, Гоголь. Думаю, что канонический лектор-атеист, выслушав Леонова, в лучшем случае счел бы это за досужий розыгрыш. Но на то он и Леонид Леонов, чтобы думать и писать не канонически.

Наталья Леонидовна, продолжая тему, рассказала о спиритических сеансах, которые устраивали ее сокурсники по институту. Рассказывалось это так эмоционально и с такими подробностями, что у меня создалось впечатление, что Наташа сама присутствовала на этих сеансах. Тему подхватил Леонов и рассказал, что он тоже однажды в Переделкино вместе с бывшим секретарем В.И. Ленина полушутя-полусерьезно устроил сеанс с «блюдем». Все было, как и водится. «Вызывали» исторических лиц. Каких именно, Леонов не сказал, но у меня сложилось впечатление, что среди них был и Ленин. «Итогом» сеанса был голос, возвестивший одну значительную, умную фразу, так что Леонов потом счел нужным воспроизвести ее в романе «Русский лес». Я не стал уточнять, какая это была фраза. По моему лицу Леонову, видно, не трудно было понять, какое впечатление его рассказ произвел на меня, поэтому он, имея определенный опыт, настоятельно мне посоветовал никогда не заниматься спиритизмом.

По Леонову выходит: то, чем занимается Ванга, — дело

чистое, божеское. Она человек сугубо церковный, ходит в храм, исповедуется священнику, принимает причастие, соблюдает обряды и отмечает церковные праздники. Одним словом, Ванга — человек Божий.

Другое дело — черная магия, дьявольские козни и кто занимается этим — дети погибели.

В свое время Л.М. Леонов рассказывал мне случай, происшедший с ним в 1926 году в доме его матери в селе Ескино. Однажды он, находясь в светелке, услышал, что по лестнице поднимается Татьяна Михайловна. Леонов продолжал напряженно работать, обдумывая каждое предложение. Вдруг ему показалось, что Татьяна Михайловна, войдя в комнату, встала за его спиной и шутя собирается дать ему «брандера» в бока. Леонов, разъяренный, что ему мешают, резко обернулся со словами: «Ты что делаешь?» На мгновение он увидел перед собой Татьяну Михайловну, даже запомнил зеленую кофточку, в какой она была, потом видение исчезло. Леонов прошел в соседнюю со светелкой комнату, но там никого не было...

И вот сегодня я услышал от Натальи Леонидовны, что, оказывается, с ней тоже произошел несколько лет тому назад подобный случай. Она была дома и что-то делала на кухне. Вдруг она услышала характерные шаркающие шаги Яркуна, который, как ей показалось, вернулся с работы, и она не заметила, когда он вошел в дом. Наталья Леонидовна окликнула из кухни мужа. Он не отозвался, но ведь она явственно слышала его шаги, как в свое время явственно слышал шаги жены Леонов...

Когда тема разговора была исчерпана и мне надо было уходить, я спросил у Натальи Леонидовны, от кого у нее «такой» генный код — от матери или от отца? Она улыбнулась и указала на отца: «От него...»

Как и всякий большой художник, Л.М. Леонов — явление сложное. Не говоря о творчестве, его психофизическая структура, как мне кажется, очень близка Гоголю и Достоевскому.

Сегодня в газетах объявлены десять народных депутатов от СП СССР. Л.М. Леонова среди них нет, так как он еще загодя, до пленума СП СССР, послал письмо с просьбой снять его кандидатуру.

24 марта

Л.М. Леонов попросил освежить в его памяти ряд событий второй книги библейского «Пятикнижия» — «Исход». Взяв в руки Библию, я начал пересказ событий с «неопалимой купины», вспыхнувшей перед Моисеем на горе Хорив: «...воз-

звал к нему Бог из среды куста...» (Исход, гл. 3, ст. 4). Десять казней египетских Леонов попросил пропустить и подробней остановиться на сорокалетнем странствовании евреев в пустыне по слову Божию. Особое внимание он обратил на то, как небесное облако стало во главе еврейского народа и вошло к ним днем и ночью: днем это был столб черного дыма, ночью — столб огня. «Когда же Моисей входил в скинию, тогда спускался столп облачный и становился у входа в скинию, и Господь говорил с Моисеем. И видел весь народ столп облачный, стоявший у входа в скинию; и вставал весь народ, и поклонялся каждый у входа в шатер свой. И говорил Господь с Моисеем лицом к лицу, как бы говорил кто с другом своим» (Исход, гл. 33, ст. 9—11).

— Так это же тот самый «столп облачный», который недавно видел народ в Петрозаводске и о котором шла речь по радио и телевидению! — не вытерпел я.

Как я понял из замечания Леонова, именно в связи с этим ему и понадобилось «освежить» события «Исхода», чтобы связать их с «Мирозданием по Дымкову»!

28 марта

«Поразительно, в то время когда уже было начали думать люди, — писал Гоголь, — что образованием выгнали злобу мира, злоба другой дорогой, с другого конца входит в мир, — дорогой ума...»

Через полтора года, в конце XX века, Леонид Леонов (могу засвидетельствовать это под клятвой) постоянно обращается к пророчеству Гоголя, сказавшего, что «ум идет вперед, когда идут вперед все нравственные силы в человеке, и стоит без движения и даже идет назад, когда не возвышаются нравственные силы».

«Лучше ли мы других народов?.. Никого мы не лучше», — писал Гоголь; Леонов в своем творчестве утверждает, что мы хуже других — нам и неслыханное наказание за это. А вот какими мы выйдем из горнила XX века (если выйдем) и как наш горький опыт будет усвоен и пойдет ли на пользу человечеству — это уж не от писателей зависит. Другое дело, что каждый из них в ответе за данный ему дар слова, ибо слово — «подарок Бога человеку».

29 марта

У Леонова сохранился эскиз картины, сделанный по его детскому сну. В детстве, как рассказал Леонид Максимович, он был очень набожным, старался не пропускать ни одного дня, чтобы встать в 12 часов ночи и помолиться, прочитать

«Полуночицу». И вот однажды, когда ему было лет десять, приснился сон, который запомнился на всю жизнь.

...Ему снится, что он на бугре, внизу зеленый луг. Он быстро бежит с бугра вниз на широкое зеленое раздолье залитого солнцем луга и вдруг видит над собой летящего Ангела...

Второй сон, который сегодня рассказал Леонид Максимович, приснился ему 16 марта 1942 года. Будто бы он едет в Москве по Брюсовскому переулку на машине с каким-то полковником. При выезде на улицу Горького Леонов вышел из машины, и она исчезла. Вдруг он видит, как на горизонте за домами летят из противоположных сторон, сшибаясь друг с другом, тачанки, и они падают вниз. Леонов посмотрел налево и остолбенел. От Моссовета по улице Горького скачет, цокая копытами, огромный, в два этажа, огненный конь, с которого ключьями спадает огненная пена. Конь, дико взирая, промчался мимо изумленного Леонова, повернул в Камергерский переулок и исчез. Проснулся Леонов в страшном возбуждении...

Я попросил Л.М. «расшифровать» его вещий сон, но он не стал этого делать. Впрочем, мне и так все было ясно. В ту пору Л.М. напряженно работал, заканчивая «Нашествие». А конь повернул не куда-нибудь, а в Камергерский переулок... к МХАТу.

Спустя четыре года, в 1946 году, Леонов, будучи в Софии, неожиданно на улице в каком-то магазинчике увидел фарфорового коня в совершенно той же позе, какого он видел во сне. Леонов купил этого коня, и он стоит у него по сей день в шкафу, рядом с его кроватью. Подойдя к шкафу, Л.М. достал фарфорового коня и дал его мне посмотреть. Затем он достал стоявшую на полке, за конем, маленькую ростовую фигурку старичка-монаха, которого он сам вырезал из можжевельника.

— Примерно такая же деревянная скульптура, — сказал Леонов, — есть у Горького...

Из последних газетных публикаций внимание Л.М. Леонова привлекла статья «Летающая Лела» (Комсомольская правда. 1989, 25 марта), в которой рассказывается о 12-летней девочке. «Лет с четырех, — рассказывают родители Лелы, — она стала летать в космос. В основном на Луну. Ее тело находится как бы в состоянии глубокого сна, а разум витает там, во Вселенной».

По рассказам Лелы, на Луне обитают маленькие зеленые человечки и души умерших духовных сановников. Души простых смертных на Луну не пускают — они на первом своем этапе поселяются на планете №7, которая является невидимым эхом Земли и ходит восьмеркой между Землей и Луной...

Я сказал Леонову, что верю сказанному Лелой. Если у человека есть тело и душа, то почему не может быть души у тела Земли? Леонов не стал возражать, но когда я предположил, что «маленькие человечки» (которых американцы уже во множестве «насобирали» на местах катастроф) являются биороботами, то Леонов воспротивился такому предположению. Он считает «маленьких человечков» разновидностью инопланетян. Из замечаний Леонова я понял, что он в своем романе уже «обыграл» возможные варианты всех тех наблюдений, которые сделала девочка Лела. Остается только предположить, что и сам Л. М. Леонов, не говоря никому ни слова, давно уже побывал там, куда пускают лишь избранных.

Прощаясь, я спросил, скоро ли Л. М. отдаст в журнал следующую часть романа.

— Не раньше, чем через полгода, — ответил Леонов: работается ему очень тяжело.

— А может быть, это и хорошо, что роман не будет закончен, засушен, — сказал Леонид Максимович. И добавил: — Пусть это будет эскиз романа.

3 апреля

Ездил в г. Хотьково, что рядом с Загорском, был в доме писателя Савелия Родионовича Леонова (1904—1988) — автора романов «Антрацит», «Молодость», «Познай ближнего». Причиной смерти писателя, как об этом рассказала его дочь Людмила Савельевна, послужило то, что С. Р. Леонов получил из издательства категорический отказ напечатать избранные сочинения. Сама форма отказа была смертельной — писателю дали понять, что он пережил свои сочинения.

Дочь писателя попросила меня написать статью в загорскую газету «Вперед» в связи с годовщиной смерти С. Р. Леонова. Я согласился, и она показала мне письма к отцу читателей, друзей, писателей. Вот что написал в 1944 году Михаил Зощенко в своем отзыве (для журнала «Звезда») о романе «Молодость»: «Автор, несомненно, весьма талантливый писатель. Некоторые страницы романа (в особенности деревенские сцены) выписаны великолепно. Многие — отлично и хорошо. Язык в общем счете — свежий, свой». Не многие могут похвастать таким отзывом, да еще от Зощенко.

Меня, естественно, интересовали отношения писателей-однофамильцев — Л. М. Леонова и С. Р. Леонова. Из просмотра переписки и рассказа дочери С. Р. Леонова я понял, что писатели-однофамильцы вряд ли были знакомы.

4 апреля

Во время прогулки мы прошли с Л.М. по улице Воровского мимо Правления Союза писателей. Из ворот усадьбы навстречу нам вышла группа молодых литераторов и, громко разговаривая, смеясь, стала рассаживаться в две легковые автомашины, чтобы ехать на какую-то встречу с читателями. Тротуар в этом месте узкий, и мы с Л.М. остановились, чтобы дать возможность «племени младому, незнакомому» усестся в машины и уехать. На улице было холодно, поэтому Л.М. был в шапке. Воротник его пальто был поднят, и его, конечно, никто из писателей сразу не узнал. Но когда машина тронулась, все обернулись и стали разглядывать старика Леонова.

Леонид Максимович говорил о каком-то пятидесятишестилетнем литераторе, который, придя к нему, рассказывал о своем творчестве, пытаясь убедить, что у него все еще впереди. Я не знаю, что ответил ему Леонов. Лене он по этому поводу сказал, что понял себя — одна из главных задач в жизни. Человек берется за литературу, а его призвание, быть может, — шорное ремесло или еще какое-либо полезное, нужное дело, благодаря которому можно зарабатывать хорошие деньги и, главное, жить в мире с собой и даже быть счастливым. Многие берутся за литературу только потому, что это доставляет им удовольствие, и мало кто догадывается, что он должен быть готов к каторжному труду. Для того чтобы проверить себя, Леонов предложил простейший тест. Надо взять книгу любимого автора, допустим, Мопассана. Прочитать один абзац, через три минуты — другой. Потом написать все по памяти и сравнить, что вышло.

Закончил тему Л.М. своей любимой присказкой: дескать, глаз — барин, а рука — работница, и она при пятидесятикратном переписывании постепенно избавится от «балласта» и расставит все слова по своим местам.

После прогулки мы слушали передачу из Лондона. Корреспондент Би-Би-Си беседовал с казахским поэтом Олжасом Сулейменовым, прибывшим в Англию в связи с предстоящим визитом туда М.С. Горбачева. Выступление Сулейменова Леонову не понравилось своей напыщенностью, претенциозностью, нескромным желанием поставить себя рядом с Ч. Валихановым. Прослушав стихи, прочитанные Сулейменовым, Леонов с неприязнью махнул рукой. Л.М. не преминул вспомнить книгу Сулейменова «Аз и я», подведя общую черту: дескать, «противный человек».

Во время ужина Л.М. вспоминал, как Н.С. Хрущев во время своего правления пригласил к себе на дачу в Пицунду

группу литераторов. Из Москвы их доставили на двух специальных самолетах. В группе был и французский писатель Жан Поль Сартр. Во время встречи он говорил, что роман, как форма литературного произведения изжил себя. Леонов не стал вступать в полемику с Сартром. В автобусе, когда они уезжали от Хрущева, Леонов рассказал о своих планах, в том числе обрисовал пару эпизодов. Сартр живо заинтересовался и спросил его, дескать, вы дорожите этими сюжетами? Леонов ответил, что он пишет роман. И работает над ним по сию пору.

Когда я уходил, Л.М. попросил меня отправить заказную бандероль в Ленинград своему давнему читателю С.М. Тулкину, с которым переписывается уже несколько лет. С.М. Тулкин спрашивал разрешения опубликовать письма Леонова в связи с предстоящим его 90-летием, но Л.М. просил не делать этого.

5 апреля

Во время рабочего дня Леонов очень редко приглашает меня к себе. Я, ценя его время, и вовсе стараюсь не звонить ему днем. Сегодняшнее «дневное» приглашение было вызвано желанием посоветоваться по весьма тонкому делу. В последнее время Л.М. чувствует душевный дискомфорт из-за того, что трижды в романе близко «допустил» к себе «рогатого». Я посоветовал снять ненужное напряжение, для чего можно было бы пригласить на беседу по всем религиозным вопросам моих знакомых священнослужителей: игумена Андроника (внука П.А. Флоренского) или отца Алексея Царенкова. Оба они — люди весьма образованные и, что главное, глубоко верующие, истинные подвижники на ниве Христовой. Мы обговорили с Л.М. время встречи (до Пасхи) и весь «протокол», чтобы стороны чувствовали себя раскованно, при полном доверии друг к другу и уважении к внутренней свободе художника.

Леонов попросил меня уточнить транскрипцию буддистского религиозного выражения «ом мани падме хум» и орфографию фразы, сказанной французским королем, поднявшим на приеме женскую подвязку: «Пусть будет стыдно тому, кто дурно об этом подумает».

По просьбе Л.М. я отправил в Новосибирское книжное издательство два экземпляра романа «Вор» для переиздания и договор, подписанный Леоновым с издательством «Современник».

Прощаясь, Л.М. вручил мне царский подарок — альбом «Грановитая палата Московского Кремля». Я попросил его поставить на титульном листе автограф и дату — 5 апреля 1989 г.

10 апреля

За девять месяцев прошлого года, как писали в газетах, из СССР выехало 90 тысяч человек — в основном евреи и армяне. Каждый день у посольства США выстраивается длинная очередь, чтобы получить въездные визы. Когда я рассказал Леонову об этом, он захотел посмотреть на эмигрантов. Мы пошли по улице Воровского к Садовому кольцу и пришли к посольству, когда толпа жаждущих покинуть ненавистные им пределы еще не растаяла.

— Бегут, — то ли укоризненно, то ли жалея беженцев, качая головой, говорил Леонов. — Никто их здесь не держит...

— Однако бегут они не насовсем, — сказал я Леонову. — Когда у них кончатся деньги и не удастся наворовать новых, они захотят вернуться сюда. Потому и «проталкивают» закон о свободном въезде и выезде из СССР. Граждане мира...

Леонов не стал вступать в полемику. По нескольким словам, оброненным им, я понял, что он думает о том, какой расклад сил у нас в Отечестве будет лет через 10—15. В последнее время у Леонова заметно прибавилось пессимизма. Он говорил, что мы были до пошлости наивны, полагая, что Горбачев, не отринув догмы, сможет изменить все к лучшему. Отмечу, что, в отличие от Горбачева, Леонов является сторонником самых жестких мер (вплоть до смертной казни) к тем, кто в наше время заведомо преступает закон, занимаясь государственными преступлениями: взяточничеством, наркоманией, рэкетом и пр.

Серьезную тревогу у Леонова вызвали сообщения о волнениях в Грузии, о призывах к выходу из СССР, об антирусских настроениях.

Заключая тему, Леонов повторил свою известную «формулу», что кроме хозсмекалки государственному деятелю нужно иметь «радар» в голове минимум на четверть века вперед.

Главной темой тихой вечерней беседы в кабинете Л.М. был разговор об астрологии. Надо сказать, что если во всех наших энциклопедиях астрология толкуется как учение о якобы существующей связи между расположением небесных светил и историческими событиями, судьбами людей и народов, то Леонов толкует астрологию (астро — звезда; логия — учение) без всяких «якобы».

Пришла Наталья Леонидовна, взвинченная тем, что у нее возникли трудности в связи с оформлением отъезда к Ванге в Болгарию. Когда она ушла, сбросив груз лишних эмоций, расстроенный Леонов грустно заметил:

— Нервно мы живем...

Я спросил у Леонова, кого из потерпевших поражение кандидатов в народные депутаты СССР он выделил бы как человека государственного, особо нужного нынче в высшем органе власти страны. Леонид Максимович твердо высказался в пользу видного эколога М.Я. Лемешева. Этот человек, по мнению Леонова, мог бы стать министром СССР и самым нужным советником при руководителе государства по вопросам не только экологии природы, но и экологии души.

11 апреля

Дмитрий Павлович Зуев всю жизнь писал одну книгу — «Времена года». Это короткие новеллы о лесе, о грозах, о холодных лесных ручьях, о зверях, птицах и рыбах. Леонид Леонов назвал эту книгу в своем предисловии к ней (1956) «окном, распахнутым прямо в чашу подмосковного леса».

15 апреля

Вчера вечером звонил Л.М. Леонов, но я еще не приехал из Загорска, где проходила кампания выдвижения по второму туру кандидатов в народные депутаты СССР. Загорчане выдвинули 26 кандидатов, в том числе внука о. Павла Флоренского — доктора геолого-минералогических наук Павла Васильевича Флоренского. Сегодня я позвонил Л.М. Леонову, и он порадовался, что среди кандидатов — внук о. Павла Флоренского. Л.М. с верой говорил об интеллектуальном и нравственном потенциале России.

Из последних газетных новостей Леонова больше всего поразила публикация в «Московских новостях» о нахождении в болоте под Свердловском останков расстрелянного в 1918 году царя Николая II и членов его семьи. Черепа убитых были проломлены прикладами винтовок. Зверствовали...

Я спросил Леонова, как идет работа по подготовке к дальнейшей публикации в журнале «Москва» романа «Мироздание по Дымкову». Л.М. ответил, что в день он успевает сделать всего несколько предложений, так как читать не может и все правит на слух. Поэтому в романе придется сделать пометки в тех местах, где текст «сырой» и он не успел его доработать.

Очень беспокоит Л.М. то, что многие журналы и газеты собираются печатать статьи в связи с его 90-летием.

— К чему это все? — говорил Леонов. — Как бы я хотел, чтобы было все предельно скромно. А то еще придумают награждать...

Мне же вспомнились слова старца Амвросия Оптинского: «Немало я принял незаслуженной славы на своем веку. А

кто пользовался славой на земле, тот должен пострадать за это или в здешней временной жизни, или в будущей вечной. Лучше же пострадать временно в здешней жизни, нежели вечно в будущей».

Л.М. Леонов на протяжении всего нашего долгого знакомства, а в последние годы особенно строго соблюдает то, что Владимир Соловьев называл «постом духовным», то есть воздержание от самолюбивых и властолюбивых действий, отказ от власти и славы. «Каждый раз, — писал Владимир Соловьев, — когда приходится без пользы для ближних заявлять о себе, показывать свое превосходство и силу — воздерживайся от этого: не давай пищи своему самолюбию» 1.

16 апреля

Холодный термоядерный синтез, открытый американскими учеными, Леонов относит к числу самых главных событий нашего времени. С ним Л.М. связывает дальнейшее развитие мировой энергетики. «Токамак», по мнению Л.М., — система бесперспективная и экологически опасная.

Когда мы пришли с прогулки и принесли с собой газету «Известия», Леонов попросил меня прочесть ему новости. Особо он выделил сообщение о том, что Румыния — первое в мире государство, которое рассчиталось со всеми иностранными кредиторами.

Л.М. показал мне присланный ему из Чехословакии авторский экземпляр романа «Русский лес» (ЧССР, 1988. Тираж 4400 экз.). Заговорили о работе над романом. Леонов рассказывал о своих поездках в Монзенский леспромхоз Вологодской области (г. Сереев, 100 км от Вологды), о совместной поездке с бывшим заместителем министра лесной промышленности Евгением Михайловичем Лопуховым под Можайск, где в свое время работал выдающийся русский лесовод Штюрмер. Леонов говорил о необходимости возрождения штюрмеровского лесопользования, когда вырубается лишь 1/100 часть лесного массива и на научной основе ведутся новые лесопосадки. Нынешнее хищническое, бездушное лесопользование вызывает у Леонова такую ярость, которую ему трудно унять даже в его «смирные годы».

От темы леса мы как-то незаметно перешли к нынешней перестройке. Я спросил Леонова, о чем бы он хотел сказать, если бы его избрали народным депутатом СССР. То ли накатила прошедшая волна выступлений в Эстонии, Латвии, Литве, Молдавии, Грузии с требованием разрешения выхода из СССР, то ли у Леонова давно зрела эта мысль: он, как давно решенное, сказал, что хотел бы поставить один вопрос — о добро-

вольном выходе из СССР тех республик, которые этого жаждут. Все, что могла Россия сделать для других народов, она сделала. Теперь россиянам надо думать о том, как возродить свое Отечество. Руки у россиян будут развязаны только тогда, когда Россия освободится от тех, кому с ней не по пути. В числе главных мер Леонов назвал возрождение соборности русского народа, возобновление богослужения в Успенском соборе Московского Кремля — кафедральном соборе всея Руси.

Вчера Наталья Леонидовна с дочерью Татьяной уехала по заданию Леонова в Болгарию на свидание с прорицательницей Вангой. Леонов скучает и переживает за своих, чтобы они благополучно добрались до места. Л.М. вспомнил свою молодость, 1921 год, когда в мае месяце он вернулся с фронта и жил у своего двоюродного дяди А. Петрова. И вот теперь, 68 лет спустя, Леонов зримо обрисовал себя — молодого, беззаботного, полного сил и творческой энергии.

— А теперь сию и думаю о дочке, о внучке... — говорил Леонид Максимович.

Я сказал, что собираюсь поехать по маршруту, каким Л.М. ездил на Кавказ в 1928 и 1934 годах: Военно-Грузинская дорога — Тбилиси — Алазанская долина. Время сейчас тревожное... Леонов сказал, что во время событий в Тбилиси 9 апреля с. г. погибла внучка его друга Тициана Табидзе.

Не так давно культпросветчик А.А. Докучаев из Кировской области прислал Л.М. Леонову свою пьесу «Бурыга» (по мотивам рассказа Л.М. Леонова). Л.М. продиктовал мне письмо Докучаеву и просил отправить его вместе с текстом пьесы, прочитать которую он не смог из-за болезни глаз.

17 апреля

Л.М. Леонов в событиях XX века зорко просматривает «последствия»... космобиоритмики, чем в свое время занимались ученые В.И. Вернадский и А.Л. Чижевский. Из всех творений духовной литературы наиболее ощутима «пульсация» космобиоритмики в Библии, которая является настольной книгой Л.М. Леонова. Но читает ее Леонов по-своему, не так, как это делали в давние времена Данте и Шекспир, и в совсем недавние, но такие далекие годы — Толстой и Достоевский.

Продолжение следует